This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Sipovskiĭ

ПУШКИНСКАЯ

ЮБИЛЕЙНАЯ ЛИТЕРАТУРА

(1899—1900 гг.)

(Критико-библіографическій обзоръ)

Во продажу поступаетъ 150 экз.

... съ славнаго чела уже снятъ „терновый" вѣнокъ, „увитый лаврами".— Взамѣнъ его возложенъ другой вѣнецъ, вѣнецъ, сверкающій сіяніемъ золота... Правда, не всѣ листья, попавшіе сюда, высокой пробы, - нѣкоторые, даже несомнѣнно, „золота латуннаго", но почти всѣ они сверкаютъ яркимъ свѣтомъ, всѣ окружаютъ лучезарнымъ ореоломъ дорогой намъ ликъ...

СОСТАВИЛЪ

В. В. СИПОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія „В. С. Балашевъ и К°". Фонтанка 95

1901

Z 6718
.S62

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, за октябрь 1901 г.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Работа моя представляетъ изъ себя исполненіе заказа, полученнаго отъ редакціи „*Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*“, пожелавшей дать своимъ читателямъ, „по возможности полный критико-библіографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899—1900 г.“. Къ сожалѣнію, ограниченность мѣста, отведеннаго журналомъ на мою работу, заставила меня постоянно сокращать ее. Возможно, что сокращенія эти послужили иногда къ ея пользѣ, но мѣстами, несомнѣнно, сообщили ей характеръ работы отрывочной и спѣшной (главы VI—X въ мое отсутствіе сокращались редакціей самостоятельно). Какъ на печальные результаты такихъ сокращеній укажу на отзывы о статьяхъ Розанова (стр. 186), Тычинина (стр. 179), Сперанскаго (стр. 224). Поэтому я не могу смотрѣть на свой трудъ, какъ на удачное выполненіе моихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь выпустить въ свѣтъ эти оттиски моихъ статей, льстя себя надеждой, что, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, онѣ сослужатъ нѣкоторую службу русской публикѣ.

Желая дать понятіе о лучшихъ работахъ юбилейной литературы,—я больше всего останавливался на нихъ: цитовалъ ихъ, пересказывалъ особенно подробно; останавливался я и на худшихъ работахъ, отмѣчая ихъ недостатки,—и бѣгло отозвался о работахъ средняго достоинства. Въ мой обзоръ не вошли статьи изъ газетъ и еженедѣльныхъ изданій (готовится обзоръ этихъ статей В. В. Каллашемъ).

Въ заключеніе, считаю своимъ долгомъ принести благодарность уважаемому В. В. Каллашу, который, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ главъ моей работы, сообщалъ мнѣ по ихъ поводу свои замѣчанія,—нѣкоторыми удалось воспользоваться.

В. В. Сиповскій.

Оглавленіе.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Стран.

ГЛАВА I.

Чествованіе столѣтняго юбилея со дня рожданія А. С. Пушкина . . . . . 1— 34

ГЛАВА II.

Матеріалы . . . . . 35— 57

ГЛАВА III.

Общіе очерки жизни и дѣятельности А. С. Пушкина . . . . . 57— 86

ГЛАВА IV.

Біографическіе очерки частнаго характера . . . . . 86—112

ГЛАВА V.

Характеристики Пушкина . . . . . 112—154

ГЛАВА VI.

Историко-литературная оцѣнка дѣятельности Пушкина . . . 154—197

ГЛАВА VII.

Пушкинъ и иностранная литература . . . . . 197—205

ГЛАВА VIII.

Пушкинъ и русская литература . . . . . 206—216

ГЛАВА IX.

Пушкинъ-народный, національный поэтъ . . . . . 216—225

стран.

ГЛАВА X.

Воспитательное значеніе Пушкина . . . . . 225—239

ГЛАВА XI.

Къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній . . . . . 239—258

ГЛАВА XII.

Библіографія пушкинской юбилейной литературы . . . . . 258—271

ДОБАВЛЕНІЯ 272

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ 272

ГЛАВА I.

Чествованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина [1]).

Послѣдніе годы XIX-го столѣтія въ исторіи русской литературы, несомнѣнно, должны быть отнесены къ эпохамъ переходнымъ. Это—смутное время исканій новыхъ путей въ искусствѣ, печальная пора, не отмѣченная пока ни однимъ еще именемъ, подъ знамя котораго могла бы собраться современная и будущая русская литература. Старое, повидимому, отжило,—новаго свѣтлаго пока не видно. Истекшій вѣкъ оставилъ насъ на развалинахъ того величественнаго храма, со-

---

[1]) Цѣль нашей работы—дать, по возможности, полный обзоръ всего того, что было напечатано о Пушкинѣ въ юбилейномъ 1899 и 1900 годахъ. Въ предѣлы нашего обозрѣнія не вошли лишь газетныя статьи (за небольшими исключеніями),—вся же остальная литература, поскольку она была намъ доступна, будетъ исчерпана въ нѣсколькихъ главахъ: 1) „Чествованіе 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина", 2) „Матеріалы въ юбилейной литературѣ", 3) „Біографіи и біографическіе очерки", 4) „Характеристики Пушкина", 5) „Историко-литературная оцѣнка Пушкина въ 1899 — 1900 гг.", 6) „Изъ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній", 7) „Изданія пушкинскихъ сочиненій и библіографія юбилейной литературы". При составленіи этого очерка пользовались мы, главнымъ образомъ, богатой коллекціей пушкинскихъ юбилейныхъ изданій (1899—1900 гг.) Императорской Публичной Библіотеки („Пушкинскій шкафъ", 18 зала, № 164), за что приносимъ глубочайшую благодарность г. завѣдующему русскимъ отдѣленіемъ Императорской Публичной Библіотеки В. П. Ламбину; пользовались также коллекціями Л. Н. Майкова, А. Н. Пыпина, В. И. Саитова, Ѳ. А. Витберга и Пушкинскаго Спб. Музея. Кромѣ того, при подборѣ матеріала руководствовались мы библіографическими статьями гг.—*W.*: „Итоги пушкинской юбилейной литературы" („*Русская Мысль*", 1900, №№ 8—10), *А. М. Лободы*: „Очеркъ Пуш-

зиданіе котораго началъ Пушкинъ, а докончили его великіе ученики, занявшіе почетныя мѣста въ пантеонѣ міровой поэзіи. Въ этомъ храмѣ въ теченіе прошлаго вѣка литературные боги молились „*всечеловѣку*“, озаренному свѣтомъ гуманности и красоты,—теперь, на зарѣ новаго столѣтія мы слышимъ гимны „*сверхчеловѣку*“, слышимъ холодную проповѣдь эгоизма и самообожанія, требованія въ искусствѣ полной индивидуализаціи. Оттого современные литераторы всѣ стоятъ какъ-то особнякомъ, нѣтъ сильныхъ вождей, нѣтъ ясныхъ направленій,—каждый бредетъ въ свою сторону, у каждаго свое смутное profession de foi [1]), которое не спасаетъ талантовъ и талантиковъ отъ поразительно быстраго мельчанія и выдыханія. Отъ Льва Толстаго до декадентовъ—большое разстояніе,—однако на всемъ этомъ протяженіи мы не увидимъ ни одной опредѣленной группы, съ здоровыми задатками и яснымъ будущимъ.

И при такомъ угнетенномъ настроеніи русской литературы, пришлось намъ праздновать столѣтній юбилей Пушкина! Понятно поэтому, онъ долженъ былъ получить своеобразную окраску, сравнительно съ той, какой отмѣченъ былъ пушкинскій праздникъ 1880-го года. Тогда было время кипучей литературной жизни. Передъ нами—рядъ великихъ вождей, рядъ литературныхъ группъ съ опредѣленными знаменами,—и праздникъ 1880 года оказался „*литераторскимъ*“, такъ какъ главную роль играли на немъ писатели: [2]) великаго учителя поминали его уже сѣдые ученики, правда, далеко разошедшіеся въ разныя стороны, но дружно собравшіеся на праздникъ къ подножью его памятника!

кинской литературы“, *Д. Щеголева*: „Критико-библіографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899 г.“ („Пушкинскій сборникъ Московскаго университета“), *Е. Еленина*: „Юбилейная литература о Пушкинѣ“ („*Историческій Вѣстникъ*“, 1899, №№ 7 — 8), *А. П.*: „Пушкинская литература“ („*Вѣстникъ Европы*“, 1899, № 7), *Н. Кульмана*: „Указатель пушкинской юбилейной литературы“ („Пушкинскій сборникъ“ петербургскихъ беллетристовъ). Кромѣ того, Въ „*Р. Фил. Вѣстн.*“ (№ 1 — 4) печатается работа *Н. Державина*: „А. С. Пушкинъ и юбилейная литература“ (библіографическая справка).

[1]) Наиболѣе сплочена группа „декадентовъ“, да и то, едва-ли, между ними есть согласіе относительно пониманія искусства, его цѣлей, задачъ, содержанія и пріемовъ.

[2]) „Много прекрасныхъ рѣчей было произнесено въ тѣ торжественные дни... Но *научная* рѣчь, сжато и сильно подводившая итоги всему, что до тѣхъ поръ было сдѣлано по изученію Пушкина, была одна—профессора московскаго университета Тихонравова“ (*А. И. Кирпичникова*, „Пушкинъ и московскій университетъ“, „*Русскія Вѣдомости*“, 1899, № 145).

Юбилей 1899 года представилъ совсѣмъ другую картину. Начать съ того, что идейныя теченія „вожаковъ“ русской общественной мысли значительно усложнились: г. Минскій, при помощи Вл. Соловьева („Идея сверхчеловѣка“), насчиталъ такихъ теченій *шесть* (вмѣсто прежнихъ *трехъ*): экономическій матеріализмъ, отвлеченный морализмъ, демонизмъ сверхчеловѣка и три старыхъ—радикальное народничество, просвѣщенный либерализмъ и всѣмъ имъ враждебный консерватизмъ [1]). Естественный выводъ изъ такого положенія, что единодушія въ настроеніяхъ и интересахъ нашего „передового“ общества стало меньше, а потому и отношеніе къ національному празднику будетъ болѣе пестрымъ, менѣе опредѣленнымъ, слѣдовательно, менѣе горячимъ. И, дѣйствительно, на праздникѣ 1899 года почти нѣтъ ни литераторовъ, ни публицистовъ,—за то на первое мѣсто выступаютъ *историки*: академики, профессора, учителя. Въ разныхъ углахъ Россіи говорятъ они о Пушкинѣ, толкуютъ его произведенія, величаютъ его заслуги... Не говоритъ ли это обстоятельство о томъ, что Пушкинъ потерялъ органическую связь съ теперешнимъ поколѣніемъ литераторовъ, что теперь онъ принадлежитъ *вѣкамъ*, а не *эпохѣ*, что онъ—достояніе *исторіи*, а потому и говорить о немъ, судить его — дѣло исторіи... Вотъ почему мы съ полнымъ правомъ назовемъ праздникъ 1899 года „*академическимъ*“ [2]).

Великій поэтъ, не погасая въ памяти народной, отдаляется отъ насъ на то разстояніе, съ котораго всѣ смотрятъ теперь на Шекспира, Гете и другихъ міровыхъ геніевъ. На такой высотѣ, на такомъ разстояніи величавый образъ теряетъ случайныя, мелкія черты, свои и наносныя,—на немъ выдѣляется рельефнѣе все типичное, характерное. Но прежде, чѣмъ приблизиться къ болѣе вѣрному историческому пониманію его, мы должны еще очень многое объяснить себѣ, провѣрить все, что было сказано раньше, пополнить наши знанія рядомъ подготовительныхъ академическихъ работъ.

---

[1]) *Н. Минскій*, „Завѣты Пушкина“, „*Міръ Искусства*“, 1899, № 13—14, стр. 21.

[2]) Г. *А. П.* называетъ праздникъ 1880 года „литературнымъ“, говоря же о нашемъ торжествѣ 1899 года, соглашается съ однимъ ораторомъ, назвавшимъ его праздникомъ „педагогическимъ“. („*Вѣстникъ Европы*“, 1899, № 7, 416, *А. П.*, „Пушкинская литература“). Едва-ли это точно. Педагоги съ своими рѣчами, часто умными и содержательными, теплыми и искренними, сыграли въ 1899 г. роль огромнаго, довольно хорошо спѣвшагося хора,—солистами же, давшими характеръ празднику, выступили не они, а изслѣдователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать отъ души нашъ *„академическій“* юбилей 1899 года,—онъ далъ намъ рядъ доказательствъ того, что начинается серьезное изученіе Пушкина „ради Пушкина“. На нашемъ праздникѣ начался пересмотръ установившихся мнѣній, „общихъ мѣстъ“, провѣрка авторитетовъ... Ниже мы услышимъ не разъ сомнѣнія въ правильности точекъ зрѣнія Достоевскаго, Бѣлинскаго, тѣхъ краеугольныхъ камней, на которыхъ до сихъ поръ зиждется пониманіе нашего великаго поэта. Недавній авторитетъ, „рыцарь минуты“,—Писаревъ не далъ ни одного представителя на нашемъ праздникѣ.

Особенность геніальнаго писателя—это даръ такъ глубоко захватывать жизнь человѣчества, что цѣлые вѣка потомъ трудятся надъ толкованіемъ его произведенія, каждая эпоха находитъ въ немъ новыя стороны, указываетъ новое содержаніе, освѣщаетъ его съ новой стороны. Вотъ почему произведеніе генія — это историческое явленіе, вѣчно живое, подлежащее суду исторіи независимо отъ личности его творца. Разнымъ судомъ приходится иногда судить человѣка и его дѣло, такъ какъ часто даже великій историческій дѣятель слишкомъ узко, односторонне смотритъ на свою работу, творитъ ее порою почти безсознательно,—пройдутъ вѣка и дадутъ оцѣнку, которой, можетъ быть, и не ожидалъ самъ писатель...

Ты Моцартъ - богъ! *и самъ того не знаешь*!

—сказалъ пушкинскій Сальери Моцарту, и намъ кажется, что многіе геніальные люди, *сами того не зная*, надѣленные какою-то таинственною „божественною“ силой, выхватывали такія страницы изъ исторіи человѣческой жизни, которыя впослѣдствіи наполняли благоговѣйнымъ ужасомъ сердца критиковъ, умѣвшихъ „музыку разъять, какъ трупъ“, „повѣрить алгеброй гармонію“... Геній всегда принадлежитъ своей эпохѣ и націи, но его безсмертныя творенія принадлежатъ всему міру и вѣкамъ... Иногда независимо отъ себя, онъ въ своихъ твореніяхъ рѣшаетъ тѣ высокія проблемы человѣческаго бытія, которыя общи всѣмъ народамъ и эпохамъ. Скромна была задача Сервантеса, когда онъ творилъ Донъ-Кихота, однако онъ, „самъ того не зная“, нарисовалъ міровой и вѣковой типъ. Нѣкоторые современные нѣмецкіе критики отрицаютъ въ „Фаустѣ“ всякую „надуманность“, всякое желаніе высказать устами героя философскія идеи,—это только драматизированная легенда, которая въ рукахъ генія сдѣлалась вѣчнымъ и міровымъ созданіемъ. Иногда случайность создавала великія тво-

ренія, только никогда эти великія „случайныя“ творенія не выходили изъ рукъ ничтожныхъ писателей.

Вотъ почему дѣятельность геніальнаго писателя можетъ обсуждаться вѣками.—забудется его жизнь, померкнетъ его образъ (напримѣръ, греческіе трагики, даже для многихъ—Шекспиръ, Сервантесъ...). его твореніе оторвется отъ него и сдѣлается достояніемъ міровой цивилизаціи, высоко возвысившись надъ живой, измѣнчивой волной той текущей литературы, которая отвѣчаетъ запросамъ минуты...

„Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, не останавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но *продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества.* Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе и, какъ бы ни вѣрно, поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...“ [1]).

Эти слова Бѣлинскаго замѣчательно вѣрно характеризуютъ всеобъемлющую, широкую и глубокую дѣятельность всякаго геніальнаго писателя, Пушкина въ частности, — они прекрасно оправдываются теперь, когда намъ, на столѣтнемъ праздникѣ поэта, приходится переворачивать вороха тѣхъ сужденій, что высказаны были до 1899 г. и послѣ него. Много сказано и вѣрнаго, но много осталось еще сказать, такъ какъ Пушкинъ—„вѣчно живущее, движущееся явленіе“, „продолжающее развиваться въ сознаніи общества“...

Правда, для многихъ Пушкинъ ясенъ вполнѣ и теперь, но рядомъ съ ихъ самоувѣренными рѣчами, отъ нѣкоторыхъ, болѣе чуткихъ, критиковъ мы слышимъ, что для нихъ Пушкинъ еще непонятенъ.

Лермонтовъ, Гоголь, Некрасовъ,—все это вполнѣ опредѣленныя физіономіи, съ именемъ же Пушкина у большинства связывается „представленіе чего-то большого, но довольно смутнаго и неопредѣленнаго“ [2]). „О Пушкинѣ писано и переписано, и замѣчательно, что вы въ этихъ по истинѣ безчисленныхъ статьяхъ почти не найдете двухъ одинаковыхъ мнѣній, и разнообразіе ихъ прямо одуряющее; чувствуешь, что какъ будто очутился среди несыгравшагося оркестра со всевозможнѣйшими инструментами и артистами, начиная отъ первоклассныхъ и кончая совсѣмъ „малыми и нисколько не безсмертными“. Это съ любой точки зрѣнія характерно, такъ какъ указываетъ и на

[1]) *Бѣлинскій*, Соч., VI, 58.

[2]) *П. Ф. Гриневичъ*, „А. С. Пушкинъ“, „*Сборн. Русск. Бог.*“, 1899 г., 2 стр. („Пушкинъ въ сознаніи русской литературы“).

трудность задачи, и на сложность натуры Пушкина, и на разнообразіе мыслей и настроеній, въ его книгахъ иногда поразительное. Онъ возбуждалъ къ себѣ любовь, доходившую до преклоненія, онъ возбуждалъ и презрѣніе, и ненависть; полубогъ, пророкъ, провозвѣстникъ—для однихъ, онъ оказывался пустымъ, хотя и ловкимъ стихоплетомъ для другихъ; вызывая къ себѣ огромное вниманіе со стороны почти всѣхъ выдающихся людей пережитыхъ нами эпохъ, онъ накопилъ на своей характеристикѣ слѣды самыхъ различныхъ историческихъ настроеній, порою глубокихъ, порою случайныхъ, и все же знаемъ мы его очень мало, а знаютъ его полностью, во всѣхъ изгибахъ его блестящей и прихотливой натуры лишь всевѣдующіе составители учебниковъ и свадебные генералы нашей литературы“ [1]). „Не только въ области критики, но и въ общественныхъ группахъ настоящее мѣсто Пушкина еще не опредѣлено. Славянофилы и патріоты называютъ его своимъ, ссылаясь на „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородино“, западники же приводятъ его слова: „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи!“... Либералы благоговѣютъ предъ „Одою свободѣ“, „Кинжаломъ“, „Сѣятелемъ“; консерваторы указываютъ на то, что Пушкинъ былъ аристократомъ и въ концѣ жизни приблизился ко двору. Утилитаристы и педагоги привязываются къ его стихамъ: „чувства добрыя я лирой пробуждалъ“, между тѣмъ, какъ исповѣдующіе „искусство для искусства“ декламируютъ обращеніе Пушкина къ толпѣ:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!“ [2]).

„Долго, долго намъ еще предстоитъ углубляться и выяснять великій образъ Пушкина!“ [3]).

„Пройдетъ еще не одинъ десятокъ, а, можетъ быть, и не одна сотня лѣтъ прежде, чѣмъ поймутъ Пушкина во всей его бездонной глубинѣ и во всѣхъ изгибахъ его генія“ [4]).

---

[1]) *Е. А. Соловьевъ*, „А. С. Пушкинъ въ потомствѣ“ („Памяти А. С. Пушкина“, юбил. сборникъ, изд. журн. „Жизнь“, 46).

[2]) *С. А. Андреевскій*, Рѣчь на польскомъ обѣдѣ 23 мая въ честь Пушкина („Русско-Польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“, 50).

[3]) Тамъ же. Ср. слова акад. А. Ѳ. Кони, проф. Н. П. Дашкевича, П. О. Морозова и мн. др.

[4]) *Н. И. Черняевъ*, „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“ („Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, Харьковъ, 1900, стр. 629).

Мы привели эти мнѣнія, какъ цѣнное доказательство той добросовѣстности и серьезности, къ которымъ пришла русская критика нашихъ дней. „Пушкина мы еще не знаемъ, не понимаемъ". Печальный выводъ! И къ нему пришли мы послѣ вѣковаго знакомства съ Пушкинымъ... послѣ юбилея 1880 года, на которомъ никто не говорилъ, что *не знаетъ* Пушкина... Значитъ, теперь мы приступаемъ къ изученію нашего великаго писателя съ требованіями болѣе серьезными. Самое признаніе нашего невѣдѣнія есть первый шагъ къ серьезному изученію безъ предвзятыхъ сужденій, безъ избитыхъ общихъ мѣстъ.

Впрочемъ, работы очень много впереди. Вѣдь мы не выяснили себѣ еще вліянія на русскую литературу XVIII вѣка, того вѣка, который своимъ изящнымъ космополитизмомъ, холодной ясностью раціонализма, своими политическими, философскими и эстетическими настроеніями такъ вліялъ на русское общество и этимъ самымъ создалъ ту атмосферу, которой дышалъ Пушкинъ-ребенокъ, отрокъ, юноша. Мы далеко еще не подвели итоговъ настроеніямъ русскаго общества 20—30-хъ годовъ, мы не изучили еще предшественниковъ Пушкина (напримѣръ, Жуковскаго), современниковъ (напримѣръ, Баратынскаго, Дельвига, Языкова, Бестужева-Марлинскаго и мн. др.)... Друзья и недруги поэта остаются еще въ тѣни, не освѣщенные свѣтомъ исторіи. Чтобы сколько-нибудь приблизиться къ пониманію Пушкина, нужны намъ не общіе очерки біографіи поэта, о которыхъ печалится близорукая критика, а необходимъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ. Необходимо прежде всего *детальное* изученіе пушкинскаго вопроса [1]).

Вотъ почему, замѣтивъ въ юбилейной литературѣ 1899 года ясную

---

[1]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, открывая въ 1898 году въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ курсъ лекцій о Пушкинѣ, курсъ, который *никогда до 1898 года* въ Московскомъ университетѣ не читался, счелъ своимъ долгомъ объяснить трудность, почти невозможность научныхъ лекцій по новой русской литературѣ, совершенно неразработанной: „нѣмецкій профессоръ можетъ читать спеціальный курсъ, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера во время его творчества потому, что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; извѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самые тексты нашихъ классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, а равно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали" *А. И. Кирпичниковъ*, „Объ изученіи пушк. періода русской литературы" („Пушк. Сборн., статьи студ. Имп. М. У-та", 1900, М. стр. 3—4).

тенденцію идти именно этой дорогой, мы назвали нашъ праздникъ „академическимъ“ и нисколько не горевали, что изъ рукъ литераторовъ и публицистовъ Пушкинъ перешелъ въ руки ученыхъ критиковъ и изслѣдователей.

Что далъ намъ 1880 годъ въ смыслѣ обогащенія насъ знаніями о Пушкинѣ?—тощій „Вѣнокъ на памятникъ Пушкину“,—теперь передъ нами начало академическаго изданія поэта, рядъ монографій по разнымъ мелкимъ и крупнымъ вопросамъ. рядъ ученыхъ сборниковъ. рядъ юбилейныхъ №№ журналовъ...

Не входя пока въ подробную оцѣнку отдѣльныхъ работъ, перечислимъ наиболѣе крупныя и интересныя изданія пушкинской литературы 1899 года. Прежде всего, конечно, останавливаетъ наше вниманіе первый томъ академическаго изданія, уже вышедшій вторымъ изданіемъ. Имя покойнаго Л. Н. Майкова—редактора этого изданія говоритъ само за себя. Покойному же академику обязаны мы очень цѣннымъ собраніемъ матеріаловъ и очерковъ о Пушкинѣ (Л. Майковъ. „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки“. С.-Пб. 1899 годъ). Затѣмъ длинной вереницей идутъ сборники университетскіе: „Памяти Пушкина. Научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра“ (Кіевъ, 1899). „Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета“ (С.-Пб. 1900). „Пушкинскій Сборникъ, статьи студентовъ Императорскаго Московскаго университета, подъ редакціею профессора А. И. Кирпичникова“ (Москва, 1900 г.). „Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память А. С. Пушкина“, (1799—1899 гг.). (Харьковъ, 1900). „Пушкинскій Сборникъ, изданный Императорскимъ Юрьевскимъ университетомъ“ (Юрьевъ, 1899). „Пушкинскіе дни въ Одессѣ 26—27 мая 1899 года. Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета“. (Одесса, 1900) [1]). „26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжественномъ собраніи Историко-Филологическаго института князя Безбородка и состоящаго при немъ историко-филологическаго общества“ (Нѣжинъ, 1899). „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899 года“.

---

[1]) Рѣчи профессоровъ Варшавскаго университета составили юбилейный № „*Русскаго Филологическаго Вѣстника*“ (1899, № 3—4).

(Томскъ, 1900 г.). Кромѣ университетскихъ сборниковъ останавливаютъ наше вниманіе: „Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ", изданіе Кіевскаго педагогическаго Общества, „Памяти Пушкина. Торжественное засѣданіе учено-литературнаго общества при Юрьевскомъ университетѣ 23-го мая 1899 г.", сборники журналовъ: „Русское Богатство", (1899 г.), „Жизнь" („Памяти А. С. Пушкина", юбилейный сборникъ С.-Пб. 1899 г.). „Кавказъ", („Кавказская поминка"), „Закаспійское Обозрѣніе" и юбилейные №№—„Русскаго Филологическаго Вѣстника", „Русской Старины", „Историческаго Вѣстника", „Русскаго Вѣстника", „Міра Искусствъ", „Образованія", „Русской Школы", „Журнала для всѣхъ", „Міра Божьяго", „Филологическихъ записокъ" (статьи, впрочемъ, тянутся весь годъ), „Вѣстника Воспитанія", „Кіевской Старины", „Педагогическаго Сборника", „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи", „Странника", „Православнаго Собесѣдника" и др. Изъ отдѣльныхъ монографій, представляющихъ собраніе изслѣдованій и вышедшихъ отдѣльно, останавливаетъ на себѣ вниманіе по размѣрамъ работа Н. И. Черняева: „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ" (Харьковъ, 1900). Откладывая обозрѣніе всего написаннаго объ Пушкинѣ и его произведеніяхъ въ 1899—1900 годахъ, равно какъ и оцѣнку вновь найденныхъ матеріаловъ и новыхъ изданій—на дальнѣйшія главы, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ того общественнаго настроенія, которое вызвано было юбилеемъ 1899 года. И въ этомъ случаѣ можемъ мы смѣло сравнивать 1899 годъ съ 1880-мъ, и опять получимъ выводы, хотя и совершенно различные, но для нашего праздника отнюдь не печальные.

Мы говорили уже выше, что въ наши дни, въ виду пестроты настроеній гг. „вожаковъ" общественной мысли, нельзя было ожидать всенароднаго энтузіазма [1]). Насъ даже пугали, что не будетъ на праздникѣ никакого одушевленія [2]), другіе утверждали, что никто

---

[1]) „... я сомнѣваюсь, чтобы наши дни могли быть сколько-нибудь соотвѣтствующей обстановкой для поэзіи Пушкина. Наши дни—все еще «дни скорби и печали», дни напряженныхъ поисковъ счастья и истины, дни ожесточенной борьбы человѣка съ человѣкомъ, и можетъ ли найти полные отзвуки своему господствующему настроенію Пушкинъ—этотъ *поэтъ свѣтлой жизни*, какъ превосходно назвалъ его Вл. С. Соловьевъ?", *Е. А. Соловьевъ*, „Пушкинъ въ потомствѣ", („*Жизнь*", юбилейный сборникъ, стр. 48).

[2]) „Никакого радостнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ; этому мѣшаетъ все пережитое имъ въ послѣдніе мѣсяцы и пережи-

не услышитъ ни одного искренняго слова, такъ какъ не будетъ тамъ ни одного честнаго человѣка. Все будетъ—одна шумиха, фальшь, ложь... „Читая въ газетахъ, что на улицѣ русской литературы готовится въ память Пушкина небывалый по многолюдству и блеску праздникъ, въ которомъ должна принять участіе вся интеллигенція Россіи, я невольно себя спрашиваю: кто же собственно изъ ея представителей, какое изъ ея шести колѣнъ [1]) по своимъ убѣжденіямъ, симпатіямъ и вкусамъ встрѣтитъ пушкинскій юбилей не съ равнодушіемъ,· какъ случайное календарное празднество, а съ радостью и гордостью, какъ единственный по значительности праздникъ красоты и духовной свободы? Не наши ли радикалы, выросшіе на критикѣ Писарева и на увѣренности, что Пушкинъ—маленькій и миленькій версификаторъ? Не экономическіе ли матеріалисты, убѣжденные въ томъ, что вся-то поэзія не болѣе, какъ пустяшная пристройка, что-то въ родѣ веселаго балкончика, на солидномъ зданіи экономическихъ отношеній? Не просвѣщенные ли либералы, считающіе Пушкина дурнымъ гражданиномъ, въ которомъ большой талантъ парализовался мелкимъ характеромъ? Не консерваторы ли, видящіе въ пушкинскомъ праздникѣ, главнымъ образомъ, противовѣсъ (??) юбилею Мицкевича и чуть ли не одно изъ орудій славянскаго единенія (!)? Наконецъ, не моралисты-ли, не могущіе простить Пушкину ни его грѣховной жизни, ни еще болѣе грѣховной смерти? Кто же, о Господи? Остаются еще символисты“ [2]). И символисты, по мнѣнію автора цитуемой замѣтки, одни оцѣнятъ Пушкина. Но перечисляя „вожаковъ“ русской мысли, этихъ часто крикливыхъ и бездарныхъ самозванцевъ—трибуновъ, г. Минскій забылъ все остальное многотысячное русское трудовое общество, добродушно глядящее на то, какъ передъ нимъ, стоя на высокихъ подмосткахъ, судорожно потрясаютъ своими „знаменами“ одинокіе „вожаки“. Это общество, можетъ быть, инертное болѣе, чѣмъ это должно, живетъ своими традиціями, а въ ихъ ряду свѣтится

ваемое до сихъ поръ. Немыслимо душевное спокойствіе, пока изъ неурожайныхъ губерній приходятъ вѣсти о постоянно усиливающемся народномъ бѣдствіи, пока подлежитъ спору существованіе самого земства и земской школы и мирового суда и т. д. Единодушія нѣтъ ни въ обществѣ, ни въ печати—нѣтъ даже по отношенію къ чествованію памяти Пушкина“ (статья писана до юбилея). (*„Вѣстникъ Европы“*, 1899, № 6).

[1]) См. выше о „шести“ теченіяхъ общественной мысли въ современномъ русскомъ обществѣ.

[2]) *Н. Минскій*, „Завѣты Пушкина“, *„Міръ Искусства“*, 1899, № 13—14. Того же мнѣнія г. Д. Мережковскій въ статьѣ: „Праздникъ Пушкина“ (Тамъ-же).

не погасая великое имя Пушкина... Вѣдь это имя пережило и Булгарина, и Писарева, и епископа Никанора! „Зачѣмъ этотъ праздникъ, всѣ эти жалкія торжества, эти спектакли, гулянья, чтенія и пѣнія, флаги, фейерверки, колокола, пушки,—и что еще тамъ будетъ?— гадливо восклицаетъ г. Ѳ. Сологубъ [1])... „Лишь оскорбительны для великой памяти эти надуманныя поминки, вызванныя не свободнымъ и неудержимымъ подъемомъ общенароднаго духа, а простою календарною справкою литературныхъ гробохранителей“ [2]). Не такъ высокомѣрно отнеслось къ пушкинскому юбилею русское общество,—оно не вняло „вожакамъ шести знаменъ“ и отпраздновало свой праздникъ, какъ умѣло, не только безъ шумихи, но даже, не по заграничному, скромно, безъ всероссійскихъ обѣдовъ и съѣздовъ, тепло, сердечно, а, главное, серьезно и „широко“... „Трудно указать на обширномъ пространствѣ отъ Тихаго океана до Балтійскаго моря и отъ Ледовитаго до границъ Афганистана такой географическій пунктъ, гдѣ бы можно было заподозрить наличность общественной жизни и гдѣ не откликнулись бы на пушкинскій юбилей“ [3]). „Центръ и окраины, столицы и провинція слились въ одномъ стремленіи—достойно отпраздновать великаго всеобъемлющаго дѣятеля, у котораго для всѣхъ нашлось что-то близкое, родное, способное будить и волновать лучшія чувства, и провинція не отстала отъ столицъ, а, пожалуй, и превзошла ихъ кое-въ чемъ“ [4]). „Чествовалъ память поэта цвѣтъ нашей ученой и литературной интеллигенціи, чествовала ее обыкновенная средняя публика, чествовали учащіе и учащіеся всѣхъ слоевъ; даже простой народной массы коснулись эти чествованія“ [5])...

Къ майскимъ торжествамъ готовиться начало русское общество очень старательно и, что особенно удивительно, заблаговременно [6]):

---

[1]) *Ѳ. Сологубъ*, „Къ всероссійскому торжеству“, („*Міръ Искусствъ*“, 1899, № 13—14, 39).

[2]) Тамъ же, 40.

[3]) *Пешехоновъ*, „Неудавшійся праздникъ“, „*Сборникъ Русскаго Богатства*“, 1899, 385.

[4]) *А. М. Лобода*, „Очеркъ Пушкинской юбилейной литературы“, (Кіевъ, 1900, стр. 3).

[5]) Тамъ-же, 4.

[6]) Въ теченіе всего пушкинскаго учебнаго года (1898—1899) въ нѣкоторыхъ университетахъ читались спеціальные курсы и велись практическія работы по Пушкину; въ среднеучебныхъ заведеніяхъ особенно выдвигали впередъ пушкинскіе вопросы. Напр., въ Закавказской учительской семинаріи чествованіе памяти великаго поэта шло весь учебный годъ, выражаясь, съ одной стороны, въ приго-

въ думахъ столичныхъ и провинціальныхъ образованы были спеціальныя комиссіи, въ учебныхъ заведеніяхъ хлопотали педагоги и учащіеся, разныя ученыя учрежденія, литературныя и художественныя общества готовились къ 26-му мая, устраивали литературныя утра, вечера, сочиняли рѣчи, статьи, печатали сборники [1])...

Настали пушкинскіе дни, и почти всѣ учрежденія отъ Императорской Академіи Наукъ до маленькой школки, затерянной въ глуши русской деревни, по своему, отпраздновали юбилей великаго человѣка.

Шумный праздникъ 1880 г. собрался въ Москвѣ у подножія памятника—тамъ „вожаки" говорили рѣчи, обсуждали значеніе Пушкина,— вся же остальная Россія вяло отозвалась на торжество—теперь русское общество, не только *помимо* своихъ „вожаковъ", но даже какъ будто противъ ихъ воли (марксисты, декаденты, Толстой) пошло на свой праздникъ. „Тогда (въ 1880 г.) великаго писателя оцѣнивали и славословили почти исключительно литераторы и ученые, — гласъ общества не выдѣлялся въ этомъ пѣніи могучихъ солистовъ. Общество, въ смыслѣ такъ называемой большой публики, безмолвствовало. Въ настоящее время чествованіе памяти Пушкина носитъ широкій общественный характеръ: не литераторы, и не педагоги только вѣнчаютъ его лаврами; *не по официальному почину пришло общество съ всероссійскимъ покаяніемъ къ памятнику дивнаго генія своей родины*" [2])...— говоритъ одинъ цѣнитель нашего праздника. Приблизительно то же читаемъ въ статьѣ другого цѣнителя пушкинскихъ дней: праздникъ 1880 г. былъ праздникомъ избранныхъ людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ и даже міровыхъ" [3])—теперь—„настоящій годъ несравни-

---

товленіяхъ къ общественному празднованію памяти Пушкина, а съ другой—въ изученіи его твореній. Въ результатѣ, учениками разработано 21 сочиненіе на спеціальныя темы. (*Кумскій*, „Памяти Пушкина", празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ. 1899, стр. 38).

[1]) О приготовленіяхъ къ празднествамъ, конечно, особенно много говорилось въ газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ. Встрѣчалось кое-что объ этомъ и въ журналахъ: „*Русская Мысль*" (1899, № 4), „*Наблюдатель*" (1899, № 3); „*Научное Обозрѣніе*" (1899, № 1), „*Книжки Недѣли*" (1899, № 2, 3); „*Народное Образованіе*" (1899, № 2); „*Русская Школа*" (1899, № 1, 2, 3. 4), „*Странникъ*" (1899, № 5); „*С.-Петербургскій Духовный Вѣстникъ*" (1899, № 6) и др.

[2]) *К. Р. Евграфовъ*. „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина", Пенза, 1899 г.

[3]) *А. Словинскій*, „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія" (Кумскій, „Памяти Пушкина", Сб. Кавк. Окр., 62).

мый: теперь совершается какой-то удивительный походъ всего думающаго и читающаго, походъ всего общества, походъ *по собственной инициативѣ*“ [1]). Для насъ важны эти оцѣнки, сдѣланныя *провинціалами*—онѣ важнѣе для насъ, чѣмъ вопли литераторовъ изъ „литературнаго переулка“ [2]), такъ какъ и г. Евграфову, и г. Словинскому, несомнѣнно, виднѣе то живое теплое общество, которое въ 1899 г. и отозвалось, главнымъ образомъ, на праздникъ. „Только на почвѣ историческаго роста народныхъ идеаловъ, при широкомъ и прочномъ усвоеніи высокихъ помысловъ могло возникнуть переживаемое нами преклоненіе Пушкину“ [3]) — это говоритъ намъ провинція. И когда мы ниже будемъ имѣть случай сравнивать то, что сдѣлала столица съ тѣмъ, что сдѣлала провинція, мы принуждены будемъ согласиться съ А. М. Лободой, подчеркнувшимъ бо́льшее значеніе провинціи въ дѣлѣ празднованія Пушкина. Дѣйствительно, въ противоположность 1880 году, нынче „центра“ праздника нѣтъ — *полная децентрализація*: праздникъ раздался вширь и вглубь, раскинулся по всей Россіи, коснулся всѣхъ ея слоевъ...

Правда, праздникъ 1880 года былъ украшенъ именами людей „необыкновенныхъ, всероссійскихъ, даже міровыхъ“ [4]), аристократовъ мысли и чувства [5]),—нашъ праздникъ болѣе демократиченъ, оттого, можетъ быть, онъ и блѣднѣе. За то исполнилось пророчество поэта: слухъ о немъ, дѣйствительно, прошелъ по всей Руси великой, его „назвалъ всякъ сущій въ ней языкъ“. О немъ говорили не единицы, а сотни, тысячи, десятки тысячъ, — о немъ думали, его поминали сотни тысячъ, милліоны...

Конечно, этой популярности поэта особенно помогъ 1887 годъ, когда сочиненія Пушкина появились въ дешевыхъ изданіяхъ. „Съ этого дня Пушкинъ сталъ народнымъ русскимъ поэтомъ не по названію, и не по духу и направленію своихъ произведеній, а въ буквальномъ значеніи этого слова, по степени своей популярности; по приблизительному, но кажется довольно вѣрному расчету: въ

---

[1]) Тамъ-же, 65.

[2]) Какъ именуетъ г. *Минскій* интимный кружокъ декадентовъ („Міръ Искусствъ“, 1899, № 13, стр. 23).

[3]) *А. Словинскій*, op. cit., 65.

[4]) Тамъ-же, 62.

[5]) Впрочемъ, современная критика отнюдь не восторгается рѣчами 1880 г. См., напримѣръ, статью г. *Гриневича*, („Сб. Русскаго Богатства“, 1899 г. 30—4 стр.), г. *Ив. Иванова*, „Дни покаянія“ („Міръ Божій“, 1899, № 5).

этомъ году и въ два слѣдующіе сочиненія его полностью и частями разошлись въ количествѣ $1^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ, это, если считать по десяти читателей на каждую книжку, даетъ 15 милліоновъ человѣкъ, т. е. больше, чѣмъ всю грамотную Россію“ [1]). Праздникъ 1899 года подвелъ итоги этому знакомству Россіи съ ея поэтомъ,—и итоги получились, на нашъ взглядъ, внушительные. Если принять во вниманіе вообще нашу нелюбовь къ уличнымъ манифестаціямъ, чѣмъ сильна Западная Европа, если мы припомнимъ, что Россія „мало богата“ „благодарностью къ общественнымъ заслугамъ своихъ соотечественниковъ“ [2]), что даже самый отзывчивый элементъ всякаго общества—молодежь, „за рѣдкими исключеніями, не знаетъ и не любитъ своихъ родныхъ поэтовъ“ [3]), если прибавимъ ко всему этому предвзятое и холодное отношеніе къ празднику нѣкоторыхъ публицистовъ, прибавимъ, что вниманіе общества было занято голодомъ, студенческими безпорядками,—время было экзаменаціонное, конецъ учебнаго года,—если все это взвѣсимъ и сообразимъ,—то увидимъ, что нашъ праздникъ не могъ вызвать грандіознаго единодушія и всепотрясающаго энтузіазма. Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ,—это праздникъ удавшійся.

Можетъ ли нынѣшній юбилей быть названъ праздникомъ „всенароднымъ“? Конечно, нѣтъ! Но онъ сильно коснулся народа, онъ, несомнѣнно, пробудилъ живой интересъ къ Пушкину въ средѣ простонародья. Доказательства на лицо. Въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, газетѣ для крестьянъ, по иниціативѣ редактора, открытъ былъ отдѣлъ „писемъ крестьянъ о Пушкинѣ“, — оказалось, въ результатѣ, до *1000* писемъ изъ разныхъ концовъ Россіи!... Между корреспондентами были и противники, но за то (ихъ больше) и страстные поклонники поэта [4]); на страницахъ „Сельскаго Вѣстника“ возникла даже полемика между молодымъ и старымъ поколѣніемъ читателей Пушкина. Гг. Ив. Щегловъ [5]), В. Острогорскій [6]), Е. Опо-

---

[1]) *А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинскій Сборникъ“, 5. Также см. статью г. *Гриневича*, (Сб. „Русскаго Богатства“, 35 стр.).

[2]) *К. Р. Евграфовъ*, „Общ. знач. честв. А. С. Пушкина“, 7.

[3]) *W.*, „Итоги пушкинской литературы“, („*Русская Мысль*“, 1900, № 8, 44).

[4]) *Ив. Щегловъ*, въ статьѣ: „По слѣдамъ пушкинскаго торжества“, („Литературное приложеніе къ Торгово-Промышленной газетѣ“ 1900 г., №№ 19—21) даетъ рядъ выдержекъ изъ этихъ писемъ.

[5]) Тамъ же.

[6]) Альбомъ „Пушкинскій Уголокъ“.

чинивъ [1]), А. И. Фаресовъ [2]), побывавшіе въ селѣ Михайловскомъ и окрестностяхъ, привезли оттуда цѣлый рядъ курьезныхъ мнѣній народа о Пушкинѣ и, наряду съ ними, рядъ поучительныхъ фактовъ: въ народѣ есть любители Пушкина, которые перечитывали по 40 разъ „Бориса Годунова“ [3]), которые вытверживали „цѣльнаго Пушкина на память“ [4])...

Конечно, праздникъ 1899 года долженъ еще сильнѣе упрочить популярность поэта въ средѣ народа: торжество не прошло безслѣдно-хотя бы потому, что оставило за собой рядъ школъ имени поэта, библіотекъ, читаленъ, столовыхъ, стипендій. „Мы далеки отъ мысли, что юбилей оставилъ послѣ себя одинъ „угаръ и чадъ“, несбывшіяся ожиданія и неоправданныя надежды. Какъ впечатлѣніе, онъ не могъ пройти безслѣдно и кое чему научилъ. Нѣкоторые его результаты настолько реальны, что съ ними нельзя не считаться: на лицо громадное количество просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ и памятью великаго поэта“ [5]). „За послѣдніе мѣсяцы, говорятъ „Русскія Вѣдомости“, газеты изо дня въ день сообщали объ учрежденіи въ память столѣтія рожденія Пушкина, „народныхъ домовъ“, общественныхъ читаленъ, школъ разныхъ типовъ, литературныхъ и научныхъ обществъ,

---

[1]) „На родной землѣ“, („Поѣздка въ Михайловское“).

[2]) „А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, („Въ святыхъ горахъ“, „Псковъ“, „Пушкинъ въ народѣ“, „Народъ о пушкинскихъ празднествахъ“).

[3]) *Ив. Щеглов*, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества“, отд. оттискъ, 66 стр.

[4]) Тамъ же 67. *В. Острогорскій*, „Пушкинскій Уголокъ“, 87. Интересенъ „приговоръ мѣстныхъ крестьянъ“, открывшихъ на свои средства богадѣльню и читальню имени Пушкина (102 — 116). По вопросу о степени распространенности Пушкина въ народѣ любопытна работа: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи“, („Труды Яр. Г. Стат. комитета“, вып. X). Для полноты библіографіи назовемъ еще работу г. Фаресова, о которой будемъ ниже говорить подробнѣе, и безцвѣтную статью В. Окороковой: „Пушкинскій праздникъ въ деревнѣ“, („*Вѣстникъ Воспитанія*“, 1899, № 5). Изъ всѣхъ этихъ работъ, конечно, самая цѣнная: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи“, — передъ нами серьезная ученая работа надъ матеріаломъ, собраннымъ народными учителями и учительницами. Городскіе литераторы, конечно, не могли составить себѣ вполнѣ вѣрнаго понятія объ отношеніи народа къ Пушкину, такъ какъ пріѣзжали на ½ часа, забрасывали мужиковъ и бабъ вопросами, „интервьюировали“, ждали, повидимому, отъ нихъ длинныхъ академическихъ рѣчей и уѣзжали недовольные немногословной характеристикой поэта: „Пушкинъ добру училъ“ (В. Окорокова).

[5]) *W.* „Итоги пушкинской юбилейной литературы“ („Р. М.“ 1900, № 8, 45). См. перечень нѣкоторыхъ учрежденій у Фаресова: „Пушкинскія празднества и ихъ итоги“ („А. С. Пушкинъ и чествованіе его памяти“, 17—18).

народныхъ театровъ, и пр. и пр. Сотни просвѣтительныхъ учрежденій останутся памятниками Пушкинскихъ дней 1899 года“ [1]). „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію, при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго“ [2]).

Менѣе такихъ осязательныхъ слѣдовъ осталось въ интеллигентномъ обществѣ, но и тамъ сдѣлано кое-что. Мы знаемъ объ учрежденіи *пяти* обществъ имени Пушкина (въ С.-Петербургѣ,—при Александровскомъ лицеѣ—„Пушкинское лицейское общество“;—2) „Пушкинское драматическое общество“;—3) въ С.-Петербургѣ же преподаватели и преподавательницы русскаго языка и словесности учредили „Пушкинскую бесѣду“; въ Москвѣ при „Обществѣ любителей русской словесности“ учреждена постоянная „Пушкинская комиссія“, главная задача которой тѣсно связана съ изученіемъ Пушкина. Въ Казани, при университетѣ—открыто „Общество любителей россійской словесности въ память А. С. Пушкина“ [3]); учрежденъ при Александровскомъ лицеѣ „Пушкинскій музей“ [4]), по разнымъ городамъ были устроены Пушкинскія выставки [5]), которыя открыли много портретовъ современниковъ Пушкина, портретовъ, раньше неизвѣстныхъ, помогли разыскать нѣсколько рукописей и предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ поэту.

Обратимся ли мы теперь къ выясненію „международнаго“ значенія праздника 1899 года, мы увидимъ, что въ этомъ отношеніи торжество 1880 года совершенно тускнѣетъ передъ нимъ.

---

[1]) Цитата г. *Фаресова*, op. cit. 28.

[2]) *А. П.*, Пушкинская литература, „*Вѣстникъ Европы*“ 1899, № 7.

[3]) Уставъ „Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина“. Казань, 1899; *А. С. Архангельскій*, „О задачахъ научной дѣятельности Пушкинскаго общества въ Казани“. (Казань, 1899).

[4]) *Асмашъ* и *Яхонтовъ*, „Описаніе Пушкинскаго музея Императорскаго Александровскаго лицея“ (подъ редакціей И. А. Шляпкина Спб. 1899).

[5]) Въ С.-Петербургѣ въ Академіи Наукъ („Каталогъ“ и „Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ въ С.-Пб.“, подъ редакціей *Л. Н. Майкова* и *Б. Л. Модзалевскаго*. 1899); въ Москвѣ выставка была устроена въ залахъ Истор. музея „Обществомъ любителей россійской словесности“ (имѣется также „каталогъ“ и „альбомъ“ такого же типа, что и петербургскій). Затѣмъ въ Публичной библіотекѣ имѣются каталоги выставокъ „Одесской“, „Астраханской“, „Московской“ (при 5-й гимназіи), „Ярославской“. Еще были выставки въ Варшавѣ, Кіевѣ, Юрьевѣ и Ригѣ.

Въ семью европейскихъ культурныхъ государствъ ввела Россію только ея литература. Россію уважать и любить стали на западѣ только послѣ знакомства съ Тургеневымъ, Толстымъ, Достоевскимъ. Понятно поэтому, что чествованіе родоначальника нашей литературы должно было принять характеръ праздника русской цивилизаціи. Правда, западъ знаетъ великихъ учениковъ Пушкина лучше, чѣмъ его самого, но, несомнѣнно, близко то время, когда величіе поэта будетъ понято и оцѣнено по достоинству и тамъ.

Не говорятъ ли намъ объ этомъ тѣ привѣтствія, что получены были „Обществомъ любителей россійской словесности“ отъ Эм. Зола, Вогюэ, Фр. Коппэ, М. Прево и другихъ, болѣе или менѣе, извѣстныхъ почитателей русской литературы, — не говорятъ ли намъ объ этомъ безчисленные привѣты, полученные Академіей Наукъ изъ славянскихъ земель и изъ западной Европы, отъ русскихъ поляковъ и финляндцевъ. Остановимся, хотя бы, на телеграммѣ, присланной къ намъ изъ Германіи „Нѣмецкимъ Гетевскимъ Обществомъ“, „Нѣмецкимъ фондомъ имени Шиллера“ и „Нѣмецкимъ Шекспировскимъ Обществомъ“,— „Творенія всякаго истиннаго поэта своими корнями глубоко проникаютъ въ почву его родины, вѣтвями своими густо обвиваютъ мощный стволъ его народа, цвѣтами своими надѣляютъ весь культурный міръ. Такъ произрастаютъ и творенія Пушкина изъ почвы возлюбленной имъ Россіи, но становятся общимъ достояніемъ, достигаютъ безсмертія благодаря тѣсному родству его генія съ прорывающею національныя преграды идеею человѣчества. Поэтому исполнились тѣ слова, которыя у его гроба сказалъ учитель его и другъ Жуковскій: „Пушкинъ не одной Россіи принадлежитъ, онъ принадлежитъ всей Европѣ“. Справедливость этихъ словъ подтверждается участіемъ, которое принимаютъ образованные люди всѣхъ національностей въ празднованіи 100-лѣтней годовщины Пушкина“ [1]). Теплый привѣтъ

[1]) „Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія“. Спб. 1900. 102. Для показанія популярности Пушкина заграницей любопытна статья *П. А. Тверского*: „Пушкинское празднество въ Калифорніи“ (въ клубѣ Friday Morning club)—„В. Евр.“ 1899, № 9. Не входя въ подробную оцѣнку того, что говорилось на западѣ о Пушкинѣ по случаю юбилея, укажемъ на тѣ статьи, которыя встрѣтились намъ случайно или въ указателяхъ. Больше всего статей оказалось на нѣмецкомъ языкѣ: „Universum“, R. v. Gottschall, 15 J, Sp. 2395—98, „Vossische Zeitung“, № 23, 24. „Nationalzeitung“, E. Zabel, № 341, „Das litterarische Echo“, Olga Wohlbrück, № 17; „Bühne und Welt“, „Puschkin als Dramatiker“, A v. Reinholdt, 721 — 7. „Neue Freie Presse“, „No v. 26. V., „Zeit“ N. Golant“, № 244=L 100, „Illustrierte Zei-

получила Академія и отъ Гельсингфорскаго университета, отъ этого, по выраженію телеграммы, „сердца Финскаго народа". „Финляндія сливается съ Россіей въ общей молитвѣ и благоговѣйномъ преклоненіи предъ памятью поэта, чей стихъ, какъ Божій духъ, носится надъ русскимъ народомъ, пробуждая чувства добрыя" [1]),—читаемъ мы въ этой телеграммѣ. Но особенно горячо и согласно отпраздновали нашего поэта славяне. Въ этомъ чествованіи дружно сошлись всѣ племена. — и чехи, и поляки, и сербы, и болгары. Особенно, конечно, знаменательно участіе поляковъ. Они устроили праздники въ честь Пушкина и въ Петербургѣ, и въ Краковѣ. На первый были приглашены многіе русскіе литераторы, ученые и общественные дѣятели—и здѣсь представители двухъ племенъ обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ, соединясь въ дружную семью во имя Пушкина и Мицкевича. Въ торжествѣ приняли заочно участіе многіе лучшіе представители польской интеллигенціи, прислав изъ западнаго края и изъ-за границы болѣе 50 телеграммъ. Въ этихъ телеграммахъ говорится о великихъ завѣтахъ Пушкина, полныхъ

---

tung", „Zum 100—Geburtstage P-'s, J. Norden, № 2918", „Magazin für Litteratur", G. Adam, № 21, 22, „Beilage zur Allgemeinen Zeitung", Th. Pezold, № 118, 119; „Deutsche Rundschau", E. Zabel, 428—45, „Nation", C. E. Franzos, 16 J. № 36, 37. „Baltische Monatsschrift", Puschkin u. d. Estländer", A. S. Myschlajewsky, „Der Türmer", „P-'s Lebensdrama" A. v. Reinboldt, Juni 201 — 10. Изъ французскихъ журналовъ отозвались на Пушкинскій праздникъ: „La Nouvelle Revue", помѣстивъ двѣ статьи: 1) Prilejaieff „Alex. Puschkin", (1899, t. 118, 202), 2) Le prince V. Bariatinski: „Poésies de P.", ibid. t. 119; „Revue des lettres françaises et étrangères", A. Tschébycheff, „Bulletin russe: I. Bélinski et Puschkin" (T. I, № 4, Oct.-Déc., 1899); изъ швейцарскихъ—„Bibliothèque Universelle et Revue Suisse"—L. Leger: „Pouchkine et la poésie russe", (1900, sept. № 57), „Le Matin", 1899, 9, 11 Juni. Изъ американскихъ—„Review of Reviews" „Centenary of a Russian Genius", 19: 613—4 May. „Independent", Pushkin Lyrics; poem. I. 29. 51: 1746, „Literature", (New York. Edition), „Russian Byron", I. 7. 4: 609—10, изъ англійскихъ: „The Anglo-Russian Literary society", (May, June and July, 1899). „Temple Bar", № 461, May, 1899. Изъ славянскихъ журналовъ особенно чешскій „Slowansky Přechled" интересовался Пушкинымъ—мы встрѣчаемъ тамъ рядъ сообщеній о приготовленіяхъ къ празднику пушкинскому въ Россіи и въ славянскихъ земляхъ и о самомъ праздникѣ (1899, Ročnik. I, 159, 200, 237, 238. 354, 374, 376, 430, 485, 490), тамъ же въ 1900 г. помѣщенъ обзоръ Пушкинской литературы: J. Javorskij: „Puskinovo jubileum v ruski literatuře" (№ 5). Vrzal, A. S. Puszkin, jeho život a literarni czinnost (v. Brně). „Przegląd powszechny", (t. LXII, LXIII, №№ 186, 186), „Przegląd polski", (t. 133, № 397) „Бѣлгарски Прегледъ" (1900 г. проф. П. А. Лавровъ „Пушкинъ и славяните").

[1]) Тамъ-же, 76.

добра, справедливости и красоты, высказывается вѣра въ лучшее будущее обоихъ народовъ, говорится о союзѣ, основанномъ на взаимномъ уваженіи, всеобщемъ мирѣ и гармоніи, о братствѣ народовъ, объ общечеловѣческихъ идеалахъ любви и справедливости, общечеловѣческой и международной справедливости... Мы услышимъ здѣсь теплое, сердечное признаніе, что Пушкинъ — человѣкъ благородной души, высокихъ чувствъ и честныхъ мыслей, что это геній, полный благородныхъ стремленій, что поэзія его будитъ чувства справедливости, что его праздникъ — праздникъ „общеславянскій", что русскіе — „великій народъ!" [1]) На разные лады повторялось это и польскими ораторами на пушкинскомъ обѣдѣ 23-го мая. Остановимся, для примѣра, на прекрасной рѣчи Людоміра Дымши: „Согласіе въ этомъ почитаніи верховнаго жреца поэзіи русскаго народа,—говоритъ онъ, это единомысліе въ чествованіи удивительнаго славянскаго генія, составляетъ утѣшительный доводъ того, что въ концѣ XIX вѣка въ средѣ *благомыслящихъ людей окрѣпли этическія силы, которыя сумѣютъ заставить ихъ, во имя высшихъ началъ, свергнуть съ себя позорную ненависть, пятнавшую ихъ жизненныя задачи и вознестись на высоты добра и истины* [2]). Ибо тамъ, гдѣ живы стремленія къ наслажденію видомъ божества и красоты, нѣтъ мѣста для мірскихъ расчетовъ и обидъ. Въ области науки и искусствъ должны исчезнуть различія національныя и религіозныя, должна смолкнуть племенная вражда [3])"!

Намъ дороги всѣ эти слова, такъ какъ они чудно совпали со свѣтлымъ праздникомъ Пушкина, поэта, полнаго свѣтлаго оптимизма, любви всепрощающей и всепримиряющей! Они дороги намъ и потому, что мы услышали ихъ изъ устъ, которыя не привыкли хвалить Россію и русское. Поэтъ побѣдилъ,—его молитва:

...О, Боже! возврати
„Твой миръ въ его озлобленную душу!"

—услышана... И впервые подъ покровомъ его имени, подъ впечатлѣніемъ его же рѣчей на мирномъ праздникѣ культуры померкла вѣковая вражда. Развѣ это не одинъ изъ лучшихъ моментовъ пушкинскихъ дней 1899 года?!

Еще съ большей свободой выразили свои сердечныя чувства про-

---

[1]) Содержаніе телеграммъ. (См. брошюру: „Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина". С.-Пб., 1899).

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) „Русско-польскія отношенія", 59.

чіе славяне. Въ Пушкинѣ всѣ они чествовали „короля поэтовъ русскихъ, князя міровыхъ поэтовъ“ [1]), который вдохнулъ въ родную литературу „народную душу“ и послужилъ „живымъ источникомъ“ не только „русскимъ пѣвцамъ“, но и „пѣвцамъ чешскимъ и славянскимъ вообще“ [2])...

Заключая этимъ нашу общую характеристику чествованія Пушкина въ 1899 году, мы еще разъ повторяемъ, что оно совершенно не походило по своему содержанію, настроенію и значенію на праздникъ 1880 г., — и мы говорили уже, что всѣ эти отличія, однако, только возвышаютъ значеніе нынѣшняго юбилея. Онъ важенъ тѣмъ, что, несомнѣнно, поведетъ къ изученію Пушкина ради него *самого* и притомъ болѣе вѣрнымъ путемъ. Онъ интересенъ, какъ показатель степени самосознанія русскаго общества, которое не на помочахъ, а *самостоятельно* пошло привѣтствовать своего генія. Онъ любопытенъ, какъ показатель популярности нашей литературы на западѣ. Онъ важенъ, какъ знаменье одной изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ русской культуры въ славянскомъ мірѣ!

Обращаясь теперь къ работамъ, посвященнымъ оцѣнкѣ пушкинскаго юбилея 1899 года, мы остановимся прежде всего на статьяхъ общаго характера, относя фактическія описанія на второе мѣсто. Конечно, намъ всего интереснѣе обстоятельно ознакомиться съ отзывами отрицательнаго характера, такъ какъ они были тѣмъ диссонансомъ, который рѣзалъ глазъ, рѣзко выдѣляясь на свѣтломъ фонѣ общаго сочувствія къ празднику. Довольно одного взгляда на эти оцѣнки, чтобы понять, что ихъ отрицательный характеръ зависитъ отъ того, что „оцѣнщики“ не сумѣли отказаться отъ своихъ партійныхъ точекъ зрѣнія и въ ложномъ освѣщеніи представили въ своихъ скорбныхъ статьяхъ праздникъ 1899 года. Всѣ они *старались* найти темныя пятна, конечно, ихъ нашли и заявили, что ничего кромѣ пятенъ не видятъ! [3]).

Прежде всего обратимся къ „Міру Искусствъ“, къ статьѣ г. Д.

---

[1]) Изъ телеграммы Чешской академіи. (См. „Честв. памяти А. С. Пушкина Имп. ак. наукъ“, стр. 87).

[2]) О вліяніи Пушкина на слав. литературу въ телеграммѣ „Юго-славянской акад. наукъ“ (въ Загребѣ). (Тамъ же 90).

[3]) Такимъ пессимистическимъ характеромъ особенно отличаются отношенія къ празднику сотрудниковъ „Міра Искусствъ“, г. Пѣшехонова [изъ „Русскаго Богатства“], г. Фаресова, Ив. Иванова „Божій Міръ“.

Мережковскаго, безспорно, писателя и критика талантливаго и умнаго [1]). Статьи г. Н. Минскаго, „Завѣты Пушкина“, и г. Ѳ. Сологуба, „Къ всероссійскому торжеству“, которыхъ мы имѣли уже случай цитовать выше, не представляютъ особаго интереса сравнительно съ статьей г. Мережковскаго, такъ какъ отношеніе у нихъ у всѣхъ къ празднику одинаково, только г. Мережковскій избѣгъ угловатостей г. Сологуба и обстоятельнѣе г. Минскаго развилъ тѣ же взгляды. Всѣхъ этихъ „символистовъ“, углубленныхъ въ безмятежное самонаслажденіе, обезпокоилъ тотъ шумъ, который подняла изъ-за Пушкина „презрѣнная земля“. Услышали этотъ шумъ олимпійцы и вознегодовали и метнули въ „ничтожныхъ“ пучокъ молній (три статьи въ № 13 „Міра Искусствъ“) въ полномъ убѣжденіи, что заступаются за оскорбленнаго Пушкина. Однако, всѣ эти непрошенные защитники забываютъ, что великій пѣвецъ земли, постигшій духомъ весь драматизмъ земной юдоли, всѣ ея радости и всѣ печали, возлюбившій глубоко „нищихъ духомъ“, бросилъ свое—

...Подите прочь! Какое дѣло
Поэту мирному до васъ?—

—бросилъ въ тяжелую минуту глубокой тоски, что эти слова вовсе не его девизъ... Г. Мережковскаго охватываетъ гадливое чувство, когда онъ читаетъ списки пожертвованій на памятникъ Пушкину: „Иванъ Ивановичъ Ивановъ — 3 р., наборщикъ Артемій — 5 к., гр. NN—25 р., Коля, Вася, Муся, Вѣра—15 к.“ [2]), все это, по его мнѣнію, „безконечные, сѣрые, малые“... Поэтому на нихъ недолго останавливается г. Мережковскій и нападаетъ на г. Суворина, — его онъ обвиняетъ, не болѣе не менѣе, какъ въ томъ, что по его винѣ все русское общество рѣшилось праздновать Пушкина. „Одно мановеніе Суворина—и дремавшія академіи пробуждаются, и какое-то министерство заказываетъ 40.000 гипсовыхъ Пушкинскихъ бюстовъ и кто-то изобрѣтаетъ игру „Смерть Пушкина“,—лото или карты, и безчисленныя жалкія руки тянутся со святыми лептами, и готовятся пушкинскія велосипедныя гонки, и пушкинскій шоколадъ [3])“... Сколько правды въ такомъ извращеніи общей картины праздника,

---

[1]) По крайней мѣрѣ, его давно написанная статья о Пушкинѣ, перепечатанная въ „Философскихъ теченіяхъ русской поэзіи“ — несомнѣнно, одна изъ лучшихъ оцѣнокъ великаго поэта.

[2]) „*Міръ Искусствъ*“, 1899, № 13—14, стр. 11.

[3]) Тамъ же, 12—13.

предоставляемъ судить читателю. Далѣе г. Мережковскій указываетъ на лицемѣріе русской интеллигенціи. „Вчера г. Спасовичъ доказывалъ, что свидѣтельства современниковъ о мудрости Пушкина—ни на чемъ не основанная легенда, что у него—поверхностный, заурядный умъ, неспособный дать его поэзіи значеніе всемірное. Всѣ выслушали это мнѣніе и промолчали. Впрочемъ Спасовичъ развѣнчивалъ Пушкина съ осторожностью, съ казуистическою ловкостью,—не столько словами, сколько намеками. Но уже съ открытымъ лицомъ, съ рыцарскимъ прямодушіемъ выступилъ Вл. Соловьевъ. Ссылаясь на святоотеческую книгу Лимонарій св. Софронія, патріарха іерусалимскаго, объявилъ онъ, что пуля Геккерена была направлена не случаемъ, а Провидѣніемъ [1])“... „Съ безопасной высоты святоотеческаго Лимонарія на страницахъ либеральнаго „Вѣстника Европы“, Вл. Соловьевъ со спокойною совѣстью произнесъ надъ памятью поэта-язычника христіанскую анаѳему... Приблизительно въ это же время высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ малыхъ сихъ, изъ тѣхъ, имя коимъ легіонъ, голосъ, исходившій изъ самой глубины, изъ сердца русской черни: Пушкинъ великій поэтъ, но личность совершенно ничтожная [2])“... „Левъ Толстой согласился съ саратовскимъ мѣщаниномъ, что простому человѣку можно съ ума сойти отъ безсмысленности почестей, воздаваемыхъ Пушкину, вся заслуга котораго заключается лишь въ томъ, что онъ писалъ неприличные стихи о любви [3])“... „Да, все это было вчера!—восклицаетъ г. Мережковскій.—А сегодня—„царскія почести“ Пушкину, колокольный звонъ, русскіе(?!) флаги, пушечная пальба [4])“... Да, г. Мережковскій правъ—здѣсь противорѣчіе большое! Но бѣда въ томъ, что въ своемъ олимпійскомъ величіи онъ проглядѣлъ „безконечныхъ, сѣрыхъ, малыхъ“, которые подняли пушкинскій шумъ. Не гг. Спасовичъ, Вл. Соловьевъ, Толстой вывѣшивали флаги, звонили въ колокола, не они „ликовали“—они или безмолвствовали или исполняли почетныя „обязанности“—не они устраивали праздникъ, а Иваны Ивановичи Ивановы говорили свои нехитрыя теплыя рѣчи, наборщики Артеміи покупали за свои трудовые гроши дешевыя изданія Пушкина; Коли, Васи, Муси, Вѣры въ школахъ и гимназіяхъ жадно ловили чудныя Пушкинскія рѣчи, и волновались ихъ дѣтскія сердца и на всю жизнь уносили они воспоминанія о необычномъ, рѣд-

[1]) Тамъ же, 13—14.
[2]) Тамъ же, 14.
[3]) Тамъ же, 16.
[4]) Тамъ же, 16.

комъ праздникѣ! Правъ г. Мережковскій въ томъ, что упрекнулъ нашихъ „вожаковъ“ въ несправедливомъ отношеніи къ Пушкину,—на это указывали выше и мы,—но самъ-то онъ въ 1899 году что̀ далъ для Пушкина? Что дали гг. Минскій и Соллогубъ, заявившіе, что кромѣ нихъ, символистовъ, никто не имѣетъ права праздновать Пушкина! Какъ же они отпраздновали его?! Нѣтъ! Они даже не поняли великаго поэта, когда рѣшились сказать, что Пушкинъ отвратилъ бы теперь отъ насъ свое лицо и проклялъ бы насъ, какъ нѣкогда скорбный пророкъ: „праздники ваши ненавидитъ душа моя—ненавидитъ душа моя, даже до смерти!“ [1]).

Обратимся теперь къ г. Пѣшехонову. Его мнѣніе тоже, что праздникъ не удался. Это онъ подтверждаетъ личными наблюденіями и мнѣніями нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ. Затѣмъ онъ спрашиваетъ себя, почему это вышло. По его мнѣнію, во всемъ причиной „грязь“ русской общественной жизни. Признавая ширину „волны“ Пушкинскихъ торжествъ, онъ отрицаетъ ея „высоту“. Она „не приподняла общественнаго настроенія, но и не влила бодрости въ угнетенную общественную среду, она не смыла даже той грязи, которой такъ много въ общественной жизни, а только размочила(!!) ее [2])“. На статью свою авторъ предлагаетъ смотрѣть, какъ на „разоблаченіе всякаго рода недоразумѣній и обидъ“ [3]), нанесеннымъ его гражданскимъ чувствамъ... Авторъ полагаетъ, что окажетъ большое одолженіе русской литературѣ, если сдѣлаетъ добросовѣстный подсчетъ всѣмъ скандаламъ и пошлостямъ, которые, къ несчастью, имѣли мѣсто у подножія пушкинскаго памятника: „Не будемъ только сторониться грязныхъ ручьевъ, а, напротивъ, прослѣдимъ ихъ до источниковъ“ [4]),

---

[1]) Тамъ же, 20.

[2]) „*Сборникъ Русскаго Богатства*“, 1899 г., „Неудавшійся праздникъ“, 385.

[3]) Тамъ же, 387. Не правда ли, какъ одинаково звучитъ съ этими словами то объясненіе, которое далъ редакторъ „Маяка“, когда его упрекнули въ желаніи „донести“ на Пушкина: „если „Маякъ“ при свѣтѣ Евангелія открываетъ трупы и сорныя ямы въ литературѣ, за это его благодарить и поддерживать должно. За это не всякій возьмется“! („*Русская Старина*“, 1899, № 5, 281). Приводимъ указаніе г. *Пѣшехонова*, откуда онъ почерпнулъ свой назидательный матеріалъ: „Недѣля“, 6-го іюня, „Одесскія Новости“, 5-го іюня, „Курьеръ“, 1-го, 13-го іюня, „Сынъ Отечества“, 12-го апрѣля, 30-го мая, 1-го, 6-го, 13-го, 15-го, 17-го, 18-го, 26-го іюня, „Самарская Газета“, 1-го апрѣля, „Русская Мысль“, апрѣль, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, 3-го, 5-го, 9-го, 16-го, 19-го іюня, „Новости“, 26-го мая, „Россія“, 1-го іюня, „Сѣверный Край“, 15-го, 24-го мая, 29-го марта, „Новое Время“, 8-го апрѣля, 12-го, 23-го мая,

предлагаетъ г. авторъ. И вотъ онъ увлекается обличеніемъ симферопольскаго головы, волынскихъ дворянъ, одесскаго пристава, инженеровъ, нѣкоторой части духовенства и многихъ другихъ неудачныхъ толкователей пушкинскаго праздника... Подъ покровомъ какого-то quasi-благороднаго негодованія, г. Пѣшехоновъ попытался въ честь Пушкина устроить скандалъ на основаніи тѣхъ слуховъ, сплетенъ, которыя всѣ еще нуждаются въ провѣркѣ.

Обратимся, въ заключеніе, къ работѣ г. Фаресова [1]). Передъ нами тоже наблюдатель, недовольный юбилеемъ, но только скорбящій не въ силу отвлеченныхъ эстетическихъ или гражданскихъ чувствъ, а просто, какъ человѣкъ, обиженный людьми и судьбою. Онъ ѣхалъ въ с. Михайловское съ самыми широкими (sic) планами: хотѣлъ— 1) „обсудить совмѣстно съ комитетомъ объ упроченіи пушкинскаго вліянія на массы, хотя бы, сборомъ денегъ тамъ (?) посреди (!) присутствовавшей публики до 5—7 тысячъ человѣкъ“ [2]),—2) „представиться мѣстной интеллигенціи, въ лицѣ ея педагогическаго и медицинскаго персонала, мѣстныхъ землевладѣльцевъ и даже (!!) представителямъ администраціи, съ тѣмъ, чтобы, собравшись вечеромъ (??) вмѣстѣ, подѣлиться горькими мыслями о томъ, что Пушкинъ совершенно не проникъ въ народъ, и подумать о мѣрахъ къ его популярности среди мѣстнаго населенія“ [3]). И вдругъ—полное разочарованіе! Его даже не пригласили къ торжественному обѣду. Понятно, что картина праздника обрисовалась передъ г. Фаресовымъ въ черныхъ краскахъ. „Сельскіе учителя и священники едва ли сами знакомы съ Пушкинымъ,—подозрительно замѣчаетъ г. Фаресовъ, — и, разумѣется, не могутъ быть проводниками свѣдѣній о немъ въ народѣ“ [4]). Для доказательства же невѣжества крестьянъ, авторъ приводитъ рядъ анекдотовъ, въ которыхъ чувствуется только зерно правды. Гг. В. Острогорскій, Опочи-

---

24-го іюля, „Русскія Вѣдомости“, 28-го, 29-го мая, 19-го, 15-го іюня, „Нижегородскій Листокъ“, 22-го и 28-го мая, „Московскія Вѣдомости“, 2-го, 17-го апрѣля, „Свѣтъ“, 9-го апрѣля, „Русскій Трудъ“, № 23, „Смоленскій Вѣстникъ“, 6-го іюня, „Московскій Листокъ“.

[1]) *А. И. Фаресовъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти“ (Спб., 1899). Собраніе журнальныхъ статей.

[2]) Тамъ же, 37—8.

[3]) Тамъ же, 46—7.

[4]) *А. И. Фаресовъ*, op. cit., 37. Отсылаемъ г. Фаресова къ статьѣ, очень для него назидательной: „А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи“ („Тр. Яр. Губ. Ст. Комитета“, вып. 10, 1899 г.).

нинъ, Ив. Щегловъ [1]), побывавшіе въ Михайловскомъ, двое первые до праздника, а третій — послѣ, тоже разговаривали съ тамошнимъ народомъ о Пушкинѣ, и, если вывезли оттуда нѣсколько курьезовъ, то все-таки пришли къ отрадному убѣжденію, что Пушкина многіе изъ народа знаютъ и цѣнятъ [2]).

Обзоръ этихъ статей, наводящихъ грусть, закончимъ тѣми отрадными строками, которыя посвящены пушкинскому празднику въ „Вѣстникѣ Европы". Г. А. П., сравнивая наши дни съ днями 1880 г. и находя между ними большую разницу, отнюдь однако не становится исключительно на сторону 1880 года:—„другія времена, говоритъ онъ, другіе люди, другое настроеніе" [3]). Онъ, не въ примѣръ цитованнымъ выше авторамъ, отмѣчаетъ „несомнѣнно искреннее увлеченіе" въ обществѣ, хотя не отрицаетъ и „грубыхъ диссонансовъ въ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ [4]). „Послѣднія пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію,—читаемъ мы далѣе,— при всѣхъ помянутыхъ ограниченіяхъ, представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго. Они были, прежде всего, столь широко распространеннымъ литературнымъ празднествомъ, *какого наша общественная жизнь никогда не видала со времени существованія рус-*

---

[1]) Альбомъ „Пушкинскій уголокъ", сост. *В. Острогорскій* и *В. К. Максимовъ*. *И. Щегловъ*, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества". *Е. Опочининъ*, „На родной землѣ (1. Очерки и разсказы, 2. Поѣздка въ Михайловское)".

[2]) Такъ какъ туристы всѣми силами хотятъ изъ мѣстныхъ мужичковъ извлечь что-нибудь для Пушкина и, судя по нимъ словамъ, обильно даютъ при этомъ „на чай", то, смѣемъ думать, скоро въ тѣхъ мѣстахъ разовьется новый промыселъ—„разсказывать про Пушкина".

[3]) Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу г. W.: „Тогда (въ 1880 г.) впервые литература опредѣленно и рѣзко предъявила свои права на широкое, общественное значеніе,—періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго былъ уже вполнѣ законченнымъ и опредѣлившимся въ своихъ результатахъ, періодъ Тургенева, Островскаго, Достоевскаго, Гончарова и Л. Толстого былъ еще im Werden. Теперь значеніе литературы—слишкомъ прочное пріобрѣтеніе жизни и общепризнанный фактъ, чтобы попытки настаивать на немъ не показались наивными и смѣшными; вполнѣ умѣстное въ 1880 году восклицаніе Островскаго: „теперь и на нашей улицѣ праздникъ!" — показалось бы теперь нѣсколько страннымъ. Теперь мы лучше знаемъ Пушкина, чѣмъ въ 1880 году, не менѣе, если не болѣе, его любимъ, но никакъ не могли бы повторить чувства и воскресить настроенія 1880 г.,—для насъ Пушкинъ — Пушкинъ, со всѣмъ его необъятнымъ значеніемъ для нашей литературы, а тогда онъ былъ символомъ, олицетвореніемъ этой самой литературы и не столько чествовали его самого, сколько въ немъ и по его поводу—литературу" (Р. М., 1900, № 8, 45).

[4]) *А. П.*, „Пушкинская литература", „*Вѣстн. Евр.*", 1899, № 7, 410.

ской литературы; онѣ совершались буквально „по всей Руси вели кой“ и если въ литературныхъ и общественныхъ центрахъ бывало неладное и отталкивающее, то въ провинціи могла преобладать только настоящая добрая воля и желаніе принять свою долю участія въ торжествѣ, которое искренне считали національнымъ“ [1]).

Хроникеръ „Вѣстника Европы“, до юбилея пугавшій читателя предстоящей неудачей праздника и даже устрашившій нѣкоторыхъ до того, что они на праздникъ 1899 года пошли, затвердивъ нѣсколько цитатъ изъ его статьи [2]) и заранѣе настроивъ себя на минорный тонъ, — даже этотъ хроникеръ привѣтствовалъ юбилей въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ цѣлымъ рядомъ теплыхъ словъ: „пушкинскіе дни нынѣшняго года принесли съ собою не мало свѣтлаго и отраднаго“ [3])—говоритъ онъ, указывая далѣе на всенародный и всероссійскій характеръ праздника, на его ширину, на „множество новыхъ общественныхъ предпріятій на пользу народнаго просвѣщенія, соединенныхъ съ именемъ Пушкина“ [4]).

Мы останавливаемся на этомъ авторитетномъ мнѣніи „Вѣстника Европы“ и проходимъ мимо длиннаго ряда восторженныхъ характеристикъ праздника, которыми начинались или кончались многія юбилейныя рѣчи, проходимъ мимо тѣхъ теплыхъ словъ, которыми его встрѣтила почти вся наша ежедневная и еженедѣльная пресса; не будемъ пересказывать уже цитованныя нами выше статьи г. Евграфова: „Общественное значеніе чествованія А. С. Пушкина“ (Пенза, 1899), г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самосознанія“, (Кумскій „Памяти Пушкина“, 62), г. Черняева: „Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 года“, равно какъ и теплой рѣчи г. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею Пушкина“ („Памяти Пушкина“ Сб. Кіевск. окр., 187), такъ какъ съ содержаніемъ всѣхъ трехъ рѣчей вполнѣ согласны.

Что касается до фактическихъ описаній праздника, то, конечно, искать ихъ приходится по газетамъ столичнымъ и провинціальнымъ.

---

[1]) Тамъ же. То же говоритъ проф. Н. П. Дашкевичъ („Памяти Пушкина“, Сб. У-та св. Влад., 85—6) и г. Ив. Ивановъ („Пушкинъ“, „Библ. Дѣтск. Чтенія“) и др.

[2]) Напр., *Н. К.*, „Чествованіе Пушкина“ („Образованіе“, 1899, № 7—8).

[3]) „*Вѣстн. Европы*“, 1899, № 7, 458, „Изъ общ. хроники“.

[4]) Тамъ же, 458.

Въ журналахъ мелкія случайныя свѣдѣнія по этому вопросу проскальзываютъ иногда въ отдѣлѣ „Хроники“ [1]). Изъ болѣе крупныхъ журнальныхъ статей останавливаетъ на себѣ нѣкоторое вниманіе работа г. Фаресова, вошедшая потомъ въ отдѣльное изданіе его статей о Пушкинѣ и его чествованіи. Передъ нами бѣглый очеркъ торжествъ въ разныхъ обществахъ и учрежденіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ; затѣмъ мы встрѣчаемъ длинный перечень школъ, столовыхъ, читаленъ, стипендій „имени Пушкина“. Конечно, перечень этотъ далеко неполный,—и самъ авторъ заключаетъ его словами: „трудно перечислить всѣ практическіе итоги пушкинскихъ празднествъ и отрадныхъ явленій въ общественной жизни, которыя были связаны съ именемъ юбиляра“ [2]).

Обратимся теперь къ частнымъ описаніямъ майскихъ дней по разнымъ учрежденіямъ. Прежде всего передъ нами „Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорскою Академіею Наукъ въ сотую годовщину дня его рожденія“, май 1899 г. (Спб. 1900. 110 стр.). Распадается книга на 4 главы: въ первой говорится объ образованіи при Императорской Академіи Наукъ комиссіи по устройству праздника. приводится ея составъ и историческій очеркъ ея работъ; вторая глава посвящена описанію торжественнаго публичнаго собранія Императорской Академіи Наукъ 26-го мая 1899 г.: (a) Чтеніе телеграммы Его Императорскаго Величества Государя Императора, b) Чтеніе Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, c) Рѣчь Августѣйшаго Президента Академіи, d) Рѣчь академика А. Н. Веселовскаго: „Пушкинъ — національный поэтъ“, e) Рѣчь сенатора А. Ѳ. Кони: „Общественные взгляды А. С. Пушкина“, f) Чтеніе телеграммы князя Николая Черногорскаго, *g*) Исполненіе юбилейной кантаты (слова К. Р.). Въ третьей главѣ напечатаны привѣтствія ученыхъ учрежденій, высшихъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ и частныхъ лицъ изъ Россіи и изъ-за границы, полученныя—a) Императорской Академіею Наукъ и b) редакціею газеты *Kraj* и пересланныя ею въ Академію. Въ послѣдней, четвертой главѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько данныхъ касательно исторіи юбилейной выставки въ зданіи Императорской Академіи, списокъ лицъ и учрежденій, принявшихъ въ ней участіе.

Мы привели подробное содержаніе цитованной книги, такъ какъ

---

[1]) Въ „Педагог. Еженедѣльникѣ“ (Ревель) въ 1899 г. печатались отчеты о празднествахъ по разнымъ учебнымъ заведеніямъ.

[2]) *Фаресовъ*, op. cit., 28.

она въ продажу не поступала, а потому недоступна большинству публики.

Академическое празднество было серьезнымъ, содержательнымъ и на всѣхъ присутствовавшихъ произвело глубокое впечатлѣніе. Прекрасныя рѣчи, прочувствованныя телеграммы изъ разныхъ концовъ міра [1]), великолѣпное музыкальное исполненіе кантаты, общій строго-торжественный видъ и эстрады, украшенной гг. академиками, зрительнаго зала, полнаго публики, — и, наконецъ, цѣлый лѣсъ зелени, высокой пирамидой подымающійся къ бѣлоснѣжному бюсту поэта, на челѣ котораго все время игралъ свѣтлый лучъ майскаго солнца,—все это, вмѣстѣ взятое, производило сильное впечатлѣніе.

Не менѣе торжественно отпраздновали юбилей въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, отчета о своемъ чествованіи ни Московскій университетъ, ни Общество не напечатали, а потому описаніе торжествъ приходится искать въ газетныхъ отзывахъ, а такіе отзывы, конечно, оказались далеко несогласными [2]). 26-го мая въ Москвѣ чествованіе началось у памятника Пушкина, затѣмъ всѣ присутствовавшіе отправились на митрополичью службу въ церковь Богоявленья въ Елохово, гдѣ родился великій поэтъ. Въ 3 часа чествованіе Пушкина началось въ Московскомъ университетѣ рѣчью ректора, проф. Зернова. Послѣ говорили проф. Стороженко, Кирпичниковъ, Муромцевъ и Ключевскій [3]). На слѣдующій день, 27-го мая, „Общество любителей русской словесности“ устроило свое торжество въ залѣ дворянскаго собранія. Рѣчи произнесены были княземъ Д. Н. Цертелевымъ („Взгляды Пушкина на поэзію“), г. Шенрокомъ („О духовной связи Пушкина съ Гоголемъ“) и г. Якушкинымъ („Общественные взгляды Пушкина“). Отпраздновало поэта и „Общество любителей естествознанія“ рѣчами проф. В. Миллера („Пушкинъ — поэтъ-этнографъ“) и проф. Анучина („Объ африканскомъ элементѣ въ природѣ Пушкина“). Свѣдѣнія о московскихъ торжествахъ взяли мы изъ книги г. Фаресова.

Празднованіе пушкинское вполнѣ удалось и университету св. Владимира. Въ сборникѣ этого университета, представляющемъ большой вкладъ въ русскую науку, приведенъ и очеркъ чествованія

---

[1]) Особенно постарались въ этомъ отношеніи братья-славяне. Разные глухіе углы Чехіи, Польши, Сербіи, Галиціи, Черногоріи отозвались на нашъ праздникъ.

[2]) Особенно обстоятельно описаны празднества московскія въ „Русской Мысли“ (1899 г., № 6, А. П.). „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1899, май, іюнь).

[3]) Рѣчи проф. Кирпичникова и Ключевскаго напечатаны въ „Русск. Вѣд.“. 1899, № 144.

Пушкина. На панихидѣ проф. П. Я. Свѣтловымъ произнесено было слово: „О свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ поэзіи Пушкина". Затѣмъ слѣдовала рѣчь проф. А. В. Романовича-Славатинскаго, вообще характеризующая праздникъ. Проф. Дашкевичъ произнесъ рѣчь: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени" и приватъ-доцентъ А. М. Лобода: „Отзвуки пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ". Кромѣ академическихъ рѣчей исполнялись и музыкальные нумера. Была устроена и выставка.

Торжественно было отпраздновано торжество и въ Юрьевскомъ университетѣ, насколько объ этомъ можно судить по „Пушкинскому сборнику" Юрьевскаго университета. Описанія чествованія въ сборникѣ нѣтъ, но помѣщены содержательныя рѣчи гг. профессоровъ: А. С. Царевскаго („Слово, произнесенное въ университетской церкви на заупокойной литургіи"), Е. В. Пѣтухова („Два года изъ жизни А. С. Пушкина"), Е. Ф. Шмурло („Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія"), Б. И. Срезневскаго („Пушкинъ въ музыкѣ"), В. Ф. Чижа („Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья"), лекторовъ: А. М. Германа („Пушкинъ въ эстской литературѣ"), Я. И. Лаутенбаха („Пушкинъ въ латышской литературѣ").

Подробное описаніе майскихъ торжествъ въ Нѣжинѣ находимъ въ сборникѣ историко-филологическаго института князя Безбородко („26-го мая 1899 года. Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія столѣтія рожденія А. С. Пушкина", Нѣжинъ, 1899). Въ Нѣжинѣ праздновали 26-го мая вмѣстѣ всѣ мѣстныя учебныя заведенія (историко-филологическій институтъ, классическая гимназія и женская гимназія имени П. И. Кушакевичъ) и историко-филологическое общество. „Слово" произнесено было священникомъ А. Лобачевскимъ („Пушкинъ, какъ христіанинъ"). Рѣчи были произнесены проф. М. Н. Бережковымъ („А. С. Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни"), И. А. Скребницкимъ („А. С. Пушкинъ и русская исторія") и М. Н. Сперанскимъ („Друзья и враги А. С. Пушкина въ литературѣ").

Очень горячо и единодушно отпраздновала столѣтнюю годовщину „столица юга"—Одесса: въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ сборникѣ Новороссійскаго университета („1799 — 1899. Пушкинскіе дни въ Одессѣ. 26—27 мая 1899 года" Одесса, 1900 года) подробно (32 стр.) описано все, что происходило въ Одессѣ 26—27 мая. Оказывается, вся Одесса приняла самое горячее участіе въ чествованіи: всѣ одесскія общества, учрежденія, редакціи (съ университетомъ болѣе 25)

дружно сошлись въ единодушномъ желаніи почтить память поэта, какъ можно теплѣе и шире. Академическая часть на этомъ праздникѣ представлена была рѣчами проф. В. М. Войтковскаго („Рѣчь въ университетской церкви предъ панихидою"). В. М. Истрина („Пушкинъ и русская литература"), А. Е. Назимова („Общественные идеалы Пушкина"), И. А. Линниченка („Жизненная драма Пушкина"), П. А. Лаврова („Пушкинъ и славяне"), А. И. Маркевича („Пушкинъ и Новороссійскій край").

Харьковскій университетъ чествовалъ юбилей только въ своихъ стѣнахъ, а потому такого широкаго впечатлѣнія отъ харьковскихъ праздниковъ, какъ отъ одесскихъ, не осталось. Въ „Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ въ память А. С. Пушкина" (Харьковъ, 1900) въ видѣ предисловія приведена краткая исторія майскихъ дней въ стѣнахъ университета и рѣчь, произнесенная проф. Е. К. Рѣдинымъ, въ Святыхъ Горахъ, куда онъ ѣздилъ депутатомъ отъ университета. Рѣчи въ университетѣ были слѣдующія: проф. М. Е. Халанскій произнесъ рѣчь: „О вліяніи Вас. Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина", проф. Н. Ѳ. Сумцовъ— „О вліяніи Пушкина на Лермонтова".

Имѣемъ мы еще сборникъ Томскаго университета: „Памяти Пушкина. Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ засѣданіи Императорскаго Томскаго университета 26-го мая 1899". (Томскъ, 1900). О праздникѣ самомъ въ сборникѣ нѣтъ никакихъ указаній,—приведены лишь рѣчи проф. Малиновскаго („Русская общественная жизнь въ поэтическомъ изображеніи А. С. Пушкина") и проф. Сапожникова („Природа въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина").

Дружно чествовали Пушкина и среднеучебныя заведенія, и низшія. Передъ нами два обстоятельныхъ труда: 1) „Памяти Пушкина"— „Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кіевскаго учебнаго округа", (подъ редакціей директора Кіевской 1-ой гимназіи Н. В. Посадскаго—3 т., Кіевъ, 1900 г.) и 2) Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина. Празднованіе столѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа" (Тифлисъ, 1899 г.). Въ обѣихъ этихъ цитованныхъ работахъ полно представлена картина майскихъ торжествъ по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Кіевскаго и Тифлисскаго округовъ: изложенъ порядокъ празднествъ, приведены программы литературныхъ чтеній и музыкальныхъ нумеровъ, приведены рѣчи гг. преподавателей.

Въ 1-ой части Кіевскаго сборника изложена программа чествованія въ Кіевскомъ университетѣ, въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко, въ 43 женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ округа, въ Глуховскомъ институтѣ, Корыстышевской учительской семинаріи и 52 городскихъ и сельскихъ училищахъ. Въ 2-й и 3-й частяхъ (2-я часть—550 стр. „рѣчи преподавателей Нѣжинскаго института и гимназій"; 3-я—136 стр.—„Рѣчи преподавателей учит. института и училищъ) приведены слова и рѣчи гг. преподавателей (числомъ 61) и 5 стихотвореній въ честь Пушкина. Не останавливаясь на перечисленныхъ выше рѣчахъ гг. профессоровъ и преподавателей историко-филологическаго института князя Безбородко, мы обратимся къ рѣчамъ преподавателей другихъ учебныхъ заведеній. Почти всѣ онѣ отличаются выдающимся изяществомъ стиля, теплотою и искренностью. Оригинальнаго сказано въ нихъ немного, но во многихъ рѣчахъ уже извѣстное скомбинировано очень удачно, отчего большинство очерковъ блещетъ свѣжестью и читается легко. Гг. законоучители говорили на темы: о христіанской кончинѣ Пушкина и нехристіанской его жизни (І. І. Троицкій. А. К. Зеленецкій, Н. С. Стеллецкій) или о христіанскихъ чертахъ его жизни (М. Н. Румянцевъ), о необходимости молитвъ за него (А. І. Миловидовъ). Большинство гг. преподавателей дало общую характеристику литературной дѣятельности поэта (В. С. Александровичъ, А. С. Кашпуревъ, Ѳ. Н. Ивановъ, А. И. Ходиковъ, И. Н. Александровъ, А. Н. Малинка, А. М. Лобода, Е. В. Городецкой, Г. И. Хитровскій, Ѳ. П. Кутневичъ), характеристику его личности (П. Г. Богдановичъ, А. І. Степовичъ, А. П. Максимовъ, Ш. Читадзе), отмѣтили народность Пушкина (Н. А. Петровъ, Б. Я. Яковлевъ, Г. М. Затворницкій, М. Азбукинъ), указали мѣсто Пушкина въ исторіи русской литературы (П. Г. Богдановичъ, И. П. Андреевскій, Ѳ. М. Дворянскій, С. П. Весинъ, Н. Ѳ. Грембовскій, К. Ѳ. Якубовичъ, И. Д. Сологорскій, П. Л. Когутъ, С. А. Денисьевскій, А. П. Котоминъ), нѣкоторые дали біографическіе очерки (Ф. А. Веровскій, М. И. Благоразумовъ, В. П. Ляскоронскій, С. В. Билимовичъ). Особнякомъ стоятъ—очень интересная рѣчь г. Г. П. Александровскаго: „Поэтъ-Эхо", посвященная выясненію истиннаго характера поэзіи Пушкина путемъ разбора стихотвореній: „Эхо" и „Чернь", — рѣчь г. Л. А. Ельчукова: „Русскія женщины въ произведеніяхъ Пушкина", В. П. Ляскоронскаго: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина" и Н. С. Коджебаша: „Къ столѣтнему юбилею А. С. Пушкина". Въ

3-мъ томѣ сборника Кіевскаго округа помѣщены рѣчи преподавателей Глуховскаго учительскаго института, Корыстышевской учительской семинаріи и разныхъ городскихъ училищъ. По содержанію своему распадаются и онѣ на три группы — въ однѣхъ говорится, главнымъ образомъ, о значеніи Пушкина (М. А. Тростниковъ, А. С. Евсевскій, В. Ѳ. Левитскій, П. К. Стариченко, Л. Д. Гржегоржевскій, Т. Е. Балашъ, Н. С. Бобровниковъ), въ другихъ— о народности поэта (А. Г. Балдовскій, М. Я. Овсѣенко, А. Х. Зленко, Г. А. Иванецъ), наконецъ, въ двухъ — разсказана жизнь поэта (В. К. Шнейдеръ, Л. В. Головко) и въ одной говорится вообще о значеніи писателя (А. П. Миронычевъ).

Сборникъ Кавказскаго округа представленъ въ количественномъ отношеніи бѣднѣе. Мы встрѣчаемъ здѣсь описаніе майскихъ праздниковъ въ 15 тифлисскихъ и 78 провинціальныхъ гимназіяхъ, училищахъ и школахъ. Приведены программы литературно-музыкальной части торжествъ, изложенъ ихъ порядокъ и, наконецъ, приложены рѣчи гг. законоучителей и преподавателей: свящ. Іоаннъ Восторговъ: „Три слова съ церковной каѳедры къ учащимся по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина“ (1. „Рѣчь при поминовеніи А. С. Пушкина“, 2. „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г.“, 3. „Рѣчь на молебствіи, сказанная выпускнымъ воспитанницамъ Тифлисской 1-ой великой княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи 12-го іюня 1899“), г. Дорофеевъ: „Образовательное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, А. Словинскій: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія“, А. Сибирцевъ: „Памяти генія“, г. Боголюбскій: „Поэзія А. С. Пушкина, преимущественно съ нравственно-художественной точки зрѣнія“, законоучитель А. Нефедьевъ: „Кончина А. С. Пушкина“, Д. Мучкапскій: „Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина“, свящ. Соколовъ: „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина“, г. С. Мельниковъ-Разведенковъ: „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ“, Ю. Роменскій: „Юбилейное слово въ честь А. С. Пушкина“, законоучитель П. Бѣловидовъ: „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, г. Яновичъ: „Значеніе произведеній А. С. Пушкина въ литературномъ и воспитательномъ отношеніяхъ“, Евгр. Горгаслидзе: „А. С. Пушкинъ и его заслуги“.

Изъ учебныхъ заведеній Кавказскаго округа особенно широко, судя по отчету, поставлены были торжества въ Закавказской учи-

тельской семинаріи. Оказывается, къ праздникамъ майскимъ готовились цѣлый годъ,—и ученики въ теченіе года разработали 21 тему изъ Пушкина или касательно его [1]).

Другіе учебные округа пока не издали своихъ отчетовъ, а потому мы имѣемъ лишь приблизительное представленіе о томъ, что дѣлалось въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ округовъ. Въ Императорскую Публичную библіотеку случайно попали нѣкоторые отчеты,—ими мы и воспользуемся.

Изъ петербургскихъ намъ извѣстны:

„Въ память Пушкина торжественные дни въ С.-Петербургской 1-ой гимназіи". (Рѣчи гг. М. Л. Будагова и А. А. Гласова). „На память о празднованіи 100-лѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ (рѣчи г.г. Сперанскаго и Кельберга). „Годовой отчетъ С.-Петербургскихъ гимназіи и реальнаго училища д-ра Видемана за 1899—1900 годъ. (Извлеченіе изъ рѣчи П. А. Висковатова: „О Пушкинѣ"). „Пушкинскій вечеръ въ женской профессіональной школѣ фонъ-Дервизъ" (И. В. Дмитріевъ, „Значеніе Пушкина для русскаго народа").

Изъ московскихъ: „Календарь Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на 1900—1901 учебный годъ. часть II", „Памяти А. С. Пушкина" (*Перепечатки*: 1839 г.—Отзывъ иностранца о Пушкинѣ"; 1856 г.—„Пушкинъ"; 1880 г.—„На открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ". М. Н. Каткова; *Рѣчи* 1899 г.: свящ. *І. И. Соловьевъ*, „Церковное слово предъ панихидою"; С. Любомудровъ, „О Борисѣ Годуновѣ"; Н. Гольвенвейзеръ, „Петръ Великій въ произведеніяхъ Пушкина"; В. Глазковъ, „Памяти А. С. Пушкина"). „Годичный актъ и отчетъ Московскаго училища ордена св. Екатерины за 1898—99 годъ" (В. В. Каллашъ: „Поэтическая оцѣнка Пушкина его современниками", Алферовъ, „Пушкинъ, какъ человѣкъ и поэтъ").

Изъ кіевскихъ отчетовъ (вошедшихъ, впрочемъ, въ „Сборникъ Кіевскаго учебнаго округа") извѣстны намъ—„Ежегодникъ Коллегіи Павла

---

[1]) При отчетѣ приложены темы и планы, по которымъ онѣ развертывались. Изъ темъ назовемъ, хотя бы, слѣдующія: „Путешествія А. С. Пушкина" (карта графическая путей Пушкина), „Вліяніе р. литер. и Пушкина на лит. адербейджанскихъ татаръ", „А. С. Пушкинъ въ памятникахъ искусства", „Вліяніе музыки и пѣсенъ на А. С. Пушкина и его вліяніе на русскую музыку", „Пушкинъ въ армянской лит.", „Вліяніе Пушкина на грузинскую лит.", „Пушкинъ въ народной школѣ" (*Кулжій*, „Памяти Пушкина", 38—45).

Галагана (съ 1-го октября 1898—1-го октября 1899). Кіевъ, 1899. (Рѣчи гг. Степовича и Александровскаго). „26-го мая въ Кіевской 1-й мужской и Кіевской женской гимназіи Дучинской“ (рѣчи гг. Н. А. Петрова и П. Г. Богдановича). „Отчетъ о состояніи Кіево-Печерской гимназіи“ (Кіевъ, 1900). „Торжественный актъ Кіевскихъ городскихъ приходскихъ училищъ“ 28-го мая 1899 года.

Кромѣ того, имѣли мы въ рукахъ—„Празднованіе столѣтняго юбилея со дня рожденія А. С. Пушкина въ Закавказской учительской семинаріи и Анастасіевской женской гимназіи“ (рѣчь г. Словинскаго: „О значеніи пушкинскихъ дней для нашего самопознанія“). „Слово и рѣчи въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина въ Екатеринославской духовной семинаріи“ (рѣчи гг. Сахарова: „Слово при поминовеніи А. С. Пушкина“, Полуцыганова: „Рѣчь въ день 100-лѣтней годовщины“, Соколова: „Значеніе А. С. Пушкина для Россіи“, Малковскаго: „А. С. Пушкинъ и его значеніе“). „Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина въ Вологодской гимназіи“ (рѣчи: свящ. Н. А. Коноплевъ: „Слово“. И. Е. Устиновъ: „Рѣчь о значеніи поэзіи Пушкина“, Н. Воейковъ: „Рѣчь, Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“, С. Петровъ, „Рѣчь“, Солтанъ, „Пушкину“, Стихотвореніе). „Отчетъ Рижскаго Реальнаго училища Императора Петра“ за 1899 годъ.

Кромѣ, болѣе или менѣе, подробныхъ отчетовъ имѣемъ мы нѣсколько программъ чествованій Пушкина: „Программа литературно-музыкальгона утра въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ“, „Пажескаго корпуса“ въ С.-Петербургѣ, „Программа чествованія памяти А. С. Пушкина въ Одесской 4-й гимназіи“, „А. С. Пушкинъ. Программа акта въ залѣ „Улья“. Рига. „Пушкинскій праздникъ въ залахъ и саду Таврическаго дворца“, „Въ залѣ городской думы 26-го мая 1899 года“. Наконецъ, имѣемъ мы нѣсколько описаній „пушкинскихъ дней“ по разнымъ городамъ: „Пушкинскіе дни въ Пензѣ“ (подъ ред. г. Королькова. Рѣчи: В. Н. Ладыженскаго—рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи „Общества любителей русской словесности“ 27-го мая 1899 г.), „Пушкинскіе дни въ губернскомъ городѣ Владимирѣ (рѣчи: г. Маклакова: „Вступительная рѣчь“. Н. С. Крылова: „Поэзія А. С. Пушкина“, Пузицкаго: „Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина“, 2 стихотворенія г. Петрова), „Пушкинскіе дни въ городѣ Архангельскѣ“, „Пушкинскіе дни въ городѣ Оренбургѣ“ [1]).

[1]) „Труды Оренб. Архивн. комисс.“ вып. VI. О празднествахъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ много говорилось въ мѣстныхъ провинціальныхъ газетахъ.

II.

Матеріалы.

Матеріаловъ къ юбилею обнародовано было не особенно много,— большею частью, все это мелочи анекдотическаго характера, или подтверждающія уже извѣстныя намъ черты пушкинскаго облика, или устанавливающія нѣкоторые незначительные факты изъ его жизни. Прежде всего остановимся на работахъ, посвященныхъ исторіи предковъ Пушкина.

Предки Пушкина. И. А. Шляпкинъ напечаталъ документы (7) Псковскаго музея, касающіеся рода Ганнибаловъ (Абр. Петр., Ив. Абр. и Петра Абр.) [1]).

Кромѣ того, мы имѣемъ любопытную работу г. М. В. Муравьева: „Родословіе Пушкина“ [2]). Это — длинный перечень представителей рода Пушкиныхъ отъ Ратши, родоначальника Пушкиныхъ, до нынѣ здравствующихъ. Муравьевъ прибавилъ къ своей работѣ объяснительныя примѣчанія, любопытныя для историка, но мало относящіяся къ А. С. Пушкину. Г. Василевъ напечаталъ документы архива псковскаго дворянскаго депутатскаго собранія, касающіеся исторіи рода Ганнибаловъ; къ документамъ приложены также двѣ родословныя таблицы Ганнибаловъ и Пушкиныхъ [3]). Особаго интереса документы эти для біографа Пушкина не имѣютъ. Г-жа Н. Бѣлозерская тоже посвятила свою работу исторіи предковъ Пушкина [4]). По опредѣленію самого автора, ея статья—„матеріалы для характеристики нравовъ русскаго общества“. Такая постановка темы расширяетъ задачи работы. И, дѣйствительно, воспользовавшись любопытными документами по разводу Петра Абрамовича Ганнибала, г-жа Бѣлозерская освѣщаетъ нѣкоторыя стороны бытовой жизни XVIII вѣка,—но для А. С. Пушкина въ своей статьѣ не даетъ ничего. Г. І. Блиновъ тоже прибавилъ къ этой исторіи предковъ поэта нѣсколько подробностей изъ жизни Павла Исааковича Ганнибала [5]). Въ другой статьѣ тотъ же авторъ разска-

---

[1]) *И. А. Шляпкинъ*, „Къ біографіи А. С. Пушкина“, 3—13.

[2]) „Пушкинскій Сборникъ“ (петерб. литераторовъ), стр. 655.

[3]) *И. И. Василевъ*, „Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковск. губ.“, С.-Пб., 1899, 15.

[4]) *Н. Бѣлозерская*, „Одинъ изъ предковъ Пушкина“, „*Истор. Вѣстникъ*“ 1899, № 5.

[5]) *І. Блиновъ*, „Павелъ Исааковичъ Ганнибалъ, дядя А. С. Пушкина“, „*Русская Старина*“, 1899, № 5, 353.

залъ о преступленіяхъ другого предка поэта, уже съ отцовской стороны—Сергѣя Пушкина, который въ 1772 г. за поддѣлку ассигнацій былъ сосланъ въ Сибирь.

Г. Грибовскій издалъ этотъ процессъ по сенатскимъ архивнымъ матеріаламъ [1]).

Вопросъ о мѣстѣ рожденія А. С. Пушкина вызвалъ появленіе въ свѣтъ брошюрки, изданной В. Т. [2]). Передъ нами перепечатка полемики гг. А. Мартынова и А. Колосовскаго на страницахъ „Моск. Вѣдомостей“ за 1880—1881 гг.

Судя по этой работѣ, послѣднее слово осталось за г. Колосовскимъ, утверждавшимъ, что А. С. Пушкинъ родился на Нѣмецкой улицѣ въ домѣ Скворцова, и что домъ этотъ въ настоящее время (1880 г.) принадлежитъ мѣщанину Ананьеву. Къ брошюрѣ приложены планы.

О дѣтствѣ Пушкина можно почерпнуть кое-что изъ перепечатанныхъ у Л. Н. Майкова воспоминаній Льва Пушкина [3]), а также изъ воспоминаній Шевырева, перепечатанныхъ (въ отрывкахъ) въ той же книгѣ Л. Н. Майкова [4]).

Пушкинъ въ лицеѣ. Лицейская жизнь Пушкина въ матеріалахъ представлена гораздо полнѣе. И. А. Шляпкинъ напечаталъ [5]) интереснѣйшія лицейскія бумаги касательно поэта. Особенно цѣнны характеристики юноши поэта съ 1812 — 1814 г., сдѣланныя его наставниками: Кошанскимъ, Гауеншильдомъ, де-Будри, Куницынымъ, Кайдановымъ и Чириковымъ. Талантливый юноша, вѣчно подвижной и „неуимчивый“, легко смотрящій на жизнь, какъ живой встаетъ передъ нами при чтеніи этихъ характеристикъ. Очень цѣнна для пониманія Пушкина, между прочимъ, и страница изъ наблюденій гувернера Пилецкаго: „Пушкинъ 6-го числа въ сужденіи своемъ объ урокахъ сказалъ, признаюсь, что логики я право не понимаю, да и многіе, даже лучшіе меня, оной незнаютъ, потому что логическія селогизмъ (!) весьма для него невнятны. 16-го числа весьма оскорбительно шутилъ съ Мясоѣдомъ (sic) на счетъ 4-го департамента, зная что его отецъ тамъ слу-

---

[1]) *В. Грибовскій*, „Процессъ братьевъ Пушкиныхъ и вице-президента мануфактуръ-коллегіи Сукина о поддѣлкѣ екатерининскихъ ассигнацій“ (изъ старыхъ сенатскихъ дѣлъ), „*Вѣстникъ Всемірной Исторіи*“, 1899, № 12.

[2]) „Гдѣ же родился А. С. Пушкинъ?“ изд. *В. Т.*, Москва, 1899.

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ“, 1.

[4]) Тамъ же, 318.

[5]) *И. А. Шляпкинъ*, „Къ біографіи А. С. Пушкина“, 13—26.

житъ, произнося какіе-то стихи, коихъ мнѣ повторить не хотѣлъ, при увѣщеваніи же сдѣлалъ слабое признаніе, а раскаянія же не видно было. 18-го толкалъ Пущина и Мясоѣдова, повторялъ имъ слова: что если они будутъ жаловаться, то сами останутся виноватыми (sic), ибо я, говоритъ, вывертѣтся умѣю. 2-го въ классѣ рисовальномъ называлъ г. Горчакова вольной польской дамой..." и т. д. Въ такомъ же духѣ идетъ скорбный листъ дальше,—вѣчныя дерзости, внезапныя вспышки гнѣва, подбиваніе товарищей на шалости, неприличныя остроты... Для біографа-психолога эта вереница преступленій (самое тяжелое изъ нихъ, съ точки зрѣнія лицейскихъ педагоговъ, оказалось приготовленіе „гоголь-моголя съ ромомъ"), пересчитанныхъ озлобленнымъ гувернеромъ,—живо обрисовываетъ безпокойный духъ юноши, не умѣщающійся въ рамкахъ казеннаго благочинія,—передъ нами порывистая, неуравновѣшенная натура, неопредѣлившаяся, съ самыми разнообразными задатками... Кромѣ этихъ характерныхъ документовъ имѣемъ мы оцѣнку поэта на вступительномъ экзаменѣ, вѣдомости объ успѣхахъ его и выпускное свидѣтельство.

Личность директора лицея Е. А. Энгельгардта живо рисуется изъ матеріаловъ, обнародованныхъ г. Д. Ѳ. Кобеко [1]). Это—переписка Энгельгардта съ его бывшими воспитанниками; среди корреспондентовъ Пушкина нѣтъ, но имя его не разъ мелькаетъ въ этихъ письмахъ. В. Кюхельбекеръ, отчасти И. Пущинъ, фигурируютъ въ работѣ г. Гастфрейнда, издавшаго ихъ показанія на судѣ декабристовъ [2]).

Нѣсколько мелочей изъ лицейской жизни Пушкина сообщаетъ намъ г. А. И. Маркевичъ на основаніи разсказовъ г-жи Ю. Ѳ. фонъ-Гауэншильдъ, вдовы лицейскаго воспитателя [3]). Впрочемъ, эти разсказы сводятся лишь къ слѣдующему: Пушкинъ „былъ большой шалунъ, а г. фонъ-Гауэншильдъ очень строгъ и, когда онъ накладывалъ на Пушкина суровое наказаніе, тотъ прибѣгалъ къ ней за защитою, и она выпрашивала у мужа для него снисхожденіе".

Пушкинъ въ Петербургѣ. Любопытные матеріалы касательно „Арзамаса" опубликовалъ проф. Кирпичниковъ [4]). Это—„Законы арзамас-

---

[1]) *Д. Ѳ. Кобеко*, „Директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ и его питомцы", „*Вѣстникъ Всемірной Исторіи*", 1899, № 12.

[2]) *Н. А. Гастфрейндъ*, „Кюхельбекеръ и Пущинъ", Спб., 1901.

[3]) *А. И. Маркевичъ*, рѣчь: „Пушкинъ и Новороссійскій край" („Пушкинскіе дни въ Одессѣ", 1900, стр. 146).

[4]) *А. И. Кирпичниковъ*, „Новые матеріалы для исторіи Арзамаса", („*Русская Старина*", 1899, № 5, 337).

скаго общества", найденные графинею П. С. Уваровой (I. О Арзамасѣ вообще. II. О членахъ, выборѣ ихъ и обязанностяхъ. III. О званіяхъ и должностяхъ въ Арзамасѣ. IV. О засѣданіяхъ. V. О библіотекѣ Арзамаса. VI. О созданіи трудовъ Арзамаса. VII. О расходахъ Арзамаса). Для біографа Пушкина очень важно знать организацію того круга, который принялъ Пушкина къ себѣ и, несомнѣнно, отразилъ на его взглядахъ свое вліяніе.

Г. И. Кубасовъ отыскалъ матеріалы относительно участія Пушкина въ „С.-Петербургскомъ Вольномъ обществѣ любителей словесности, наукъ и художествъ" [1]); для біографа Пушкина эти матеріалы любопытны только постольку, поскольку они свидѣтельствуютъ о быстрой и широкой популярности юноши-поэта.

Въ высокой степени интересны два документа, которые могутъ быть связаны съ высылкою Пушкина на югъ [2]):—1) письмо В. Н. Каразина къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, явившихся въ журналахъ по поводу высылки Пушкина на югъ; авторъ письма считаетъ долгомъ донести на всѣхъ сочувствующихъ поэту; — 2) письмо издателя журнала „Маякъ" С. О. Бурачка съ жалобой на цензора Фрейганга, не позволившаго ему инсинуировать на Пушкина. Благородное письмо цензора, приложенное къ письму Бурачка, оттѣняетъ въ невыгодную для послѣдняго сторону рвеніе его уличить поэта въ преступленіяхъ противъ Бога и Царя. Оба документа очень цѣнны для характеристики русскаго общества 20-хъ годовъ.

Пушкинъ на югѣ. Относительно жизни Пушкина на югѣ въ юбилейной литературѣ матеріаловъ появилось новыхъ и старыхъ не мало. Прежде всего обращаютъ на себя вниманія „Бессарабскія воспоминанія А. О. Вельтмана" [3]), перепечатанныя Л. Н. Майковымъ и при томъ почти безъ всякихъ сокращеній. Передъ нами, какъ извѣстно, одно изъ лучшихъ живыхъ и правдивыхъ описаній Бессарабіи временъ Пушкина,—при чтеніи этихъ воспоминаній воскресаетъ жизнь и природа далекой окраины, куда судьба забросила поэта.

---

[1]) *И. Кубасовъ*, „А. С. Пушкинъ—членъ С.-Петербургскаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ" („*Русская Старина*", 1899, № 5, 471).

[2]) *А. Ѳ. Бычковъ*, „Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ". („*Русская Старина*", 1899, № 5, 277).

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ — біограф. матеріалы и историко-литературные очерки", С.-Пб. 1899, 92. (См. „*Ист. Лит. Очерки*").

Пушкинская комиссія „Одесскаго литературно-артистическаго общества“ отыскала въ „архивѣ управленія государственными имуществами Херсонской и Бессарабской губерніи“ два дѣла о Пушкинѣ. Одно—„дѣло о взысканіи съ коллежскаго секретаря Пушкина должныхъ по заемному письму, данному имъ барону Шеллингу 2.000 руб. денегъ“ (1820 г.),—другое: „О жалованьи коллежскаго секретаря Пушкина“ (1823 г.) [1]). Первое любопытно, главнымъ образомъ, своимъ заключеніемъ. Баронъ Шеллингъ требовалъ изъ Петербурга чрезъ полицію карточный долгъ, сдѣланный Пушкинымъ въ 1819 году. Послѣ длинной переписки кишиневская полиція заявила, что Пушкинъ, „проигравъ заемное письмо барону Шеллингу будучи еще въ несовершенныхъ лѣтахъ и не имѣя никакого состоянія движимаго или недвижимаго, находится не въ состояніи заплатить того заемнаго письма“ [2]). Любопытно также письмо Алекс. Львов. Давыдова (15-го декабря 1820 года) къ Инзову о болѣзни Пушкина, задержавшей его въ Каменкѣ, и теплый сердечный отвѣтъ И. Н. Инзова, проникнутый отеческою любовью къ молодому поэту [3]). О жизни Пушкина въ Кишиневѣ интересны воспоминанія библіотекаря Кишиневской публичной библіотеки Трясцовскаго и молдованина „бади-Тодоре“, современниковъ Пушкина, сохранившихъ о немъ много разсказовъ. Они были уже обнародованы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1887 г., № 39) и теперь вновь напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ [4]).

Нѣкоторый интересъ представляетъ преданіе о пребываніи Пушкина въ Бѣлградѣ [5]).

Нѣсколько мелкихъ фактовъ изъ кишиневской жизни даютъ воспоминанія В. П. Горчакова [6]), впервые появившіяся въ печати. Впрочемъ, все это факты чисто-анекдотическаго характера [7]).

---

[1]) „Дѣло о Пушкинѣ“ (1820). Изд. Пушк. Комиссіи Одесск. лит.-арт. О-ва. Одесса, 1899.

[2]) Тамъ же, 7.

[3]) Тамъ же, 9.

[4]) „Русск. Арх.“, 1899, № 6, 340.

[5]) „Одесск. Лист., 1898, № 291; 1899, № 64; перепечатка въ „Русск. Арх.“, 1900, № 3, 400.

[6]) „Русск. Арх.“ 1900, № 3, 403.

[7]) Въ дополненіе къ нимъ могу привести коротенькій разсказъ о Пушкинѣ моей бабушки Екат. Абр. Сиповской (урожд. Лучкиной). Отецъ ея былъ одинъ изъ приближенныхъ къ Инзову лицъ и жилъ въ Кишиневѣ. Бабушкѣ было 10—11 лѣтъ, когда она увидѣла Пушкина. По ея разсказамъ, онъ даже ѣздилъ за ней въ пансіонъ и привозилъ ее по субботамъ домой. О великомъ поэтѣ старуха

О пребываніи Пушкина въ с. Каменкѣ А. М. Лобода написалъ цѣлую статью [1]). Передъ нами обстоятельное описаніе теперешняго вида Каменки, рядъ снимковъ, очень живая характеристика прежнихъ обитателей этого имѣнія и, наконецъ, нѣсколько любопытныхъ разсказовъ о Пушкинѣ (правда, опять таки анекдотическаго характера). Особенно любопытенъ разсказъ о томъ, какъ сочинялъ Пушкинъ „Кавказскаго Плѣнника".

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Ризничъ любопытныя данныя приводитъ проф. М. Е. Халанскій [2]) на основаніи разсказовъ П. С. Сречковича, профессора Великой школы (Бѣлградъ), который былъ близко знакомъ съ г. Ризничемъ и многое отъ него слышалъ о Пушкинѣ и его одесской жизни [3]). Впрочемъ, изъ этого разсказа мы узнаемъ больше подробностей о г-жѣ Ризничъ, чѣмъ о Пушкинѣ. О жизни Пушкина въ Одессѣ А. И. Маркевичъ собралъ нѣсколько мелкихъ воспоминаній г. Пикулова, графа М. Д. Бутурлина и Н. Г. Тройницкаго (редактора газеты „Одесскій Вѣстникъ"). Воспоминанія перваго и третьяго касаются отношеній къ поэту графа Воронцова. Любопытно указаніе г. Тройницкаго на графа А. Г. Строганова, который до самой смерти ненавидѣлъ поэта и свою ненависть пропагандировалъ въ Одессѣ [4]).

сохранила воспоминаніе, какъ о человѣкѣ очень веселомъ и неукротимо-рѣзвомъ: по субботамъ, напр., Пушкинъ развлекался тѣмъ, что тушилъ у кишиневскихъ евреевъ ихъ шабашные огни, чѣмъ приводилъ ихъ въ ярость; отъ нея же слышалъ я извѣстный анекдотъ о похищеніи Пушкинымъ туфель одной кишиневской дамы, снявшей ихъ во время обѣда.

[1]) *А. М. Лобода*, „А. С. Пушкинъ въ Каменкѣ", („Памяти Пушкина", научно-литер. сборн., сост. проф. и препод. Имп. У-та св. Влад., Кіевъ, 1899, II ч., 81).

[2]) *М. Е. Халанскій*, „Пушкинъ и г-жа Ризничъ" („Харьковскій университетскій сборн. въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900, 423).

[3]) Тамъ же, 423.

[4]) „Отзывы о Пушкинѣ лицъ, весьма близкихъ къ графу Строганову, были рѣзки до-нельзя, и въ нихъ сквозила месть за Дантеса. Изъ этого же аристократическаго кружка при посредствѣ небезъизвѣстнаго одесситамъ лица (носившаго прозвище — Pic-assiette) явилась недавно брошюра объ истинныхъ причинахъ смерти Пушкина, напечатанная всего будто бы въ 10 экземплярахъ и заключающая въ себѣ грубый пасквиль на Пушкина, близкихъ къ нему лицъ, его друзей и его враговъ, словомъ на всѣхъ, чье имя попалось подъ перо автора". (Тамъ же, 145—146). См. также по этому вопросу интересную замѣтку *В. А. Бильбасова*. „Разсказъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Дантесу". („*Русская Старина*", 1901, № 2). Это—разсказъ кн. Трубецкаго, жителя Одессы, пріятеля тѣхъ „шалуновъ" (Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ), что разсылали пасквили о

О высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ Михайловское мы имѣемъ разсказъ графа Петра Каннста (сообщеніе Л. Н. Майкова) [1]), гдѣ приведена въ концѣ выписка изъ офиціальнаго „дѣла о высылкѣ“ [2]). Изъ этого разсказа мы видимъ, что графиня Воронцова прикрывала Пушкинымъ свое отношеніе къ А. Н. Раевскому, и въ результатѣ, А. С. Пушкинъ, предметъ ревности графа, сдѣлался ему ненавистнымъ.

Любопытенъ одинъ разсказъ о Пушкинѣ, записанный со словъ Андр. Алекс. Куцинскаго [3]). Изъ этого разсказа видна популярность Пушкина среди читающей молодежи. а также вырисовываются нѣкоторыя черточки пушкинскаго облика.

Воспоминанія Н. В. Подвысоцкаго [4]) живо рисуютъ эпизодъ, характеризующій отношеніе къ Пушкину полиціи. Проѣздомъ чрезъ Черниговъ въ 1825 году Пушкинъ заѣхалъ въ имѣніе Подвысоцкаго, чѣмъ взволновалъ здѣшнюю администрацію и даже испортилъ ея отношенія къ Подвысоцкому.

Пушкинъ въ Михайловскомъ. Касательно пребыванія А. С. Пушкина въ с. Михайловскомъ мы также имѣемъ нѣсколько новыхъ данныхъ. Прежде всего, конечно, надо остановиться на мемуарахъ, относящихся къ этой эпохѣ и собранныхъ Л. Н. Майковымъ. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ „Записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ“ [5]), охватывающія впрочемъ періодъ жизни Пушкина бо́льшій, чѣмъ только жизнь въ Михайловскомъ. Записки эти появляются впервые въ „полномъ видѣ“ [6]) и даютъ рядъ любопытнѣйшихъ данныхъ для пониманія поэта. Тонъ записокъ теплый, сердечный, глубоко искренній и правдивый. Перепечаталъ Л. Н. Майковъ также часть записокъ Керн: „Воспоминанія А. П. Марковой-Виноградской (Керн)“ [7]). Наконецъ, очень любопытными являются извлеченія изъ

Пушкинѣ. Вѣроятно, этотъ разсказъ и составляетъ содержаніе указанной брошюры.

[1]) *Л. Н. Майковъ*, „Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губ.“, „*Русская Старина*“, 1899, № 5, 241.

[2]) Тамъ же, 245.

[3]) „Пушкинъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ“, (1824)—„Русск. Арх.“, 1900, № 3.

[4]) *Н. В. Подвысоцкій*, „Изъ моихъ воспоминаній“. „Пушк. Сборн.“ петерб. литераторовъ, Спб., 1899, 586.

[5]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ“, 41.

[6]) *Г. Мякотинъ* совершенно справедливо удивляется, почему конецъ этихъ записокъ Л. Н. Майковымъ не напечатанъ, несмотря на обѣщаніе дать *полный* текстъ (Л. Майковъ, 42). Конецъ этотъ помѣщенъ въ „*Русскихъ Вѣдомостяхъ*“.

[7]) *Л. Майковъ*, 223.

дневника А. Н. Вульфа [1]), характеризующія эпоху пушкинскихъ друзей, отчасти и самого поэта.

И. И. Василевъ въ архивѣ Псковскаго губернскаго правленія нашелъ и напечаталъ очень характерныя бумаги по дѣлу штабсъ капитана Алексѣева, уличеннаго въ держаніи у себя политическихъ стиховъ Пушкина. По этому дѣлу, какъ извѣстно, возникла переписка. и опальному поэту пришлось отписываться [2]).

Тщательно собиралъ г. Василевъ также устные разсказы о Пушкинѣ и указалъ кое-что любопытное касательно отношеній поэта къ простому народу и администраціи [3]). Кромѣ того. перепечаталъ онъ изъ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ статью о перепискѣ тогдашняго остзейскаго губернатора маркиза Паулуччи и графа Воронцова съ псковскимъ губернаторомъ фонъ-Адеркасомъ. Разыскалъ онъ также документы касательно свидѣтельствованія здоровья Пушкина въ Псковской Врачебной Управѣ. На основаніи воспоминаній Демидовой попытался г. Василевъ опредѣлить. въ какомъ домѣ останавливался въ Псковѣ А. С. Пушкинъ; наконецъ, кое-что сообщаетъ онъ о краткомъ пребываніи поэта въ Псковѣ. Очень любопытна статья г. К. А. Тимофѣева, „Могила Пушкина и село Михайловское“ [4]). напечатанная впервые еще въ 1859 году. Въ юбилейномъ году она является во второй разъ на страницахъ „Русской Старины“ [5]), нисколько не потерявъ ни интереса, ни свѣжести. Передъ нами живой подробный разсказъ старика Петра, который у поэта служилъ кучеромъ и сохранилъ въ памяти массу любопытныхъ подробностей его домашняго обихода. Очень любопытны и тѣ данныя, что собраны г. Ив. Щегловымъ [6]). Ему удалось разыскать старуху, дочь того священника Шкоды, что по, желанію поэта, служилъ панихиду по Байронѣ [7]). Передъ нами въ разсказѣ этой Акулины Ларіоновны вырисовывается рядъ фактовъ, прибавляющихъ новыя черточки къ свѣтлому образу поэта. Оказывается, великій поэтъ любилъ поспорить съ сельскимъ

---

[1]) Тамъ же, 162.

[2]) *И. Василевъ*, „Слѣды преб. А. С. Пушкина въ Псковской губ.“, 32.

[3]) Тамъ же, 3—4.

[4]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1859, ч. CIII.

[5]) *„Русская Старина“*, 1899, № 5, 267.

[6]) *И. Щегловъ*, „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества“. (№ 19, 20, 21 „Литературнаго приложенія“ къ „Торгово-промышленной Газетѣ“ за 1900 г.

[7]) Письма Пушкина къ кн. Вяземскому и Льву Сергѣевичу Пушкину отъ 7-го апрѣля 1825 г.

батюшкой,—оба горячились, ссорились, опять мирились. а въ промежутки между богословскими спорами поэтъ немного ухаживалъ за хорошенькой поповной, съ которой даже ходилъ въ лѣсъ „собирать грибы“. Подтверждаетъ разсказъ Акулины Ларіоновны и курьезную обстановку хожденій Пушкина „въ народъ“. Собралъ кое-какія мелочи о Пушкинѣ въ Михайловскомъ и г. Опочининъ [1]). Въ живомъ увлекательно написанномъ очеркѣ поѣздки въ Михайловское мы встрѣчаемъ пересказъ воспоминаній о Пушкинѣ двухъ стариковъ—крестьянъ Лощаника и Кунтузова; особенно обстоятеленъ разсказъ послѣдняго, хотя никакихъ новыхъ подробностей о деревенской жизни поэта не даетъ [2]). Нѣсколько словъ о Пушкинѣ, тоже касательно жизни въ деревнѣ. записалъ г. Опочининъ послѣ разговора съ сыномъ поэта [3]).

Очень любопытенъ разсказъ Екат. Евграф. Синицыной, которая въ ранней юности въ 1827 году на балу у исправника встрѣтилась впервые съ Пушкинымъ и. благодаря его такту и мягкости, была выведена изъ очень неловкаго положенія [4]). Г. В. Острогорскій тоже разсказываетъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни Пушкина, слышанныхъ имъ въ селѣ Михайловскомъ [5]).

Любопытны и воспоминанія Е. И. Фокъ, которая ребенкомъ встрѣтилась съ Пушкинымъ и, конечно, много слышала о немъ отъ старшихъ,—передъ нами въ краткихъ словахъ живая и вѣрная характеристика поэта [6]).

Интересны мелкія свѣдѣнія о жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ, собранныя П. П. Левицкимъ [7]). Благодаря этимъ даннымъ, мы узнаемъ, что у поэта, въ бытность его въ Михайловскомъ, кромѣ Тригорскаго, былъ еще милый уголъ въ имѣніи Н. И. Бухарова, пріятеля Пушкина еще съ Царскаго Села.

Очень характерны для эпохи документы, относящіеся къ судебному

---

[1]) *Е. Опочининъ*, „На родной землѣ“. I. Очерки и разсказы. II. Поѣздка въ Михайловское. М. 1900.

[2]) Тамъ же, 20—1, 22—5.

[3]) Тамъ же, 32.

[4]) Тамъ же, 43—44.

[5]) Альбомъ „Пушкинскій Уголокъ“, сост. *В. П. Острогорскій*, М., 1899, 108—9.

[6]) Тамъ же, 114.

[7]) *П. П. Левицкій*, „А. С. Пушкинъ и Н. И. Бухаровъ“. („*Русская Старина*“, 1899, № 9, 531).

процессу А. Леопольдова, Коноплева и др., попавшихъ подъ судъ за держаніе у себя и распространеніе пушкинскаго стихотворенія: „Андрей Шенье“ [1]). Показанія А. Пушкина по этому дѣлу напечатаны И. А. Шляпкинымъ [2]).

Пушкинъ въ Петербургѣ. Матеріалы, касающіеся петербургскаго періода жизни поэта, на юбилеѣ 1899 года представлены, правда, небогато, но все-таки дали кое-что новое. Такъ, Л. Н. Майковъ обнародовалъ очень любопытныя извлеченія изъ бумагъ Ушаковыхъ [3] (1826—1830 гг.), въ которыхъ образъ поэта рисуется очень ярко, вырисовываются подробности его бродячей жизни, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, и, наконецъ, объясняются нѣкоторыя лирическія сочиненія поэта.

Не менѣе интересна та часть воспоминаній Шевырева [4]), которая рисуетъ жизнь поэта послѣ амнистіи; для насъ выясняются отношенія общества къ поэту, его литературныя московскія связи (Веневитиновъ, Погодинъ).

Очень цѣннымъ является также перепечатанный разсказъ М. И. Пущина „О встрѣчѣ его съ Пушкинымъ на Кавказѣ въ 1829 г.“ [5]).

Единственно изъ этой записки мы узнаемъ о послѣдней части кавказской экскурсіи Пушкина, вообще очень мало выясненной и слабо представленной въ „Путешествіи въ Арзрумъ“.

Любопытны критическія примѣчанія Пушкина объ Озеровѣ и Батюшковѣ, напечатанныя Л. Н. Майковымъ [6]) и пріуроченныя имъ къ 1826 году.

Крайне важнымъ для русскихъ читателей надо признать появленіе на русскомъ языкѣ перевода статьи Мицкевича о Пушкинѣ [7]). Великій польскій поэтъ, стоявшій на одномъ уровнѣ съ русскимъ свѣточемъ, отмѣтилъ въ своей краткой, но сильной статьѣ такія черты внутренняго пушкинскаго облика, которыя остались незамѣтными

---

[1]) *А. Слезскинскій*, „Преступный отрывокъ“ элегіи „Андрей Шенье“, „*Русская Старина*“, 1899, № 8, 313.

[2]) *И. А. Шляпкинъ*, „Къ біографіи А. С. Пушкина“.

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ“; „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ“, 355.

[4]) Тамъ же, 329, 332. (См. *Ист. Лит. Оч.*).

[5]) Тамъ же, 378. (См. *Ист. Лит. Оч.*).

[6]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ“, 268, 284. (о Батюшковѣ. См. *Ист. Лит. Оч.*).

[7]) „Александръ Пушкинъ“. Одного изъ друзей Пушкина (*А. Мицкевича*), „Памяти А. С. Пушкина“, юбил. сборн. журн. „*Жизнь*“, Спб. 1899, также въ „Мірѣ Божьемъ“, 1899, № 5.

многимъ русскимъ современникамъ, критикамъ и біографамъ Пушкина.

Нѣсколько любопытныхъ данныхъ о Пушкинѣ даетъ намъ „Записная книжка Е. В. Путяты", извлеченія изъ которой напечатаны въ № 6 „Русскаго Архива" (1899 года). Въ первый разъ видѣлъ г. Путята Пушкина въ театрѣ московскомъ во время коронаціонныхъ торжествъ, затѣмъ они познакомились, и авторъ записки сдѣлалъ, между прочимъ, любопытное наблюденіе надъ настроеніемъ поэта въ эту пору лучшихъ отношеній къ правительству. „Среди всѣхъ свѣтскихъ развлеченій, читаемъ мы, онъ порой бывалъ мраченъ; въ немъ было замѣтно какое-то грустное безпокойство... покровительство и опека Императора Николая Павловича тяготили его и душили" [1]). Далѣе идетъ разсказъ о хлопотахъ Пушкина уѣхать за границу, приведены нѣкоторые другіе мелкіе факты изъ его жизни и отношеній къ нему властей.

Въ этомъ же смыслѣ для характеристики эпохи интересна переписка (1826 г.), возникшая у административныхъ лицъ въ Петербургѣ по поводу открывшихся сношеній Пушкина съ Плетневымъ [2]). Любопытной вырисовывается въ этихъ письмахъ личность учителя Плетнева: „поведенія примѣрнаго, жизни тихой и уединенной; характера скромнаго и даже болѣе робкаго. Въ прочемъ изустно объявлено генералъ-маіору Арсеньеву имѣть за нимъ надзоръ".

О сватовствѣ Пушкина говорится, между прочимъ, въ цитованной выше статьѣ: „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ" [3]).

Г. Н. Невзоровъ опубликовалъ „брачный обыскъ А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой съ факсимиле брачившихся и поручителей" [4]). Конечно, для біографа этотъ архивный курьезъ значенія не имѣетъ, но любопытенъ, какъ все, что, такъ или иначе, связано съ именемъ Пушкина.

Изъ эпохи путешествія поэта въ Оренбургъ мы также имѣемъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ. Такъ, Л. Н. Майковъ перепечаталъ рукопись В. И. Даля: „Воспоминанія о Пушкинѣ" [5]). Вмѣстѣ съ поэтомъ ѣздилъ онъ въ Берды (около Оренбурга) и собиралъ

[1]) „Русск. Арх.", 1899, № 6, 350—1.

[2]) *П. В. Петровъ*, „О связяхъ учителя Плетнева съ литературнымъ Пушкинымъ", *„Русская Старина"* 1899, № 5, 509.

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ", 355.

[4]) *Н. Невзоровъ*, „Къ біографіи А. С. Пушкина", матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ, Спб., 1899.

[5]) *Л. Майковъ*, Пушкинъ, 416. (См. *Ист. Лит. Оч.*).

въ этой столицѣ Пугачева устныя преданія о немъ. Разсказъ Даля не пространенъ, но написанъ очень живо и обрисовываетъ Пушкина очень выпукло. Этому пребыванію Пушкина въ Оренбургѣ посвящена также статья г. Н. П. Иванова [1]), въ которой мы находимъ, между прочимъ, перепечатку [2]) интереснаго дѣла „объ учрежденіи тайнаго полицейскаго надзора за прибывшимъ временно въ Оренбургъ поэтомъ (sic!), тит. сов. Александромъ Пушкинымъ", и воспоминанія о Пушкинѣ оренбургскихъ старожиловъ—генералъ-маіора И. В. Чернова и старушки-казачки Блиновой, которая хорошо запомнила образъ поэта и передала свои воспоминанія живымъ образнымъ языкомъ. Характерно также приведенное авторомъ письмо одной москвички, проживавшей въ 1833 г. въ Оренбургѣ и имѣвшей случай бесѣдовать съ той старухой, современницей и даже, по предположенію автора, любовницей Пугачева, которая много разсказала Пушкину о самозванцѣ. Старуха эта разсказала собесѣдницѣ о Пушкинѣ и о томъ, какъ всѣ Берды приняли его за антихриста [3]). Нѣсколько данныхъ касательно жизни Пушкина въ Оренбургѣ собрано въ „Трудахъ Оренб. архивн. комиссіи". Впрочемъ все это перепечатки, особаго интереса не имѣющія [4]).

Пребыванію А. С. Пушкина въ Казани посвящены, какъ извѣстно, интересныя записки жены профессора Фукса, А. А. Фуксъ. Записки эти, затерянныя въ „Казанскихъ губ. Вѣдомостяхъ" (1844 г., № 2, 18—24), извлечены оттуда проф. А. С. Архангельскимъ и въ видѣ приложенія перепечатаны вмѣстѣ съ другими матеріалами (2 произведенія А. А. Фуксъ и баллада Каменева „Громвалъ") въ его любопытной работѣ: „А. С. Пушкинъ въ Казани" (Казань, 1899). Эти же записки перепечатаны еще на страницахъ „Русской Старины" [5]).

---

[1]) *Н. П. Ивановъ*, „Пушкинъ на Бердахъ", Русск. Арх. 1900, № 1, 149, также см. его статью въ „Трудахъ Оренб. Арх. Комит.", 1900, т. VI того же названія.

[2]) *Н. П. Ивановъ* увѣряетъ, что оно „нигдѣ не опубликовано", но на страницахъ того же Русск. Арх. (1899, № 5) г. Юдинъ даетъ объясненія и дополненія къ этому дѣлу, напечатанному въ *Русск. Стар.* (1883 г., № 1).

[3]) Статья эта вызвала дополнительную замѣтку г. *Юдина* съ существенными исправленіями: „По поводу статьи о пребываніи А. С. Пушкина въ Бердѣ" (Русск. Арх., 1900, № 5, 106).

[4]) „Тр. Оренб. Арх. Ком.", 1900, вып. VI. „Воспоминанія бывшаго воспитанника Оренб. Неплюевскаго кадетскаго корпуса Н. И. Иванова", „Воспоминанія купца Н. А. Кайдалова", „Домъ, въ которомъ останавливался Пушкинъ въ Оренбургѣ", „Нѣсколько указаній о пребываніи А. С. Пушкина на Бердахъ" (С. Н. Севастьяновъ).

[5]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Казани", *Русск. Старина*, 1899, № 5, 257.

Это обстоятельство, конечно, указываетъ на ихъ интересъ,—и, дѣйствительно, Пушкинъ, добродушный, мягкій, легко открывающій свое сердце хорошимъ добрымъ людямъ, живо обрисовывается въ этомъ эскизѣ. Любопытны также черты суевѣрности Пушкина, отмѣченныя обстоятельно въ запискахъ А. А. Фуксъ.

Важны очень для будущаго біографа Пушкина документы, касающіеся его службы съ 1831—37 гг. [1]); ихъ полностью обнародовалъ Н. А. Гастфрейндъ, почерпнувъ изъ Государственнаго архива и С.-Петербургскаго главнаго архива и издавъ очень изящно отдѣльной книгой. Изъ 15 опубликованныхъ документовъ собственно 12 относятся непосредственно къ Пушкину, — остальные 3 касаются Геккерена или наслѣдниковъ поэта. Изъ 12 пушкинскихъ дѣлъ—3 относятся къ архивнымъ занятіямъ Пушкина, 2 — о производствѣ Пушкина, 4—объ отпускахъ, 2—о жалованьи и ссудѣ Пушкину, 1—о его смерти. Документы эти цѣнны для установленія нѣкоторыхъ хронологическихъ датъ, а потому появленіе ихъ въ свѣтъ можно искренне привѣтствовать. Къ документамъ приложены 7 снимковъ съ автографовъ Пушкина: 1) Подписка, взятая съ Пушкина объ отъѣздѣ его изъ Одессы прямо въ Псковъ, 2) Подписка о полученіи прогоновъ отъ Одессы въ Псковъ, 3—4) Письмо Пушкина къ Василію Алексѣевичу Полѣнову [2]), 5) Подписка Пушкина о непринадлежности ни къ какимъ тайнымъ и масонскимъ обществамъ, 6) Расписка Пушкина отъ 9-го сентября 1832 года о полученіи 1.666 руб. 66½ коп., 7) Расписка Пушкина отъ 27-го декабря 1832 года о полученіи 1.556 руб. 66½ коп. Кромѣ того, мы имѣемъ снимокъ со свидѣтельства Императорскаго Александровскаго лицея объ окончаніи Пушкинымъ курса наукъ.

Кромѣ этихъ документальныхъ данныхъ имѣемъ мы нѣсколько любопытныхъ мелкихъ фактовъ, хорошо характеризующихъ поэта. Такъ, очень любопытенъ анекдотъ [3]) о Пушкинѣ, прекрасно рисующій его умѣніе ладить съ простымъ народомъ. Характерны также

---

[1]) *Н. А. Гастфрейндъ*, „Пушкинъ".—Документы Государственнаго и С.-Петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг. Съ семью снимками съ автографовъ Пушкина и однимъ снимкомъ съ подлиннаго свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ Имп. Алекс. Лицеѣ. С.-Пб., 1900.

[2]) Съ просьбой распечатать дѣло Пугачева и снестись съ Малиновскимъ относительно документовъ, касающихся допроса самозванца.

[3]) „Анекдотъ о Пушкинѣ", Русск. Арх., 1899, № 6.

краткія воспоминанія о поэтѣ четы Клодтъ, рисующія отношенія к Пушкину великосвѣтской черни, не цѣнившей и не понимавшей его [1]).

Дуэль и смерть Пушкина. Особенно большую литературу в 1899—1900 году вызвала исторія пушкинской дуэли. Безспорно, са мымъ серьезнымъ вкладомъ въ эту литературу является изданіе под линнаго военно-суднаго дѣла, возникшаго въ 1837 году изъ-за этой дуэли [2]). Главное значеніе этого изданія — полное оправданіе вели каго поэта отъ тѣхъ клеветъ, которыми преслѣдовали его не только враги современники, но даже и послѣдующія поколѣнія клеветни ковъ [3]). Дантесъ былъ осужденъ своими же товарищами-офицерами его виновность подчеркнута, и кара почти не была смягчена. Хотя въ силу тогдашняго закона, всѣ участники дуэли приговаривались к повѣшенію и даже убитаго на поединкѣ вѣшали „за ноги внизъ головой", — судьи не рѣшились произнести подобный приговоръ надъ тѣломъ одного изъ величайшихъ людей русскихъ, но Данзаса и Дантеса приговорили къ висѣлицѣ. Впослѣдствіи наказаніе Данзаса было сведено къ двухмѣсячному аресту безъ разжалованья, а Дантесъ лишенный всѣхъ правъ и отличій, пріобрѣтенныхъ въ Россіи, въ со провожденіи жандарма, былъ вывезенъ изъ предѣловъ ея.

При этомъ литературномъ дѣлѣ приложены вопросные пункты участникамъ дуэли, Дантесу, Данзасу, приведены письмо Пушкина касательно предполагавшейся первой и состоявшейся второй дуэли письма д'Аршіака, секунданта Дантеса къ Вяземскому о дуэли письмо Данзаса къ Вяземскому касательно подробностей дуэли... Осо бенно выпукло рисуется страшное настроеніе Пушкина наканунѣ дуэли, когда Дантесъ и д'Аршіакъ (переписка съ Пушкинымъ) торо пили его съ устройствомъ поединка. Очень цѣнны, конечно, показа нія Данзаса, рисующія подробности дуэли [4]). Ярко вырисовывается изъ дѣла и некрасивая роль голландскаго посланника [5]). Вообще эт изданіе одно изъ самыхъ цѣнныхъ въ пушкинской литературѣ 1899 года

Нѣкоторые документы, касающіеся этой же дуэли, находимъ мы и на страницахъ нашихъ историческихъ журналовъ. Въ „Русско

---

[1]) *И. Щеголевъ*, op. cit. 7—8.

[2]) *П. фонъ-Кауфманъ*, „Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккереномъ". Подлин ное военно-судное дѣло 1837 г. Издано въ пользу фонда Пушкинскаго лицейскаг общества, С.-Пб., 1900.

[3]) См. выше указанную книгу о дуэли Пушкина, вышедшую въ 10 экз.

[4]) Тамъ же, 123—128.

[5]) Тамъ же, 141.

Старинѣ" напечатанъ facsimile черновой письма А. С. Пушкина къ д'Аршіаку [1]),—документъ, свидѣтельствующій о той внутренней тревогѣ, которая мучила великаго поэта въ послѣдніе дни его жизни. На страницахъ того же журнала встрѣчаемъ мы приказъ о Данзасѣ [2]).

Г. Лобановъ выпустилъ небольшую брошюрку, разъясняющую вопросъ о мѣстѣ дуэли поэта [3]). Передъ нами перепечатка давнишней полемики автора на страницахъ нашихъ газетъ съ г. Скляренко. Кто правъ изъ нихъ, рѣшить трудно, но вопросъ поставленъ г. Лобановымъ интересно. Любопытенъ также перепечатанный имъ по этому поводу разсказъ дворника Ивана, прибѣжавшаго на выстрѣлы и видѣвшаго, какъ лежалъ на снѣгу А. С. Пушкинъ и какъ его увезли [4]).

Г. Невзоровъ опубликовалъ найденную имъ церковную выписку о смерти А. С. Пушкина [5]).

Л. Павлищевъ, племянникъ поэта, выпустилъ въ свѣтъ отдѣльной книжкой все то, что онъ узналъ о смерти дяди отъ родственниковъ или изъ книгъ [6]). Явное желаніе автора обѣлить супругу поэта и представить его отца въ видѣ какого-то трогательнаго несчастнаго старца, сквозитъ съ первыхъ же страницъ. Далѣе г. Павлищевъ разсказываетъ, какъ были потрясены братъ и сестра поэта, что говорили они по поводу смерти своего великаго родственника. Любопытнѣе разсказы г. Павлищева о Геккеренахъ и объ отношеніи къ нимъ Пушкина, хотя изъ его книги трудно судить, что взято имъ изъ книгъ, что изъ устныхъ разсказовъ.

О маскѣ, снятой съ поэта, мы имѣемъ любопытныя данныя, собранныя и объясненныя проф. Шмурло [7]).

Очень цѣнными являются, безъ сомнѣнія, нѣкоторыя письма современниковъ о смерти поэта; въ этихъ письмахъ выразилось настроеніе

---

[1]) „Черновой набросокъ письма А. С. Пушкина къ виконту д'Аршіаку отъ 27-го января 1857 года". *„Русская Старина"*, 1900 г., № 3, 589.

[2]) „Приказъ по инженерному корпусу о секундантѣ А. С. Пушкина подполковникѣ Данзасѣ". *„Русская Старина"*, 1899, № 5, 246.

[3]) *Д. И. Лобановъ*, „О мѣстѣ дуэли А. С. Пушкина". Кутаисъ, 1899.

[4]) Тамъ же, 15—16.

[5]) *Н. Невзоровъ*, „Къ біографіи А. С. Пушкина", 8—9.

[6]) „Кончина Александра Сергѣевича Пушкина", составилъ его племянникъ(!) *Левъ Павлищевъ*. С.-Петербургъ, 1899.

[7]) *Е. Ф. Шмурло*, „Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета". (Пушк. Сб.", есть отд. отт. Юрьевъ, 1899).

разныхъ круговъ русскаго общества, застигнутаго врасплохъ смертью поэта. Мы имѣемъ, напримѣръ, письмо Александра Петровича Языкова къ Александру Андреевичу Катенину [1]). Здѣсь подробно и вѣрно разсказана исторія ссоры Пушкина съ Геккеренами и дуэль. Письмо отражаетъ тотъ ужасъ, который овладѣлъ русскими людьми, чтившими поэта.

Имѣемъ мы еще два письма отца поэта С. Л. Пушкина, одно изъ которыхъ писано послѣ смерти сына къ Н. Н. Раевскому въ отвѣтъ на его утѣшительное письмо [2]). Очень цѣнны также воспоминанія И. А. Гончарова о томъ потрясающемъ впечатлѣніи, которое было произведено на русскую молодежь извѣстіемъ о кончинѣ поэта [3]) „Въ моей скромной чиновничьей комнаткѣ,—разсказываетъ И. А. Гончаровъ,—на полочкѣ, на первомъ мѣстѣ, стояли его (Пушкина) сочиненія, гдѣ все было изучено, гдѣ всякая строчка была прочувствована, продумана. И вдругъ пришли и сказали, что онъ убитъ, что его болѣе нѣтъ... Я вышелъ изъ канцеляріи въ корридоръ и горько, горячо, не владѣя собою, отвернувшись къ стѣнѣ и закрывая лицо руками, заплакалъ...“ и т. д. О смерти Пушкина и о тяжелыхъ обстоятельствахъ ея говорится также въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго къ графинѣ Э. К. Мусиной-Пушкиной [4]), перепечатанномъ изъ ярославской газеты „Сѣверный Край“ (1899, № 331).

Л. Н. Майковъ напечаталъ три письма о смерти А. С. Пушкина [5]). Эти любопытные документы характеризуютъ отношенія къ умершему поэту русскаго и иностраннаго общества. Первое письмо принадлежитъ графу Фикельмону (написано къ князю Метерниху) другое—Е. А. Баратынскому (къ князю П. А. Вяземскому), третье самое большое,—князю П. А. Вяземскому (къ графинѣ Э. К. Мусиной Пушкиной).

О печальномъ погребеніи его разсказали со словъ мужиковъ-оче

---

[1]) „Описаніе Пушкинскаго музея Императорскаго Александровскаго лицея“ составили *С. М. Аспшъ* и *А. Н. Яхонтовъ*, подъ редакціей *И. А. Шляпкина* Спб. 1899. Приложенія, стр. 450.

[2]) „Къ біографіи А. С. Пушкина“, сообщилъ *Л. Н. Майковъ*, „*Русская Старина*“, 1899, № 5, 263.

[3]) Тамъ же, 265—6.

[4]) „Русскій Архивъ“, 1900, № 3, 391.

[5]) *Л. Н. Майковъ*, „Три письма о смерти А. С. Пушкина“, „*Старина и Новизна*“, 1900 г. (отд. оттиск.).

видцевъ наши литераторы, посѣтившіе с. Михайловское: гг. Опочининъ, В. Острогорскій и Ив. Щегловъ [1]).

Очень любопытны, но не новы, документы изъ монастырскаго архива (бумаги мѣстнаго архіерея и администраціи), касающіеся погребенія поэта. Они были напечатаны въ 1866 г. въ „Псковскомъ Городскомъ Листкѣ", перепечатаны тамъ же въ 1896 г. Г. Опочининъ ихъ еще разъ напечаталъ въ своей книгѣ [2]), а г. В. Острогорскій еще разъ перепечаталъ въ своей [3]).

Письма Пушкина. Конечно, въ высокой степени цѣнны нѣсколько обнародованныхъ писемъ самого Пушкина и его друзей къ нему. Особенно любопытно письмо поэта къ Дуровой (1836 г.), кавалеристу-дѣвицѣ [4]). Съ чисто кавалерійской стремительностью она аттаковала мало знакомаго ей поэта просьбами позаботиться объ изданіи ея записокъ. Пушкину пришлось успокаивать ее, доказывать, что не всѣ ея желанія исполнимы,—ему пришлось въ своемъ письмѣ выказать всю свою тактичность, мягкость душевную,—оттого письмо его очень характерно и важно для уясненія нѣкоторыхъ чертъ пушкинскаго облика. Во 2-мъ изданіи сочиненія Я. Грота: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники" встрѣчаемъ: 1) перепечатку письма А. С. Пушкина къ И. И. Мартынову (1815) и 2) впервые появившееся въ печати письмо поэта къ В. Д. Вальховскому [5]) (22-го іюля 1835), впрочемъ особаго интереса не представляющее. Нѣкоторую цѣнность представляетъ письмо Пушкина къ В. Д. Сухорукову (14-го марта 1836 г.), въ которомъ поэтъ приглашаетъ своего кавказскаго знакомаго принять участіе въ „Современникѣ" [6]). Очень любопытно милое дружеское письмо поэта къ какой-то дамѣ, судя по объясненіямъ комментатора Н. Лернера [7])—къ А. И. Осиповой. Отъ этого сердечнаго письма вѣетъ атмосферой Тригорскаго и, хотя оно писано въ 1835 году, однако оно полно молодого настроенія. Въ высокой степени интересна переписка Бенкендорфа съ Пушкинымъ [8]) (1826—1830),—за напеча-

[1]) *Опочининъ.* „На родной землѣ"; *В. Острогорскій.* „Пушкинскій уголокъ", 75; *Ив. Щегловъ.* „По слѣдамъ Пушкинскаго торжества", 27.

[2]) Op. cit., 34—4.

[3]) Op. cit., 75—7.

[4]) Пушкинскій сборникъ (петербургскихъ литераторовъ). Письмо сообщено и комментировано *Л. Н. Майковымъ* (V—VI).

[5]) Op. cit., 174—175.

[6]) „Русскій Архивъ", 1899, № 5, 159.

[7]) „Русскій Архивъ", 1899, № 9, 172.

[8]) Въ составъ ея вошли письма, которыя или не были напечатаны, или напе-

таніе ея надо принести г. редактору „Русской Старины“ искреннюю признательность, такъ какъ эти письма до боли ясно рисуютъ то отчаянное положеніе великаго поэта, когда онъ попалъ въ тиски „отеческаго наблюденія“ г. шефа жандармовъ...

Въ упомянутыхъ уже выше изданіяхъ г. Кауфмана: „Дуэль Пушкина“ и Гастфрейнда: „Пушкинъ“ (документы Госуд. и С.-Пб. Главнаго Арх.) также напечатаны нѣкоторыя письма и прошенія Пушкина. Въ первой книгѣ встрѣчаемъ всю переписку касательно дуэли (письма Пушкина, Геккерена старшаго и д'Аршіака) [1]), во второй—дѣловое письмо А. С. Пушкина къ В. А. Полѣнову (28-го августа 1833), и нѣсколько расписокъ поэта.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ [2]) напечатаны два неизданныя письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому и два къ А. С. Норову. Особенно любопытно первое, отправленное изъ Кишинева 6-го февраля 1823 г. Это—отвѣтъ на статью кн. Вяземскаго о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“. Пушкинъ говоритъ здѣсь мимоходомъ о романтизмѣ и французской литературѣ, о русской критикѣ и цензурѣ и высказываетъ нѣсколько соображеній касательно „Кавказскаго Плѣнника“. Второе письмо къ Вяземскому неизвѣстнаго года 7-го мая съ просьбой похлопотать о пенсіи какой-то вдовѣ. Оба письма къ А. С. Норову заключаютъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ литературные интересы Пушкина.

И. А. Шляпкинъ напечаталъ [3]) интересное письмо поэта къ Н. Н. Гончаровой (30-го октября 1830 г.). Письмо писано во время холеры и проникнуто тревогой и желаніемъ скорѣе добраться до невѣсты, которая, судя по письму, дулась на него. Другое письмо, напечатанное тамъ же, къ А. О. Ишимовой (27-го января 1837), въ день дуэли. Поэтъ съ письмомъ шлетъ г-жѣ Ишимовой сочиненія Вгау Cornwall, хвалитъ ея переводы. Напечаталъ г. Шляпкинъ и маленькую незначительную записочку къ А. П. Кернъ (вѣроятно, 1825 г.), разыскавъ ее въ лейпцигской библіотекѣ.

чатаны не вполнѣ и безъ датъ (*„Русская Старина“*, 1899, № 5, 247—256). Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были пересказаны *М. И. Сухомлиновымъ* въ его статьѣ: „Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина“ (*„Историческій Вѣстникъ“*, 1884, № 1).

[1]) Черновой набросокъ письма А. С. Пушкина къ виконту д'Аршіаку отъ 27-го января 1837 г. напечатанъ *Ив. Кубасовымъ* въ *„Р. Стар.“*, 1900, № 3, 589.

[2]) *„Р. Вѣсти.“*, 1899, № 6. „Изъ неизданной переписки А. С. Пушкина“ съ прим. *Гр. Георгіевскаго*.

[3]) *И. А. Шляпкинъ*, „Къ біографіи Пушкина“.

Въ Сборникѣ Юрьевскаго университета перепечатано письмо поэта къ М. И. Загоскину (14-го іюля 1830 г.) [1]). Очень цѣнно „Письмо А. С. Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8-го декабря 1824 г.“ [2]); по заявленію автора, статья его, посвященная толкованію этого письма, есть извлеченіе изъ статьи его же: „Неизданныя письма А. С. Пушкина“ („Русск. Обозр.“, 1897),—и, слѣдовательно, есть перепечатка уже опубликованнаго матеріала, но интереса отъ этого письмо не теряетъ, такъ какъ, во-первыхъ, оно не вошло въ изданія сочиненій Пушкина, а, во-вторыхъ, оно интересно, само по себѣ, какъ одна изъ живыхъ, свѣтлыхъ страничекъ въ жизни поэта. Здѣсь передъ намъ впервые мелькаетъ образъ той А. П. Керн, вдохнувшей впослѣдствіи въ душу поэта такія чувства, которымъ равнымъ по высотѣ и красотѣ мы не знаемъ въ міровой поэзіи.

Письма къ Пушкину. Изъ писемъ къ Пушкину появилось за 1899—1900 нѣсколько очень любопытныхъ. Отмѣтимъ прежде всего перепечатку письма Н. Н. Раевскаго (10-го мая 1825 г.), широко комментированнаго Л. Н. Майковымъ [3]). Извѣстно, какое значеніе имѣлъ Раевскій въ жизни поэта,—поэтому всякій фактъ, проливающій лучъ свѣта на эти отношенія, очень цѣненъ для насъ. Передъ нами другъ поэта въ роли его литературнаго судьи и совѣтника. Если бы мы имѣли всю переписку друзей, можетъ быть, мы могли бы прослѣдить степень вліянія Раевскаго на литературное развитіе нашего великаго писателя,—въ напечатанномъ письмѣ видны опредѣленные, ясные вкусы Раевскаго, съ которыми Пушкину, конечно, приходилось считаться. Очень важно напечатанное впервые „Неизданное мѣсто изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ А. С. Пушкину“ [4]) (1825 г.). Передъ нами нѣсколько данныхъ, свидѣтельствующихъ объ интересѣ Н. М. Карамзина къ трагедіи „Борисъ Годуновъ“. Отмѣтимъ также черновой отпускъ письма С. С. Уварова Пушкину при посылкѣ французскаго перевода стиховъ, „Клеветникамъ Россіи“ [5]).

Произведенія Пушкина. Появилось въ печати нѣсколько произве-

---

[1]) „Пушк. Сб. изд. Имп. Юр. У-томъ“, 63. Впервые письмо это напечатано г. Кордтомъ въ „*Русской Старинѣ*“ (1890, № 8, 292), безъ указанія мѣстонахожденія автора и безъ даты.

[2]) *Н. И. Черняевъ*, „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“, 65.

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ“, 143. (См. *Ист. Лит. Оч*)..

[4]) „Русск. Арх.“, 1900. № 3, 404. Бо́льшая половина этого письма напечатана въ „Русск. Арх.“ (1874, II т.), этотъ же конецъ отысканъ позднѣе.

[5]) „*Русск. Стар.*“, 1899, № 5. 266.

деній самого Пушкина. Такъ, г. Сапожниковъ обнародовалъ нѣсколько черновыхъ рукописей поэта [1]), найденныхъ имъ въ усадьбѣ П. В. Анненкова. Особаго значенія для пониманія Пушкина эти рукописи не имѣютъ, но, конечно, цѣнны, какъ все вышедшее изъ-подъ пера великаго поэта. Прежде всего передъ нами „записки" Пушкина (съ отрывка о докладѣ адъютанта Давыдова генералу Багратіону до критической замѣтки о литературной дѣятельности князя Шаховскаго). Затѣмъ имѣются „Замѣчанія на Анналы Тацита", элегія: „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной" и „Замѣтка о холерѣ". Найденныя рукописи позволяютъ возстановить нѣкоторые пропуски въ изданіи Анненкова, исправить нѣкоторыя мелкія погрѣшности. Такъ, напримѣръ, г. Сапожниковъ даетъ намъ полное чтеніе (9 строфъ) стихотворенія „Вѣнчаніе Шутовскаго", изъ котораго у Анненкова напечатаны только 2 первыя строфы [2]) въ виду незначительности этого произведенія. Напечатана здѣсь и слабая эпиграмма на „Шах. Шихм. и Шишк." и ученическіе стишки на лицейскихъ начальниковъ, учителей, учениковъ, сторожей. Впрочемъ, можно думать, что стихи эти и не Пушкина,—вѣроятнѣе всего, юноша занесъ въ свои записки не свое произведеніе, а продуктъ коллективнаго лицейскаго творчества, пришедшійся ему по вкусу подъ вліяніемъ минуты.

Изданныя г. Сапожниковымъ „Замѣчанія на Анналы" также позволяютъ будущему издателю сочиненій Пушкина внести нѣсколько редакціонныхъ поправокъ въ печатный текстъ этого произведенія.

Г. Василевъ въ цитованномъ уже нами сочиненіи [3]) разсказываетъ о тѣхъ находкахъ, что удалось ему сдѣлать въ Псковской губерніи: у г. М. Плюшкина нашелъ онъ нѣсколько портретовъ поэта, гравюръ къ его произведеніямъ. У барона Бориса Вревскаго „сохраняются еще письма (Пушкина?), альбомы (Пушкина?) и другіе (??); тамъ же хранится подаренный Пушкинымъ экземпляръ „Онѣгина" съ над-

---

[1]) *Д. И. Сапожниковъ*, „Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина". „Р. Арх." 1899, № 2, потомъ былъ и въ продажѣ отдѣльный оттискъ и новое изданіе. Редакція *„Русскаго Обозрѣнія"* перепечатала брошюру г. *Сапожникова* и, поблагодаривъ его за открытіе, выпустила самостоятельно въ продажу подъ названіемъ: „Цѣнная находка".

[2]) Напечатано цѣликомъ въ соч. Анненкова: „А. С. Пушкинъ. Мат. для его біографіи", 22.

[3]) *И. И. Василевъ.* „Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губерніи". С.-Пб., 1889.

письмо „Твоя отъ твоихъ". Къ сожалѣнію, какъ видно изъ приведенной нами цитаты, указанія г. Василева не отличаются ясностью! „У одной дочери Вревскаго, бывшей въ замужествѣ за членомъ Государственнаго Совѣта П. А. Зубовымъ, Евгеніи Борисовны, есть письма Пушкина. У священника г. Острова П. Вл. Симанскаго есть любопытное четверостишіе, писанное рукою Пушкина. Сверхъ сего есть еще двѣ тетради на синей бумагѣ съ стихотвореніями, писанными большею частью одной рукой" [1]). Далѣе идетъ списокъ стихотвореній разныхъ писателей, современныхъ Пушкину иногда съ отмѣткою: „за подписью автора". Какъ удалось деревенскому переписчику собрать подписи Пушкина, Жуковскаго, барона Дельвига, князя Вяземскаго, Давыдова, Рылѣева и мн. др.—это загадка, которую, вѣроятно, разрѣшитъ самъ г. Василевъ, если признаетъ, что „подписи" сдѣланы той же рукой, какой переписаны и стихи. Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Пушкина, помѣщенныхъ въ этихъ тетрадяхъ, г. Василевъ сравнительно съ текстомъ изданія Павленкова отмѣтилъ варіанты.

Г. Якушкинъ въ очеркѣ своемъ: „А. С. Пушкинъ. Новые отрывки изъ его бумагъ" [2]), даетъ рядъ, болѣе или менѣе, любопытныхъ выдержекъ изъ „Дневника" Пушкина (1833—1835 гг.), нигдѣ не напечатанныхъ. Жаль, что онъ, по собственому признанію, не „исчерпалъ" рукописи дневника. Выдержки эти, какъ и тѣ, что мы уже знаемъ, бѣдно представляютъ Пушкина,—это, большею частью, свѣтскія или придворныя сплетни и ничего болѣе.

Приводитъ г. Якушкинъ и два большіе пропуска изъ „Путешествія въ Арзрумъ",—одинъ представляетъ изъ себя разговоръ Пушкина съ казаками,—другой заключаетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ о кавказскомъ знакомцѣ поэта, сотникѣ Сухоруковѣ.

Л. Н. Майковъ въ статьѣ: „Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ" [3]) напечаталъ три стихотворенія поэта, въ томъ видѣ, въ какомъ они были начертаны имъ въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой. Для исторіи текста пушкинскихъ твореній эти стихотворенія имѣютъ несомнѣнный интересъ.

Въ „Описаніи Пушкинскаго Музея" И. А. Шляпкинъ издалъ принадлежащій лицею автографъ стихотворенія: „Пирующіе студенты"

---

[1]) Тамъ же, 55—6.

[2]) *В. Е. Якушкинъ*, „О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки". Москва. 1899, 165.

[3]) *Л. Майковъ*, „Пушкинъ", стр. 363.

съ такою точностью, съ какою это произведеніе еще не было издаваемо [1]).

Въ этомъ же изданіи встрѣчаемъ мы напечатанными въ „Приложеніи“ нѣсколько малозначущихъ записокъ, которыя условно приписаны Пушкину.

Г. Ив. Кубасовъ обнародовалъ найденный имъ черновой набросокъ стихотворенія Пушкина „Альфонсъ“ [2]).

Г. В. Острогорскій вывезъ изъ Михайловскаго стихотворное переложеніе „Отче Нашъ“, повидимому, счелъ его своимъ открытіемъ, приписалъ Пушкину и заявилъ, что „такихъ сюрпризовъ (!!) отыщется еще не мало“ [3]).

Въ заключеніе, остановимся на тѣхъ интересныхъ матеріалахъ, что найдены И. А. Шляпкинымъ и въ скоромъ времени выйдутъ въ свѣтъ. Благодаря его любезности мы имѣли возможность ознакомиться въ корректурныхъ листахъ съ этою любопытнѣйшей находкой. Передъ нами рядъ такихъ данныхъ, которыя для всякаго почитателя великаго поэта, несомнѣнно, въ высокой степени цѣнны. Изданные со всею изысканною точностью, эти документы дадутъ многое для пониманія нѣкоторыхъ произведеній поэта и его самого, его настроеній, процесса его творчества. Распадается весь матеріалъ на три группы: 1) автографы произведеній Пушкина (черновики), 2) копіи съ пушкинскихъ стиховъ, сдѣланныя Анненковымъ, 3) письма Пушкина (черновики). Въ первыхъ двухъ группахъ имѣемъ мы варіанты и дополненія къ изданнымъ стихотвореніямъ, а также нѣсколько новыхъ отрывковъ Пушкина, имѣемъ часть неизвѣстной до сихъ поръ драматической пьесы, дополненія къ изданнымъ прозаическимъ произведеніямъ, нѣкоторыя замѣтки и выписки поэта. Особенно любопытенъ кусокъ пушкинскаго перевода сценъ изъ Шекспировской драмы: „Measure for measure“ (Анджело), дополненія къ стихотворенію: „Полководцу“, варіанты трехъ главъ „Евгенія Онѣгина“, „Хронологія“ Евгенія Онѣгина, программа „Исторіи села Горохина“, „Станція“ (отрыв. изъ

---

[1]) Op. cit., 442.

[2]) *Ив. Кубасовъ*, „Вновь найденный черновой набросокъ стихотворенія Пушкина: Альфонсъ“, *Русская Старина*, 1900, № 2, 309.

[3]) „Пушк. Уголокъ“, 94—5. Стихотвореніе это, приписываемое г. Каллашемъ на основаніи рукоп. данныхъ Фету, печаталось не разъ въ заграничныхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина; было перепечатано въ „Русск. Архивѣ“ (1881, № 1). Объ „открытіи“ *В. Острогорскаго* объявлено также въ „Цирк. по петерб. окр.“ (1899, стр. 116).

„Станц. Смотрителя“). Стихотворенія тянутся съ 1825 года („Все въ жертву памяти твоей“ (4 нов. стр.), „Стрекотунья бѣлобока“, „Конечно презирать не трудно“ (N XIII альбомъ Евгенія Онѣгина), „На холмы Грузіи ночная тѣнь легла“ (вар.), „Къ фонтану“, „Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты, Василій Львовичъ“, „Стою печаленъ — на кладбище“ (вар.), „Надо мной въ лазури ясной“, „Опять увѣнчаны мы славой“, „Возстань, о Греція“, „Два чувства дивно близки намъ“ (8 нов. стр.), „Женитьба“, „Что слишкомъ часто разговоры“ (VIII, гл. IX стр. Евг. Онѣг.), „И часъ насталъ“ (ч. VIII, стр. XXXVI, Евг. Онѣг.), „Отвѣтъ анониму“ (вар.), „Полонофилу“, „На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной“, „Пѣсня объ Асанъ-агиницѣ“, „Что же сухо въ чашѣ дно?“ (изъ Анакреона), „Съ очами быстрыми“, „Если ѣхать вамъ случиться“, „Опять на родинѣ“ (нов. вар.), „Наполеону“; копіи Анненкова: „Наполеону“. „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Пущину“, „Родословная“ и мн. др.

Черновики писемъ поэта, изданные И. А. Шляпкинымъ, также очень любопытны потому, что передъ нашими глазами раскрывается сложная редакція такихъ щекотливыхъ писемъ, какъ, напримѣръ, къ Бенкендорфу. Благодаря точности г. редактора мы въ печатномъ текстѣ можемъ видѣть, какое слово зачеркнуто, какимъ замѣнено и пр. Всѣхъ писемъ 30, изъ нихъ къ Бенкендорфу—18; Н. И. Гончаровой (тещѣ)—1, А. П. Ермолову—1, И. Т. Калашникову—1. П. И. Лажечникову—1, Д. Н. Бантышу-Каменскому — 1, графу А. С. Уварову (отъ имени К. Шишковой)—1, къ М. П. Погодину—1, въ Главный Комитетъ С.-Пб. цензуры—1, къ А. Жобару—1, А. Л. Крылову — 1, М. А. Дондукову-Корсакову—1, Н. Н. Пушкиной—1. Не входя въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ документовъ, очень цѣнныхъ, мы не можемъ не остановиться на послѣднемъ письмѣ къ женѣ. И. А. Шляпкинъ относитъ это письмо, впрочемъ нерѣшительно, къ 1836 году. Изъ письма явствуетъ, что бывали минуты, когда великій поэтъ сомнѣвался въ вѣрности своей подруги жизни,—фактъ, очень цѣнный для біографа Пушкина.

III.

Общіе очерки жизни и дѣятельности А. С. Пушкина.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще хорошей полной біографіи Пушкина и далеко еще то время, когда будемъ ее имѣть, такъ какъ мы слишкомъ мало знаемъ эпоху, предшествовавшую пушкинской, равно какъ и современную Пушкину; мы не выяснили еще всего того, что

сдѣлали ученики и послѣдователи Пушкина,—но у насъ есть уже рядъ недурныхъ очерковъ жизни и дѣятельности великаго писателя, мы имѣемъ уже рядъ спеціальныхъ монографій, посвященныхъ разнымъ вопросамъ пушкинской жизни и дѣятельности. Правда, все это еще *попытки*, эскизы, въ которыхъ опущено много цѣннаго, выдвинуто не мало случайнаго, мелкаго, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, въ нихъ намѣчаются уже ясно тѣ элементы, изъ которыхъ сложится въ будущемъ хорошая біографія поэта.

Въ юбилейной литературѣ 1899 г., несомнѣнно, одной изъ любопытнѣйшихъ работъ общаго характера надо признать довольно большой біографическій очеркъ Пушкина, принадлежащій г. П. Кудрявцеву [1]). Авторъ совершенно правильно ограничилъ рамки своей работы, подчеркнувъ, что даетъ характеристику лишь *главныхъ моментовъ* жизни поэта. „Въ исторіи литературнаго развитія Пушкина, говоритъ онъ, нужно различать нѣсколько преемственныхъ моментовъ, которые, какъ уже замѣчено, переплетаются съ актами его жизненной драмы, вступая при этомъ во взаимодѣйствіе съ ними: условія жизни такъ или иначе вліяютъ на ходъ литературнаго развитія, въ свою очередь литературные интересы вплетаются въ различные акты жизненной драмы, то ускоряя, то задерживая ея движеніе. Прослѣдить и отмѣтить главные моменты въ жизни и литературномъ развитіи Пушкина — въ этомъ состоитъ задача настоящаго очерка“ [2]). Изъ этого предисловія уже видна сознательность работы, строгая системность біографическаго и литературнаго матеріала. И, дѣйствительно, работа г. Кудрявцева, не вносящая, правда, ничего новаго въ пониманіе поэта, принадлежитъ къ разряду умныхъ, добросовѣстныхъ, стройныхъ изложеній его жизни и дѣятельности. Хотя авторъ не вполнѣ владѣетъ литературой вопроса, разбросанной по разнымъ историческимъ журналамъ, но почти все крупное въ пушкинской литературѣ послѣдняго времени ему извѣстно и въ работѣ его удачно использовано. Недостатки его очерка истекаютъ, главнымъ образомъ, изъ неразработанности тѣхъ историко-литературныхъ вопросовъ, надъ которыми пришлось ему работать. Такъ, ему, напримѣръ, совсѣмъ неясенъ русскій романтизмъ вообще и Пушкина въ частности,—литературное явленіе, дѣйствительно, сложное, тѣмъ болѣе, что оно противопоставляется въ нашей литературѣ „псевдоклас-

---

[1]) *П. Кудрявцевъ*, „А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературнаго развитія“ („Сборникъ Пушкину“. Изд. Кіевск. Педаг. О—ва. Кіевъ. 1899).

[2]) Тамъ же, 33.

сицизму", явленію совсѣмъ другого порядка, такъ какъ съ первымъ у насъ стараются связать *идейное* содержаніе, а со вторымъ въ русской критикѣ связаны исключительно *формальныя* особенности. Самъ Пушкинъ колебался всю свою жизнь въ опредѣленіи романтизма, не разъ собирался дать свое опредѣленіе, но кромѣ намековъ ничего не далъ. Впрочемъ, онъ былъ правъ, когда пришелъ къ относительно-правильному выводу, отказавшись отъ опредѣленія романтизма съ идейной стороны его содержанія (дѣйствительно, совершенно неуловимой) и попытавшись оцѣнить это понятіе съ той же точки зрѣнія, съ какой оцѣнивалъ русскій классицизмъ—съ формальной [1]). Г. Кудрявцевъ съ этимъ не согласенъ, такъ какъ, дѣйствительно, русскій романтизмъ, хотя и блѣдный, безшумный и безсильный, какъ отраженіе въ облакахъ далекой грозы,—тѣмъ не менѣе все-таки не исчерпывается такой односторонней оцѣнкой, — но авторъ согласится съ нами, что съ логической стороны Пушкинъ былъ правъ, такъ какъ, очевидно, сопоставляя два родственныхъ понятія, онъ оцѣнивалъ ихъ съ одной точки зрѣнія. Мы думаемъ, впрочемъ, что, говоря о Пушкинѣ, лучше ничего не говорить о романтизмѣ, потому что нашъ великій поэтъ, пѣвецъ земли, ея радостей и печалей, былъ *реалистомъ* въ лучшемъ значеніи этого слова.

Ни въ коемъ случаѣ не можемъ мы также согласиться съ такимъ пониманіемъ кишиневской жизни поэта: „снова начались „игры Вакха и Киприды" и неразлучныя съ ними ссоры и дуэли; карты и кутежи отнимали и время, и силы у молодого поэта; въ сношеніяхъ съ окружавшими его лицами Пушкинъ сдѣлался дерзокъ, задоренъ, заносчивъ; онъ какъ бы намѣренно шелъ наперекоръ общественнымъ приличіямъ и нравственнымъ требованіямъ. Помутилось и религіозное чувство" [2]). Дальше идутъ разныя варіаціи на любимые мотивы Ап. Григорьева о „мутныхъ струяхъ чувственности". Приведенныя нами строки говорятъ прежде всего о томъ, что г. Кудрявцевъ представляетъ себѣ жизнь поэта, какъ смѣну различныхъ настроеній по эпохамъ. Между тѣмъ, Пушкинъ и любопытенъ тѣмъ, что въ его душѣ въ одну и ту же эпоху уживались самыя разнородныя чувства. При быстрой смѣнѣ настроеній (черта пушкин-

[1]) *Пушкинъ*, Соч., V, 243—244.

[2]) По его собственному признанію, онъ былъ внѣ литературныхъ партій (тогда извѣстныхъ—псевдоклассической и романтической), въ то же время исходя изъ обѣихъ и порою къ нимъ примыкая. „Я въ литературѣ скептикъ, чтобы не сказать хуже, и всѣ ея секты для меня равны". Op. cit., 70.

скаго характера, многими отмѣченная), имъ овладѣвало то одно, то другое чувство, и поэтъ творилъ, весь покоренный этимъ минутнымъ торжествомъ возбужденной эмоціи. Совершенно невѣрно поэтому опредѣленіе г. Кудрявцевымъ процесса поэтическаго творчества [1]), которое, яко-бы, у Пушкина заключаетъ въ себѣ „могучую очистительную силу“: „чтобы переработать въ поэтическіе образы разнообразныя впечатлѣнія жизни, поэту нужно снова пережить (?) ихъ въ своемъ сознаніи (?), *поставить ихъ предъ судомъ своею разума и своей совѣсти*“ [2]). Едва ли какой-нибудь поэтъ въ ту минуту, когда онъ творитъ, *судитъ* свои поэтическія видѣнія „судомъ разума и совѣсти“. Не правъ г. Кудрявцевъ и тогда, когда говоритъ, что во время жизни въ Кишиневѣ „помутилось религіозное чувство поэта“ [3]),— эти слова предполагаютъ, что у Пушкина когда-то было *ясно* религіозное чувство. Когда же? Когда онъ былъ малосмысленнымъ ребенкомъ, и няня. зажигавшая передъ образомъ лампадку, „прежде. чѣмъ разсказывать своему любимцу сказки о подвигахъ Бовы или Ильи Муромца, ограждала его отъ духовъ крестомъ и молитвой“ [4])? Мы думаемъ, что всѣ помыслы ребенка были тогда не о „крестѣ и молитвѣ“, а о Бовѣ и Ильѣ Муромцѣ.

Изъ мелкихъ замѣчаній можемъ мы сдѣлать г. Кудрявцеву слѣдующія: мало и блѣдно рисуетъ онъ отчій домъ поэта, не отмѣчаетъ онъ того подъема настроенія въ русскомъ обществѣ, которое было принесено войной съ Наполеономъ,—для психологіи Пушкина-лицеиста это очень важно; кромѣ того не совсѣмъ понялъ авторъ, что разумѣлъ поэтъ подъ словами: „поэтическая лѣнь“. „Юному поэту, объясняетъ г. Кудрявцевъ, кажется, что вдохновеніе не вяжется съ усидчивымъ трудомъ“ [5]). Судя по контексту, мы полагаемъ, что поэтъ говоритъ здѣсь о *лѣни заниматься чѣмъ-нибудь кромѣ поэзіи*,—извѣстно, что поэтическихъ трудовъ Пушкинъ не бѣгалъ. Слишкомъ плохо оцѣнилъ авторъ жизнь лицея въ дѣлѣ духовнаго обогащенія поэта, унизилъ черезчуръ Арзамасъ, далъ неясное опредѣленіе поэмы „Русланъ и Людмила“, сказавъ фигурно, что она „была здоровымъ, задорнымъ хохотомъ поэта, увлекшимъ однихъ, смутившимъ другихъ“ [6]). Значе-

---

[1]) Тамъ же, 70—71.
[2]) Тамъ же, 71. Курсивъ нашъ.
[3]) Тамъ же, 70.
[4]) Тамъ же, 40.
[5]) Тамъ же, 53.
[6]) Тамъ же, 63.

ніе юга выяснено недостаточно вѣрно: почему-то значеніе Одессы возвышено за счетъ Кишинева; слишкомъ бѣгло охарактеризованы драматическіе отрывки [1]). Къ достоинствамъ работы г. Кудрявцева, кромѣ указанныхъ выше—плана, систематизаціи матеріала и хорошаго языка,—относится также и обстоятельное выясненіе отношенія Пушкина къ Байрону и Шатобріану, подробная характеристика „Бориса Годунова", сжатое, но охватывающее все важное, выясненіе литературныхъ заслугъ Пушкина.

Прекрасна біографія поэта, составленная А. А. Венкстерномъ [2]); по серьезности и содержательности это, безспорно, лучшая работа по этому вопросу, хотя автору можно сдѣлать упрекъ за то, что онъ *перепечаталъ* свою статью изъ альбома пушкинской выставки 1880 года „безъ измѣненій" [3]). За 19 лѣтъ появилось довольно новаго матеріала,— его слѣдовало бы внести въ старую работу, обновивъ ее — тогда работа г. Венкстерна не имѣла бы себѣ соперниковъ въ юбилейной литературѣ 1899—1900 гг.

3-имъ изданіемъ выпустилъ въ 1899 году и г. Скабичевскій біографію поэта, представляющую одинъ выпускъ изъ серіи „исторической библіотеки Ф. Павленкова" [4]).

Профессора Е. Ѳ. Карскій, А. И. Смирновъ, Д. В. Цвѣтаевъ, лекторъ А. В. Михайловъ, учителя Н. В. Бенедиктовъ и В. В. Власовъ сочинили общими силами біографію поэта [5]). Это—оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника"; въ нѣсколько измѣненномъ видѣ онъ печатался при „избранныхъ сочиненіяхъ", изданныхъ варшавскимъ округомъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ статья „Русскаго Филологическаго Вѣстника", вѣроятно, предназначалась не для учебныхъ заведеній, а для читателей взрослыхъ, то потому измѣненій въ ней сдѣлать надо было больше. Передъ нами жизнь поэта, въ которой затушеваны всѣ отношенія поэта къ правительству, обойдены его литературныя отношенія, скрашено все, что бросало бы „невыгодный" свѣтъ на него, какъ на человѣка и гражданина. Не можемъ мы не остановиться на нѣкоторыхъ промахахъ. Такъ, невѣрно истолко-

---

[1]) Тамъ же, 149.

[2]) *А. А. Венкстернъ*. А. С. Пушкинъ. Біограф. очеркъ. М. 1899.

[3]) Предисловіе.

[4]) *А. М. Скабичевскій*. А. С. Пушкинъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. С.-Пб. 1899. 3-е изд.

[5]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ" (26-го мая 1799 года—29-го января 1837 г.), біограф. очеркъ, характеристика личности и литературной дѣятельности поэта. Варшава 1899.

вано стихотвореніе: „Наперстница волшебной старины“, въ которомъ комиссія составителей почему-то усмотрѣла образъ бабушки поэта; неправильно обрисована жизнь поэта въ лицеѣ, гдѣ, оказывается, „всѣ вообще любили его“, и профессора, и товарищи: нравъ у него былъ веселый, сердце доброе, искреннее и привязчивое“ [1]). Такой характеристикой сложный образъ поэта упрощенъ до невѣрности, а утвержденіе, что въ лицеѣ „всѣ жили дружною семьею“, прямо невѣрно. Общее мѣсто о вліяніи въ 1820 г. на Пушкина „величественныхъ красотъ Кавказа и патріархальнаго суроваго быта горцевъ“ [2]) пора бы сдать въ архивъ, такъ какъ извѣстно, что первое путешествіе Пушкина на Кавказъ ограничилось поѣздкой на Минеральныя воды, гдѣ нѣтъ величественныхъ красотъ Кавказа и „патріархальныхъ“ горцевъ тогда уже не было. Непонятно, почему изъ многихъ прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній 20-хъ годовъ комиссія выдѣлила „драгоцѣнный перлъ“—„испанскій романсъ“ (1824 г.), явившійся, якобы, плодомъ изученія испанской литературы (?) и языка“ (??) [3]). Нельзя не отмѣтить и неправильнаго утвержденія, что взглядъ на поэзію, какъ на „искусство для искусства“, былъ основнымъ символомъ вѣры Пушкина и что „онъ былъ очень доволенъ, когда увидѣлъ, что его взгляды на поэта и искусство сталъ раздѣлять и новый журналъ—«Московскій Вѣстникъ», основанный въ 1827 г. профессорами Погодинымъ и Шевыревымъ“ [4]). Подобный взглядъ на Пушкина—одно изъ самыхъ прискорбныхъ заблужденій его русскихъ толкователей. Онъ нуждается въ самомъ серьезномъ пересмотрѣ. Мы думаемъ, во-первыхъ, что стихотвореніе „Пророкъ“ должно совсѣмъ отбросить изъ ряда стихотвореній, въ которыхъ приходится искать profession de foi Пушкинскихъ взглядовъ на значеніе поэта: это одно изъ дивныхъ поэтическихъ выраженій библейской картины превращенія простого смертнаго въ пророка—не больше. Пушкинъ вообще по натурѣ своей былъ далекъ отъ символизма,—онъ, пѣвецъ конкретной красоты и непосредственныхъ чувствъ. Примѣненіе же словъ: „глаголомъ жечь сердца людей“—совсѣмъ неудачно къ дѣятельности нашего поэта, который ласкалъ, „согрѣвалъ“ сердца, но никогда ихъ не жегъ. Что же касается до ряда стихотвореній, въ которыхъ поэтъ-жрецъ противопоставляется неразумной черни,—то эта тема, одина-

[1]) Тамъ же, 10.
[2]) Тамъ же, 14.
[3]) Тамъ же, 18.
[4]) Тамъ же, 24.

ково рбщая французской и нѣмецкой поэзіи конца XVIII и начала XIX в., вовсе не есть созданіе его чуткаго любящаго сердца; передъ нами просто—красивый образъ, который припоминался поэту тогда, когда минутныя настроенія выбивали его изъ колеи обычной поэтической жизни. Какъ Жуковскій, переводившій только то, что отвѣчало его сердечной жизни, такъ и Пушкинъ, чуткій ко всякой красотѣ, бралъ иногда извнѣ то прекрасное, что отвѣчало его настроеніямъ.

Кромѣ того, непріятно останавливаютъ на себѣ вниманіе нѣкоторыя шероховатости, какъ, напримѣръ, такая характеристика Пушкина: онъ „былъ скроменъ и застѣнчивъ... даже (!) иногда приписывалъ себѣ такіе пороки, какихъ у него никогда не было“ [1])! Если мы даже и допустимъ существованіе такого факта, развѣ онъ можетъ доказывать *застѣнчивость* поэта? Жуковскій отнесенъ дважды къ „*ново*-романтикамъ“ [2]), что совсѣмъ непонятно. Пушкинъ рисуетъ „чистую дѣйствительность, конечно—въ идеальномъ освѣщеніи“ [3])—на нашъ взглядъ, что-то въ родѣ противорѣчія.

Поэтъ создалъ средневѣкового рыцаря такъ, какъ онъ „представлялся каждому образованному русскому“ [4]). Думается намъ, это утвержденіе также неправильно. Карамзинъ, насколько намъ помнится, никогда стиховъ своихъ Пушкину на просмотръ не давалъ, о чемъ мы читаемъ въ разбираемой книгѣ [5]). А. Тургеневъ и Плетневъ отнесены къ „лучшимъ писателямъ“ пушкинской эпохи [6]),—что, конечно, странно.

Гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе составляетъ очеркъ г. А. И. Цомакіона [7]). Передъ нами живой, обстоятельный разсказъ о жизни поэта, съ болѣе или менѣе удачными экскурсами въ область русской литературы. Впрочемъ, предназначая свою работу для читателя ниже средняго круга, составитель книги старался поддѣлаться подъ пониманіе этого читателя, — отсюда нѣсколько курьезовъ въ родѣ, напримѣръ, объясненія сущности романтизма, какъ поэзіи, въ

---

[1]) Тамъ же, 31.
[2]) Тамъ же, 36.
[3]) Тамъ же, 37.
[4]) Тамъ же, 42.
[5]) Тамъ же, 8.
[6]) Тамъ же, 27.
[7]) *А. И. Цомакіонъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Біографическій очеркъ. Одесса. 1899.

которой говорится, „о желаніяхъ, неясныхъ для самихъ желающихъ и никогда неисполняющихся“ [1]).

Все, что дальше сказано о романтизмѣ, точно также непонятно и туманно. Непонятную идеализацію встрѣтили мы также въ описаніи жизни лицея [2]): все, что мы знаемъ о лицеѣ, не позволяетъ дѣлать выводовъ такихъ радужныхъ, къ которымъ пришелъ г. Цомакіонъ,— тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее изложеніе жизни Пушкина-лицеиста [3]) противорѣчитъ такой идеализаціи. Новостью является у г. Цомакіона слѣдующая характеристика Пушкина: по его словамъ, изъ лицея поэтъ вышелъ съ такою выдержкою, что „никогда не позволялъ онъ себѣ никакихъ рѣзкостей въ спорѣ съ людьми, которыхъ уважалъ“, „внимательно слѣдилъ за своею наклонностью къ шуткѣ“ [4]). Говоря о литературныхъ связяхъ поэта по окончаніи лицея, сказавъ, что „по субботамъ онъ аккуратно бывалъ у Жуковскаго, былъ постояннымъ гостемъ и у Карамзина, а всѣ утра проводилъ за упорной литературной работой“, авторъ неожиданно заключаетъ: „такое неумѣренное напряженіе силъ разрѣшилось болѣзнью“ [5] — пресловутою „гнилою лихорадкою“, которую поэтъ получилъ, какъ извѣстно, вовсе не отъ посѣщенія Жуковскаго и Карамзина, равно какъ и не отъ „утреннихъ занятій“. Неправильно, на нашъ взглядъ, и утвержденіе, что Пушкинъ, выступая на литературное поприще, сознательно ставилъ себѣ реформаторскія „задачи“ [6]). Рѣшительное заявленіе автора, что „высылка на югъ Россіи всегда была истиннымъ несчастіемъ для Пушкина“, опровергается далѣе цѣлымъ рядомъ общеизвѣстныхъ фактовъ, доказывающихъ, что эта высылка была, пожалуй, и счастьемъ для поэта, и что недостатка въ хорошихъ людяхъ онъ вовсе на югѣ не испытывалъ. Отношенія поэта къ „свѣту“ наканунѣ дуэли тоже выяснены недостаточно правильно. Начать съ того, что эпитетъ „кроткая“, которымъ г. Цомакіонъ украсилъ жену поэта, вовсе къ ней не идетъ. Фраза, въ родѣ слѣдующей: „самолюбіе его становилось все болѣе и болѣе задорнымъ (?); онъ не стѣснялся высказывать самыя ѣдкія мнѣнія о людяхъ, ему непріятныхъ. Все чаще и чаще давалъ онъ волю своей насмѣшливости, нерѣдко очень злой“—1) невѣрно рисуетъ поведеніе поэта въ „свѣтѣ“, а 2) противорѣчитъ выше

[1]) Тамъ же, 36.
[2]) Тамъ же, 15, 16.
[3]) Тамъ же, 18.
[4]) Тамъ же, 19.
[5]) Тамъ же, 30.
[6]) Тамъ же, 37.

цитованной характеристикѣ поэта, какъ человѣка осторожнаго, мягкаго, внимательно относящагося къ своимъ шуткамъ.

Очень живую и талантливую картину жизни поэта далъ г. Ив. Ив. Ивановъ [1]). Объ этомъ авторѣ намъ придется говорить еще не разъ, такъ какъ онъ въ юбилейной литературѣ *четыре* раза выступилъ съ оцѣнкой Пушкина, — всякій разъ передъ новой аудиторіею, въ зависимости отъ чего одинъ и тотъ же матеріалъ комбинировался и освѣщался имъ нѣсколько иначе [2]). Настоящій очеркъ, изданіе „Дѣтскаго Чтенія", повидимому, долженъ былъ быть предназначенъ для дѣтскаго возраста, — но едва ли эта работа доступна дѣтямъ, а потому приходится пожалѣть, что г. Ивановъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ самый слабый изъ трехъ своихъ очерковъ о Пушкинѣ. Но, несмотря на это, разсматриваемый нами очеркъ, несомнѣнно, одна изъ лучшихъ работъ въ юбилейной литературѣ 1899—1900 гг.; въ ней даже есть такія достоинства, которыхъ нѣтъ въ болѣе колоритной и сильной статьѣ: „Дни покаянія"—бо́льшее спокойствіе и объективность. Авторъ обладаетъ прекраснымъ знаніемъ пушкинскаго матеріала, его языкъ выразителенъ и богатъ, образы, имъ рисуемые, выпуклы и живы; теплый симпатичный тонъ всей работы ни разу не переходитъ въ мелодраматическій вопль, чѣмъ грѣшитъ порою статья „Дни покаянія". Новыхъ матеріаловъ въ распоряженіи г. Иванова нѣтъ, но въ его работѣ чувствуется сознательное отношеніе къ старому и попытка самостоятельно объяснить факты изъ жизни поэта. Центръ всей работы лежитъ на дѣтствѣ и юности поэта, меньше мѣста удѣлено его жизни въ Николаевскую эпоху. Характеристика отца, матери, особенно няни, лицейскихъ порядковъ—лучшія страницы этой работы.

Неправильнымъ показалось намъ упорное желаніе автора въ теченіе всего жизнеописанія поэта доказывать, что Пушкинъ, начиная съ лицейской скамейки до зрѣлаго возраста, „старался" поддѣлаться подъ общій уровень современной пошлости, чтобы не выдѣляться своимъ развитіемъ въ толпѣ. Мы думаемъ, что „старанія" никакого не было, и Пушкинъ, поступившій въ лицей, по развитію и знаніямъ вовсе

---

[1]) *Ив. Ив. Ивановъ.* „Пушкинъ". *Библіотека Дѣтскаго Чтенія.* Москва. 1899.

[2]) Въ первой главѣ нашей работы, говоря о чествованіи Пушкина, мы не отмѣтили страннаго отношенія г. Иванова къ чествованію поэта: см. его статью: „Дни покаянія" (*Міръ Божій*, 1899, № 5). Въ разбираемой нами теперь книгѣ отношеніе къ празднику совершенно нормальное, что, несомнѣнно, является противорѣчіемъ и идеямъ, и настроенію статьи: „Дни покаянія".

не былъ неизмѣримо выше товарищей.— Нашъ поэтъ очень долго, даже по окончаніи лицея, оставался ребенкомъ, въ которомъ лишь „бродили" „великія идеи" эпохи. Вотъ почему сторонились его друзья-декабристы. Это были люди болѣе бѣдные въ духовномъ отношеніи, но въ душѣ ихъ не было хаоса,—всѣ ихъ идеи были опредѣленны и ясны. Этой опредѣленности и ясности не было у Пушкина. Оттого такъ пестра его жизнь, послѣ лицея, столько мотивовъ звучитъ въ его поэзіи, столькимъ разнообразнымъ чувствамъ онъ былъ доступенъ. Никогда Пушкинъ не „старался" поддѣлаться подъ кого бы то ни было, — онъ всегда вѣренъ себѣ, и противорѣчія его жизни, [illegible] быстрая смѣна его душевныхъ настроеній — все это отзвуки той богато одаренной, но не дисциплинированной души, которою судьба одарила его. Будущему біографу поэта придется внимательно разобраться въ *мозаичности* его идей, чувствъ и настроеній. Эта особенность яснѣе всего сказалась тогда, когда складывался своеобразный геній нашего великаго поэта: образы Парни и К°, рѣчи Чаадаева, патріотическія настроенія, радикализмъ и „Зеленая Лампа",— все это такой головокружительный водоворотъ, глядя на который мудрено говорить объ опредѣленныхъ „убѣжденіяхъ" поэта. Стихотвореніе „Деревня", на которомъ подолгу останавливаются всѣ біографы поэта, едва ли этого заслуживаетъ,—на нашъ взглядъ, оно только доказываетъ, что душа юнаго поэта была воспріимчива ко всѣмъ идеямъ, что носились въ воздухѣ: какъ его политическія эпиграммы, оно—порожденіе минуты и едва ли говоритъ о чемъ-нибудь глубокомъ. Жизнь поэта ясно доказываетъ, насколько отзывчивъ былъ въ то время поэтъ ко внѣшнимъ воздѣйствіямъ и какъ мало тогда было въ немъ устойчивости: сближеніе съ Раевскими — и рядъ серьезныхъ мыслей о XVIII вѣкѣ, Кишиневъ—и новыя настроенія, пестрыя, безпокойныя... Лишь ко второй половинѣ своей жизни поэтъ станетъ выше внѣшнихъ впечатлѣній, потому что въ его душѣ будетъ запасъ *своихъ* идей, *своя* мѣрка вещей и явленій... Нельзя не упрекнуть г. Иванова также за полное нежеланіе понять отношенія Карамзина къ Пушкину. Онъ даже замалчиваетъ разсказъ самого Пушкина, хотя бы объ извѣстной сценѣ, когда историографъ „въ звѣздахъ" отправлялся во дворецъ и шутилъ съ юношей-поэтомъ, какъ старшій его товарищъ (Соч. П—на, V, 42). Ясный, сложившійся духъ Карамзина, конечно, былъ далекъ отъ метущагося духа юноши, но всѣмъ мягкимъ сердцемъ своимъ Карамзинъ былъ на сторонѣ Пушкина. Охлажденіе между ними произошло по винѣ Пушкина, позволившаго

себѣ что-то некрасивое въ семьѣ Карамзина, — при чемъ отдалился первымъ опять-таки Пушкинъ, который, благодаря своей болѣзненной впечатлительности, не могъ забыть своего поступка.

Г. Романовъ издалъ юбилейный сборникъ [1]), въ которомъ біографія поэта мозаично составлена изъ выдержекъ, взятыхъ у разныхъ біографовъ Пушкина: „Пушкинъ въ домѣ родителей и въ Александровскомъ лицеѣ“ (К. П. П.). „Пушкинъ на югѣ“ (В. Я. Стоюнинъ). „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“ (проф. А. Незеленовъ), „Жуковскій и Пушкинъ: пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ, Москвѣ и на Кавказѣ“ (П. Загаринъ). „Пушкинъ въ Петербургѣ“ (П. Л. Ефремовъ), „Послѣдніе дни жизни Пушкина“ (А. О. Смирнова). „Преждевременная смерть Пушкина и ея причина“ (Влад. Соловьевъ),—вотъ, изъ какихъ главъ составлена эта странная „біографія“. Можно себѣ представить, насколько ясенъ и опредѣленъ получается образъ Пушкина!

Очень умѣло и живо составлена біографія Пушкина г. Носковымъ [2]); менѣе удачна работа г. Круковскаго [3]), хотя и ей нельзя отказать въ нѣкоторой свѣжести образовъ и живости изложенія.

Г. Фаресовъ предпослалъ своимъ описаніямъ чествованія Пушкина краткій біографическій очеркъ поэта [4]);—для чего онъ это сдѣлалъ, мы не понимаемъ, такъ какъ общеизвѣстные факты онъ изложилъ языкомъ довольно страннымъ, и порою въ извращенномъ видѣ. Началъ жизнеописаніе поэта авторъ со скорбной лѣтописи предковъ поэта. Слова: „зарѣзалъ“, „заморилъ“, „двоеженецъ“, „многоженецъ“ пестрятъ глаза,—послѣ такихъ „колоритныхъ“ словъ черезчуръ скромно звучитъ объясненіе автора, что предки поэта „не отличались нормальностью поступковъ“. „Учителя въ лицеѣ были умными и прекрасными людьми, но также и вѣрными друзьями бокала“ [5]). Пушкинъ „возненавидѣлъ директора“ [6]). Пушкинъ оставилъ лицей, „имѣя уже впереди массу враждебныхъ его направленію лицъ, державшихся преданія

---

[1]) „Юбилейный сборникъ (26-го мая 1899 г.) историко-литературныхъ статей о Пушкинѣ“. Изд. *Н. Я. Романова*. Спб., 1899.

[2]) „Вся Россія“. *Н. Д. Носковъ*. „А. С. Пушкинъ“, біографическій очеркъ, 1899. Кіево-Харьковское южно-русское книгоиздательство *Ф. А. Іогансона*.

[3]) *Адр. Круковскій*. „Къ столѣтней годовщинѣ рожденія А. С. Пушкина“. Очеркъ жизни и дѣятельности поэта. Поневѣжъ, 1899.

[4]) *А. В. Фаресовъ*. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и чествованіе его памяти“. Спб., 1899.

[5]) Тамъ же, 5.

[6]) Тамъ же.

псевдоклассицизма“ [1]). „Страсти разрушали его здоровье, но (!) на враговъ онъ дѣйствовалъ наскокомъ“ [2]).

„Поэтъ, влюбившись въ дорогѣ въ одну изъ дочерей Раевскаго, началъ писать: „Кавказскій плѣнникъ“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“ [3]).

„Увлекаясь въ Кишиневѣ бо́льшую часть времени то цыганками (Людмила и Стеша), то гречанками (Калипсо), Пушкинъ постоянно рвался изъ изгнанія въ новыя мѣста“ [4]),—вотъ образчики тѣхъ перловъ, изъ которыхъ составлена работа г. Фаресова.

Г. Филоновъ выпустилъ къ юбилею третьимъ изданіемъ свою работу о Пушкинѣ [5]).

Приложены краткіе очерки къ двумъ работамъ, посвященнымъ вопросу о музыкальномъ выраженіи произведеній Пушкина [6]). Оба очерка по краткости и шаблонности интереса никакого не представляютъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что второй и болѣе живой очеркъ составленъ отчасти по книгамъ г. Авенаріуса („Дѣтскіе годы Пушкина“ и др.).

Г. Харціевъ составилъ очень живую популярную біографію поэта съ большими выдержками и пересказами изъ произведеній поэта [7]). Изъ біографій поэта, написанныхъ для народа, это, безъ сомнѣнія, одна изъ лучшихъ. Языкъ простой и живой, подборъ произведеній удачный.

Г. Добронравовъ далъ очеркъ жизни поэта [8]) и приложилъ къ нему три собственныхъ стихотворенія. На обложкѣ помѣщенъ чей-то аляповатый портретъ, повидимому, самого г. Добронравова. Не будемъ говорить о его стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ разсказываетъ, какъ Пушкинъ „запарилъ (sic!) какъ бы орелъ въ выси надъ всѣмъ

---

[1]) Тамъ же, 7.

[2]) Тамъ же, 8.

[3]) Тамъ же, 9.

[4]) Тамъ же.

[5]) *А. Филоновъ.* „Поэтъ Пушкинъ“. Общедоступное чтеніе. Изд. 3-е печатанное безъ перемѣнъ со второго. Спб., 1899.

[6]) *М. Соколовъ* и *Л. Гольдманъ.* „Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ“, съ портретомъ и біографіей поэта. Спб., 1899. *Н. М. Ярошенко.* „Пушкинъ въ музыкѣ“. Одесса, 1899.

[7]) *В. Харціевъ.* „Чтеніе объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ 26-го мая 1899 въ столѣтнюю годовщину его рожденія“. Подъ редакціей *И. П. Хрущова.* Изданіе Харьковской Комиссіи Народныхъ Чтеній. Харьковъ. 1899.

[8]) *Е. Добронравовъ.* „Къ столѣтнему юбилею дня рожденія поэта А. С. Пушкина“. М. 1899.

славянскимъ міромъ" etc.,—и перейдемъ къ біографіи. „Отецъ Пушкина былъ офицеромъ, проводилъ большую часть времени въ походахъ и потому не имѣлъ возможности лично заниматься воспитаніемъ дѣтей" [1])—цѣнное открытіе! У Пушкина въ дѣтствѣ былъ „русскій учитель"—„нѣкто Миллеръ" [2])—тоже новость. Изъ другихъ „новинокъ" отмѣтимъ, хотя бы, слѣдующія: „Не столько за теплое къ себѣ отношеніе, сколько за чудныя сказки поэтъ былъ признателенъ своей нянѣ на всю жизнь" [3]). „Будучи въ среднихъ классахъ лицея, Пушкинъ, пользуясь библіотекой отца (въ лицеѣ-то!), прочелъ всѣхъ корифеевъ анакреонтической поэзіи"... „Нѣкоторыя лицейскія стихотворенія молодого поэта выдѣляются изъ числа заурядныхъ внѣшне-эффектныхъ произведеній французской поэзіи" [4]). „Подъ своими произведеніями Пушкинъ въ началѣ подписывался псевдонимомъ „Сверчокъ" [5]). Байронизмъ оказывается у г. Добронравова „французскимъ вліяніемъ" [6]). Разсужденія автора о значеніи поэзіи настолько непонятны, что на нихъ останавливаться не стоитъ. Отмѣтимъ только, что, по его словамъ, Писаревъ и Добролюбовъ „брали точку отправленія" отъ того самаго „горшка" [7]), о которомъ еще Пушкинъ упоминаетъ въ произведеніи „Чернь".

Небольшая книжка г. Ладыженскаго [8]) для народа написана простымъ хорошимъ языкомъ и даетъ вѣрное представленіе о жизни великаго поэта.

Нѣсколько словъ о жизни поэта приложено и къ избраннымъ сочиненіямъ поэта для дѣтей школьнаго возраста, вышедшимъ въ Новоузенскѣ [9]).

Анонимная біографія поэта [10]) представляетъ изъ себя популяризацію для народа, недурно составленную, впрочемъ не безъ шероховатостей и недостатковъ.

---

[1]) Тамъ же, 10.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 11.
[4]) Тамъ же, 13.
[5]) Тамъ же, 14.
[6]) Тамъ же, 15.
[7]) Тамъ же, 31.
[8]) *В. Н. Ладыженскій.* „А. С. Пушкинъ о жизни и сочиненіяхъ". (Опытъ бесѣды о Пушкинѣ въ народной школѣ). Чтеніе для народа. Москва, 1899.
[9]) *В. К—а.* „Къ столѣтію рожденія великаго, геніальнаго, незабвеннаго русскаго поэта А. С. Пушкина". Новоузенскъ, 1899.
[10]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ", юбилейное изданіе, подъ редакціей *Вс. С. Соловьева.* Спб., 1899.

Нельзя не отмѣтить нѣсколько изданій, въ которыхъ подобраны „пушкинскіе“ анекдоты. Изъ анекдотовъ, конечно, многіе всѣмъ извѣстны, но много есть такихъ, принадлежность которыхъ великому поэту, конечно, никто не докажетъ [1]). Изъ этихъ книгъ самая серьезная—работа г. Шевлякова. Передъ нами рядъ разсказовъ изъ жизни поэта, при чемъ многіе, неизвѣстно почему, причислены къ разряду „анекдотовъ“ (напримѣръ, разсказъ о смерти поэта, письма современниковъ о немъ, отзывы его о разныхъ литературныхъ произведеніяхъ и мн. др.). Въ московскомъ изданіи анекдотовъ изъ жизни Пушкина мы встрѣчаемъ какую-то нескладную „легенду о Пушкинѣ“, неизвѣстно зачѣмъ попавшую въ печать.

Г. Воскресенскій въ цѣляхъ „развитія торговли и промышленности“ издалъ „Дѣловую брошюру“, въ которой перемѣшалъ съ реклами „ами и различными объявленіями и біографію поэта [2]). Довольно странное соединеніе; впрочемъ популярный очеркъ о Пушкинѣ относительно недуренъ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе множества мелкихъ популярныхъ біографій, мы перечислимъ изъ нихъ тѣ, что были у насъ въ рукахъ: *В. А. Лунинъ*. „Жизнеописаніе великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина“ (М. 1899), *К. Говоровъ*. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ (Спб. 1899), *А. П. Валуевъ*. „Дѣтство Александра Пушкина“, (изд. 2-е М. 1899), *Аркадій Сосницкій*. „26-го мая, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Жизнь и труды (Москва 1899). *П. Каратыгинъ*. „Біографія А. С. Пушкина“. (Спб. 1899), *Н. В. Владимирова*. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Его жизнь дѣятельность“. (Спб. 1899). *М. А. Дьякова*. „Біографія А. С. Пушкина“ для дѣтей младшаго возраста. (Одесса. 1899), *Е. П. Сычева-Сафонова*. „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Біографія (1899)., *В. Пляшкевичъ*, „Великій русскій поэтъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. (Вильна, 1899), *Н. Марковинъ*. „О развитіи таланта А. С. Пушкина въ связи съ его біографіею“. (Спб. 1899), *С. Новицкій*. „А. С. Пушкинъ“. Біографическій очеркъ (Харьковъ 1899), *П. В. Петровъ*, „На-

---

[1]) *Эль*. „Шутки и остроты А. С. Пушкина“. [1) не вошедшія въ полное собраніе его сочиненій, 2) экспромты, эпиграммы и пр.]. Спб., 1899; *М. В. Шевляковъ*. „Пушкинъ въ анекдотахъ“. Черты изъ жизни поэта, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Спб., 1899; Изд. *Ив. Ив. Иванова*. „Анекдоты изъ жизни Пушкина“. Москва, 1899; „Шутки и остроты А. С. Пушкина“, изд. *М. С. Козмана*. Одесса, 1900.

[2]) *На добрую память*. „Дѣловая брошюра о великомъ русскомъ поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“. М. 1899.

мяти А. С. Пушкина" Рѣчь. Спб. 1899 (есть выясненіе его истор. литер. значенія). *С. Бураковскій*, „А. С. Пушкинъ", біогр. свѣд. и Разборъ его главн. произв. для учащихся. Кромѣ перечисленныхъ нѣкоторыя изъ біографій намъ въ руки не попали, а потому ограничиваемся ихъ перечнемъ, не входя въ разсмотрѣніе ихъ: *Демидовъ*, „А. С. Пушкинъ, его жизнь и творчество", Спб.; *Истоминъ*, „А. С. Пушкинъ", Холмъ; *Колтовская*, „А. С. Пушкинъ, его жизнь и литературная дѣятельность", Спб.; *Доманскій*, „Памяти Пушкина", Смоленскъ; *Борзаковскій*, „Великій поэтъ А. С. Пушкинъ". Одесса; *Лебедевъ*, „Пушкинъ", Н. Новгородъ; *Смѣльницкій*, „Пушкинъ", Воронежъ; *Османовскій*, „Главнѣйшіе моменты въ развитіи художественнаго творчества Пушкина" (Рига, 1899); *Кранихфельдъ*, *В. П.* „А. С. Пушкинъ" (оттискъ изъ газеты „Уралецъ", 1899, № 62, 63—64).

Не можемъ, въ заключеніе, не остановиться на двухъ курьезныхъ біографіяхъ. Одна принадлежитъ г. Михееву [1]). Авторъ пытался поддѣлаться подъ уровень читателей, — юныхъ или же простонародныхъ — неизвѣстно; у него дѣланный языкъ, то дѣтскій, то какъ будто народный, то сбивающійся на лѣтописный стиль, то на библейскій. Прежде всего передъ нами вся исторія русской литературы. Тутъ мы узнаемъ, напримѣръ, что „самъ Иванъ Грозный писалъ хорошо сочиненія, особенно искусно писалъ онъ, споря съ княземъ Курбскимъ о томъ, какая должна быть царская власть. И Курбскій спорилъ съ нимъ письменно также искусно" [2]). Узнаемъ, что послѣ Грознаго „русскіе люди стали писать все больше на иноземный ладъ" [3]), что Петру „понадобился новый русскій языкъ и онъ приказалъ впервые составить такой языкъ" [4]), что Димитрій Ростовскій „умѣло спорилъ съ протопопомъ Аввакумомъ (!!), который, жалко, заблуждался по раскольничьи" [5]). Біографію поэта начинаетъ авторъ съ патетическаго восклицанія: „горячая кровь у черныхъ людей жаркой африканской страны"! [6])... „А горы на Кавказѣ огромныя, высокія, кру-

---

[1]) *Василій Михеевъ*. „Объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, великомъ писателѣ земли русской, о его жизни и сочиненіяхъ". Разсказано въ (?!) память ста лѣтъ со дня его рожденія, Москва, 1899.

[2]) Тамъ же, 18.

[3]) Тамъ же, 18.

[4]) Тамъ же, 19.

[5]) Тамъ же, 20.

[6]) Тамъ же, 5

тыя, мрачныя“ [1])—разсказываетъ съ увлеченіемъ о Кавказѣ авторъ. Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ: „Душа Пушкина суетная, гордая и гнѣвная въ Петербургѣ, размягчилась въ горахъ Кавказа“ [2]). „Родился-же онъ сильно смуглый потому, что была въ немъ не одна русская кровь—да и не только не русская, но и кровь темныхъ людей“ [3]). „А тутъ и еще нашелся злой человѣкъ, Скобелевъ, донесъ облыжно царю, что Пушкинъ въ Бога не вѣруетъ“ [4]). Впечатлѣніе отъ чтенія Карамзинской исторіи авторъ изобразилъ фигурно: „читалъ эту Исторію, книга за книгою, Пушкинъ, и разгоралась его душа — точно въ накопившіеся (sic) дрова огня подложили. А будто накопившіеся въ его душѣ, чтобъ имъ загорѣться яркимъ пламенемъ, дрова—было все, что онъ видѣлъ самъ вокругъ“ [5]). Въ своей „исторіи русской литературы“ авторъ доходитъ до Бѣлинскаго: „жилъ въ Россіи очень бѣдный, совсѣмъ незнатный, больной чахоточный В. Г. Бѣлинскій... Тоже писатель, онъ писалъ о писателяхъ, объяснялъ то, что они писали“ [6]).

Другая книжка того же типа принадлежитъ г. Остроградскому [7]). Въ ней поэзіи нѣтъ, но она слишкомъ ужъ лаконична. Для примѣра, приведемъ нѣсколько выдержекъ: „Императоръ Николай I очень любилъ Пушкина и поручилъ ему написать исторію бунта Емельяна Пугачева“ [8]). „Пушкинъ жилъ очень богато; часто ѣздилъ въ гости. Много людей пріѣзжали также къ нему въ гости“ [9]). „Онъ побывалъ на Кавказѣ и написалъ стихотвореніе „Кавказскій плѣнникъ“; поѣхалъ въ Крымъ и написалъ стихотвореніе „Бахчисарайскій Фонтанъ“ [10]). „Всѣ сочиненія Пушкина составляютъ вмѣстѣ десять томовъ“ [11])—очевидно, это, съ точки зрѣнія автора, убѣдительное показаніе огромнаго количества написаннаго поэтомъ. Жаль,

---

[1]) Тамъ же, 32.
[2]) Тамъ же, 33.
[3]) Тамъ же, 9.
[4]) Тамъ же, 34.
[5]) Тамъ же, 39.
[6]) Тамъ же, 56.
[7]) *А. Остроградскій*, А. С. Пушкинъ. Спб. 1899.
[8]) Тамъ же, 5.
[9]) Тамъ же.
[10]) Тамъ же, 3—4.
[11]) Тамъ же.

ь забылъ объ *однотомномъ* павленковскомъ изданіи сочиненій шкина.

Изъ педагоговъ, посвятившихъ свои рѣчи біографіи поэта, остановимся на г. Ф. А. Веровскомъ [1]). Передъ нами очеркъ жизни эта и, параллельно съ нимъ, бѣглый очеркъ его литературной ятельности. Изъ неточностей и ошибокъ г. Веровскаго отмѣтимъ, хотя-бы, слѣдующія: Галичъ „въ аудиторіи“ [2]) съ лицеистами „тайныхъ пирушекъ“ не устраивалъ; сказать, что „въ Аркадѣ“ собирались только, чтобы „повеселиться“ [3]), — будетъ невѣрно. Говоря о жизни Пушкина на югѣ, утверждать, что поэтъ тогда резрительно относился ко всѣмъ традиціоннымъ обычаямъ, стремился къ безграничному произволу и предавался всякаго рода безчинствамъ“ [4]) — значитъ слишкомъ сгустить краски. Взглядъ на ушкина—будто „онъ высоко стоитъ надъ обыкновенными смертными и не раздѣляетъ ихъ стремленій и низменныхъ нуждъ; творческое изображеніе дѣйствительности — вотъ задача его“ [5]) — и неренъ въ первой своей половинѣ, и противорѣчивъ во второй.

Г. Благоразумовъ [6]) далъ обширный и даже многословный очеркъ изни Пушкина, выяснивъ сначала значеніе литературы вообще, значеніе Пушкина для русской культуры и заключивъ очеркъ бѣглымъ ересмотромъ его произведеній. Нельзя не отмѣтить у него нѣкоторыхъ еувеличеній, напримѣръ, такого: „для всѣхъ славянскихъ національностей, для русской литературы, для нашего литературнаго ыка Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ всѣ философы и ислители, взятые вмѣстѣ“ [7])—или: „изъ всѣхъ средствъ для распространенія образованія самое сильное—литература“ [8]). Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что понятій „образованный человѣкъ“ и „любящій литературу“ [9]) авторъ не различаетъ. Справедливо указавъ ь крови матери поэта африканскую кровь, онъ нашелъ какую-то

---

[1]) *Ф. А. Веровскій*, „Очеркъ жизни и поэтической дѣятельности А. С. Пушкина“. (Сб. Кіевск. окр., II ч. 306).

[2]) Тамъ же, 308.

[3]) Тамъ же, 312.

[4]) Тамъ же, 313.

[5]) Тамъ же, 320.

[6]) *М. И. Благоразумовъ*, „Значеніе литературной дѣятельности А. С. Пушкина“. (Тамъ же, стр. 327).

[7]) Тамъ же, 327.

[8]) Тамъ же, 328.

[9]) Тамъ же, 330—1.

французскую примѣсь въ крови у отца [1]). Натура отца поэта—„гордая (!!), великосвѣтская (натура?) и способная къ размашистой и полной удовольствій жизни“ [2]). Упрекаетъ авторъ юнаго поэта за „искру чрезмѣрнаго самоуваженія“ [3]) въ его душѣ. Байронизмъ названъ у него „все отрицающимъ“ [4]), что конечно неосновательно. „Романтизмъ, смѣнившій у Пушкина „байронизмъ“, доставилъ ему обширную пищу для ума и сильно повліялъ на образъ его жизни и направленіе поэтической дѣятельности“ [5]),—утвержденіе что-то не совсѣмъ понятное. Указавъ на стр. 338 на то, какъ мягко отнесся поэтъ къ ссылкѣ въ Михайловское и подневольному житью тамъ,—на стр. 339 авторъ говоритъ объ „ожесточеніи“ подъ впечатлѣніемъ ссылки. Отмѣтимъ еще, что вызовъ послалъ не Пушкинъ Дантесу, а наоборотъ, и что Карамзинъ никогда не говорилъ: „у англичанъ есть Шекспиръ — они богаты, а у насъ Пушкинъ—наше сокровище“ [6])!

Г. Ляскоронскій [7]) написалъ, вмѣсто біографіи поэта, что-то въ родѣ „стихотворенія въ прозѣ“ на элегическіе мотивы пушкинской жизни. Насколько невѣрно передаются г. Ляскоронскимъ иногда настроенія Пушкина, свидѣтельствуютъ, хотя-бы, такія двѣ строчки: „трудно представить, какъ потрясло поэта лишеніе свободы; онъ весь затрепеталъ, забился, какъ пойманная птица въ клѣткѣ“ [8]).

Г. Билимовичъ [9]), въ противоположность г. Ляскоронскому, не только не далъ „поэзіи“, но даже и связнаго прозаическаго разсказа, выставивъ рядъ какихъ-то тезисовъ изъ біографіи поэта и выразивъ ихъ въ отрывистыхъ сухихъ предложеніяхъ.

Г. Кельбергъ далъ блѣдный очеркъ жизни поэта [10]), съ недомолвками и неточностями, впрочемъ, мелкими.

---

[1]) Тамъ же, 332.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 333.

[4]) Тамъ же, 336.

[5]) Тамъ же, 337.

[6]) Тамъ же, 350.

[7]) *В. П. Ляскоронскій*, „Объ отношеніи А. С. Пушкина къ жизни“. (Тамъ же, 409).

[8]) Тамъ же, 413.

[9]) *С. В. Билимовичъ*, „А. С. Пушкинъ — истинно великій поэтъ“. (Тамъ же, 444).

[10]) *Кельбергъ*, „Біографія Пушкина“ (На память о празднованіи 100-лѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ). Спб. 1899.

Въ журналахъ за 1899 годъ біографическихъ очерковъ помѣщено было очень мало. Безспорно, первое мѣсто между ними принадлежитъ работѣ г. Морозова [1]). Сравнительно небольшая статья его, написанная сжато, тѣмъ не менѣе, въ высокой степени содержательна и охватываетъ жизнь и дѣятельность поэта со всѣхъ сторонъ. Не можемъ мы согласиться только съ однимъ изъ положеній почтеннаго автора,—по его мнѣнію, „въ нашей литературѣ высказано было объ А. С. Пушкинѣ, какъ о поэтѣ, столько самыхъ разнообразныхъ сужденій, что теперь къ его характеристикѣ въ этомъ отношеніи едва-ли уже можно прибавить что-нибудь существенно новое“ [2]). Конечно, можно сказать еще многое, такъ какъ и произведенія Пушкина пока не изучены, какъ слѣдуетъ. За то мы вполнѣ присоединяемся къ слѣдующей мысли г. Морозова: „...для историка литературы, при анализѣ писателя,—а тѣмъ болѣе писателя первой величины, какимъ былъ А. С. Пушкинъ, представляется—на ряду съ выясненіемъ его художественныхъ качествъ—еще другая, очень важная задача: указать живую связь литературнаго дѣятеля съ его современностью, съ окружавшими его людьми, съ состояніемъ литературы и общества въ его время; опредѣлить его роль и значеніе, какъ дѣятеля общественнаго; показать, какъ самъ онъ смотрѣлъ на литературу, въ чемъ видѣлъ ея обязанности, какія ставилъ ей требованія; словомъ, представить писателя не какъ отвлеченную величину, а какъ органическій продуктъ даннаго общества и данной эпохи“ [3]). Такова программа интереснаго этюда г. Морозова объ А. С. Пушкинѣ. Начинаетъ онъ съ бѣглаго очерка отношенія критики къ великому поэту (съ Бѣлинскаго до нашихъ дней). Главная ошибка ея, по справедливому указанію автора, заключалась въ томъ, что „критика знала только отвлеченнаго А. С. Пушкина и не хотѣла знать реальнаго, живого литературнаго дѣятеля“ [4]). Теперь, въ наши дни — „для А. С. Пушкина наступила исторія... Величавый образъ поэта, съ его задушевными идеями и стремленіями... выступаетъ передъ потомствомъ“... [5]). „Изученіе этого *подлиннаго* А. С. Пушкина становится главной задачей историка литературы и общественной жизни“ [6]). И вотъ, на основаніи историче-

---

[1]) *И. О. Морозовъ.* А. С. Пушкинъ, *Образованіе*, 1899, № 5—8.
[2]) Тамъ же, 1. (№ 5—6).
[3]) Тамъ же, 1.
[4]) Тамъ же, 5.
[5]) Тамъ же, 6.
[6]) Тамъ же.

скихъ данныхъ, г. Морозовъ, оставивъ А. С. Пушкина — поэта, рисуетъ передъ нами А. С. Пушкина—общественнаго дѣятеля и руководителя. Г. Морозовъ обладаетъ даромъ въ немногихъ словахъ сказать очень многое, и потому передъ нами поэтъ обрисовывается не на широкомъ полотнѣ въ расплывчатомъ. водянисто написанномъ образѣ, а въ предѣлахъ небольшой рамы штрихами вѣрными, яркими, свободными, безъ всякой мелочной вырисовки... На нѣсколькихъ страницахъ рисуетъ онъ намъ жизнь А. С. Пушкина послѣ лицея, — эту дивную эпоху, когда поэтъ жадно бросился въ русскую жизнь и широко захватилъ ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, когда ни одно движеніе ея не ускользнуло отъ него, и его богатая натура всю ее совмѣстила въ себѣ. Встрѣчаемъ мы далѣе интересную характеристику Чаадаева и Карамзина. Совершенно вѣрно представлена исторія поэтическаго творчества на югѣ Россіи.—эпоха, такъ сказать, переваріванія тѣхъ разнообразныхъ и богатыхъ впечатлѣній, которыми подарила поэта-юношу петербургская жизнь. Результатомъ этого подъема духовной жизни на югѣ была выработка идеаловъ „просвѣщенной свободы“, служенія обществу. Но г. Морозовъ не вдается въ крайность на этомъ скользкомъ пути выясненія „идеаловъ“ Пушкина,—онъ самъ замѣчаетъ: „По свойствамъ своего характера Пушкинъ далеко не былъ тѣмъ, что называется „цѣльной натурой“; русская жизнь вообще, а въ его время въ особенности. вовсе не благопріятствовала выработкѣ такихъ цѣльныхъ натуръ“ [1]). Отсюда у А. С. Пушкина рядъ „противорѣчій, приливовъ и отливовъ“.—„Чтобы правильно понять и оцѣнить ихъ, говоритъ г. Морозовъ, необходимо имѣть въ виду характеръ поэта, событія его личной жизни и общій духъ того времени, въ особенности же тѣ условія. въ какія было поставлено тогда развитіе нашей литературы“ [2]). Далѣе идетъ характеристика русской жизни 20-хъ годовъ — съ одной стороны гнетъ режима, обскурантизмъ,—съ другой—модное увлеченіе либерализмомъ... А. С. Пушкинъ, какъ выразитель этого увлеченія, сопоставленъ съ Радищевымъ и освѣщенъ правильнымъ свѣтомъ, при которомъ меркнетъ тотъ пошловатый колоритъ, которымъ принято рисовать пушкинскій либерализмъ. Выясненіе отношеній А. С. Пушкина къ цензурѣ, къ русской критикѣ— прекрасно иллюстрируетъ мысли автора. Затѣмъ онъ выясняетъ взгляды

---

[1]) Тамъ же, 18—19.

[2]) Тамъ же, 19.

А. С. Пушкина на цѣли и задачи литератора, указываетъ на различіе въ его пониманіи этого класса сравнительно съ пониманіемъ предшествовавшей эпохи. Любопытно съ психологической точки зрѣнія толкованіе того перелома въ пушкинскихъ настроеніяхъ, который привелъ поэта отъ гордаго Байрона къ простымъ людямъ русской дѣйствительности; авторъ совершенно справедливо протестуетъ противъ воспѣтаго славянофилами „смиренія передъ дѣйствительностью“, „національной русской чертой“, яко-бы спасшей А. С. Пушкина отъ преклоненія передъ „хищными“ типами запада. „Нѣтъ, говоритъ г. Морозовъ, это была только послѣдовательная смѣна прежняго отвлеченнаго, все отрицавшаго протеста другими, болѣе реальными стремленіями; это было желаніе подойти поближе къ русской жизни, отыскать въ ней положительныя стороны, обѣщающія въ будущемъ перемѣну къ лучшему, уяснить самому себѣ путь, который могъ бы хоть нѣсколько приблизить общество къ осуществленію все того же завѣтнаго идеала“ [1]). Выясняетъ г. Морозовъ далѣе, что такое „народность“ Пушкина [2]), выясняетъ его отношенія къ русскому языку, русскому слогу, исторіи русской литературы, классицизму и романтизму, къ современной ему критикѣ, публикѣ, опредѣляетъ смыслъ „аристократизма“ Пушкина и, наконецъ, рисуетъ тяжелое положеніе поэта, его „горе отъ ума“ во враждебной ему средѣ петер-

---

[1]) Тамъ же, 28.

[2]) Приводимъ слѣдующее соображеніе г. Морозова по вопросу о чтеніи Пушкина простымъ народомъ: „здѣсь умѣстно будетъ сказать нѣсколько словъ по поводу періодически всплывающаго въ нашей критикѣ вопроса о „народности“ и „ненародности“ Пушкина... Вопросъ этотъ, какъ давно уже замѣчено однимъ изъ остроумнѣйшихъ и глубокихъ русскихъ писателей, кажется не менѣе праздными, какъ и вопросъ о міровомъ содержаніи и значеніи поэтовъ. Если судить о „народности“ на томъ основаніи, читаетъ или не читаетъ писателя простой народъ, то мы едва ли начтемъ больше двухъ народныхъ поэтовъ въ цѣлой Европѣ, по той самой простой причинѣ, что мужикъ одинаково мало читаетъ и въ Европѣ и у насъ... Только случайныя обстоятельства знакомятъ народъ съ его поэтами: для этого надо, чтобы поэтъ жилъ въ народной средѣ,—чтобы народъ его не то что *читалъ*, а *слушалъ* (Бёрнсъ). Байронъ незнакомъ англійскому простонародью; Шекспира знаетъ городское населеніе, потому что бываетъ въ театрахъ; Гете и Шиллера знаетъ Германія, прошедшая черезъ гимназіи и университеты, а не та Германія, которая шесть дней работаетъ какъ волъ, а на седьмой отдыхаетъ за Библіей и катихизисомъ. Вездѣ литература—достояніе города, а не деревни,—и Пушкинъ въ нашемъ простонародьѣ имѣетъ такъ же мало читателей, какъ и Шевченко и Кольцовъ, которые по складу своего ума и рѣчи, безъ сомнѣнія, были „народными“ поэтами“ (тамъ же, 108).

бургскаго свѣта, среди Фамусовыхъ и Скалозубовъ. Общая характеристика поэта обрисована глубоко вѣрно: „онъ сохранилъ съ дѣтства воспринятый свѣтлый скептическій реализмъ просвѣтительной философіи XVIII в. и пронесъ его сквозь всѣ позднѣйшія попытки усвоить мрачные идеалы байронизма; такъ, онъ въ одно время и проповѣдывалъ любовь къ изяществу старинной аристократіи, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ вульгарному, и глубоко уловилъ русскій народный мотивъ, и сумѣлъ выразить и то, и другое съ геніальнымъ мастерствомъ. Его общественныя убѣжденія были сбивчивы, лишены программной прямолинейности; но надъ всѣми его противорѣчіями всегда неизмѣнно поднималось сочувствіе къ просвѣщенной свободѣ и вражда къ рабству и насилію“, а затѣмъ,—„Пушкинъ былъ прежде всего и больше всего поэтъ, т. е. человѣкъ впечатлѣнія и чувства, а не мыслитель и публицистъ“ [1]). Нѣсколько выше г. Морозовъ совершенно справедливо указалъ, что искать у Пушкина „строгой теоретической выправки“. системы—значитъ не понимать его... „Пушкинъ самъ не способенъ былъ къ роли учителя, наставника, послѣдовательно развивающаго и доказывающаго опредѣленный рядъ мыслей и логически убѣждающаго въ ихъ правильности... Онъ ничего не доказываетъ; онъ только бросаетъ свои мысли въ видѣ афоризмовъ, но эти афоризмы. часто брошенные мимоходомъ, дѣйствуютъ иногда гораздо сильнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ цѣлая цѣпь хитроумныхъ логическихъ аргументовъ“ [2]). Повторяемъ, работа г. Морозова при всей ея сжатости и очевидной спѣшности, одинъ изъ самыхъ серьезныхъ вкладовъ въ юбилейную литературу 1899 года.

Изъ другихъ журнальныхъ статей. посвященныхъ біографіи Пушкина, отмѣтимъ очеркъ г. Свѣтлова [3]). Его живое изложеніе съ явною наклонностью къ анекдоту, вноситъ пріятное разнообразіе въ краткій пересказъ извѣстныхъ фактовъ. Встрѣчаются мелкія неточности и курьезы, въ родѣ, хотя бы, слѣдующаго: отецъ поэта „всю жизнь питалъ настоящую страсть къ необременительнымъ умственнымъ занятіямъ“.

Съ бо̀льшими претензіями работа г. Конскаго [4]). Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ этой работы: „въ отвѣтъ на придирки Ворон-

---

[1]) Тамъ же, 123 (№ 7—8).

[2]) Тамъ же, 110.

[3]) *Я. Свѣтловъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, юбил. альбомъ *Нивы*.

[4]) *П. Конскій*. „А. С. Пушкинъ“, *Журн. для всѣхъ* 1899, № 5.

онцова послѣдовалъ градъ великолѣпнѣйшихъ (?!) эпиграммъ и саразмовъ (!!) противъ него“ [1]).

О лицейскомъ воспитаніи авторъ говоритъ слѣдующее:—„свобода азвивала въ нихъ (лицеистахъ) чувства человѣческаго достоинства стремленіе къ самообразованію“ [2]). Интересно, о какомъ лицеѣ оворитъ авторъ? „Воспитаніе въ лицеѣ было закрытое“ [3])—совсѣмъ странное воспитаніе! Пушкинъ „хранилъ святыя минуты вдохновенія“ [4])—непонятно!

Краткую біографію поэта и очеркъ его дѣятельности имѣемъ мы также на страницахъ „Вѣстн. Иностр. Литературы“ [5]).

Этими четырьмя статьями исчерпывается число біографій въ русскихъ журналахъ 1899 года. Встрѣтимъ мы рядъ біографическихъ этюдовъ по частнымъ вопросамъ пушкинской біографіи, найдемъ нѣсколько характеристикъ его, но общихъ біографій не встрѣтимъ [6]).

При нѣкоторыхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, вышедшихъ въ 1899 году, мы также имѣемъ, болѣе или менѣе, обстоятельные біографическіе очерки.

Безспорно, первое мѣсто между ними занимаетъ біографія поэта, составленная г. Морозовымъ [7]). Это — сжатый разсказъ, въ которомъ нѣтъ мѣста анекдоту, но въ то же время и не сухой перечень фактовъ: на 20 страницахъ автору удалось нарисовать правдиво образъ поэта безъ преувеличеній ни въ ту, ни въ другую сторону, не идеализируя, но и не опошляя поэта.

Другого типа біографія, написанная г. Ивановымъ [8]). Это — живой, обстоятельный (126 стр. мелкаго шрифта) разсказъ. Онъ отличается всѣми достоинствами изложенія г. Иванова, о которыхъ мы говорили выше при разсмотрѣніи его работы, вышедшей отдѣльно

---

[1]) Тамъ же, 519.

[2]) Тамъ же, 516.

[3]) Тамъ же, 517.

[4]) Тамъ же, 518.

[5]) „Родоначальникъ русскаго вліянія на западѣ“ (къ юбилею Пушкина) *Вѣстн. Иностр. Литер.* 1899. № 5.

[6]) Конечно, такіе очерки встрѣчаются въ „еженедѣльныхъ“ и „ежедневныхъ изданіяхъ, но пока они не вошли въ предѣлы нашего обозрѣнія.

[7]) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина для юношества“, съ портретомъ и біограф. очеркомъ. Изданіе министерства финансовъ подъ редакціей *П. О. Морозова*. Спб. 1899. 2 т.

[8]) „Сочиненія А. С. Пушкина“. Съ приложеніемъ біографіи Пушкина, написанной *И. И. Ивановымъ*, изд. *Канчаловскаго*, 3 ч.

въ изданіи „Дѣтскаго Чтенія“. Въ подробную оцѣнку этой второй біографіи мы входить не будемъ, такъ какъ съ одной стороны уже выяснили отношеніе наше къ нѣкоторымъ положеніямъ автора, а, съ другой стороны, то новое, что внесено въ эту вторую біографію, рѣзче высказано въ статьѣ того же автора: „Дни покаянія“, къ которой мы обратимся ниже. Мы теперь остановимся лишь на нѣкоторыхъ мѣстахъ этой работы: „Изучать затѣмъ, чтобы творить, думать съ цѣлью создавать образы, писать ради умственнаго и нравственнаго просвѣщенія своего народа—такова эстетика Пушкина“ [1]). Что понимаетъ г. Ивановъ подъ „эстетикой“, мы не знаемъ, но приписывать поэту, особенно такому, какъ Пушкинъ, какую-то преднамѣренность въ творчествѣ—на нашъ взглядъ большая ошибка.

Пушкинъ чудно обрисовалъ Моцарта потому, что натура его была очень близка къ натурѣ геніальнаго композитора, какимъ его Пушкинъ себѣ представлялъ... Напрасно г. Ивановъ навязываетъ нашему поэту роль Сальери, этого художника, въ которомъ разсудокъ перевѣшивалъ чувство, который постигъ и цѣли, и сущность, и механизмъ искусства,—однако остался далеко позади „гуляки праздная“... Не можемъ мы не упрекнуть автора и за шаблонныя фразы по адресу литературы XVIII вѣка: „она умѣла только угождать, услаждать, нравиться“ [2]). Въ этихъ словахъ забыта вся долгая и упорная борьба русскаго общества съ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, вычеркнуты имена Новикова, Радищева, отчасти Фонвизина и многихъ мелкихъ литераторовъ, которые затерялись въ забытыхъ старыхъ журналахъ...

Довольно обстоятельный (27 стр.) очеркъ имѣемъ мы при 7-ми томномъ изданіи [3]) В. В. Комарова (подъ редакціей П. А. Ефремова), написанный г. П. Каратыгинымъ еще въ 1886 г. Въ виду того, что очеркъ этотъ не представляетъ новизны, останавливаться на немъ мы не будемъ.

Г. Смирновскій, подъ редакціей котораго вышло изданіе г. Панафидина [4]), написалъ также біографическій очеркъ жизни поэта (48 стр.). Это сжатый, но обстоятельный очеркъ, не представляю-

---

[1]) Тамъ же, XXV, т. I.

[2]) Тамъ же, XXVIII.

[3]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей *П. Ефремова*, 6-е изд. 1900, 7-й т.

[4]) „Сочиненія А. С. Пушкина“. Полное собраніе въ одномъ томѣ. Изд. подъ ред. *П. В. Смирновскаго*, изд. *А. Я. Панафидина*. Москва. 1899.

ій ничего новаго, но и не опускающій ничего важнаго изъ стараго— ичная біографія поэта, какою она является въ учебникахъ, отившись въ рядъ общихъ мѣстъ. Недостаточно вѣрно, впрочемъ, ыснены отношенія къ поэту Воронцова, правительства и русскаго бщества.

Еще бо́льшею бѣглостью отличается анонимная біографія при зданіи Сытина [1]).

Живой очеркъ далъ г. Вѣтринскій [2]), на 18 страницахъ обривавъ исторію пушкинской жизни и на 4 сдѣлавъ маленькую хаактеристику значенія его литературной дѣятельности.

Въ изданіи К. Тихомирова [3]) помѣщенъ очеркъ жизни поэта, составленный Е. В. Это небольшая работа, блѣдно написанная; впроемъ, цѣлямъ „школьнаго“ изданія біографія эта до нѣкоторой степени удовлетворяетъ.

Г. Шляпкинъ, редактировавшій изданіе сочиненій Пушкина „для олдатъ“ [4]), тоже предпослалъ тексту небольшой очеркъ жизни поэта, составленный въ общемъ умѣло и живо. Конечно, трудность приноровить біографическій матеріалъ къ пониманію солдата звиняетъ нѣкоторыя шероховатости этого популярнаго очерка.

Обстоятельна біографія Пушкина, приложенная къ изданію Варшавскаго учебнаго округа [5]), — особенно цѣнна правдивая, хотя и неполная, характеристика Пушкина, какъ человѣка, приложенная къ біографіи, бѣглый очеркъ исторіи русской литературы до Пушкина и выясненіе заслугъ Пушкина на поприщѣ родной поэзіи.

Большимъ курьезомъ на пушкинскомъ юбилеѣ было изданіе г. Александра Земскаго, „книгопродавца-издателя-поэта“ [6]).

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина“ со статьями о немъ *В. Г. Бѣлинскаго*, въ двухъ томахъ. Изд. Сытина. М. 1899.

[2]) „Сочиненія А. С. Пушкина“. Общедоступное изданіе подъ редакціей *Ч. Вѣтринскаго*. С.-Пб. 1899.

[3]) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина“. Изд. *К. Тихомирова*. М. 1899.

[4]) „Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“. Подъ ред. *И. А. Шляпкина*. С.-Пб. 1899.

[5]) „Въ память столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина“ (1799—1899). Біографическій очеркъ и избранныя произведенія поэта. Варшава 1899. Имѣются двѣ редакціи: a) для учащихся старшаго возраста и b) для учащихся младшаго возраста.

[6]) „Полное собраніе сочиненій всѣхъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова Кольцова, этихъ величайшихъ и знаменитѣйшихъ 3-хъ творцовъ, нашихъ народныхъ поэтовъ. Всѣ три творческо-поэтическія сочиненія помѣщены въ од-

Біографія, приложенная къ этому изданію, украшенному дивными стихами г. Земскаго, представляетъ „выдержки по редакціи Скабичевскаго“, а потому распространяться о ней не будемъ, такъ какъ она не относится къ юбилейной литературѣ 1899 года.

Слабый очеркъ приложенъ и къ изданію г. Б. Бошоера [1]). При сжатости статьи должно было дать рядъ главныхъ основныхъ фактовъ изъ жизни поэта, и этимъ ограничиться, чтобы не нарушать перспективы.

Изъ школьныхъ изданій снабжены біографіями изданіе Сытина [2]), Калужскаго губернскаго Пушкинскаго комитета [3]); редакціи „Дѣтскаго Чтенія“ [4]), Харьковскаго общества грамотности [5]), г. Русаневича [6]).

Прекрасно составленъ біографическій очеркъ, приложенный къ

номъ большомъ томѣ. Съ приложеніемъ очень интересныхъ ихъ біографій, въ особенности перваго и второго, а именно Пушкина и Лермонтова, каковые эти величайшіе поэты оба погибли скорбно-печальнымъ и трагическимъ образомъ, на роковыхъ дуэляхъ ихъ въ полномъ разсвѣтѣ (sic) лѣтъ жизни ихъ. Въ особенности здѣсь помѣщено интересное описаніе, предсмертные разговоры ихъ съ своими приближенными друзьями, при послѣднихъ минутахъ трагическихъ кончинъ ихъ, конечно, каждаго въ отдѣльности и въ свои времена. Въ книгѣ помѣщены и портреты ихъ, роскошно гравированные, первый портретъ Пушкина второй портретъ Лермонтова, послѣдній, третій Кольцова“. Цѣна книги съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 1 руб. 50 коп., въ хорошей коленкоровой папкѣ съ золотымъ тисненіемъ 2 руб., а въ роскошномъ, дорогомъ англійскомъ переплетѣ 3 рубля. Москва. 1899. 2-е изд.

[1]) „А. С. Пушкинъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ“, съ портретомъ поэта и краткимъ очеркомъ его жизни. Подъ редакціей *Э. Трапани*. Изд. книжн. магаз. *Б. Бошоера*. Кишиневъ. 1899.

[2]) „Избранныя сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина“. Изд. *Сытина*. М. 1899.

[3]) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина“. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, сост. *П. С. Богдановымъ*. Подъ ред. Калужской Пушкинской комиссіи. Калуга. 1899.

[4]) „Избранныя сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина“. Съ біографич. очеркомъ и пр. Составила *Е. Н. Тихомирова*. Изд. редакціи *Дѣтское Чтеніе*. М. 1899.

[5]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Жизнеописаніе и сборникъ стихотвореній. Къ столѣтію со дня рожденія. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. Харьковъ. 1899.

[6]) „Сборникъ избранныхъ стихотвореній и басенъ употребляемыхъ въ народныхъ школахъ А. С. Пушкина и другихъ образцовыхъ русскихъ писателей“. Посвящается памяти А. С. Пушкина. Екатеринославъ. 1899.

изданію сочиненія Саратовскаго губернскаго земства [1]). Передъ нами широко захваченная страница изъ исторіи русскаго общества конца XVIII и начала XIX вѣка; отмѣчены освободительныя стремленія русской интеллигенціи, заботы ея о крестьянствѣ,—фактъ, мимо котораго боязливо прошли многіе другіе составители біографій для народа. Образъ поэта обрисованъ въ общихъ чертахъ вѣрно и освѣщенъ всесторонне. Значеніе его дѣятельности тоже выяснено основательно.

Г. Павленковъ выпустилъ пятое изданіе сочиненій А. С. Пушкина со статьей А. Скабичевскаго [2]). Такъ какъ біографія эта не является новостью, то входить въ ея оцѣнку мы не будемъ.

Очень недурную біографію приложилъ къ своему изданію г. Ступинъ [3]). Собственно она распадается на двѣ главы: a) Жизнь А. С. Пушкина и b) Характеръ Пушкина. Его значеніе для Россіи. Въ первой части мы имѣемъ прекрасный очеркъ жизни поэта, съ понятными сокращеніями нѣкоторыхъ фактовъ, ненужныхъ для „школъ и народа“, за то съ недурными экскурсами въ сторону—характеристиками друзей и современниковъ поэта. Во второй части бѣглая характеристика поэта и краткое выясненіе его значенія.

Г. Полубояриновъ, издавая избранныя сочиненія Пушкина, приложилъ къ нимъ и извлеченіе изъ 12-го изданія сочиненія П. В. Евстафіева: „Новая русская литература“ [4]). Входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этой біографіи мы не будемъ, такъ какъ это перепечатка.

Очень хорошій біографическій очеркъ далъ г. В. Острогорскій, подъ редакціей котораго вышло изданіе С.-Петербургской городской Думы [5]). Особенно цѣнно вступленіе: „Учитель—учащимся“, въ кото-

---

[1]) „Памяти Пушкина“. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина съ критико-біографическимъ очеркомъ etc. Изд. Саратовск. губернск. земства. Саратовъ. 1899.

[2]) „Сочиненія А. С. Пушкина“. Полное собраніе въ одномъ томѣ съ статьей *А. Скабичевскаго*: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ etc. 5-е изд. С.-Пб. 1899.

[3]) „А. С. Пушкинъ. Избранныя произведенія съ разсказомъ о его дѣтскихъ и юношескихъ годахъ“. Собралъ *Е. Поселянинъ*. Для школъ и народа. М. 1899. Изданіе *А. Д. Ступина*.

[4]) „Пушкинъ для юношества“. Извлеченіе изъ 12-го изданія сочиненія *П. В. Евстафіева*: „Новая русская литература“. С.-Пб. 1899.

[5]) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“. Избр. мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга 30-го мая 1899 г. Сост. *В. П. Острогорскій*. Изд. С.-Пб. Городской Думы. С.-Пб. 1899.

ромъ г. Острогорскій обратился съ теплымъ напутственнымъ словомъ къ маленькимъ читателямъ сочиненій Пушкина: „Да будетъ же книга эта, дѣти, еще учащіеся въ школахъ, вашимъ первымъ знакомствомъ съ нашимъ величайшимъ русскимъ поэтомъ, Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Да послужитъ она на всю вашу жизнь дорогимъ воспоминаніемъ о его первомъ столѣтнемъ юбилеѣ, отпразднованномъ вами, еще когда вы учились, готовясь только вступить въ жизнь. Читайте эту книгу и, гордясь, что у вашей родины, Россіи, есть также великій поэтъ, который по (?) громадному генію своему не уступитъ никакимъ поэтамъ другихъ народовъ, учитесь у Пушкина добрымъ мыслямъ и чувствамъ, которыя пробуждалъ онъ въ людяхъ своею лирою, т. е. поэзіей. Всегда съ благодарностью вспоминайте нашего Пушкина за все прекрасное, чему онъ учитъ своими сочиненіями, за все то наслажденіе, какое онъ доставляетъ всякому, кто его читаетъ, а больше всего вспоминайте поэта добромъ—за великую его любовь къ родинѣ, къ Россіи, къ ея славѣ и къ народу, ее населяющему!“ [1]).

Что касается до біографіи поэта, то мы можемъ указать на нѣсколько неточностей, впрочемъ мелкихъ, нѣсколько неясностей и на кое-что лишнее въ работѣ, предназначенной для учениковъ низшихъ учебныхъ заведеній. Такъ невѣрно утвержденіе, будто „лицеистовъ часто приглашали на блестящіе придворные праздники“ [2]); невѣрно заявленіе, что „во время шалостей лицейскихъ другіе умѣли ловко вывернуться, нерѣдко всю вину принималъ онъ (Пушкинъ) на себя одного, отвѣчая одинъ за всѣхъ“ [3]). Ограничиваясь этими двумя примѣрами ошибокъ автора, укажемъ, что для читателя низшаго учебнаго заведенія совсѣмъ неясны будутъ такія фигурныя выраженія, какъ, напримѣръ: „настоящимъ крестнымъ отцомъ Пушкина былъ Державинъ“ [4])—или: „онъ пѣлъ въ лицеѣ, какъ птица небесная, потому что не могъ не пѣть“ [5]). Излишне показалось намъ разъясненіе понятія „лицей“, разъясненіе, которое только запутаетъ юнаго читателя городской школы: „это заведеніе назвали не гимназіей, не университетомъ, а „лицеемъ“. *Лицеями* назывались у древнихъ гре-

---

[1]) Тамъ же, XII.
[2]) Тамъ же, XIX.
[3]) Тамъ же, XXI. Ср. выше, стр. 37.
[4]) Тамъ же, XXI.
[5]) Тамъ же, XXIII.

ковъ колоннады въ городѣ Аѳинахъ, гдѣ греческіе учители-философы учили въ живыхъ бесѣдахъ своихъ учениковъ“ [1]).

Трогательна, но невѣрна по обобщенности картинка вечеровъ въ Михайловскомъ: „...позоветъ онъ бывало къ себѣ свою старушку нянюшку, велитъ ей достать изъ погреба бутылочку винца, да и скоротаютъ они вдвоемъ вечеръ“ [2]). Ученикъ низшаго учебнаго заведенія, привыкшій подъ „виномъ“ понимать „хлѣбное вино“, нарисуетъ живо себѣ картинку, какъ поэтъ со старухой нянькой выпивали каждый вечеръ по бутылкѣ „винца“.

Очень талантлива біографія поэта, вышедшая изъ-подъ пера г. Авенаріуса, извѣстнаго автора живыхъ очерковъ: „Дѣтскіе, отроческіе и юношескіе годы Пушкина“ [3]). Передъ нами разсказъ, въ которомъ умѣло подобранные случаи и анекдоты изъ жизни поэта пріятно оживляютъ образъ поэта.

Бѣглый очеркъ г. Бунакова [4])—слабая попытка на нѣсколькихъ страницахъ охватить и всю жизнь поэта, и выяснить его значеніе, и преподать читателю уроки гражданскихъ доблестей! Не входя въ подробную оцѣнку работы, укажемъ, что на Волгѣ Пушкинъ до 1822 года не былъ, а потому „Братья-разбойники“ внушены не Волгой; драма же „Борисъ Годуновъ“ написана не на югѣ, а въ Михайловскомъ [5]). Недуренъ по своей живости и хорошему популярному изложенію очеркъ, составленный Е. и Д. Тихомировыми [6]). Не безъ курьезовъ біографія поэта, составленная г. Никольскимъ [7]). Останавливаетъ, напримѣръ, вниманіе потрясающая картина прощанія Жуковскаго съ тѣломъ Пушкина: „прощаясь послѣднимъ цѣлованіемъ, Жуковскій крѣпко обнялъ бездыханный трупъ своего друга,

---

[1]) Тамъ же, XVIII.

[2]) Тамъ же, XXXIV.

[3]) „Сочиненія А. С. Пушкина, изданныя для юношества подъ редакціей *В. П. Авенаріуса* съ біографіей поэта“ etc. 3 т. Москва 1899. Изд. *А. Д. Ступина.*

[4]) „Сборникъ избранныхъ произведеній Александра Сергѣевича Пушкина“, для школъ со статьей о Пушкинѣ и съ примѣчаніями *Н. Ѳ. Бунакова.* 2-е изданіе редакціи журнала *Русск. Начальн. Учит.* Спб. 1897.

[5]) Тамъ же, 3.

[6]) *Е.* и *Д. Тихомировы.* „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ изданіе для школъ и народа. I) Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ. II) Изъ жизни А. С. Пушкина. III) Изъ сочиненій А. С. Пушкина. Библіотека *Дѣтскаго Чтенія.* М. 1899.

[7]) *Никольскій.* „Пушкинскій Сборникъ“. (Собраніе сочиненій А. С. Пушкина. Спб.).

приподнялъ его изъ гроба и долго прижималъ къ груди, держа въ своихъ объятіяхъ".

Заканчивая этимъ обзоръ общихъ очерковъ біографіи и дѣятельности Пушкина, мы не можемъ не отмѣтить слабости этого отдѣла въ юбилейной литературѣ: кромѣ 2—3 работъ нѣтъ ни одной сколько-нибудь оригинальной, интересной. Причина этого ясна. Большинство изслѣдователей, кто сознательно, а кто и не отдавая себѣ отчета, уклонились отъ общихъ біографій, устремивъ свои силы на разработку частныхъ вопросовъ пушкинской жизни и дѣятельности. Это и есть одинъ изъ признаковъ того *детальнаго* изученія нашего великаго поэта, которое дастъ намъ „новую" его біографію.

IV.

Біографическіе очерки частнаго характера.

Назидательнѣе, чѣмъ общіе очерки, для насъ тѣ работы, которыя посвящены отдѣльнымъ вопросамъ пушкинской біографіи. Остановимся, хотя бы, на любопытномъ антропологическомъ эскизѣ проф. Анучина [1]). Почтенный авторъ посвящаетъ свою работу вопросу объ африканскомъ происхожденіи нашего великаго поэта; на основаніи изученія его портретовъ и скульптурныхъ изображеній онъ, съ антропологической точки зрѣнія, анализируетъ характерныя наслѣдственныя черты пушкинской природы. Въ связи съ этими изысканіями будетъ дальнѣйшая работа автора, въ которой онъ обѣщаетъ намъ „очеркъ психической личности" поэта, поскольку она сложилась подъ вліяніемъ наслѣдственности.

Дѣтство Пушкина въ родной семьѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не послужило предметомъ обстоятельной монографіи, а потому біографы, за неимѣніемъ матеріаловъ, до сихъ поръ почти не останавливали своего вниманія на этой важной порѣ въ жизни нашего поэта: въ нашемъ распоряженіи есть лишь нѣсколько, болѣе или менѣе, остроумныхъ характеристикъ отца и матери поэта.

Впрочемъ, изъ юбилейныхъ статей, посвященныхъ дѣтству и

---

[1]) *Д. Н. Анучинъ*, „А. С. Пушкинъ", М. 1899 (антропологическій этюдъ), (*Русскія Вѣдомости*, №№ 99, 106, 114, 120, 127, 134, 143, 163, 172, 180, 193, 209, есть отд. оттиски).

юности Пушкина [1]), отмѣтимъ статью г. Глинскаго [2]) въ юбилейномъ сборникѣ „Дѣтскаго Чтенія“, а также небольшую замѣтку г. Поселянина [3]): „Русская няня“ (М. 1899), въ которой авторъ, кромѣ Арины Родіоновны, даетъ еще нѣсколько образовъ русскихъ нянь изъ другихъ произведеній русской литературы.

За то лицейская жизнь юнаго поэта представлена довольно хорошо. Прежде всего стоитъ остановиться на перепечаткѣ (съ дополненіями) извѣстнаго труда академика Грота о лицейской жизни и товарищахъ Пушкина [4]). Кромѣ мемуаровъ, тамъ напечатанныхъ (С. Д. Комовскаго, съ примѣчаніями М. Я. Яковлева, и общаго очерка М. А. Корфа), мы встрѣчаемъ еще рядъ свѣдѣній о школьныхъ сверстникахъ поэта, объ его учителяхъ и воспитателяхъ, нѣсколько данныхъ о состояніи учебно-воспитательной части въ лицеѣ временъ Пушкина и о немъ самомъ въ бытность его лицеистомъ. Второе изданіе капитальной работы Я. К. Грота вызвало интересную статью Л. Н. Майкова на страницахъ „Русской Старины“ [5]). Л. Н. Майковъ, выступая на защиту Пушкина противъ Корфа, даетъ прежде всего интересную литературную исторію его записки о Пушкинѣ и совершенно справедливо указываетъ на односторонность сужденія М. А. Корфа, но, на нашъ взглядъ, напрасно не останавливается на этомъ; сквозь строки его очень, впрочемъ, осторожной статьи сквозитъ желаніе вообще подорвать довѣріе къ свидѣтельству Корфа. Мы думаемъ, что все сказанное въ запискѣ Корфа—правда, но, конечно, это лишь небольшая часть всей правды, которую можно сказать о Пушкинѣ, а потому показанія Корфа, хотя и цѣнны и назидательны, но далеко не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ пушкинскаго духа. Будемъ же вѣрить М. А. Корфу, но не забудемъ и восклицанія Пушкина, которое вырвалось у него при чтеніи матеріаловъ, собранныхъ біографомъ Байрона, — пусть читатель записокъ Корфа сумѣетъ отнестись къ нимъ безъ злорадства, безъ суровыхъ приговоровъ и упрековъ поэту, пусть смотритъ

---

[1]) Въ юбилейной литературѣ самая удачная, на нашъ взглядъ, характеристика домашней жизни поэта принадлежитъ г. Ив. Иванову („Дни покаянія“, *Міръ Божій*, 1899, № 5).

[2]) *Б. Глинскій* въ *Пушк. Сб. библ. Дѣтскаго Чтенія*. (М. 1899).

[3]) *Е. Поселянинъ*, *Русская няня* (М. 1899).

[4]) *Я. К. Гротъ*, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, 2 изд. 1899.

[5]) *Л. Н. Майковъ*, „Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа“, *Русская Старина*, 1899, № 8, 299.

на нихъ, какъ на цѣнный матеріалъ для спокойнаго изученія души Пушкина, для уясненія той борьбы, которая вознесла вулканическую натуру поэта изъ тьмы хаоса, тревоги и плотской суеты на чистыя, безоблачныя высоты божественно уравновѣшеннаго просвѣтленнаго духа!

Очень цѣнна работа г. Кобеко, посвященная исторіи лицея пушкинскихъ временъ [1]). Здѣсь на первомъ мѣстѣ вырисовывается симпатичный образъ Энгельгардта и его юныхъ друзей. Пушкинъ остается въ тѣни, хотя имя его мелькаетъ порою въ письмахъ Энгельгардта.

Представляетъ нѣкоторый интересъ и рѣчь г. Анненскаго, въ которой онъ выяснилъ роль Царскаго Села въ жизни и творчествѣ Пушкина [2]). Въ работѣ этой мы встрѣчаемъ умѣлую группировку стихотвореній, посвященныхъ Царскому Селу: по мнѣнію автора, царскосельскіе дворцы, сады и памятники, отъ которыхъ вѣяло еще свѣжимъ ароматомъ XVIII вѣка, внушали юношѣ-поэту „державинскія“ настроенія: „въ Царскомъ Селѣ поэта окружали памятники нашего недавняго прошлаго, въ немъ жилъ еще своей грандіозной и блестящей стороной нашъ восемнадцатый вѣкъ, и Пушкинъ долженъ былъ тѣмъ живѣе чувствовать славу и обаяніе недавнихъ подвиговъ русскаго оружія, что его первые царскосельскіе годы совпали съ событіями отечественной войны. Не отсюда ли, не изъ этихъ ли садовъ, не отъ этихъ ли памятниковъ, простыхъ и строгихъ, но много говорившихъ сердцу впечатлительнаго юноши, идутъ тѣ *величавые* образы, которые такъ безконечно разнообразны на страницахъ его поэзіи?.. Не здѣсь ли Пушкина стали волновать впервые идеи исторической правды и возмездія“ [3])? Предполагаетъ, между прочимъ, г. Анненскій, что великолѣпіе царскосельскихъ садовъ и дворцовъ отразилось на соотвѣтствующихъ картинахъ „Руслана и Людмилы“. Онъ далѣе говоритъ о жизни и занятіяхъ Пушкина въ Лицеѣ, совершенно неосновательно пытается уничтожить автобіографическія черты въ герояхъ его раннихъ поэмъ и „Евгенія Онѣгина“, невѣрно характеризуетъ Пушкина какимъ-то поэтомъ „про себя“, скрытнымъ, „болѣзненно-цѣломудреннымъ“ и, говоря о его поэзіи, совершенно правильно замѣчаетъ, что „гуманность Пушкина была явленіемъ высшаго порядка: она не дразнила воображенія картинами нищеты и страданія, и туманомъ слезъ не заволакивала

---

[1]) *Д. Ѳ. Кобеко*, „Директоръ Царскосельскаго Лицея Е. А. Енгельгардтъ и его питомцы“, *Вѣстникъ Всемірной Исторіи* (1899, № 12).

[2]) *И. Анненскій*, „Пушкинъ и Царское Село“, Спб. 1899.

[3]) Тамъ же, 14—15.

сознанія; ея источникъ былъ не въ мягкосердечіи, а въ пониманіи и чувствѣ справедливости“ [1]).

Петербургскаго періода жизни Пушкина касается интересная работа г. Модзалевскаго [2]); она посвящена біографіи пріятеля Пушкина по „Зеленой Лампѣ“—Я. Н. Толстаго. Сначала авторъ подбираетъ рядъ любопытныхъ данныхъ для характеристики этого кружка, что, конечно, особенно любопытно для біографа нашего поэта, а затѣмъ отходитъ отъ Пушкина и всецѣло занимается Я. Н. Толстымъ, его жизнью и литературной дѣятельностью.

Изъ общихъ очерковъ, посвященныхъ жизни и дѣятельности Пушкина на югѣ Россіи, назовемъ, прежде всего, работу г. Булашева [3]). Главное достоинство ея—обстоятельный подборъ данныхъ (старыхъ и новыхъ) [4]), касательно жизни поэта на югѣ Россіи, главный недостатокъ—полное отсутствіе самостоятельности. Г. Булашевъ далъ намъ сводъ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ матеріаловъ, приводя ихъ цѣлыми страницами или очень близко пересказывая, но не сумѣлъ критически отнестись къ тому мозаичному образу поэта, что сложился передъ нимъ послѣ такого пользованья матеріалами, — онъ собралъ матеріалъ, распредѣлилъ его и остановился передъ „творчествомъ“.

Изъ недостатковъ, менѣе существенныхъ, отмѣтимъ нѣкоторыя неточности въ біографіи поэта: нельзя, напримѣръ, безъ оговорокъ принять утвержденіе, что Пушкинъ послѣ лицея „чуть не на каждомъ шагу ставилъ себя въ довольно ложное положеніе“, тѣмъ, что „*примкнулъ* къ золотой молодежи“, которая въ „*недоумѣніи* сторонилась отъ невѣдомаго пришельца“ [5]),—или: „Пушкинъ отнесся къ стряслейся надъ нимъ бѣдѣ съ полною беззаботностью и чисто дѣтскимъ добро-

---

[1]) Тамъ же, 37.

[2]) *Б. Л. Модзалевскій*, „Яковъ Николаевичъ Толстой“ (*Русская Старина*. 1899, № 9—10).

[3]) *Г. О. Булашевъ*, „А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи“ („Сборникъ Пушкину“, изд. Кіевскаго Педагогическаго общества“), Кіевъ, 1899, ч. II, 1 (есть отдѣльные оттиски).

[4]) Изъ старыхъ работъ пользуется авторъ, главнымъ образомъ, трудами Бартенева, Анненкова, Яковлева; изъ новыхъ: статьями изъ *Правды* (1880, 23, 24, 27-го мая), *Мацѣевича* (*Историческій Вѣстникъ*, 1883, № 5), воспоминаніями *Францовой* (*Русское Обозрѣніе*, 1897, № 3), *Ив. Ѳедорова* (*Историческій Вѣстникъ*, 1890, № 5), записками *Смирновой*.

[5]) *Булашевъ*, op. cit. II, 2.

душіемъ“ [1]),—что прямо невѣрно, такъ какъ хорошо извѣстно, что первое время онъ и перепугался, и растерялся. Обсужденіе вопроса о государственномъ переворотѣ, имѣвшее мѣсто у Раевскихъ при Пушкинѣ, г. Булашевъ назвалъ „формальнымъ совѣщаніемъ“ [2]), тогда какъ это было лишь мистифицированіе поэта. Любопытно затѣмъ, что кишиневскіе дебоши и байронизмъ для автора, повидимому, синонимы [3]). Поэтому, съ его точки зрѣнія, періодъ пушкинскаго байронизма совпадаетъ у него съ эпохами скандаловъ: когда они подъ вліяніемъ общества Раевскихъ прекращаются, тогда байронизмъ поэта „перегораетъ“; когда поэтъ отъ Раевскихъ попадаетъ въ скандальный Кишиневъ,—онъ опять, оказывается, подпадаетъ вліянію англійскаго поэта. Впрочемъ, поведеніе Пушкина въ Кишиневѣ до нѣкоторой степени оправдывается авторомъ: по его мнѣнію, съ кишиневскими жителями „другого обращенія и не могло быть, чтобы удержать ихъ въ должныхъ границахъ“ [4]). „Разсужденіе автора о „двухъ Пушкиныхъ“, реальномъ и идеальномъ, о просвѣтлѣніи поэта путемъ „чистаго творчества“, о „вѣдѣніи зла“ etc. не отличаются ясностью [5]).

Заявленіе г. Булашева, что Пушкинъ „горячо“ взялся за „обрусѣніе“ кишиневской *канцеляріи* [6]), такъ странно, что останавливаться на немъ не будемъ. Отношенія поэта къ Инзову представлены невѣрно: Пушкинъ, якобы, отвѣчалъ на выговоры „дурачливыми (?) оправданіями, въ которыхъ явно сквозила насмѣшка надъ Инзовымъ“ [7]). Г. Булашевъ увидѣлъ въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ „въ значительной степени вліяніе“ Байрона, „въ созданіи образа влюбленнаго крымскаго хана Гирея“ [8])—еще одно доказательство, какъ неясенъ автору Байронъ и значеніе его въ творчествѣ и жизни Пушкина. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“ Байронъ сказался только въ томъ восточномъ колоритѣ, заимствованіе котораго самъ Пушкинъ признавалъ. О томъ, что поэтъ въ Одессѣ писалъ „цѣлые трактаты“ [9]) о романтизмѣ, мы узнаемъ впервые отъ г. Булашева.

---

[1]) Тамъ же, 3.
[2]) Тамъ же, 23.
[3]) Тамъ же, 25, 60.
[4]) Тамъ же, 27.
[5]) Тамъ же, 29—30, 32.
[6]) Тамъ же, 40.
[7]) Тамъ же, 43.
[8]) Тамъ же, 78.
[9]) Тамъ же, 90.

Обширное пользованіе записками Францовой и Иванова, особенно послѣдняго, на нашъ взглядъ дѣло очень опасное, такъ какъ сочиненность ихъ чувствуется и въ литературности, и въ обширныхъ діалогахъ, и въ мелодраматичности (Ивановъ).

Говоря о жизни Пушкина у Раевскихъ, г. Булашевъ утверждаетъ, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Марію Николаевну Раевскую [1]); это онъ доказываетъ тѣми стихотворными воспоминаніями о поэтѣ, которыя Некрасовъ въ „Русскихъ Женщинахъ“ вложилъ въ уста Маріи Николаевны, жены декабриста князя С. Г. Волконскаго.

Коренные недостатки работы г. Булашева особенно рельефно вырисовываются, когда мы сравнимъ ее съ небольшимъ, но очень цѣннымъ этюдомъ г. Александровскаго [2]). Авторъ приступаетъ къ разбираемому имъ вопросу вполнѣ сознательно, съ опредѣленными точками зрѣнія, положивъ въ основу своей работы рядъ ясно продуманныхъ имъ теоретическихъ взглядовъ. Параллельно съ жизнью поэта, г. Александровскій рисуетъ его литературную дѣятельность на югѣ. Большое мѣсто въ его работѣ занимаетъ вопросъ о байронизмѣ Пушкина, — въ рѣшеніи котораго онъ примыкаетъ къ нашей точкѣ зрѣнія [3]).

Г. Маркевичъ далъ любопытный очеркъ жизни Пушкина на югѣ [4]). Передъ нами обстоятельная характеристика общественной жизни Кишинева и Одессы, живые наброски тогдашняго Крыма и Кавказа, перечислены произведенія Пушкина, связанныя съ Новороссійскимъ краемъ, выяснены отношенія тамошняго общества къ Пушкину и отмѣченъ тотъ высокій интересъ, съ которымъ относится къ памяти поэта теперешняя интеллигенція южной Россіи. Совершенно справедливо указавъ на то, что извѣстность Пушкина среди большой публики завоевана была поэтомъ во время его изгнанія на югъ („Русланъ и Людмила“ напечатана была въ бытность Пушкина въ Кишиневѣ), авторъ однако преувеличилъ значеніе юга, утверждая, что

---

[1]) *Г. Карскій* высказалъ предположеніе, что поэтъ послѣдовательно отъ увлеченія старшей сестрою Екатериною Николаевною перешелъ къ Еленѣ. Теперь, слѣдовательно, мы имѣемъ трехъ возможныхъ богинь пушкинскихъ пѣснопѣній.

[2]) *Г. В. Александровскій*, „Изъ юбилейныхъ чтеній о Пушкинѣ“, I. Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи, II. Поэтъ-эхо. (Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана, 1898—1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“, Спб., 1899.

[4]) *А. И. Маркевичъ*, „Пушкинъ и Новороссійскій край“, „Пушкинскіе дни въ Одессѣ“. (Сборн. Имп. Новоросс. У-та, Одесса, 1900 г.).

„только на югѣ Россіи окончательно опредѣлилась личность Пушкина въ томъ видѣ, въ какомъ она всѣмъ намъ дорога“ [1]).

Мы отмѣтили уже выше, что пребываніе на югѣ было въ жизни поэта эпохой броженія, своего рода Sturm und Drang'омъ, продолженіемъ петербургской жизни поэта.

Г. Житецкій тоже далъ намъ очеркъ жизни Пушкина на югѣ [2]). По его собственному заявленію, онъ „ничего новаго не думалъ сообщить въ своей работѣ; цѣль его напомнить читателямъ „Кіевской Старины“ въ годъ, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина, о тѣхъ мѣсяцахъ, которые провелъ поэтъ въ Малороссіи“. Однако, не ограничиваясь почему-то Малороссіею, авторъ захватываетъ всю жизнь поэта съ окончанія лицея до возвращенія на сѣверъ. Содержаніе этого очерка очень неровно; изложеніе неряшливо, впечатлѣніе поэтому получается нецѣльное. Касается авторъ и вопроса о литературныхъ вліяніяхъ, говоритъ много о Байронѣ.

Жизни Пушкина въ Кишиневѣ посвященъ цѣлый рядъ очерковъ. Г. Халиппа далъ очень обстоятельный очеркъ города Кишинева [3]); его топографію, перечень извѣстныхъ или любопытныхъ жителей его въ 20-хъ годахъ XIX-го столѣтія, описаніе достопримѣчательностей города, поскольку онѣ связаны были съ жизнью Пушкина. Авторъ умѣло воспользовался разными извѣстными мемуарами (Липранди, Вельтманъ) и другими данными и далъ работу, очень цѣнную для будущаго біографа Пушкина. Къ работѣ г. Халиппы приложена подписка бессарабцевъ на 1-е посмертное изданіе сочиненій Пушкина, выпущенное въ пользу его семейства.

Работа г. Шимановскаго, посвященная, судя по заглавію, описанію жизни поэта въ Кишиневѣ [4]), представляетъ на дѣлѣ всю біографію поэта: (1) общая характеристика, 2) вліяніе петербургскаго общества, 3) Пушкинъ на югѣ Россіи до пріѣзда въ Кишиневъ, 4) Пушкинъ въ Кишиневѣ, 5) Пушкинъ въ Одессѣ, 6) Пушкинъ въ с. Михайловскомъ, 7) Пушкинъ на свободѣ). Новаго въ этой работѣ

---

[1]) Тамъ же, 137.

[2]) *И. П. Житецкій*, „Изъ первыхъ лѣтъ жизни Пушкина на югѣ Россіи“ (*Кіевская Старина*, 1899, есть отд. оттискъ).

[3]) *Ив. Халиппа*, „Городъ Кишиневъ временъ жизни въ немъ Александра Сергѣевича Пушкина“ (1820—1823), Кишиневъ, 1899.

[4]) *А. Н. Шимановскій*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью“. Кишиневъ, 1900.

ничего нѣтъ. Характеристика внутренняго облика поэта схвачена довольно вѣрно, но выражена она довольно странно.

Работа г. Воскресенскаго [1]) также не представляетъ особаго интереса,—это легкій очеркъ жизни поэта въ Кишиневѣ. Приведена мелодраматическая канва для „Цыганъ“ и приложено стихотвореніе, яко-бы, пушкинское:

„Тамъ всѣ поэта презираютъ
„И „дракулъ руссулъ“ называютъ“ etc.

—извлеченное изъ альбома одного каларашскаго помѣщика. Ольга Накко дала живой беллетристическій разсказъ, посвященный тоже жизни поэта въ Кишиневѣ [2]). Образъ поэта выдержанъ вѣрно, читается поэтому разсказъ живо и можетъ быть отнесенъ смѣло къ разряду „Wahrheit und Dichtung“, которыми историкъ пренебрегать не долженъ. О матеріалахъ, касающихся жизни Пушкина въ Бессарабіи, мы говорили выше (глава II), отмѣтимъ лишь небольшую замѣтку о генералѣ Инзовѣ [3]), представляющую нѣкоторый интересъ.

О *первомъ* путешествіи Пушкина на Кавказъ никакихъ статей мы не имѣемъ,—касательно же пребыванія Пушкина въ Крыму кое-что есть.

Такъ, очень цѣнна прекрасно написанная работа г. Карскаго [4]). Прекраснымъ языкомъ, увлекательно авторъ обрисовалъ настроеніе поэта во время жизни его въ Крыму, очень искусно подобралъ всѣ стихотворенія, относящіяся по содержанію къ этой эпохѣ, письмами поэта иллюстрировалъ свои разсказы о Керчи, Ѳеодосіи, Гурзуфѣ и Симферополѣ. Работа эта, безспорно, одна изъ лучшихъ монографій, посвященныхъ поэту.

Въ такомъ же родѣ работа г. Арсенія Маркевича [5]). Авторъ прекрасно подобралъ всѣ произведенія поэта, въ которыхъ отразилось его увлеченіе природой и впечатлѣніями Крыма, извлекъ ихъ даже изъ черновыхъ набросковъ, отмѣтилъ проблески крымскихъ воспоминаній въ другихъ, позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Пребыванію Пушкина въ Каменкѣ посвящены тоже нѣсколько очерковъ. На первомъ мѣстѣ, конечно, надо поставить очеркъ г. Ло-

---

[1]) *Воскресенскій*, „Пушкинъ въ Бессарабіи“ (Кишиневъ, 1899).

[2]) *Ольга Накко*, „Дни молодости“ („*Пушк. Сборникъ*“ петерб. литераторовъ, 517).

[3]) *А. П. К.*, „Инзовъ въ южной Бессарабіи“ (*Русск. Арх.*, 1900, № 12).

[4]) *М. Б. Карскій*, „Пушкинъ въ Тавридѣ“ (Симферополь, 1899).

[5]) *Арсеній Маркевичъ*, „Пушкинъ и Крымъ“ (Симферополь, 1899).

боды [1]). Послѣ обстоятельнаго описанія современнаго состоянія Каменки, авторъ рисуетъ ее такою, какою она была при Пушкинѣ, характеризуетъ ея бывшихъ владѣтелей, говоритъ объ ихъ времяпрепровожденіи. Касательно Пушкина авторъ высказалъ любопытную догадку, что въ Каменку въ первый разъ поэтъ попалъ не изъ Крыма, а изъ Кишинева. Особенно цѣнны, конечно, въ работѣ г. Лободы тѣ страницы, которыя посвящены жизни великаго поэта въ обществѣ его просвѣщенныхъ друзей Раевскихъ. „Демагогическіе споры", „аристократическіе обѣды", нѣжныя чувства къ одной изъ прекрасныхъ обитательницъ Каменки,—вотъ та атмосфера, въ которой отдыхалъ поэтъ послѣ пошлой сутолоки кишиневскаго плебса.

Какъ на литературный курьезъ, укажемъ на изданіе г. Гулливера, посвященное изображенію въ беллетристической формѣ различныхъ юношескихъ увлеченій поэта [2]). Это живо написанная „фантазія" на темы изъ жизни поэта. Содержаніе слѣдующее: 1) Первая любовь поэта (къ Бакуниной); 2) Прекрасная молодая вдова (Марія Смитъ); 3) Бахчисарайская красавица (М. Раевская); 4) Гречанка Калипсо.

Касательно одесской жизни поэта имѣемъ мы небольшой очеркъ проф. Халанскаго, бросающій нѣкоторый свѣтъ на отношенія поэта къ Ризничъ. Впрочемъ особаго интереса этотъ маленькій этюдъ не имѣетъ [3]).

Жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ посвященъ цѣлый рядъ работъ. Прежде всего остановимся на работѣ проф. Пѣтухова [4]). Авторъ привлекъ къ своему изслѣдованію всю литературу, касающуюся жизни поэта въ Михайловскомъ, извлекъ все, что можно было изъ сочиненій Пушкина, и, въ результатѣ, далъ живой содержательный очеркъ отшельничества поэта. Вся работа проф. Пѣтухова распадается на двѣ главы, — въ первой говорится о жизни поэта, во второй—объ его литературной дѣятельности. Съ выводомъ почтеннаго изслѣдователя о высокомъ значеніи села Михайловскаго въ жизни поэта нельзя не согласиться. Въ исторіи пушкинскаго раз-

---

[1]) *А. М. Лобода*, „А. С. Пушкинъ въ Каменкѣ" („Памяти Пушкина", Сб. у-та св. Влад., 82, есть отд. оттискъ).

[2]) „Первая любовь поэта" (эпизоды изъ эпохи юношескихъ увлеченій поэта). изданіе Гулливера, М. 1899.

[3]) Проф. *М. Е. Халанскій*, „Пушкинъ и г-жа Ризничъ" („Харьк. Унив. Сборн. въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900, 351; есть отд. оттискъ).

[4]) Проф. *Е. В. Пѣтуховъ*, „Два года изъ жизни А. С. Пушкина" („Пушк. Сборн. изд. Импер. Юрьевскимъ университетомъ", Юрьевъ, 1899; есть отд. оттискъ).

витія эта эпоха была тою порою, когда тревожные приподнятые образы, чувства и помыслы первой половины его жизни угомонились, прекратили свою вулканическую борьбу съ духомъ и тѣломъ поэта, и началось примиреніе съ дѣйствительностью, съ тихой свѣтлой поэзіей „земли“...

Работа г. Рыбинскаго [1]) представляетъ интересное по замыслamъ изслѣдованіе, но не вполнѣ удачное на дѣлѣ. „Въ настоящемъ очеркѣ, говоритъ г. Рыбинскій, мы имѣемъ въ виду отмѣтить характерныя черты пережитаго Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ душевнаго кризиса, опредѣлить особенность его міросозерцанія и прослѣдить, какъ все это отразилось въ литературной дѣятельности поэта“ [2]). Задавшись такою цѣлью, такъ сказать, *активнаго* толкователя души поэта, авторъ скоро сбивается на роль *пассивнаго*: онъ цитуетъ длинныя выдержки изъ писемъ поэта, изъ его стихотвореній,—отъ себя онъ говоритъ очень мало, предоставляя самому Пушкину говорить за себя, а подъ конецъ работы подробно повторяетъ анализъ „Бориса Годунова“, произведенный акад. И. Н. Ждановымъ. Изъ неточностей автора отмѣтимъ такую неожиданную характеристику поэта: „Никогда Пушкинъ не искалъ жизненныхъ бурь: онѣ сами приходили, или, вѣрнѣе, были вызываемы его пылкимъ темпераментомъ. Покой и уединеніе всегда были желанны для него“ [3]),—утвержденіе, легко опровергаемое фактами изъ жизни поэта и его стремленіями, и его всегдашней нелюбовью къ уединенію. Совершенно неправильно и дальнѣйшее развитіе этого положенія:—„Мы подчеркиваемъ стремленіе Пушкина къ покою и уединенію, потому что видимъ въ этомъ важную черту его внутренняго міра. Душевная жизнь Пушкина отличалась раздвоеніемъ чувства и воли. Дѣятельность не охватывала поэта цѣликомъ. Житейскія волненія, битвы не удовлетворяли его. Онъ жаждалъ вдохновеній и молитвъ вдали отъ толпы“ [4]). Изъ этой цитаты мы видимъ, что частныя, минутныя настроенія поэта возведены въ общія, характерныя, существенно важныя... Заявленіе автора, что Пушкинъ „имѣлъ на П. А. Осипову большое вліяніе“,

---

[1]) *В. С. Рыбинскій*, „А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“ („Сборникъ Пушкину“, изд. Кіев. Педаг. Общ. 1899 г., ч. II, 118).

[2]) Тамъ же, 119.

[3]) Тамъ же, 122.

[4]) Тамъ же, 123.

должно быть, судя по письмамъ поэта, измѣнено какъ разъ, наоборотъ: пожилая женщина, симпатичная, окруженная неизмѣннымъ почтеніемъ поэта, была для него тѣмъ сдерживающимъ началомъ, нравственное значеніе котораго онъ цѣнилъ до смерти. Стихотвореніе Пушкина: „Я помню чудное мгновеніе"!—посвященное А. П. Кернъ, вызываетъ у г. Рыбинскаго слова: „мы боимся упрекнуть поэта въ неискренности чувства" [1]). Конечно, тѣ образы, что рисуются передъ читателемъ при чтеніи этого произведенія и при чтеніи писемъ поэта къ той же Кернъ,—совершенно не совпадаютъ, но даже и на минуту нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ въ своей поэзіи всегда былъ „искрененъ",—можно это качество, при неправильномъ толкованіи его души, отыскать, пожалуй, въ его письмахъ, въ фактахъ его жизни, но въ поэзіи онъ всегда правдивъ.

Попытка автора самостоятельно рѣшить одинъ изъ вопросовъ пушкинской жизни, откуда взялся его юношескій разгулъ, его развратъ, на нашъ взглядъ, дѣло совершенно праздное. Г. Рыбинскій видитъ, вопреки Стоюнину и, прибавимъ, многимъ другимъ, въ этомъ разгулѣ чисто русское явленіе, а не африканскую кровь поэта. Не можемъ мы согласиться и съ нѣкоторыми толкованіями типовъ „Бориса Годунова". Напр., „Самозванецъ принадлежитъ къ типу скитальцевъ, какъ ихъ называетъ Достоевскій, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „Алеко" и въ „Евгеніи Онѣгинѣ" [2]).

Мило написанъ очеркъ г. Острогорскаго [3]), тоже посвященный описанію жизни поэта въ Михайловскомъ; новаго, конечно, ничего въ работѣ г. Острогорскаго нѣтъ; изложена она живо, но, вѣроятно, спѣшность ея помѣшала автору справиться съ изложеніемъ,—у него встрѣчаются обороты рѣчи, отнюдь не литературные.

Извѣстному писателю г. Авенаріусу принадлежитъ въ „Дѣтскомъ Чтеніи" небольшой очеркъ, посвященный тому же сюжету [4]).

Г. Чешихинъ сочинилъ стихами драматическій этюдъ изъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ [5]).

---

[1]) Тамъ же, 126.

[2]) Тамъ же, 144.

[3]) *В. Острогорскій* и *Максимовъ*, „Пушкинскій уголокъ".

[4]) *Авенаріусъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ" (*Сборникъ Дѣтскаго Чтенія*).

[5]) *Всеволодъ Чешихинъ*, „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ", Рига, 1899.

Тотъ же сюжетъ развитъ въ беллетристическомъ очеркѣ г-жи Соловьевой-Несмѣловой [1]).

О Святогорскомъ монастырѣ имѣемъ мы недурную статью въ „Странникѣ“ [2]).

Къ Михайловскому періоду пріурочили мы разсмотрѣніе очень цѣнной работы проф. Вс. Миллера, посвященной Пушкину, какъ этнографу [3]). Хотя содержаніе ея охватываетъ всю жизнь поэта, но, конечно, жизнь въ Михайловскомъ—центръ работы проф. Миллера. Передъ нами прежде всего широко нарисованная картина того русско-французскаго фона, на которомъ вырисовался отчетливо и ясно первый русскій поэтъ-этнографъ, сжившійся съ народомъ, его міровоззрѣніемъ, его жизнью, обычаями, его эстетикой и поэтикой. „Какъ теоретикъ, Пушкинъ не могъ вполнѣ разобраться въ вопросѣ о народности, хотя дѣлалъ попытки формулировать свои взгляды. Какъ русскій патріотъ, онъ цѣнилъ проявленія народности въ его творчествѣ; какъ художникъ съ тонко развитымъ чувствомъ красоты, онъ любовался всѣмъ, что находилъ въ этомъ творчествѣ прекраснаго, искренняго, сильнаго, въ чемъ ярко отпечатлѣлся народный характеръ. Для него увлеченіе народностью было не дѣломъ мимолетнаго каприза; подобно тому, какъ граціозный, легкій, „пушкинскій“ стихъ, при всей геніальности поэта, былъ выработанъ упорнымъ техническимъ трудомъ, такъ и глубокое пониманіе и правдивое воспроизведеніе народныхъ мотивовъ далось Пушкину при помощи серьезнаго изученія и пристальныхъ наблюденій. И особенно высоко должны мы оцѣнить его трудъ, если вспомнимъ, что сказки о „Медвѣдицѣ“ или о „Рыбакѣ и рыбкѣ“ создалъ писатель, получившій въ дѣтствѣ чисто французское образованіе, говорившій, по его признанію, по-французски лучше, чѣмъ по-русски и принужденный упорно трудиться надъ роднымъ языкомъ, вырабатывать свой стиль. Всѣмъ, чего достигъ Пушкинъ въ изученіи и пониманіи народнаго духа, онъ обязанъ лишь самому себѣ, своему труду и правдиво-реальному отношенію къ народности. Такого отношенія онъ не нашелъ, какъ мы видѣли, въ своихъ учителяхъ, въ господствовавшемъ фальшивомъ сентиментальномъ направленіи Карамзина и его школы“ [4]).

---

[1]) *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*, „Скромный уголокъ“ (*Пушкинскій Сборникъ*, М. 1899, *Библіотека Дѣтскаго Чтенія*).

[2]) „Святогорскій монастырь“ (*Странникъ*, № 8).

[3]) *Вс. Миллеръ*. „Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ“. М. 1899.

[4]) Тамъ же, 53.

Таково resumé почтеннаго автора. Развитію этихъ мыслей посвящена работа. Начинаетъ авторъ съ характеристики русскаго общества XVIII вѣка, особенно останавливаясь на его антинаціональномъ, именно французскомъ направленіи. Картина, на нашъ взглядъ, получилась черезчуръ сгущенная. Авторъ остановился почему-то исключительно на французскомъ вліяніи, оставивъ безъ вниманія нѣмецкое, съ котораго началась и которымъ кончилась исторія русской цивилизаціи XVIII вѣка, а затѣмъ,—и это главное.—авторъ, повидимому, совсѣмъ склоненъ отрицать народный элементъ въ жизни, нравахъ и настроеніяхъ Россіи XVIII вѣка. Не говоря уже о дворянахъ средней руки, которые никогда не прерывали связи съ землей, и магнаты XVIII вѣка развлекались, какъ извѣстно, и потѣхами русскими, и пѣснями. Стоитъ перечитать нѣкоторые мемуары XVIII вѣка, и мы встрѣтимъ не умирающую связь съ народомъ [1]). Въ русскихъ журналахъ, рядомъ съ искусственными народными пѣснями, мелькнетъ иногда старая, обрядовая, въ русскихъ собраніяхъ пѣсенъ того же вѣка, въ рукописныхъ сборникахъ мы много найдемъ произведеній народной поэзіи. Вопреки проф. Вс. Миллеру, мы готовы утверждать, что упорная борьба съ западомъ, съ которымъ столкнулъ Петръ русскую народность, ко второй половинѣ вѣка уже ясно кончалась въ пользу второй. Вторая половина вѣка, при всѣхъ ея неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, знаменуется органическимъ сліяніемъ западнаго съ русскимъ, характеризуется выработкой національнаго міросозерцанія и самосознанія въ жизни и литературѣ—это эпоха, несомнѣнно подготовившая „Исторію“ Карамзина, дѣятельность Пушкина. патріотическое настроеніе 1812 года и политическія движенія конца царствованія Александра I... Если въ литераторахъ нашелъ Пушкинъ только учителей „Руслана и Людмилы“, то въ русскихъ людяхъ, даже московскихъ „маркизахъ“ и „креолкахъ“ нашелъ онъ русскихъ людей, истыхъ москвичей, правда, во французскихъ плащахъ. И вовсе эти плащи не трудно было снять! Слишкомъ уменьшилъ авторъ и значеніе патріотическихъ стихотвореній Пушкина: отъ нихъ, по словамъ проф. Вс. Миллера, „вѣетъ холодомъ и стилемъ Державина“ [2]). Во-первыхъ, поэзія Державина не кажется намъ холодной,—ея искренность—то качество, которое дѣлаетъ ее оригинальной на русскомъ Парнассѣ ложно-классицизма,—а, во-вторыхъ, за подражательной искусственной формой у Пушкина скрывается, несомнѣнно,

---

[1]) Ср. статью А. М. Лободы („*Об. ст. о П—нѣ*“, изд. К. Пед. О—ва, 21—30).
[2]) Тамъ же, 12.

живое чувство,—вѣдь высокія настроенія патріотизма владѣли имъ въ Царскомъ Селѣ и подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, и подъ впечатлѣніемъ той величавой эпопеи борьбы съ Наполеономъ, что развернулась передъ его очами. „Двухлѣтнее пребываніе Пушкина въ Петербургѣ, говоритъ далѣе проф. Вс. Миллеръ, частью въ великосвѣтскихъ салонахъ, частью въ кругу лицейскихъ товарищей, пустая и разсѣянная жизнь, блестящіе успѣхи въ литературныхъ кругахъ, политическія мечтанія въ средѣ будущихъ декабристовъ—все это слишкомъ отвлекало поэта отъ серьезнаго труда, отъ вдумчивости въ вопросы чисто русскаго языка“ [1]). Конечно, выработка русскаго языка—великое дѣло, но почему же ставить крестъ на всей той эпохѣ, когда Пушкинъ старался надышаться всѣми тѣми ароматами, которыми жило современное ему русское общество. Мы отмѣчали уже эту эпоху, какъ очень важную въ жизни поэта. Далѣе проф. Миллеръ самымъ внимательнымъ образомъ слѣдитъ, какъ растетъ въ Пушкинѣ интересъ къ этнографіи и народной поэзіи; на основаніи его писемъ, замѣтокъ, стихотвореній, онъ отмѣчаетъ у великаго поэта всякую искру интереса къ народу. Надо отдать автору полную справедливость.—едва-ли имъ что-либо пропущено. Кромѣ интереса къ поэзіи авторъ отмѣчаетъ также интересы у Пушкина къ исторіи русскаго языка, къ грамматикѣ, къ этнографіи. Особенно подробно останавливается онъ на любопытной исторіи народныхъ пѣсенъ, записанныхъ Пушкинымъ и переданныхъ Кирѣевскому. Эта исторія, къ сожалѣнію, остается невыясненной, такъ какъ подлинныхъ тетрадей Пушкина до сихъ поръ не найдено, но благодаря отмѣткамъ самого Кирѣевскаго удалось пока опредѣлить 12 №№, записанныхъ Пушкинымъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ литературной дѣятельности Пушкина и отмѣчаетъ послѣдовательный переходъ отъ псевдо-народной поэзіи XVIII вѣка къ самобытному творчеству въ чисто-народномъ духѣ. Особенно останавливается авторъ на сказкѣ о медвѣдицѣ: „можно было бы, говоритъ онъ, посвятить цѣлый небольшой этюдъ разбору сказки о медвѣдицѣ съ этнографической точки зрѣнія!“ [2]). Здѣсь „мы видимъ такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ (написанномъ въ 1828 году) прологѣ къ „Руслану и Людмилѣ“, этомъ дивномъ калейдоскопѣ рус-

[1]) *Вс. Миллеръ*, op. cit., 14.

[2]) Тамъ же, 48.

скихъ сказочныхъ мотивовъ“ [1]). Заключаетъ проф. Вс. Миллеръ свое изслѣдованіе указаніемъ, что въ „наукѣ“ этнографіи значеніе Пушкина велико, такъ какъ подъ его непосредственнымъ вліяніемъ начали интересоваться произведеніями народной поэзіи Даль, Языковъ, Гоголь...

Отношеніямъ Пушкина къ Керн посвящена странная замѣтка г. Тихонова [2]). Онъ перепечатываетъ воспоминанія В. Д. Р—ва о Керн [3]), въ которыхъ подробно разсказывается объ А. П. Керн, какъ она была грязна и неряшлива въ старости, какъ дурно вела свое хозяйство. Г. Тихоновъ, глядя на непривлекательный образъ старушки, недоумѣваетъ, что общаго между нею и богиней Пушкина, но затѣмъ, говоря о любви супруга къ ней и описывая, со словъ г. Р—ва, сильное впечатлѣніе, произведенное на г-жу Керн исполненіемъ г. Комиссаржевскаго романса: „Я васъ любилъ...“, торопится увѣрить всѣхъ, что въ Керн подъ старость, навѣрно, была „*духовная* привлекательность“.

Г. Хрущовъ обрисовалъ въ своей замѣткѣ симпатичный образъ А. Д. Баратынской [4]). Приведены и образчики ея стихотворныхъ переводовъ.

Любопытна статья проф. Казанскаго, посвященная вопросу объ отношеніи Пушкина къ Москвѣ [5]). Впрочемъ, широко поставивъ тему, авторъ на дѣлѣ свелъ ее къ вопросу объ отношеніяхъ Пушкина къ московскимъ журналистамъ. Поэтому отношенія къ обществу московскому остались въ тѣни,—между тѣмъ, ихъ выяснить было бы всего легче, сопоставивъ, хотя бы, съ отношеніями поэта къ Петербургу. Авторъ, при рѣшеніи поставленной имъ темы, руководился письмами поэта и его произведеніями и пришелъ, въ результатѣ, къ двумъ различнымъ отвѣтамъ: оказывается, Москву поэтъ и хвалилъ и бранилъ попеременно. Отмѣтивъ затѣмъ грибоѣдовскія черты тогдашней Москвы, г. Казанскій останавливается на характеристикѣ того круга Веневитинова и друзей, среди которыхъ Пушкинъ всегда чув-

---

[1]) Тамъ же, 49.

[2]) *Влад. Тихоновъ*, „Анна Петровна Керн и романсъ: „Я помню чудное мгновеніе“. (*Истор. Вѣстникъ* 1899 г., № 5).

[3]) См. *Сѣверъ*, 1892 г., № 8.

[4]) *И. П. Хрущовъ*, „Одна изъ воспѣтыхъ Пушкинымъ“ („*Харьк. Унив. Сб.*“, Харьковъ 1899 г.).

[5]) Проф. *Ив. Казанскій*, „Отношенія А. С. Пушкина къ Москвѣ“ (*Русская Мысль*, 1899 г., № 5).

ствовалъ себя прекрасно [1]). „Пушкинъ, говоритъ авторъ, готовъ былъ убѣжать отъ „бѣдной Москвы", хотя и не въ силахъ былъ подчасъ устоять противъ ея соблазновъ, но Москва богата коренными русскими писателями, ученостью, любовью къ искусству и талантами, и все это было настолько драгоцѣнно для Пушкина, что ему немыслимо было пренебрегать Москвой. Слишкомъ тѣсно былъ связанъ онъ съ русскимъ просвѣщеніемъ, слишкомъ долго и упорно думалъ съ раннихъ лѣтъ о судьбахъ русской литературы. Въ результатѣ, московскою жизнью онъ воспользовался, какъ матеріаломъ для поэтическаго творчества, московскою же любовью къ просвѣщенію и ученостью—какъ орудіемъ для распространенія въ обществѣ серьезной, честной и содержательной литературы — распространенія, которое было органическою потребностью Пушкина" [2]). Таково основное положеніе автора, доказываетъ онъ особенно старательно послѣднюю половину своего утвержденія,—для этого полемизируетъ съ Анненковымъ, К. Полевымъ и Л. Майковымъ, которые въ разное время дали нѣсколько объясненій, почему Пушкинъ стремился вдохновить веневитиновскій кружокъ къ изданію журнала. Подробно выяснены отношенія поэта къ „Московскому Вѣстнику", къ „Европейцу", и „Московскому Наблюдателю". На Москву, по словамъ автора, Пушкинъ смотрѣлъ всегда съ надеждой найти въ ней живой, честный и серьезный органъ „для борьбы съ разными мутными теченіями въ современной ему журналистикѣ" [3]). „При широтѣ своихъ взглядовъ, Пушкинъ сумѣлъ отдѣлить дурное въ московскихъ традиціяхъ отъ хорошаго и никогда не смѣшивалъ одного съ другимъ. Дурное онъ подвергалъ осмѣянію при помощи своего высокаго дарованія, хорошее же чтилъ всю свою жизнь" [4]).

Профессору А. И. Кирпичникову принадлежитъ очень интересный этюдъ объ отношеніи Пушкина къ Московскому университету [5]). Прекрасно, одушевленно написанный очеркъ рисуетъ намъ съ неопровержимой доказательностью, какъ съ дѣтскихъ лѣтъ поэта вплоть до возмужалости окружаютъ его лучшіе сыны Московскаго универси-

---

[1]) См. *М. А. Веневитинова*, „О чтеніи Пушкинымъ „Бориса Годунова" у Веневитиновыхъ". (*Русскія Вѣдомости*, 1899 г., № 143).

[2]) *Ив. Казанскій*, op. cit., 94.

[3]) Тамъ же, 101.

[4]) Тамъ же. 102.

[5]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, „Пушкинъ и Московскій Университетъ" (*Русск. Вѣд.* 1899 г., № 145).

тета, какъ вокругъ поэта незримо вѣетъ въ теченіе всей его жизни атмосфера московской университетской жизни. Впервые встрѣчается онъ съ питомцами университета въ салонѣ отца, затѣмъ попадаетъ подъ опеку А. И. Тургенева и В. Ѳ. Малиновскаго. Останавливается проф. Кирпичниковъ на личности Н. Ѳ. Кошанскаго, отмѣчая его несомнѣнное значеніе въ исторіи русской литературы; подробно говоритъ о кружкѣ Веневитиновыхъ, объ отношеніяхъ Пушкина къ Погодину и Шевыреву; разсказываетъ о посѣщеніи Пушкинымъ университета и, наконецъ, выясняетъ высокую роль Московскаго университета въ дѣлѣ научнаго толкованія заслугъ великаго поэта (Погодинъ, Шевыревъ, Буслаевъ, Тихонравовъ). „Въ 40-хъ годахъ, говоритъ почтенный авторъ, московская, а за нею и вся русская интеллигенція дѣлится на два лагеря: славянофиловъ и западниковъ. Это была идейная борьба честныхъ, другъ друга уважающихъ противниковъ, но, тѣмъ не менѣе, борьба упорная, жестокая, тогда казавшаяся непримиримою. На *двухъ* пунктахъ однако сходились противники: на горячей любви къ памяти и дѣлу Пушкина, котораго каждая партія имѣла право (?) считать *своимъ*, и на высокомъ уваженіи къ *святымъ*, какъ тогда говорили, стѣнамъ Московскаго университета“.

Г. Ельницкій бѣгло обрисовалъ отношенія Пушкина къ современнымъ ему писателямъ [1]). Новаго онъ намъ не сообщаетъ ничего, но все-таки работа его должна быть признана полезной, такъ какъ сводитъ въ одно всѣ главнѣйшіе факты изъ исторіи отношеній поэта къ Державину, Карамзину, Дельвигу, Баратынскому, Языкову, Козлову, Гнѣдичу, Кольцову, Гоголю, Мицкевичу.

Собственно этого же вопроса касается и г. Ляцкій, пересмотрѣвшій къ юбилею письма великаго поэта и давшій о нихъ отчетъ на страницахъ сборника „Русскаго Богатства“ [2]). Конечно, тотъ кругъ людей и вопросовъ, что захватываютъ письма поэта, шире одной литературной сферы, но, само собой разумѣется, въ его перепискѣ литераторы и литература занимаютъ первое мѣсто. Работа г. Ляцкаго интересна потому, что разрабатываетъ матеріалъ, котораго, къ нашему удивленію, до сихъ поръ почти никто не касался, — между тѣмъ, для характеристики великаго поэта его письма даютъ массу интересныхъ литературныхъ данныхъ. Живой, впечатлительный, вѣчно

---

[1]) *К. В. Ельницкій*, „Личныя отношенія Пушкина къ современнымъ ему поэтамъ“ (*Педагогическій Сборникъ*, 1899 г., № 5).

[2]) *Е. А. Ляцкій*, „А. С. Пушкинъ и его письма“. (*Сб. Русск. Бог.* 1899 г.).

разнообразный, незлобивый и добродушно-остроумный поэтъ живьемъ встаетъ передъ глазами читателя. Къ сожалѣнію, г. Ляцкій не вполнѣ овладѣлъ богатымъ матеріаломъ,—онъ далъ рядъ выдержекъ изъ писемъ, безъ выдѣленія болѣе существеннаго; выдержки эти расположены безъ плана, а потому при чтеніи статьи трудно держать ея содержаніе въ памяти, и забываются тѣ вѣрныя соображенія автора и правильныя сужденія, которыя разсыпаны между этими выдержками.

Объ отношеніяхъ Пушкина и Мицкевича имѣемъ мы статью г. Славинскаго [1]). Это рядъ теплыхъ словъ, посвященныхъ „эпизоду необычайной красоты“ — дружбѣ Пушкина и Мицкевича. Къ сожалѣнію, кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ авторъ не даетъ намъ ничего. Совершенно справедливо онъ подчеркиваетъ искренность и теплоту отношеній обоихъ поэтовъ другъ къ другу: это сказалось на ихъ воспоминаніяхъ. „Воспоминанія эти, говоритъ онъ, чрезвычайно трогательны по той глубокой прочувствованности, по искреннему доброжелательству, съ которымъ относились поэты другъ къ другу во всю свою жизнь, несмотря на то, что послѣ 30-го года политически они стали непримиримыми противниками“. „Мирный, благосклонный“—поэтически рисуетъ Пушкинъ образъ польскаго поэта въ извѣстномъ всей Россіи отрывкѣ,—„онъ вдохновенъ былъ свыше и съ высоты взиралъ на жизнь“. „Впечатлительный, неизмѣнно искренній, благородный, открытый“ — говоритъ о русскомъ поэтѣ Мицкевичъ [2]). Дружба обоихъ поэтовъ—явленіе высокознаменательное въ исторіи русско-польскихъ литературныхъ отношеній, но въ жизни обоихъ поэтовъ она прошла безъ особыхъ слѣдовъ: „въ сердечныхъ отношеніяхъ поэтовъ не могло быть и тѣни зависимости. Пушкинъ и Мицкевичъ были во всѣхъ смыслахъ равны другъ другу и въ высокой степени свободны одинъ отъ другого... Поэты встрѣтились и сблизились между собой въ моментъ полнаго расцвѣта творческихъ и умственныхъ богатыхъ силъ своихъ; въ художественномъ отношеніи имъ нечему было научиться другъ у друга; ихъ умы, стройные, гибкіе и могучіе, принадлежали къ той категоріи умовъ, которые могутъ быть названы *самодовлѣющими*“ [3]).

Отношеніямъ Пушкина къ мелкому современному писателю Лю-

---

[1]) *М. Славинскій*, „О дружбѣ Пушкина и Мицкевича“ („Памяти Пушкина“, сб. журн. „Жизнь“. С.-Пб. 1899).

[2]) Тамъ же, 160.

[3]) Тамъ же. 164.

ценку посвящена замѣтка г. Николая Лернера [1]), впрочемъ ничего новаго не дающая. Тотъ же г. Лернеръ освѣтилъ одинъ эпизодъ изъ отношеній Пушкина къ Родзянку [2]). Изъ писемъ поэта видно, что онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, а потомъ убѣдился, что А. Г. Родзянко — авторъ одного пасквиля на него. Открытіе авторства Родзянки, оказывается, нисколько не испортило отношеній къ нему поэта, что, конечно, очень характерно.

Путешествію Пушкина на Кавказъ посвящены три работы. Одна изъ самыхъ серьезныхъ принадлежитъ г. Вейденбауму [3]). Издавъ съ обстоятельными историческими и географическими примѣчаніями „Путешествіе въ Арзрумъ", авторъ и цитуемую статью свою въ сущности посвятилъ такимъ же примѣчаніямъ. Передъ нами внимательный разборъ и провѣрка воспоминаній о Пушкинѣ на Кавказѣ, принадлежащихъ Н. Б. Потокскому („Русск. Стар.", 1880, № 7), М. В. Юзефовичу („Русск. Арх.", 1880, 431), М. И. Пущину („Русск. Вѣстн.", 1893). Можно упрекнуть автора за излишіе экскурсы въ исторію турецкой войны, но за работу его приходится только благодарить.—изъ нея будущій комментаторъ Пушкина, конечно, многимъ воспользуется.

Интересна также работа г. Бѣгичева [4]). Передъ нами хорошо изложенный разсказъ, составленный на основаніи послѣднихъ матеріаловъ. Приложены стихотворенія Пушкина, посвященныя Кавказу.

Г. Канивецкій [5]) издалъ всѣ произведенія Пушкина (и прозаическія), посвященныя Кавказу, и предпослалъ небольшой біографическій очеркъ, касающійся жизни поэта на Кавказѣ.

Нѣсколько словъ о с. Болдинѣ, забытомъ біографами поэта ради Михайловскаго, встрѣчаемъ въ бѣглой замѣткѣ, помѣщенной на страницахъ „Недѣли" [6]).

---

[1]) *Николай Лернеръ*, „Письмо А. С. Пушкина къ В. Люценку" (*Русс. Арх.*, 1900, № 9).

[2]) *Николай Лернеръ*, „Пушкинъ и Родзянко" (*Русск. Арх.*, 1900, № 9), еще: проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „*А. С. П—нъ* и А. Г. Родзянка" (Хар. Ун. Сб. въ память А. С. П—на).

[3]) *Е. Г. Вейденбаумъ*, „О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году", („Кавказская поминка о Пушкинѣ", сб. газеты *Кавказъ*. Тифлисъ, 1899).

[4]) *К. Н. Бѣгичевъ*, „Пушкинъ на Кавказѣ". Тифлисъ, 1899.

[5]) *Н. Н. Канивецкій*: „Кавказъ въ поэзіи Пушкина". Екатеринодаръ, 1899.

[6]) „Пушкинскій уголокъ въ Нижегородской губ." (*Недѣля*, 1899, стр. 104). См. еще статью *Н. Овсянникова*, „Болдино и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 96), его же, „Малинники и воспоминаніе о А. С. Пушкинѣ" (*Моск. Вѣд.*, 1899, № 68).

Пребыванію великаго поэта въ Казани посвящено небольшое изслѣдованіе проф. Архангельскаго [1]). Главнымъ матеріаломъ для этой работы послужили проф. Архангельскому записки А. А. Фуксъ (они переизданы въ приложеніяхъ къ этой работѣ) и письма Пушкина. Объясняя отношенія Пушкина и Фуксъ, авторъ отмѣчаетъ извѣстное противорѣчіе: въ личныхъ сношеніяхъ съ нею онъ былъ обворожительно милъ, а въ письмѣ къ женѣ высмѣялъ А. А. Фуксъ самымъ жестокимъ образомъ. Затѣмъ г. Архангельскій говоритъ очень обстоятельно о четѣ Фуксъ, въ особенности останавливается на литературной дѣятельности А. А. Фуксъ; даетъ обстоятельныя комментаріи и къ другимъ лицамъ, имена которыхъ встрѣчаются въ запискахъ Фуксъ и имѣютъ отношенія къ А. С. Пушкину. Подробно описана Казань 30-хъ годовъ.

Въ приложеніяхъ, кромѣ записокъ А. А. Фуксъ. встрѣчаемъ мы перепечатку нѣкоторыхъ ея произведеній, письмо Пушкина къ А. А. Фуксъ и женѣ и „Громвалъ“, балладу Каменева. Работа проф. Архангельскаго удачно освѣщаетъ одинъ изъ культурныхъ уголковъ пушкинской Руси.

Интересную по содержательности и живости изложенія работу о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани даетъ также проф. Загоскинъ [2]). Авторъ набросалъ живую картину общественной жизни въ Казани 30-хъ годовъ, съ особымъ вниманіемъ останавливается на семьѣ Фуксъ, ихъ культурномъ вліяніи на современное общество. Затѣмъ, пользуясь извѣстными записками А. А. Фуксъ, онъ подробно разсказываетъ о пребываніи Пушкина въ Казани и обрисовываетъ обстоятельно отношенія обоихъ Фуксъ къ великому поэту. Характеризуя отношенія поэта къ А. А. Фуксъ, онъ, конечно, останавливается и на извѣстномъ письмѣ его къ женѣ, письмѣ, въ которомъ высмѣивается А. А. Фуксъ. „Чѣмъ же объяснить это рѣзко бьющее въ глаза противорѣчіе?“—задаетъ вопросъ авторъ.—„Ничѣмъ инымъ, конечно, какъ тѣмъ неровнымъ, нервнымъ, чисто желчнымъ темпераментомъ, какимъ отмѣченъ былъ характеръ поэта; мы склонны видѣть въ этомъ противорѣчіи одно изъ мимолетныхъ проявленій той случайной желчности и нерѣдко чисто психической склонности къ безотчетному сарказму“ [3]). Проф. Архангельскій гораздо вѣрнѣе объяснилъ странный поступокъ поэта не „желчностью“, а, просто, присущей

---

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, „А. С. Пушкинъ въ Казани“. Казань, 1899.

[2]) Проф. *Н. П. Загоскинъ*, А. С. Пушкинъ въ Казани (изъ исторіи казанской общественности 30-хъ и 40-хъ годовъ). *Истор. Вѣстн.*, 1899, № 5, 586.

[3]) Тамъ же, 607.

его душѣ неустойчивостью. „Помимо общей, нерѣдко обнаруживавшейся у Пушкина черты вообще противорѣчія, непослѣдовательности въ отзывахъ, излишней поэтической впечатлительности, подъ вліяніемъ которой они иногда имъ дѣлались, помимо этой черты его слишкомъ подвижного, сангвиническаго характера, насмѣшливо-суровый отзывъ знаменитаго поэта о казанской поэтессѣ едва ли не объяснялся отчасти и желаніемъ Пушкина стать въ письмѣ къ женѣ на точку зрѣнія самой жены“ [1]). Хотя мы и не во всемъ согласны съ мнѣніемъ проф. Архангельскаго, однако, думаемъ, что онъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ проф. Загоскинъ.

Г. Поливановъ далъ маленькую замѣтку о пребываніи Пушкина въ Симбирскѣ [2]) въ 1833 г. Впрочемъ, относительно Пушкина сказано только, что поэтъ проѣзжалъ черезъ Симбирскъ, и его никто не замѣтилъ,—бо́льшая же часть работы посвящена повторенію общеизвѣстныхъ фактовъ о знаменитыхъ симбирцахъ, имѣвшихъ отношенія къ Пушкину (А. И. Тургеневъ, Н. М. Карамзинъ, Н. Д. Языковъ, И. И. Дмитріевъ).

О статьяхъ, посвященныхъ разсказу о жизни Пушкина въ Оренбургѣ и въ Бердахъ, куда онъ ѣздилъ собирать матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта, мы говорили уже во 2-й главѣ [3]).

Послѣднимъ годамъ жизни поэта посвящена рѣчь проф. Смирнова [4]). Составлена она, главнымъ образомъ, по запискамъ Смирновой и проникнута идеями рѣчи Достоевскаго 1880 года. Защищая, со своей стороны, записки Смирновой, мы, однако, рѣшительно противъ широкаго пользованія этимъ документомъ,—неосторожно, на нашъ взглядъ, брать цѣлыми страницами оттуда, хотя бы, монологи Пушкина о Свящ. Писаніи,—въ запискахъ Смирновой, несомнѣнно, Dichtung больше, чѣмъ Wahrheit, а потому нельзя вѣрить каждой буквѣ. Для характеристики взглядовъ Пушкина въ послѣдній періодъ жизни болѣе вѣрный матеріалъ дадутъ его письма и произведенія. Во всякомъ случаѣ систематизація записокъ Смирновой—вещь любопытная, а потому рѣчь

---

[1]) Проф. *А. С. Архангельскій*, op. cit.

[2]) *В. Поливановъ*, „А. С. Пушкинъ въ Симбирскѣ“, *Историческій Вѣстникъ*, 1899, № 8.

[3]) *И. Г. Ивановъ*, „Пушкинъ въ Бердахъ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 1. „Труды Оренб. Арх. Комиссіи“, вып. VI, 1899) *Юдинъ*, „Пушкинъ въ Оренбургѣ“ (*Русскій Архивъ*, 1900, № 5).

[4]) Проф. *А. И. Смирновъ*, „Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности А. С. Пушкина“ (Чтенія въ Имп. Варш. У—тѣ 26-го мая 1899 г.) „Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ“. Варшава.

проф. Смирнова представляетъ несомнѣнный интересъ. Съ идеями же Достоевскаго о томъ, что, кромѣ Пушкина, никто даже въ западныхъ литературахъ „перевоплощаться“ не умѣлъ, а также и о томъ, что съ дѣятельностью Пушкина можетъ быть связана мистическая вѣра въ какое-то провиденціональное значеніе Россіи, какъ христіаннѣйшаго изъ государствъ [1]), рѣшительно согласиться не можемъ и искренне жалѣемъ, что въ прекрасной рѣчи проф. Смирнова встрѣчаемъ повтореніе этихъ преувеличеній, равно какъ и тѣ странныя характеристики русской души, которыя брали себѣ все лучшее изъ человѣческихъ чувствъ, а бѣдному „гнилому западу“ оставляли одну шелуху, „хищные“ идеалы, „мутныя струи чувственности“ и прочія подобныя прелести. По мнѣнію проф. Смирнова, „вѣрность долгу и отсутствіе тщеславія, побореніе страсти и свѣтлый взглядъ на міръ“,— вотъ особенности русскаго характера, „онѣ одинаково присущи всѣмъ (?) русскимъ людямъ всѣхъ общественныхъ положеній и всякой степени образованія“ [2]).

Прекрасно написанъ очеркъ г. Андреевича, также касающійся послѣдняго періода жизни поэта и при томъ написанный на основаніи того же матеріала—записокъ Смирновой [3]). Прежде всего авторъ высказываетъ свой взглядъ на цѣнность этихъ записокъ. Онъ не закрываетъ глазъ на недостатки ихъ: „свидѣтельница А. О. Смирнова, очевидно, обладала горячимъ воображеніемъ, — говоритъ онъ,—перепутывала даты, лично присутствовала при сценахъ, которыя лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти поэта были прочитаны ею въ книгахъ, „все“ знала, „все“ видѣла, „все“ слышала и, вообще говоря, не безъ легкомыслія и излишней пылкости отнеслась къ своимъ показаніямъ“ [4]), но все это не можетъ „упразднить главнаго достоинства записокъ—ихъ жизненности“. „За тѣ частички и крупицы настоящаго, подлиннаго Пушкина, котораго мы знали и здѣсь видимъ въ „Запискахъ“—намъ, въ сущности, не остается ничего другого, какъ сказать

---

[1]) Пушкинъ „первый указалъ въ русской душѣ, принявшей въ свою суть (?) Христа и ученіе его, въ душѣ всечеловѣчной и всесоединяющей, задатки вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а, въ концѣ концовъ, можетъ быть, изречь окончательное слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону“. (Тамъ же, 33).

[2]) Тамъ же, 31.

[3]) *Андреевичъ*, „А. О. Смирнова объ А. С. Пушкинѣ“ („Память Пушкина“, юбил. сб. журнала *Жизнь*, 194).

[4]) Тамъ же, 194—5.

Смирновой искреннее спасибо“ [1]). Подобный же взглядъ на эти записки высказали и мы [2]), а потому вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію г. Андреевича. Въ самомъ дѣлѣ, странная судьба постигла эти талантливыя, живыя записки.—ихъ такъ много бранили, что защищать ихъ какъ будто даже немного совѣстно [3]). Обвиняютъ ихъ въ сочиненности, на основаніи неточностей фактическихъ и хронологическихъ— и обвиняютъ, конечно, до нѣкоторой степени основательно,—несомнѣнно, чья-то рука не всегда умѣло прошлась по старымъ страницамъ пожелтѣвшаго дневника,—но отсюда до полнаго отрицанія ихъ значенія далеко. Есть мемуары, цѣнность которыхъ—фактическая достовѣрность,—ими пользуются для провѣрки данныхъ, для установленія датъ и фактовъ, но есть мемуары другого типа—они цѣнны тѣмъ, что сохраняютъ живые образы, воскрешаютъ прошлое, широко рисуютъ жизнь общества и ея замѣчательныхъ представителей,—отъ нихъ вѣетъ „ароматомъ“ прошлаго, ими нельзя пользоваться беззаботно, дѣлая выписки и цитаты,—ими надо проникнуться, ими одухотворять тотъ мертвый матеріалъ, что даютъ намъ другіе источники. Въ запискахъ Смирновой широкой волной течетъ русская жизнь 20—30-хъ годовъ, вырисовываются нѣсколько живыхъ образовъ, дорогихъ намъ.

Пусть въ запискахъ спутана хронологія, извращены мелкіе факты— за то эти образы прошлаго живутъ передъ нами, *не противорѣча ничѣмъ существеннымъ* тѣмъ даннымъ, что мы имѣемъ уже и безъ нихъ. Какъ живой встаетъ передъ нами впечатлительный, вѣчно перемѣнчивый Пушкинъ-„Искра“, съ его печалями и радостями, съ его глубокими думами, съ его заразительнымъ молодымъ смѣхомъ, съ его любящимъ сердцемъ и ясными говорящими очами. Говорятъ, что издательница воспользовалась тѣми воспоминаніями, что вынесла изъ бесѣдъ съ матерью; говорятъ, что издательницѣ нѣкоторые факты сообщены были впослѣдствіи другими лицами, знавшими Пушкина; говорятъ, что она пользовалась печатными источниками для своихъ записокъ. Все это возможно,—но цѣнности отъ всѣхъ этихъ наслоеній записки не теряютъ.

Г. Андреевичъ справедливо указываетъ, что содержательность записокъ такова, что нужно быть геніальнымъ человѣкомъ, чтобы со-

---

[1]) Тамъ же, 195.

[2]) *В. В. Сиповскій*, „А. С. Пушкинъ по его письмамъ“ („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова“, нах. въ печати).

[3]) Впрочемъ, въ пользу записокъ высказались такіе авторитеты, какъ акад А. Н. Веселовскій, акад. Л. Н. Майковъ, проф. Н. П. Дашкевичъ и мн. др.

нить все это [1]). Далѣе авторъ нѣсколько не систематично, бѣгло рактеризуетъ Пушкина по запискамъ Смирновой и кончаетъ совер-ѣнно справедливыми словами: „чтобы вообще понять и оцѣнить все ченіе Пушкина, надо перенестись хотя на минуту въ унылую и манную обстановку общественной жизни 20-хъ и 30-хъ годовъ съ формализмомъ, жестокостью, дикими выходками Аракчеевыхъ и нкендорфовъ, ея казенщиной, стремившейся подчинить себѣ все ховное бытіе человѣка. Вамъ станетъ тогда яснымъ, чѣмъ былъ для оихъ скучныхъ и жестокихъ дней поэтъ свѣтлой жизни, будившій ждымъ стихомъ своимъ мысль, волновавшій чувство въ направленіи ѣта и радости, въ направленіи любви. высшаго добродушія и сниж-денія. Могучія свѣтлыя силы кипѣли въ Пушкинѣ, вырываясь ружу дивными стихами, но въ этой кипучей натурѣ не было гор-сти духа, не было властолюбія, требовавшаго униженія другихъ для звеличенія самого себя.—была, напротивъ того, какая-то удиви-льная щедрость, радостно привѣтствовавшая всякій новый талантъ. якое дарованіе и освѣщавшая свѣтомъ своимъ все, съ чѣмъ бы этъ ни сталкивался. Онъ не понималъ, органически не понималъ стокости и мракобѣсія, этого аракчеевскаго желанія обратить всю изнь въ казарму, всю Россію въ одно военное поселеніе. Все это корбляло его, какъ часовые передъ Распятіемъ. Жизнь манила его нимъ таинственнымъ будущимъ, своей прихотливой красотой. Онъ юбилъ жизнь веселую, радостную. Онъ хотѣлъ жить самъ и давать ить другимъ, хотѣлъ видѣть вокругъ себя радость и счастье, по-му что радость и счастье, обстановка, залитая солнцемъ, какъ льзя болѣе подходила къ его натурѣ. И онъ боролся, какъ могъ и лъ: боролся съ казенщиной своими эпиграммами, своей вольной, юбодолюбивой мыслью. Каждый стихъ его говоритъ о красотѣ жизни, оторую люди такъ упрямо и настойчиво старались обратить въ юрьму“ [2]).

Такой портретъ Пушкина рисуетъ Смирнова, и хорошо, что она исуетъ его „не мудрствуя лукаво“. Да она и не могла нари-овать его „мудрствуя“, такъ какъ не хватило бы на это у нея мудрости“,—поэтъ самъ нарисовалъ себя въ своихъ рѣчахъ, ко-орыя, несомнѣнно, лишь разбавлены литературной обработкой изда-ельницы. Соглашаясь, въ общемъ, со всѣмъ этимъ заключеніемъ

---

[1]) Тамъ же, 197.
[2]) Тамъ же, 206—7.

статьи Андреевича, мы не можемъ не ограничить характеристику русскаго общества, въ которомъ задыхался поэтъ, только послѣдними годами его жизни (со свадьбы). Ошибочнымъ было бы растянуть эту характеристику на 20-е и на 30-е года. Душно было въ русскомъ обществѣ, но вѣдь Пушкинъ же успѣлъ все-таки высказаться весь. Гдѣ нѣтъ воздуха—тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ свѣта—тамъ нѣтъ красокъ. Если въ поэзіи Пушкина есть и жизнь, и краски,—значитъ и русская жизнь его эпохи не была такъ душна и безпросвѣтна!

Отношеніямъ Пушкина къ Гоголю посвященъ небольшой очеркъ В. Шенрока [1]). Написанъ онъ тепло, читается легко; впрочемъ, новаго мы здѣсь ничего не встрѣтили.

О дуэли Пушкина мы имѣемъ маленькую замѣтку г. Ляцкаго [2]), нѣсколько дополняющую изданіе военно-суднаго дѣла о Пушкинѣ, сдѣланное П. М. фонъ-Кауфманомъ (см. II главу),—и работу г. Снегирева: „Дуэль Пушкина“.

О послѣднихъ дняхъ поэта высказались проф. С. М. Лукьяновъ [3]) и г. Родзевичъ [4]). Г. Лукьяновъ очень внимательно прослѣдилъ ходъ болѣзни, насколько это было ему доступно по тѣмъ даннымъ, что дошли до насъ, и пришелъ къ выводу, что, если бы дуэль Пушкина была не въ 1837 году, а въ 1899, то, при современномъ блестящемъ положеніи медицины, поэтъ, можетъ быть, и выздоровѣлъ бы, а,... можетъ быть, и такъ же умеръ... Въ работѣ г. Родзевича интересенъ, главнымъ образомъ, подборъ фактовъ, касающихся тѣлеснаго и психическаго состоянія Пушкина въ послѣдніе дни его земныхъ страданій.

Г. Перцовъ далъ на страницахъ „Міра Искусства“ очень интересный очеркъ, посвященный смерти Пушкина [5]). Передъ нами новое толкованіе причинъ смерти Пушкина. Авторъ начинаетъ совершенно справедливо съ упрека въ шаблонности большинства юбилейныхъ статей о Пушкинѣ, рикошетомъ задѣваетъ гг. Шляпкина, Полевого, Евг. Соловьева, Якушкина, Мякотина и Гриневича, обвиняя ихъ или въ без

---

[1]) *В. Шенрокъ*, „Пушкинъ и Гоголь“, *Русская Старина*, 1900, № 2, 38[illegible]

[2]) *Евг. Ляцкій*, „Замѣтка о дуэли А. С. Пушкина“ (*Русская Старина*, 190[illegible] № 1, 273).

[3]) *С. М. Лукьяновъ*. „О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина съ медицинской точки зрѣнія“ (*Изв. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.*, т. IV кн. 3; есть отдѣльные оттиски).

[4]) *Ген. Родзевичъ*, „Исторія послѣдней болѣзни поэта А. С. Пушкина“, 189[illegible] Н.-Новгородъ.

[5]) *П. Перцовъ*, „Смерть Пушкина“ (*Міръ Искусства*, 1899, № 21—2).

вѣтности, или въ партійности, иногда облекавшей Пушкина въ котюмъ Конрада Валленрода (г. Якушкинъ). Затѣмъ авторъ останавливается на статьѣ Вл. Соловьева: „Судьба Пушкина". Г. Перцовъ винитъ Пушкина въ томъ, что онъ женился въ угоду своей прихоти, ная о равнодушіи своей невѣсты, самъ предвидя возможную катастрофу [1]). Дантесъ былъ „ничтожный человѣкъ", виновный въ томъ, въ чемъ и тогда, и теперь виновны многіе. Жена Пушкина была „средней женщиной", къ тому же не она искала Пушкина, а онъ ее. Сватовство поэта было чисто шаблонной „сдѣлкой" его съ родными невѣсты,—она лишь „пассивно принимаетъ ухаживанья, пассивно даетъ согласіе, пассивно поддерживаетъ рѣдкую и скудную переписку съ женихомъ" [2]). Выводъ г. Перцова, что любовь поэта была лишь чувственной вспышкой, — Пушкинъ пожертвовалъ Гончаровой „для себя". Для нея, восемнадцатилѣтней барышни, „очевидно, какъ для „бѣдной Тани", всѣ были жребіи равны, но не *уже* равны, а *еще* равны" [3]). Она еще имѣла право ждать „Онѣгина". Въ семейной жизни она не была счастлива: „для насъ существуетъ только великій поэтъ Пушкинъ.— для Гончаровой былъ живой человѣкъ А. С. Пушкинъ, во всемъ ей понятномъ (карьера и фортуна), не совсѣмъ удачливый и занятый чѣмъ-то чуждымъ и страннымъ" [4]). За Ланскимъ она оказалась счастливѣе. Въ заключеніе авторъ сопоставляетъ смерть Пушкина съ смертью Лермонтова: смерть Пушкина носитъ земной характеръ—легкомысленная жена. враждебные вельможи, свѣтскія сплетни. Это оскорбленіе, идущее со стороны людей. Смерть же Лермонтова — „замаскированное самоубійство",—здѣсь оскорбленіе идетъ не отъ земли [5]). И онъ ушелъ изъ того міра, „скучныя пѣсни" котораго не были въ силахъ заглушить въ его памяти „звуковъ небесъ". Вотъ безпримѣсный, чистый трагизмъ—неразрѣшимое столкновеніе генія съ жизнью. Обернитесь теперь на Пушкина: не мелки-ли, *слишкомъ* мелки—по крайней

[1]) См. письмо въ январѣ 1830 г. къ тещѣ. Конецъ письма: „...не начнетъ ли она тогда сама сожалѣть о сдѣланномъ шагѣ? Не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на помѣху, какъ на обманщика-похитителя? Не почувствуетъ ли отвращеніе ко мнѣ? Богъ свидѣтель, что я готовъ умереть за нее; но умереть затѣмъ, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободною въ выборѣ завтра, эта мысль—адъ".

[2]) *Перцовъ*, op. cit., 161.

[3]) Тамъ же, 164.

[4]) Тамъ же, 164. Выводъ изъ всего этого, что Пушкинъ виноватъ былъ передъ ней, а не она передъ нимъ.

[5]) Тамъ же, 165.

мѣрѣ сейчасъ, пока живо лермонтовское впечатлѣніе—всѣ эти свѣтскія сплетни и анонимные пасквили? Чтобы заинтересоваться ими и войти въ трагедію поэта, вамъ надо принудить себя спуститься на землю, вмѣшаться въ свѣтскую толпу Петербурга. Какъ не видятъ безусловные панегиристы Пушкина, что въ этой печальной исторіи онъ вовсе не великій поэтъ, великій человѣкъ, а „ничтожное дитя міра", травимое другими, пусть еще болѣе „ничтожными" [1]).

Г. Перцовъ правъ въ отысканіи новой и едва-ли не самой существенной причины смерти Пушкина, зачѣмъ только онъ беретъ на себя роль строгаго судьи Пушкина! Да, кромѣ того,—развѣ смерть не одинаково великое событіе, независимо отъ той обстановки, въ которой она происходитъ,—умираетъ-ли человѣкъ на вершинѣ Машука при раскатахъ грома, или въ домѣ № 12 на набережной р. Мойки? Заканчиваетъ г. Перцовъ свой этюдъ словами: „Судьба Пушкина служитъ страннымъ оправданіемъ странныхъ и въ общемъ едва-ли не слишкомъ оптимистическихъ словъ Гете: всякая вина находитъ себѣ искупленіе на землѣ" [2]).

Г. Дашкевичъ-Чайковскій сочинилъ „историческую драму" изъ жизни Пушкина, въ которой исковеркалъ факты и передѣлалъ по своему образъ поэта и лицъ его окружающихъ,—жаль, что свое ретивое перо „пробуетъ" онъ надъ такимъ печальнымъ событіемъ, какъ смерть великаго поэта [3]). Этотъ же сюжетъ, къ сожалѣнію, вдохновилъ и г. Мамонтова [4]). Впрочемъ, литературное выполненіе имъ этой неподходящей темы все-таки гораздо лучше, чѣмъ въ произведеніи г. Дашкевича-Чайковскаго.

V.

Характеристики Пушкина.

Отдѣлъ, къ которому мы приступаемъ теперь, несомнѣнно, одинъ изъ важнѣйшихъ въ юбилейной литературѣ,—постигнуть внутренній обликъ родоначальника русской поэзіи—безъ сомнѣнія, задача первостепенной важности. Интересно, что задача эта еще очень недавно стала занимать умы русскихъ людей. Правда, отдѣльныя попытки

---

[1]) Тамъ же, 166.

[2]) Тамъ же, 168.

[3]) *К. Дашкевичъ-Чайковскій*, „Пушкинъ", историческая драма въ 5-ти дѣйствіяхъ, 6-ти картинахъ. Кіевъ, 1899.

[4]) *Сергѣй Мамонтовъ*, „Смерть Пушкина", драматическія сцены. М. 1899.

зать образъ поэта дѣлались и раньше [1]), но только въ наши
трѣчаемъ мы ясно выразившуюся и въ біографіяхъ, и въ моно-
хъ потребность уяснить себѣ Пушкина, какъ человѣка, носителя
ленныхъ идеаловъ.

сожалѣнію, почти всѣ эти юбилейныя характеристики стра-
однимъ общимъ недостаткомъ: онѣ построены исключительно
изведеніяхъ поэта, произведеніяхъ, къ тому же искусственно
ованныхъ согласно вкусамъ и симпатіямъ изслѣдователей, —
твіе чего Пушкинъ черезъ силу втискивался въ рамки, уже за-
приготовленныя — и, въ результатѣ, у одного изслѣдователя
поэтъ оказался „радикаломъ“, у другого—„консерваторомъ“, у
го — человѣкомъ „религіознымъ“, у четвертаго — „безбожни-
")... Интересно, что всѣ эти характеристики, украшенныя цита-
зъ Пушкина, иногда довольно убѣдительны, если взять ихъ
но, — вмѣстѣ же взятыя, онѣ производятъ впечатлѣніе такой
гы, что сложный образъ поэта, требующій болѣе осторожнаго
ъ обращенія, отъ такихъ характеристикъ еще болѣе затем-
— въ результатѣ, передъ нами мелькаютъ, какъ въ калейдо-
—Ивановъ-Пушкинъ, Петровъ-Пушкинъ, Сидоровъ-Пушкинъ,—
). Пушкинъ остается, увы, неуловимымъ! Происходитъ это
что къ его личности никто не подходитъ безпристрастно, безъ
і „оправдать“ его, или „осудить“, „взять къ себѣ“ или „от-
тол.. гь“... Оттого изъ этихъ „характеристикъ“ мы чаще всего уз-
наемъ убѣжденія и вѣрованія ихъ авторовъ, что, признаться, не
всегда интересно, — и видимъ, увы, искалѣченнаго А. С. Пушкина!

Думается намъ, что „характеристики“ литераторовъ должно строить совсѣмъ на другихъ началахъ. Но, даже если пользоваться для этого произведеніемъ, то прежде надо *понять* это произведеніе, не довольствуясь своимъ толкованіемъ его и не навязывая *своихъ* толкованій *поэту*,— *понять*, т. е. вѣрно раскрыть художественные замыслы поэта, а для этого уяснить себѣ процессъ его творчества, заглянуть въ его душу вооружась знаніемъ не только коренныхъ постоянныхъ чертъ ея, но

---

[1]) Напр., работа *В. В. Никольскаго*, „Идеалы Пушкина“ („*Христ. Чтеніе*“, 1881 г. № 3—4; въ 1899 г. вышла эта работа 3-мъ и 4-мъ изд.).

[2]) Судить автора, исходя только изъ его произведеній, значитъ очень облегчить себѣ работу: не трудно *предположить*, что *хотѣлъ* (!) сказать авторъ въ извѣстномъ произведеніи, и потомъ отсюда заключить (уже не предположительно), каковы его убѣжденія, каковъ онъ. Оттого-то изъ тѣхъ же статей о Радищевѣ одни выводятъ заключеніе, что Пушкинъ—радикалъ, — другіе, что консерваторъ.

и тѣхъ случайныхъ, наносныхъ, которыя могутъ быть ей присущи... Впрочемъ жизнь поэта, его письма, воспоминанія о немъ—дадутъ намъ это знаніе вѣрнѣе, чѣмъ его произведенія, которыя сами не могутъ быть правильно поняты безъ знанія ихъ творца. Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, характеристики должны строиться строго индуктивнымъ путемъ, а отнюдь не состоять въ доказательствѣ предвзятыхъ взглядовъ.

Прежде всего, коренная особенность Пушкина это та „многогранность", которая дѣлала его душу способной на *всѣ*, порою даже взаимно-противоположныя, движенія, — эта особенность, сама собою, исключаетъ всякую идейную „узость", необходимое условіе всякаго строго-послѣдовательнаго міросозерцанія. Во-вторыхъ, Пушкинъ былъ тѣмъ, что обыкновенно называютъ „художественная натура", т. е. обладалъ той чуткой организаціей духа, при которой *всѣ* впечатлѣнія бытія проникаютъ въ сознаніе человѣка почти исключительно при посредствѣ „эстетическихъ эмоцій". Ни одно впечатлѣніе, *выразившееся въ его творчествѣ*, не прошло мимо этой его способности. Онъ, какъ художникъ, переживаетъ религіозныя эмоціи (ср. „Мадонна"), какъ художникъ, переживаетъ патріотическія настроенія, и восхищеніе монархами, и свободолюбивыя мечты... Нельзя поэтому рядить его въ рясу приходскаго священника, вздѣвать на него тогу трибуна, или форменный мундиръ,—нельзя забывать въ немъ художника, готоваго пролить слезы „надъ вымысломъ" своей же фантазіи, готоваго преклониться передъ тѣмъ „обманомъ", который, по чему бы то ни было, показался ему въ данный моментъ „возвышающимъ"! Изъ этихъ двухъ особенностей вытекаетъ „независимость" его духа: какъ не подчиняется онъ одной идеѣ, такъ никогда не поглощается однимъ чувствомъ: ни лицейскій мундиръ, ни камеръ-юнкерскій не сковали его свободы,—русское общество съ его Воронцовыми и Бенкендорфами не смогли нивеллировать поэта: онъ остался свободнымъ, независимымъ и *разнообразнымъ*. Это *разнообразіе* мотивовъ въ его творчествѣ,—особенность, вытекающая изъ многосторонности его души и той чуткости, съ которою его эстетическая натура отзывалась на самыя разнообразныя впечатлѣнія. Чуткость его души приводила поэта къ тому, что онъ многое творилъ подъ впечатлѣніемъ *мгновенія*,—оттого столько противорѣчій можно найти въ его произведеніяхъ, противорѣчій, мимо которыхъ съ спокойной совѣстью прошли почти всѣ авторы юбилейныхъ характеристикъ [1])!

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашей статьѣ: *В. В. Сиповскій*. „Пушкинъ по его письмамъ" („Сборникъ памяти Л. Н. Майкова"—нах. въ печати).

Мы считали необходимымъ сдѣлать это небольшое введеніе, чтобы установить черты пушкинскаго облика, которыхъ нельзя миновать при опредѣленіи той психологической почвы, въ которой коренилась духовная жизнь поэта.

Обращаясь къ этому отдѣлу пушкинской литературы, мы сначала разсмотримъ работы *общаго* характера, а затѣмъ болѣе *частнаго* („Пушкинъ съ религіозной стороны", „Пушкинъ, какъ общественный дѣятель" и т. д.) [1]).

Прежде всего намъ необходимо остановиться на работѣ г. Никольскаго [2]); хотя она и не представляетъ новинки, такъ какъ выходитъ въ юбилейномъ году 3-мъ и 4-мъ изданіемъ, однако ей суждено было въ наши дни сыграть роль кодекса, откуда обильно черпали многіе авторы пушкинскихъ „характеристикъ".

Нельзя не признать за работой г. Никольскаго нѣкоторыхъ достоинствъ. Авторъ, повидимому. искренне любитъ поэта, но, къ сожалѣнію, не въ настоящемъ его видѣ, а въ идеализированномъ,—оттого характеристика поэта, выражаясь словами самого же Пушкина, оказывается „насъ возвышающимъ обманомъ", а самъ великій поэтъ является какимъ-то напомаженнымъ, гладко причесаннымъ и затянутымъ. Произошло это потому, что г. Никольскій очень односторонне нарисовалъ дорогой намъ образъ; это сдѣлать онъ, пожалуй, и имѣлъ бы право, такъ какъ обѣщалъ говорить только объ „идеалахъ" Пушкина,—но, опустивъ изъ виду нѣкоторыя черты пушкинскаго характера (его легкую воспріимчивость къ самымъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ. независимость его духа, эстетичность его натуры),—онъ въ кодексъ „идеаловъ" возвелъ такія идеи, которыя иногда только мелькали у Пушкина. но отнюдь не составляли основъ его міровоззрѣнія. Такъ, заявленіе автора, что Пушкинъ „сталъ проникаться церковностью" [3]), кажется намъ большимъ преувеличеніемъ. Чтеніе житій святыхъ, Библіи, переложеніе нѣкоторыхъ молитвъ,—все можетъ быть объяснено высокимъ эстетическимъ вкусомъ поэта, находившимъ кра-

---

[1]) Въ виду того, что почти всѣ характеристики написаны на основаніи литературныхъ произведеній поэта, мы въ этотъ отдѣлъ включили и обозрѣніе статей, носящихъ названіе, даже такое: „Религіозная сторона произведеній Пушкина",—такъ какъ авторы подобныхъ статей, исходя изъ произведеній Пушкина, обыкновенно, въ концѣ концовъ, говорили о поэтѣ, какъ человѣкѣ.

[2]) *В. В. Никольскій*, „Идеалы Пушкина", Спб. 1899, 3-е изд. и 4-е.

[3]) Тамъ же, 89.

соты въ церковной поэзіи. Развѣ не о такой точкѣ зрѣнія говоритъ намъ его отзывъ объ Евангеліи,—что это—„вѣчно новая *прелесть*“ [1]), что „божественное *краснорѣчіе*“ его увлекательно [2]), что каждое выраженіе евангельское обратилось въ „пословицу народовъ“ [3])? Развѣ здѣсь не восторгъ художника, преклоняющагося передъ возвышенной поэзіей святой книги, передъ ея стилемъ, передъ дивнымъ воплощеніемъ высокихъ идей въ бѣдной человѣческой рѣчи? Развѣ не съ такой же художественной точки зрѣнія смотрѣлъ Пушкинъ на житія, эти произведенія, эстетическая цѣнность которыхъ ждетъ еще судьи? Развѣ въ „Пророкѣ“ Пушкина не рисуется намъ прежде всего художникъ, постигшій красоту библейскихъ видѣній? Не желая, впрочемъ, отрицать вовсе религіозности Пушкина, мы всѣми этими замѣчаніями хотѣли только сказать, что въ стихотворныхъ произведеніяхъ его на религіозные мотивы нельзя замалчивать *художника прежде всего*. Другой крупный недостатокъ г. Никольскаго—это славянофильское преклоненіе передъ добродѣтелями русскаго человѣка. Такъ, напримѣръ, слова черкешенки изъ „Кавказскаго плѣнника“:

Ты любилъ другую?
Найди ее, люби ее!
Прости,—любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ!—

вызываютъ у г. Никольскаго восторженное восклицаніе: „это настоящая русская женщина, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья“ [4])! Точно такихъ же женщинъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ Россіи! Точно въ Россіи нѣтъ женщинъ другого типа!

Говоря объ „идеалѣ царской власти“, г. Никольскій, на нашъ взглядъ, совсѣмъ невѣрно рисуетъ отношенія поэта къ Императору Николаю, отношенія, какъ извѣстно, неровныя и отнюдь ничего общаго не имѣющія съ отношеніями къ царю „русскаго народа“. „Императоръ Николай, говоритъ г. Никольскій, имѣлъ одинъ недостатокъ—это тотъ избытокъ благородства, который даже у заклятыхъ враговъ исторгнулъ ему наименованіе рыцаря. Пушкинъ никогда не измѣнилъ своему чувству любви, и вѣра его была оправдана, когда онъ зналъ, что въ поздній полуночный часъ царь не спитъ, ожидая извѣстій о его болѣзни, когда онъ держалъ въ рукахъ собственноручную записку

[1]) Соч. Пушкина, V, 340.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Никольскій, op. cit., 40.

царя, начинавшуюся словами: „любезный другъ Александръ Сергѣевичъ“ [1]). Г. Никольскій сознательно опустилъ изъ біографіи Пушкина рядъ фактовъ, очень характерныхъ, только подъ вліяніемъ словъ нашего писателя, что „душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ?..“ [2]). Поэтому г. Никольскій счелъ себя въ правѣ „отбросить все то, что наиболѣе бросается въ глаза въ его жизни и, сколько можно внимательнѣе, присматриваться къ тому, что, затаенное въ глубинѣ души, только украдкою сказывалось въ его интимныхъ отношеніяхъ“ [3]). Относительно такого пріема, можно только сказать, что, если трудно проникнуть въ „душу человѣка“, руководясь „наружными его дѣйствіями“, то едва-ли легче разсмотрѣть „затаенное въ душѣ“ [4]), и напрасно за это авторъ берется. Заключеніе г. Никольскаго таково: „Семья, общество, жизнь наложили на его свѣтлую, чистую душу свой рисунокъ беззаконный, но силой упорнаго труда, могучею дѣятельностью своего духа онъ сбросилъ „ветхую чешую“ „чуждыхъ красокъ“ и блеснулъ красотою первоначальныхъ, чистыхъ видѣній въ созданіяхъ своего генія. Цѣною глубокаго раскаянія (!) и горькихъ слезъ (!!) искупилъ онъ заблужденія своей юности и, выйдя на царскій (?) путь, куда звало его „Божье велѣнье“, онъ въ дивныхъ поэтическихъ глаголахъ высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа, его глубокую привязанность къ своимъ вѣковымъ учрежденіямъ, его высокую вѣру въ идеалъ царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосердаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназначеніе страны своей родной, онъ честно и нелицемѣрно принесъ ей на служеніе свой талантъ, свои силы, свой трудъ“ [5]) и т. д.

Къ взглядамъ г. Никольскаго непосредственно примыкаетъ г. Рождественскій [6]). Онъ только развиваетъ и дополняетъ мысли г. Никольскаго кое-какими своими соображеніями, идя по тому пути, на который толкнулъ его г. Никольскій: если тотъ очень осторожно

---

[1]) Тамъ же, 75—6.

[2]) Тамъ же, 26, 27.

[3]) Тамъ же, 28.

[4]) Тамъ же, 61.

[5]) Тамъ же, 92, 93.

[6]) *С. В. Рождественскій*, „Пушкинъ, черты внутренняго облика“, („*Вѣра и Разумъ*“, 1899 г., № 5; есть отд. оттискъ“).

„извинилъ“ Пушкина за его либерализмъ, то г. Рождественскій начинаетъ свою работу съ энергичнаго нападенія на тѣхъ, кто дерзаетъ считать Пушкина „либераломъ“. По его мнѣнію, Пушкина еще до сихъ поръ мало понимаютъ: „и теперь слышны обвиненія, которыхъ онъ не заслужилъ, и восхваленія, отъ которыхъ его можно бы избавить. Нельзя прославлять его за либерализмъ въ современномъ смыслѣ (?), на основаніи нѣсколькихъ юношескихъ стихотвореній, когда этому противорѣчитъ не только духъ его созданій, но и всѣ (!!) заявленія по вопросамъ, сюда относящимся, во вторую лучшую половину его творчества“. Далѣе идетъ рядъ надерганныхъ у Пушкина идей изъ его статьи о Радищевѣ (любопытно сравнить статью г. Якушкина!), рядъ отрывочныхъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ: „мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ“ (изъ чего авторъ заключаетъ о „православно-русскихъ“ идеалахъ Пушкина), или: „инквизиція была потребностью вѣка“ (что, кажется, тоже радуетъ автора) и пр. и пр... Немудрено, что авторъ въ Пушкинѣ увидѣлъ прообразъ „позднѣйшаго поборника русскихъ началъ, его горячаго поклонника М. Н. Каткова“ [1])! Насколько удачны комментаріи г. Рождественскаго, свидѣтельствуетъ слѣдующій курьезъ: „сказки Пушкина, говоритъ онъ, проникнуты русскимъ старо-церковнымъ духомъ. Все освящается молитвой. Бракъ — дѣло святое. Мать благословляетъ Гвидона иконой“ [2]). Какой-нибудь правовѣрный магометанинъ, прочитавъ пушкинскія переложенія Корана, пожалуй, съ такимъ же правомъ будетъ спорить съ г. Рождественскимъ, доказывая, что Пушкинъ—поклонникъ Магомета!

Безспорно, изъ характеристикъ Пушкина одною изъ самыхъ свѣжихъ и оригинальныхъ должна быть признана работа г. Ив. Иванова [3]). Впрочемъ, авторъ не удовольствовался характеристикой, а предпослалъ ей горячую филиппику противъ русскаго общества, не умѣющаго цѣнить своихъ великихъ людей. Съ положеніями автора согласиться мы не можемъ, такъ какъ даже при жизни поэта отнюдь не все русское общество виновато было въ его страданіяхъ, а кучка интернаціональной знати да, въ значительной степени, и самъ поэтъ. За что же гнать *насъ* съ праздника, какъ это дѣлаетъ г. Ивановъ? въ чемъ каяться *намъ?*

За то вполнѣ присоединяемся мы къ взглядамъ г. Ив. Иванова на

---

[1]) Тамъ же, 9.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Ив. Ивановъ*, „Дни покаянія“ (*„Міръ Божій“* 1899 г., № 5).

рѣчь Достоевскаго и, въ частности, къ его отзыву о Татьянѣ [1])... Перейдемъ къ главной части работы г. Иванова. Она не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаковаго достоинства: съ блестящей характеристики поэта авторъ сбивается на пересказъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ его біографіи и литературной дѣятельности. Каждая глава работы г. Иванова посвящена отдѣльному вопросу: характеристикѣ „добраго сердца“ поэта, любви его къ женщинамъ, характеристикѣ его, какъ „работника“, выясненію взглядовъ его на литературу, біографіи его съ дѣтства до смерти, характеристикѣ его политическихъ вѣрованій, отношеній къ его правительству, къ литераторамъ (Булгарину, Сенковскому etc.); въ заключительной XI главѣ говорится о раздвоенности его духа и страданіяхъ его въ послѣдніе годы его жизни. Лучшая глава первая, затѣмъ слѣдующія слабѣе, и по содержанію, и по степени ясности, и самая слабая—послѣдняя, въ которой сбито въ кучу старое съ непродуманнымъ новымъ. Обратимся къ первой главѣ. Г. Ивановъ совершенно вѣрно отмѣтилъ, что Пушкину близокъ „образъ естественнаго человѣка“—„...арабская кровь, унаслѣдованная Пушкинымъ, его особенно приблизила—замѣчаетъ онъ—къ этому идеальному типу. Свобода и непосредственность впечатлѣній, чуткая, неудержимая отзывчивость, мгновенно загорающаяся страсть, способность отдаваться наивнымъ, почти дѣтскимъ радостямъ, открытое незлобивое сердце,—все это—крупнѣйшія черты нравственной природы Пушкина“ [2]). „Пушкинъ *не понималъ* злости, какъ нравственнаго явленія: злой человѣкъ не входилъ въ его сознаніе, какъ нѣчто ненормальное, безгранично-глупое“ [3]).

Оттого его веселость заразительна, какъ все искреннее; его наивности забавны, шутки вдвойнѣ увлекательны. Оттого его понимаютъ и легко къ нему привязываются дикари—цыганы, татары, деревенскіе нищіе и старцы, простые люди, дѣти... Оттого и онъ такъ любитъ дѣтей [4])... Пушкинъ и добръ чисто по дѣтски, „безъ малѣйшихъ притязаній на имя благодѣтеля, гуманнаго человѣка“ [5])... Онъ много помогаетъ нуждающимся, онъ привязывается къ людямъ за малѣй-

---

[1]) Тамъ же, 256. Ср. нашу работу: *В. В. Сиповскій*, „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій“. 1899 г.

[2]) Тамъ же, 257.

[3]) Тамъ же.

[4]) „А. С. Пушкинъ по докум. Остаф. архива и личнымъ воспомин. кн. Вяземскаго“. Къ біографіи. стр. 35—36, 49 (цитата г. Иванова).

[5]) *Ив. Ивановъ*, op. cit, 259.

шій признакъ благожелательности,—оттого онъ—признательный ученикъ (Галичъ и Куницынъ) на всю жизнь и нѣжный другъ (Пущинъ, Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Раевскій и др.). „Какая жажда любви и ласки жила въ сердцѣ Пушкина и съ какою радостью онъ спѣшитъ насытить ее!.. И такъ происходитъ не только въ ранней молодости. Сердце Пушкина остается неизмѣннымъ, съ годами становится еще болѣе отзывчивымъ и безкорыстнымъ. Отношеніе Пушкина къ Гоголю—одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и чудныхъ эпизодовъ всей нашей литературной и общественной исторіи"! [1]).

Вѣрно охарактеризованъ Пушкинъ, какъ семьянинъ: „Онъ создалъ себѣ семью, весь переполненный жаждою прочнаго сердечнаго счастья, тоскующій о подругѣ, хозяйкѣ, о дѣтяхъ. Въ немъ, оказалось, таился идеальный супругъ и отецъ—неусыпно заботливый, рыцарственно-честный и откровенный, патріархальный по горячей привязанности къ *своимъ*, по наклонности входить во всякую мелочь семейнаго благополучія" [2]). „Ни въ одной самой поэтической поэмѣ нельзя найти такой полной, могучей, самодовлѣющей любви" [3]), — какъ въ письмахъ Пушкина къ женѣ.

На остальныхъ главахъ статьи г. Иванова мы останавливаться не будемъ и укажемъ только на характеристики отца и матери поэта, какъ лучшія въ юбилейной литературѣ.

„Отецъ—актеръ-любитель, каламбуристъ, эпикуреецъ, страстный охотникъ до анекдотовъ и неумолимый врагъ всякой серьезной умственной работы и какихъ бы то ни было хлопотъ. Для него дѣти совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказываетъ двусмысленныя исторіи и читаетъ менѣе всего педагогическіе стихи: лишь бы дѣти сидѣли смирно и не мѣшали говорить и слушать. Жена его—достойная соревновательница по тону и взглядамъ на свои обязанности матери и хозяйки. Но она, кромѣ того, еще зла, взбалмошна, мстительна. Она можетъ публично, на балу ударить дочь, цѣлый годъ не говорить съ сыномъ, смѣяться надъ его неуклюжестью и некрасивостью, изобрѣтать особенно мучительныя наказанія. Отъ нея прямо приходится спасаться и порѣже попадать въ ея общество" [4]). Недурна также характеристика лицея, жизнь котораго оказывается полною всевозможныхъ недоразумѣній.

---

[1]) Тамъ же, 262.
[2]) Тамъ же, 267.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 288.

Нельзя, впрочемъ, не упрекнуть г. Иванова за то, что онъ, при всемъ своемъ остроуміи и умѣніи схватывать вѣрныя черты, всегда почти рѣшитъ односторонностью. Совершенно онъ не понялъ, напримѣръ, Карамзина и его отношеній къ юному поэту. Впрочемъ объ этомъ мы имѣли уже случай говорить выше. Невѣрно освѣщенъ и „Арзамасъ". Отожествленія русскаго общества съ Бенкендорфомъ и К°, а литературы—съ Булгаринымъ и Сенковскимъ, конечно, глубоко невѣрны. Наконецъ, доказать, что майскіе дни 1899 года должны быть „днями покаянія" г. Ивановъ также не съумѣлъ. Впрочемъ, повторяемъ, онъ далъ въ своей статьѣ рядъ вѣрныхъ и тонкихъ соображеній, остроумныхъ и красиво отточенныхъ характеристикъ.

Очень тепло написана другая работа того же автора [1]). Начинаетъ онъ съ указанія, сколько лжи наслаиваетъ на человѣка цивилизація: „вся многовѣковая исторія цивилизаціи, говоритъ онъ, есть въ сущности борьба за простоту и индивидуальность. Всѣ преобразовательныя и даже революціонныя движенія сводятся къ торжеству природы надъ искусственными правами, личности надъ стадными принудительными истинами" [2]). Вотъ почему „философа, сумѣвшаго краснорѣчиво защитить красоту и права природы, простой строй жизни поставить выше искусственнаго,—провозглашаютъ незабвеннымъ благодѣтелемъ человѣчества, возстановителемъ сердца и совѣсти: это — Лютеръ, Руссо, отчасти же Толстой" [3]). Послѣ такого введенія г. Ивановъ обращается къ Пушкину и останавливается на „независимости его духа". Для автора, Пушкинъ—„сынъ природы, а не вѣка, поэтъ простоты и свободы, а не школы и преданій — человѣкъ самъ по себѣ, а не представитель современнаго общества и среды" [4]). Конечно, такое утвержденіе можетъ быть допустимо только съ большими ограниченіями. Пушкинъ былъ слишкомъ сыномъ своего вѣка и общества, и въ этомъ трагизмъ его двойственнаго положенія: вольный духъ орла и подрѣзанныя крылья! Между тѣмъ, г. Иванову хочется доказать, что съ дѣтства до смерти Пушкинъ былъ всегда одинокъ, потому что никогда не былъ „сыномъ вѣка", всегда чуждался той стадной лжи, которою жило современное ему русское общество. Справедливо замѣчаніе автора, что инстинктивно поэта влекло

---

[1]) *Ив. Ивановъ*, „Личность Пушкина" (*Русская Мысль*, № 9, 1899).
[2]) Тамъ же, 100.
[3]) Тамъ же, 101.
[4]) Тамъ же.

всегда къ природѣ и простотѣ,—отсюда его любовь къ нянѣ и бабушкѣ. „Чепецъ, старинное одѣяніе, глиняный ночникъ и добродушное морщинистое лицо,—вотъ самыя свѣтлыя впечатлѣнія пушкинскаго дѣтства“ [1]). Отъ этого же тяготѣнія къ природѣ и простотѣ вытекалъ его глубокій интересъ къ народу и русской національности. Сказавъ нѣсколько словъ о трудности борьбы съ обществомъ, которое лжетъ и не терпитъ правды, авторъ отмѣчаетъ, что уже съ лицейской скамьи начинается у Пушкина „борьба за *свой* умъ, за *свои* чувства, вообще за индивидуальность“ [2]). Есть два средства для такой борьбы— „пересмѣять насмѣшниковъ“ или „скрыть отъ толпы свой внутренній міръ“. Отсюда букетъ пушкинскихъ эпиграммъ, „предвосхищающихъ вдумчивый и безпристрастный судъ потомства“ [3]), отсюда бравированье общественнымъ мнѣніемъ и кодексомъ стадной морали... Затѣмъ г. Ивановъ переходитъ къ изображенію интимной стороны пушкинской души: его добродушіе, веселость, увлекательность, отзывчивость его мягкаго сердца, требовавшаго дружбы и любви. Очерчиваетъ онъ далѣе Пушкина, какъ семьянина, хотя здѣсь, несомнѣнно, вдается въ преувеличеніе, говоря, что „болѣе самоотверженнаго и почтеннаго супруга петербургскому свѣту не доводилось и видѣть“ [4]); обрисовывается Пушкинъ, какъ мыслитель, какъ дѣятель, толкуется мимоходомъ стихотвореніе Пушкина: „Чернь“... и, наконецъ, характеризуется его „доброта“: „Да, Пушкинъ былъ добръ и именно просто добръ, *добрый малый*, какъ выразился о немъ генералъ Инзовъ, добрый, по искреннему влеченію своей природы, добрый безразсчетно, безшумно, безэффектно“ [5]).

Онъ добръ былъ не „славянофильской приторной добротою русскаго человѣка“ и, „страстно отдавшись изученію русской старины, русскаго быта и русской народной психологіи, полюбилъ все это, не во имя прошлаго и отжившаго, а во имя будущаго и живого“ [6]). Горячо заканчиваетъ авторъ свой этюдъ указаніемъ, какое перерожденіе совершилось въ душѣ Лермонтова, когда онъ узналъ о смерти Пушкина. Заключаетъ авторъ такими словами: „пусть же любовь Пушкина, какъ писателя, со всей ея благородною гордостью и открытой

---

[1]) Тамъ же, 102.
[2]) Тамъ же, 104.
[3]) Тамъ же, 105.
[4]) Тамъ же, 109.
[5]) Тамъ же, 113.
[6]) Тамъ же.

ненавистью будетъ нашей національною любовью, и краснорѣчивѣйшія черты его личности—простота, правда и свобода—ея символами“ [1]).

Прекрасна рѣчь проф. Линниченка [2]), посвященная изображенію той драмы, что преслѣдовала поэта въ теченіе всей его недолгой жизни. Между жизнерадостной поэзіей юношескихъ лѣтъ, когда онъ, ликующій, вступалъ въ жизнь, до глубоко скорбнаго признанія („На свѣтѣ счастья нѣтъ...“)—прошла цѣлая жизнь, краткая, но полная „захватывающаго интереса, шумныхъ успѣховъ, разнообразныхъ ощущеній“. „И если эта предсмертная исповѣдь—невольный вопль изстрадавшейся души, то какую сумму тяжелыхъ ощущеній, разбитыхъ надеждъ и горькихъ разочарованій нужно пережить, чтобъ придти къ такому концу! [3])“—восклицаетъ авторъ. Уже изъ такого приступа мы видимъ, что все дальнѣйшее содержаніе будетъ въ такомъ же пессимистическомъ тонѣ—въ этомъ односторонность автора: его работа полна правды, самой темной... Но отчего же нѣтъ въ его работѣ и той свѣтлой правды, которой проникнута и поэзія, и душа поэта?! Первая причина несчастій поэта, по мнѣнію автора,—его природа, въ которой живутъ попеременно два бога—богъ африканскій, богъ знойной природы и разнузданныхъ, неукротимыхъ страстей,—и богъ европейскій, богъ мирной культуры, гармоніи и свѣтлыхъ вдохновеній [4])“. „Три страсти, три желанія наполняли его сердце, три кумира воздвигъ онъ въ своей душѣ и молился имъ своими чудными гимнами; этими кумирами были—любовь, дружба, свобода [5])“. Судьбѣ было угодно отнять у поэта всѣ эти кумиры. „И вотъ передъ нами жизнь,—заключаетъ авторъ,—исполненная глубокихъ и мучительныхъ противорѣчій. Ясный и трезвый умъ, высокое и благородное чувство—и алчный грѣхъ по пятамъ; страстный призывъ къ чистымъ привязанностямъ—и злорадная усмѣшка чувственности; гордый кликъ свободы—и вольныя, и невольныя цѣпи рабства... Да! странная и горькая иронія судьбы. Всю жизнь пѣть свободу, святую вольность—и цѣлую жизнь оставаться невольникомъ—невольникомъ любви, невольникомъ дружбы, невольникомъ толпы.

---

[1]) Тамъ же, 115.

[2]) Проф. *И. А. Линниченко*, „Жизненная драма Пушкина“ (*Пушкинскіе дни въ Одессѣ*, Сборникъ Императорскаго Новороссійскаго университета, 1900).

[3]) Тамъ же, 74.

[4]) Тамъ же, 79.

[5]) Тамъ же, 81.

невольникомъ закона—и, наконецъ, невольникомъ чести. Да развѣ это не глубочайшая, не потрясающая душу жизненная драма“ [1])? На нашъ взглядъ эти заключительныя слова проф. Линниченка скорѣе красивы, чѣмъ вѣрны. Вся первая половина этой длинной цитаты (до слова: „Да!“) представляетъ риторическую фигуру противопоставленія, умѣстную для характеристики первой половины жизни поэта, но невѣрную въ приложеніи ко всей его жизни. Вторая же, гдѣ говорится о „невольничествѣ“ поэта, тоже грѣшитъ преувеличеніемъ. Жизнь поэта опровергаетъ это представленіе о „вѣчномъ невольничествѣ“: Пушкинъ палъ именно потому, что не сдѣлался рабомъ, а отстаивалъ свою независимость.

Небольшой эскизъ проф. Сумцова, посвященный одной изъ выдающихся сторонъ пушкинской души—ея „доброжелательству“ [2]), прекрасно охватываетъ всю ту сумму проявленій доброты Пушкина, которыя можно почерпнуть изъ его поэзіи. При этомъ исходитъ проф. Сумцовъ изъ такого утвержденія: „сила и вліяніе писателя опредѣляется степенью его таланта и доброжелательства. Знаніе и любовь—два могущественныхъ рычага культуры. Всякое дѣйствительное искусство, въ частности, поэзія, зиждется на сочетаніи въ художественномъ образѣ любви и знанія. Цѣль искусства—подражать жизни, но такъ подражать, чтобы заставить насъ симпатизировать жизни другихъ, возбудить въ насъ сочувствіе [3])“. Чувство доброжелательства у Пушкина обусловлено было тѣмъ благороднымъ оптимизмомъ, который, не закрывая глазъ передъ бѣдствіями и язвами жизни, непоколебимо вѣрилъ въ побѣду добра и правды. (Письмо Пушкина 1831 г. 19-го октября Плетневу, XXXVIII стр. „Евгенія Онѣгина“, конецъ. „Брожу-ли я...“, Сербская пѣснь, 1833 г.—конецъ). Надежда на лучшее будущее всегда была съ поэтомъ („Мгновенной жатвой“, „Вновь я посѣтилъ“). Всѣ художественные благожелательные образы Пушкина отличаются широтою и универсальностью („Аквилонъ“, „Туча“, „Пророкъ“, „И путникъ усталый“). Въ нихъ примиряется національное съ общечеловѣческимъ, т. к. самое дорогое въ смыслѣ народности есть въ то же время дорогое въ общечеловѣческомъ значеніи и примѣненіи. Его „чувства добрыя“

---

[1]) Тамъ же, 92.

[2]) *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Доброжелательство Пушкина“ (*Журналъ для всѣхъ*, 1899, № 5, также вошло въ его „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина“—отд. и въ *Харьковскомъ университетскомъ сборникѣ* въ память А. С. Пушкина, 1900).

[3]) *Харьковскій сборникъ*, 101.

можно хронологически прослѣдить изъ года въ годъ („Деревня", „Домовому", „Наполеонъ"). На эпическихъ образахъ тоже отразилось его „благожелательство" (обрисовка черкешенки, Маріи [Бахч. Фонт.], Татьяны. Ольги, финна, стараго цыгана, Пимена, стараго Дука). „Всѣ эти поэтическіе образы суть въ то же время и образы этическіе; они въ совокупности заключаютъ въ себѣ неистощимый запасъ добра, справедливости, гуманности". Таково содержаніе интересной статьи проф. Сумцова, съ основной идеей которой и съ группировкой матеріала, конечно, нельзя не согласиться тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ характеристика поэта, сдѣланная по его стихотвореніямъ, подтверждаетъ дѣйствительныя основы души Пушкина.

Интересна работа г. Алферова [1]). Это — живая характеристика поэта, составленная, къ сожалѣнію, только на основаніи его литературныхъ произведеній. Впрочемъ, нельзя не упрекнуть автора за нѣкоторую безсистемность его работы и за несоотвѣтствіе темы съ содержаніемъ: ни очерка жизни, ни очерка дѣятельности мы не имѣемъ,— за то, повторяемъ, имѣемъ рядъ характерныхъ чертъ Пушкина, что, конечно, не мало.

Начинаетъ авторъ съ изображенія той атмосферы русской жизни XVIII вѣка, изъ которой вышелъ Пушкинъ. При этомъ помогаетъ автору Л. Толстой одною изъ своихъ раннихъ повѣстей (изъ жизни 1800 г., написанной въ 1856 г.), гдѣ геніальному художнику удалось въ немногихъ словахъ, дѣйствительно, уловить характерный духъ русскихъ нравовъ XVIII — XIX вѣка, старомодныхъ столичныхъ гостиныхъ, затерянныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Авторъ продолжаетъ этюдъ гр. Толстого, рисуя свободно и остроумно интересы той эпохи, особенно останавливаясь на литературѣ. Къ сожалѣнію, авторъ, приглашавшій насъ въ началѣ своей работы стать на историческую точку зрѣнія, забываетъ ее и совершенно неосновательно уничтожаетъ всякое значеніе сентиментализма. Между тѣмъ, сентиментализму, принадлежитъ, дѣйствительно, такое великое открытіе: „и крестьянки чувствовать умѣютъ"! Оттого въ журналахъ конца XVIII-го вѣка и начала XIX-го мы увидимъ манію рисовать „Флоровъ Силиновъ": добродѣтельные, идеальные крестьяне появились въ литературѣ, можно сказать, тогда, когда объ идеальныхъ „дворянахъ" никто и не заикался. Пусть сентиментализмъ развивалъ отвлеченное „прекраснодушіе", — но, вѣдь,

[1]) *А. Д. Алферовъ*, „А. С. Пушкинъ. очеркъ его жизни и дѣятельности", Пенза. 1899.

и черезъ него нужно было пройти: видѣть въ Ленскомъ одну ложь и оторванность отъ родной страны и народа значитъ видѣть только одну отрицательную сторону! Набросавъ „старомодную обстановку“ русской жизни, авторъ обратился къ Пушкину, призналъ его „не простымъ дѣтищемъ“ своего времени, а enfant terrible—„постоянно протестующимъ явленіемъ въ русскомъ быту начала столѣтія [1])“.

Затѣмъ отмѣчаетъ авторъ, въ какомъ романтическомъ освѣщеніи рисовался Пушкинъ современникамъ—онъ казался имъ въ свое время „живымъ идеаломъ романическаго героя“ [2]); говоритъ далѣе о двойственности жизни поэта, выразившейся съ одной стороны — въ бравированьи, рисовкѣ, съ другой — въ глубокой, внутренней работѣ надъ собой. Затѣмъ авторъ останавливается на его „добротѣ“, указываетъ, какую печальную роль пришлось ему играть среди современниковъ, отставшихъ отъ него въ развитіи, въ лучшемъ случаѣ не понимавшихъ его, въ худшемъ—преслѣдовавшихъ злобой и завистью. Тѣмъ не менѣе „жизнеспособность“, по словамъ г. Алферова, оставалась у Пушкина въ прежней силѣ (письмо Плетневу 1831 г., „Если жизнь тебя обманетъ“, „Такъ полдень мой насталъ“, Евг. Он.). „Въ Пушкинѣ, по словамъ автора, было слишкомъ много самой беззавѣтной любви къ человѣку, къ природѣ, къ той красотѣ, которую онъ отгадывалъ во всемъ и повсюду, чтобы быть способнымъ на полное разочарованіе (даже въ смерти: „у гробоваго входа...“ [3]). Пушкинъ не былъ нравственнымъ сибаритомъ, онъ хорошо понималъ, что только путемъ страданія создается истинная человѣчность. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые, хотя и не ищутъ страданья, но, понимая его необходимость, идутъ на него прямо („Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать“) [4]). Подробно авторъ говоритъ о процессѣ творчества Пушкина (письма къ женѣ, „Въ камелькѣ забытомъ“ etc.), особенно обстоятельно выясняетъ взглядъ Пушкина на „священнодѣйствіе“ поэта, на „вдохновеніе“, отмѣчаетъ постоянное стремленіе поэта работать, „учиться“, приводитъ его критическіе отзывы, говоритъ объ его необыкновенной вдумчивости, ясности ума и способности путемъ геніальной интуиціи прозрѣвать то, что съ большимъ трудомъ удавалось доказывать впослѣдствіи ученымъ. Очень цѣнны обширныя толкованія г. Алферовымъ

[1]) Тамъ же, 8.
[2]) Тамъ же. 9.
[3]) Тамъ же. 18.
[4]) Тамъ же.

ого понятія: „чернь“, за которое такъ жутко пришлось Пушкину отъ критики. Совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Алферовъ, что здѣсь надо подразумѣвать „свѣтскую чернь“ и „литературную чернь“, отнюдь не все русское общество и уже, конечно, не простой народъ: въ деревнѣ среди мужиковъ поэтъ отдыхалъ отъ „толпы непросвѣщенной“ („Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный“). Обращаясь къ оцѣнкѣ литературной стороны дѣятельности Пушкина, г. Алферовъ отмѣчаетъ быстрый переходъ отъ романтизма (раннія поэмы) къ реализму, при чемъ грѣшитъ нѣкоторымъ увлеченіемъ, когда называетъ „романтическими прикрасами“ скалы юга, черкешенокъ etc; даже дивное стихотвореніе: „Бахчисарайскому фонтану“ оказывается, по его мнѣнію, „сентиментально написаннымъ“. Мы убѣждены, что обаяніе южной природы, своеобразныхъ преданій полудикаго Крыма и Кавказа опять захватили бы великаго поэта, если бы судьба закинула еще разъ подольше на югъ, оторвавъ отъ Михайловскаго и его простыхъ пейзажей. Безъ сомнѣнія, яркія красоты юга легче бросаются въ глаза, и разъ Пушкинъ послѣ нихъ легко перешелъ къ красотамъ сѣвера,— это только доказываетъ, что его эстетическое чувство отличалось шириной и тонкостью воспріятія, но отнюдь не значитъ, что можно пренебрежительно клеймить „прикрасами романтическими“ дивную яркую поэзію юга у Пушкина и видѣть въ интересѣ къ пейзажамъ юга проявленіе художественнаго чутья еще не доразвившагося до тѣхъ предѣловъ, которые кажутся г. Алферову конечными въ творчествѣ поэта.

Реализмъ Пушкина, его обращеніе къ будничной жизни прекрасно освѣщены авторомъ („Какія-бъ чувства ни таились“—пут. Евг. Он., конецъ: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“, замѣтка къ „Борису Годунову“. „Не муки тайныя злодѣйства“—Евг. Он.). Такое обращеніе къ будничной жизни, бывшее огромнымъ шагомъ впередъ, въ самомъ Пушкинѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ русской литературѣ, далеко не было оцѣнено по достоинству русской публикою“ [1]). Между тѣмъ, „съ Пушкинымъ прекращается разрывъ между русскою книжностью и русской дѣйствительностью“ [2]). Въ этихъ словахъ опять упрекъ сентиментальной литературѣ, которая не дошла до „правды“ жизни. Дѣйствительно, съ легкой руки Пушкина всѣ его послѣдователи дали намъ понятіе о русской жизни во всей ея неприглядной

[1]) Тамъ же, 39.
[2]) Тамъ же, 38.

наготѣ, но вѣдь и при Карамзинѣ думали, что *знаютъ* русскую жизнь! Пройдетъ еще сто лѣтъ, и, можетъ быть, надъ нашей реалистической литературой и ея гордымъ самомнѣніемъ посмѣется критикъ XXI вѣка! Вотъ почему не хотѣлось бы намъ слышать и по адресу XVIII вѣка такихъ отзывовъ. Указавъ на гуманность Пушкина, какъ на отличительную черту его произведеній, заканчиваетъ авторъ выясненіемъ того значенія, которое имѣлъ Пушкинъ на русскихъ литераторовъ XIX вѣка.

Теплая рѣчь г. Степовича говоритъ намъ о тѣхъ великихъ „Завѣтахъ", что оставлены намъ Пушкинымъ [1]). Любовь къ отечеству и его просвѣщенію, сердечность, доброта, честность, гуманность, рыцарство, вѣрность въ дружбѣ и любви, любовь ко всему высокому и прекрасному, жажда знанія, вдумчивое отношеніе къ жизни—вотъ, чѣмъ полна была душа поэта и что завѣщалъ онъ намъ.

Г. Максимовъ возсоздаетъ „міровоззрѣніе" поэта на основаніи анализа его произведеній [2]),—уже въ первый періодъ своей дѣятельности поэтъ, по его словамъ, приходитъ къ осужденію эгоизма, черствости души и вдохновляется проявленіями безкорыстной, чистой любви [3]). Онѣгинъ и Татьяна, въ глазахъ автора, еще болѣе убѣдительныя доказательства этой мысли. Самопожертвованіе и исполненіе долга (Петръ Великій, Евгеній, Борисъ), патріотизмъ, привязанность къ царю, религіозность,—вотъ, основные элементы пушкинскаго „міровоззрѣнія".

О „добротѣ и религіозности" поэта трактуетъ и свящ. Румянцевъ [4]). Его небольшая прочувствованная рѣчь не вноситъ, впрочемъ, ничего новаго въ наши знанія о поэтѣ. Интересна характеристика Пушкина, сдѣланная по его письмамъ и замѣткамъ г. Богдановичемъ [5]). Авторъ послѣдовательно рисуетъ религіозные, литературные, политическіе и историческіе взгляды его. Высказавъ вполнѣ вѣрное мнѣніе, что „религіозное чувство коренится въ душѣ каждаго человѣка; но чувство это, какъ и всякое другое, требуетъ развитія и

---

[1]) *А. І. Степовичъ*, „Какіе завѣты оставилъ намъ Пушкинъ" („Памяти Пушкина", Сб. Кіевск. Окр. Кіевъ, 1900 г., ч. II, стр. 219).

[2]) *Л. П. Максимовъ*, „Міровоззрѣніе А. С. Пушкина". (Тамъ же, 294).

[3]) Тамъ же, 298.

[4]) Свящ. *М. П. Румянцевъ*, „О природной добротѣ и религіозно-нравственномъ ростѣ Пушкина" (Тамъ же, 351).

[5]) *П. І. Богдановичъ*, „Личность А. С. Пушкина по его письмамъ и замѣткамъ". (Тамъ же, ч. II, 102).

оспитанія“ [1]), и указавъ, какъ мало для этого воспитанія дали Пушкину обстоятельства его жизни, авторъ переходитъ къ письмамъ и амѣткамъ поэта и, не безъ скачка, приходитъ къ выводу, что Пушкинъ ылъ „религіознымъ“ человѣкомъ. Изъ интереса къ исторіи религіи. изъ пониманія ея культурнаго значенія, умѣнія находить въ ней красоты и употребленія въ письмахъ ласковыхъ выраженій въ родѣ: „Христосъ съ тобой“ и под. — нельзя еще заключать о *глубокой* религіозности человѣка. Нѣкоторыя лирическія стихотворенія поэта оворятъ намъ только о томъ, что въ послѣдній періодъ его жизни онъ ощущалъ порою религіозные порывы. Въ характеристикѣ поли-ическихъ воззрѣній поэта встрѣтили мы такое же преувеличеніе. Правда, послѣ 1826 года онъ началъ постепенно сживаться съ пра-ительственнымъ режимомъ и, устроивъ кое-какъ свой личный modus ivendi въ государствѣ, сталъ, мало по малу, склоняться къ прими-енію съ правительствомъ, но никогда до полной солидарности онъ не ошелъ, оставшись „дикимъ“ до конца своихъ дней. Въ юности же онъ орою грезилъ переворотами, что явствуетъ изъ его желанія принять частіе въ замыслахъ декабристовъ;—потому категорическое заявле-ніе г. Богдановича, что Пушкинъ никогда не сочувствовалъ револю-іоннымъ движеніямъ невѣрно. Письма поэта, конечно, не могутъ ыть въ данномъ вопросѣ вполнѣ достовѣрнымъ показателемъ, такъ акъ поэтъ зналъ, что они прочитываются полиціей, а потому могъ стерегаться. Изъ интереса къ родной исторіи авторъ выводитъ па-ріотизмъ поэта, затѣмъ обращается къ его историко-литературнымъ ознаніямъ и критическимъ взглядамъ. Особенностями его поэти-ескаго кодекса было, по мнѣнію автора, стремленіе къ простотѣ, естественности. Довольно подробно представлены въ выдержкахъ изъ исемъ его журнальныя занятія. Затѣмъ г. Богдановичъ переходитъ къ характеристикѣ „душевныхъ качествъ“ Пушкина. Мягкость его атуры, жажда ласки и любви (письма къ брату, друзьямъ, нянѣ, П. А. Осиповой, женѣ)—вотъ черты, на которыхъ онъ останавливается. Конечно, для характеристики Пушкина его письма даютъ гораздо ольше матеріала, чѣмъ собрано у г. Богдановича, но все-таки работа его любопытна, хотя бы потому, что основана на „письмахъ“ поэта,— атеріалъ, которымъ у насъ пользовались пока только случайно.

Г. Зеленецкій далъ банальную и невѣрную характеристику Пуш-кина, широко воспользовавшись работой В. Никольскаго: „Идеалы Пуш-

[1]) Тамъ же, 103.

кина" [1]). Онъ представляетъ Пушкина, какъ носителя религіозныхъ убѣжденій, проповѣдника самодержавія. Заключеніе автора таково: „Пушкинъ въ своихъ твореніяхъ выразилъ вѣру въ Бога. Онъ вѣрилъ въ идеалъ Царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетеннымъ, милосерднаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ историческое призваніе своей страны родной. Онъ призывалъ милость къ падшимъ и пробуждалъ добрыя чувства. Все это идеалы, которые, несомнѣнно, въ душѣ своей носитъ русскій народъ. Настроеніе его поэзіи было христіански-оптимистическое. Таковъ въ сущности „русскій народъ" [2]). Мы говорили уже выше какъ противъ обобщеній въ обрисовкѣ настроеній Пушкина, такъ и противъ подобной характеристики „русскаго народа", а потому теперь не считаемъ нужнымъ оспаривать основныхъ положеній г. Зеленецкаго, къ тому же не представляющихъ никакой новизны. Остановимся на нѣкоторыхъ мелочахъ. Бѣглая біографія поэта, предшествующая его характеристикѣ, полна неточностей: оказывается, что на Пушкина большое (?) вліяніе имѣлъ его „отецъ, воспитанный французскими гувернерами" [3]), что Пушкинъ, по окончаніи Лицея, занимался „развлеченіемъ (?) съ лицейскими товарищами" [4]). Столкновенія съ правительствомъ обойдены почему то скромными фразами: „въ 1820 г. Пушкинъ переселился на югъ Россіи", „въ 1824 г. вышелъ въ отставку и жилъ лѣтомъ въ своей деревнѣ.., а зимой въ Петербургѣ (sic!)", „Жизнь столичная была спокойнѣе прежней и посвящалась серьезнымъ литературнымъ трудамъ, а сельская была уединенная и однообразная" [5]). Совсѣмъ не понялъ авторъ героя поэмы: „Кавказскій Плѣнникъ", а на счетъ героини обмолвился такою непонятной фразою: „у читателя „Кавказскаго Плѣнника" невольно является вопросъ: неужели таковы черкешенки? Черкешенки отличаются непосредственностью натуры и ихъ поступки мотивируются грубыми страстями" [6]). Старый цыганъ — это, по мнѣнію автора, — „идеалъ Пушкинскій,—Татьяна, конечно, „апоѳеозъ русской женщины".

Г. А. Г. на страницахъ „Журнала для всѣхъ" далъ небольшой

---

[1]) *А. Зеленецкій*, „Пушкинъ, какъ русскій народный поэтъ". (Его идеалы, міросозерцаніе и настроеніе его поэзіи), Херсонъ, 1899 г.

[2]) Тамъ же, 29.

[3]) Тамъ же, 3.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, 4.

[6]) Тамъ же, 6.

очеркъ, посвященный характеристикѣ поэта [1]). Передъ нами живой, хотя и многословный разборъ стихотвореній: „Чернь“ и „Памятникъ“. Авторъ совершенно справедливо объяснилъ фактами изъ жизни поэта, что „чернь“ — это небольшой кружокъ знати и властей, а потому произведеніе это имѣетъ, такъ сказать, частный характеръ. Истинный смыслъ дѣятельности нашего великаго поэта выраженъ имъ въ стихотвореніи: „Памятникъ“.

Характеристика поэта, сдѣланная г. Мельниковымъ-Разведенковымъ [2]). на нашъ взглядъ, не въ мѣру упрощена,—прежде всего, авторъ знакомитъ насъ съ тѣмъ рембрандтовскимъ фономъ, на которомъ свѣтится Пушкинъ: „современное Пушкину общество, обладая болѣзненнымъ самолюбіемъ (!!), не цѣнило человѣческаго достоинства въ другихъ (!); не имѣя возвышенныхъ цѣлей въ жизни, оно забавлялось пошлыми разговорами, среди которыхъ, даже невзначай, не вспыхивала здравая мысль за цѣлыя сутки (!!); отличаясь безсердечіемъ, оно въ ближнихъ видѣло только орудіе для своихъ личныхъ наслажденій или предметъ эксплуатацій; не нося въ сердцѣ своемъ ни вѣры, ни религіи, оно поклонялось и служило одному золотому тельцу, который заставлялъ его погружаться въ грязь чувственныхъ порочныхъ наслажденій. Ни о патріотизмѣ, ни о самопожертвованіи, ни о благородныхъ чувствахъ это общество не имѣло понятія“ [3])!—А Пушкинъ... Пушкинъ, по понятіямъ автора, — антиподъ этого общества, — и авторъ по тому же плану, по которому разрисовалъ темными красками русское общество, начинаетъ писать свѣтлыми — Пушкина. Вышло, въ результатѣ, что тогда однимъ порядочнымъ человѣкомъ былъ на Руси Пушкинъ.

Г. Воскресенскій далъ оцѣнку Пушкина, какъ поэта и человѣка, на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ [4]). Начинаетъ авторъ съ указанія недостатковъ пушкинской литературы; совершенно справедливо говоритъ о необходимости дальнѣйшихъ работъ о Пушкинѣ, въ сущности, намъ далеко еще неизвѣстнаго. Затѣмъ г. Воскресенскій даетъ

---

[1]) *А. Г.*, „Поэтъ и жизнь“ (къ характеристикѣ Пушкина), („*Журналъ для всѣхъ*“, 1899, № 5, 538).

[2]) *С. Мельниковъ-Разведенковъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ человѣкъ и какъ гражданинъ“ (П. Кумскій, „Памяти А. С. Пушкина“, праздноп. 100-лѣтней годовщины со дня рожденія А. С. Пушкина въ учебн. завед. Кавк. Уч. Окр.).

[3]) Тамъ же, 166—167.

[4]) *Г. Воскресенскій*, „Величіе Пушкина, какъ поэта и человѣка“ (*Богословскій Вѣстникъ*, 1899, № 6, 212).

бѣглую характеристику Пушкина, какъ писателя-реалиста, оставившаго риторику и „ложные ходульные сантименты“ классической и романтической кухни—ради простой рѣчи и художественной правды. Отзывы Гончарова, Островскаго, Гоголя помогаютъ автору обрисовать Пушкина, какъ учителя русскихъ литераторовъ XIX столѣтія. Характеристики же героевъ и героинь Пушкина выясняютъ богатство, разнообразіе и нравственную высоту пушкинскаго творчества. Особенно долго останавливается авторъ на работѣ поэта надъ самообразованіемъ, затѣмъ выясняетъ его религіозность. Всѣ мысли автора, не представляющія впрочемъ новизны, подтверждены обильными и вполнѣ умѣстными ссылками.

Г. Ашевскій посвятилъ свой маленькій этюдъ вопросу объ отношеніи поэта къ войнѣ [1]). На основаніи твореній поэта онъ приходитъ къ неновому выводу, что въ юности Пушкинъ увлекался, хотя и не сильно, военной славой, но съ годами его отношеніе къ войнѣ и военнымъ мѣнялось и становилось все болѣе отрицательнымъ.

Г. Чижъ далъ намъ характеристику психической организаціи поэта съ медицинской точки зрѣнія [2]); многословно и съ повтореніями доказалъ онъ, что Пушкинъ не былъ психопатомъ,—въ чемъ, кажется, пока никто его не заподазрѣвалъ. Впрочемъ, авторъ исходилъ изъ мнѣній Мэро и Ломброзо, утверждавшихъ, какъ извѣстно, что „геній есть нейрозъ“. Для г. Чижа равновѣсіе духовной жизни поэта, выразившееся въ равномѣрномъ преклоненіи передъ „истиной, добромъ и красотой“—доказательство душевнаго здоровья Пушкина. Онъ сравниваетъ великаго поэта съ нѣкоторыми другими писателями русскими и иностранными, дѣлаетъ для чего-то подсчетъ гласныхъ у Пушкина, Лермонтова, Тургенева и другихъ русскихъ писателей и затѣмъ высказываетъ нѣсколько историко-литературныхъ соображеній и сравненій.

Особое вниманіе останавливаетъ на себѣ слово митрополита Антонія, сказанное имъ предъ панихидой при поминовеніи А. С. Пушкина [3]).

---

[1]) *С. Ашевскій*, „Пушкинъ и война“ (*Міръ Божій*, 1899, № 6, 14).

[2]) *В. Ф. Чижъ*, „Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго развитія“. („Пушкинскій Сборн.“, изд. Имп. Юрьевск. университетомъ, 1899).

[3]) „Рѣчь высокопреосвященнаго *Антонія*, митрополита С.-Петербургскаго, предъ панихидою при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней со дня его рожденія годовщины 26-го мая 1899 года“, Спб. 1899.

Высокочтимый архипастырь въ своей рѣчи сумѣлъ удержаться на спокойномъ и справедливомъ отношеніи къ поэту: онъ не старается найти въ немъ, во что бы то ни стало, религіозные идеалы и не впадаетъ въ роль проповѣдника-обличителя, — онъ остается на высокой христіанской точкѣ всепрощенія: „мы должны, говоритъ онъ, съ любовію искать въ грѣшномъ человѣкѣ не грѣховъ, безъ которыхъ онъ не бываетъ, а святого сѣмени добра, таящагося въ немъ подъ грѣховною оболочкою. Есть единственный моментъ въ жизни, когда во всемъ своемъ истинномъ достоинствѣ, безъ всякой наносной лжи сказывается личность человѣка. Это — моментъ смерти“ [1]). — И Пушкинъ оказался въ этотъ моментъ на высотѣ нравственнаго величія. Грѣхи Пушкина, по словамъ митрополита Антонія, — грѣхи времени и всего общества. „Личность его, какъ христіанина и какъ сына православной церкви, и доселѣ составляетъ предметъ пререканій“ [2]), но добрыя начала таились подъ бурной поверхностью его души. Хотя „въ зрѣлые годы онъ былъ человѣкомъ религіознымъ“ [3]), но „добрыя начала религіозныя не успѣли обнаружиться въ жизни нашего поэта во всей своей истинной красотѣ“ [4])—точка зрѣнія совершенно справедливая.

Слово епископа Антонія [5]), въ общемъ, вѣрно характеризуетъ Пушкина, какъ человѣка, стремившагося къ нравственному совершенству, изъ „бѣднаго грѣшника“, „обуреваемаго страстями“, возвысившагося до той высоты нравственной, на которую уважаемый архипастырь призываетъ въ своей рѣчи всѣхъ своихъ слушателей. Нельзя согласиться только съ нѣкоторыми историко-литературными толкованіями автора: напр., „Пушкинъ. говоритъ онъ, описываетъ своихъ героевъ, какъ-бы извнутри ихъ, раскрываетъ ихъ внутреннюю жизнь такъ, какъ ее опознаетъ самъ описываемый типъ. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ превосходитъ другихъ геніальныхъ писателей, напримѣръ, Шиллера и Шекспира, у которыхъ большинство героевъ являются сплошнымъ воплощеніемъ одной какой-нибудь страсти и потому внушаютъ чи-

---

[1]) Тамъ же, 6.
[2]) Тамъ же, 3.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 4.
[5]) Епископъ *Антоній*, Слово предъ панихидой о Пушкинѣ, сказанное въ Казанскомъ Имп. университетѣ 26-го мая 1899 года. Казань, отт. изъ *Правосл. Собесѣдника* 1899.

тателю ужасъ и отвращеніе“ [1]). Нельзя также согласиться, что *прежде всего Пушкинъ былъ моралистъ*, и народникомъ сдѣлался потому, что былъ моралистъ“ [2]). Этого утвержденія авторъ не доказалъ, а потому не доказано и мнѣніе, будто „народныя и историческія симпатіи Пушкина зависѣли отъ его нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, а не обратно“ [3]). Развѣ не могли всѣ эти симпатіи расти параллельно въ зависимости отъ общаго духовнаго роста поэта?

Небольшое слово проф. Царевскаго [4]) представляетъ изъ себя призывъ къ молитвѣ за поэта, которому благодарна „вся грамотная и просвѣщенная Россія“. Грѣхи его, которые будутъ судимы милосернымъ судомъ Божіимъ, раздѣляетъ все русское общество: „одинъ изъ близкихъ друзей нашего великаго поэта говорилъ о немъ, что все лучшее въ немъ принадлежало ему самому, все же худшее — лицамъ и обстоятельствамъ, окружавшимъ его“ [5]). Отсюда авторъ нѣсколько неожиданно переходитъ къ пожеланію съ молитвой за Пушкина—соединить молитву о „нашемъ собственномъ исправленіи“.

Свящ. Лобачевскій охарактеризовалъ Пушкина, какъ христіанина [6]). Въ этой правдивой, оттого нѣсколько жесткой рѣчи нѣтъ никакихъ натяжекъ и искаженій. Авторъ не закрываетъ глаза на первую половину жизни поэта, не навязываетъ ему „христіанства“ тамъ, гдѣ его нѣтъ, и вѣрно обрисовываетъ вторую половину жизни, когда христіанскіе идеалы стали понемногу проясняться предъ поэтомъ. Правильно растолкованы различныя настроенія въ поэзіи Пушкина, всегда широко рисовавшаго жизнь: „и удалой самозванецъ Пугачевъ, и жертва его звѣрства,—безстрашный, самоотверженный капитанъ, съ его душевнопривлекательной дочерью, одинаково возбу-

---

[1]) Тамъ же, 5.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Тамъ же, 16.

[4]) Проф. богосл., прот. *А. Царевскій*, „Слово, произнесенное въ университетской церкви“ (*„Пушкинскій Сборн.“* изд. Импер. Юр. университетомъ, Юрьевъ, 1899); его-же „Слово въ Сб. уч.-лит. о-ва при Юр. у-тѣ (*Пам. П—на*).

[5]) Тамъ же, 93.

[6]) Свящ. *А. Г. Лобачевскій*, „А. С. Пушкинъ“ (26-го мая 1899 года. *Рѣчи*, произнесенныя въ день праздника столѣтія рожденія А. С. Пушкина въ торжеств. собр. Истор. Филол. института кн. Безбородко“, Нѣжинъ. 1899; есть отд. оттискъ; перепечатано въ Пушкинскомъ Сбор. Кіевскаго округа, часть II, 5).

ждаютъ сочувствіе и сожалѣніе у читателя... Поэта чаруетъ въ его герояхъ сила, внутренняя мощь характера, — на нихъ и сосредоточиваетъ онъ все свое вниманіе... Желаетъ ли поэтъ изобразить въ своемъ героѣ типъ положительной добродѣтели или картину безнравственныхъ стремленій и поступковъ, — герои его часто выходятъ одинаково привлекательными для читателя“ [1]). Совершенно вѣрная точка зрѣнія, — основныхъ симпатій великаго поэта надо искать именно въ такой широкой волнѣ его настроеній, а не въ случайныхъ обмолвкахъ, отдѣльныхъ фразахъ, произведеніяхъ, которыя всѣ нуждаются еще въ ухищренныхъ толкованіяхъ.

Свящ. І. Троицкій обрисовалъ Пушкина съ точки зрѣнія его религіозныхъ воззрѣній [2]). Впрочемъ, авторъ не вполнѣ ясно намѣтилъ планъ своей работы, что онъ самъ, очевидно, чувствовалъ, такъ какъ въ предисловіи оговаривается довольно сбивчиво о несоотвѣтствіи заглавія его статьи съ содержаніемъ, а въ заключеніи самъ признаетъ, что его очеркъ „вышелъ блѣднымъ по изложенію и малоразвитымъ по содержанію“, и тутъ же, не довольствуясь двумя, предложилъ еще третье заглавіе для своей работы: оказывается, это только „матеріалъ для статьи“ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе статьи довольно сбивчиво: авторъ то пускается подсчитывать, сколько разъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ слово: „лампадка“, то уклоняется въ сторону критикованія Пушкина за его прегрѣшенія противъ церкви, то упрекаетъ поэта за нечестивую смѣлость текстъ Библіи передѣлывать для своего „Пророка“ [4]). Для характеристики „религіозныхъ“ (!) воззрѣній нашего поэта авторъ пользуется даже такими выдержками изъ Пушкина, какъ, напримѣръ, слѣдующей: „слѣпой священникъ (у Пушкина *попъ*) перевелъ Сираха, издаетъ по подпискѣ — подпишись на *нѣсколько* экземпляровъ“ [5]). Произвольно толкуетъ авторъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина въ исключительно-религіозномъ духѣ. Такъ, негодованіе поэта при видѣ солдатъ около картины „Распятія“ но-

---

[1]) Тамъ же, IX.

[2]) Свящ. *І. Троицкій*, „Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“, („Сборн. Пушкину“, изд. Кіевск. педаг. общества, Кіевъ, 1899).

[3]) Тамъ же, 237.

[4]) „Пророкъ“ Пушкина—это прекрасное стихотвореніе, намъ думается, было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, если бы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ Библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его“. (Тамъ же, 216). Замѣчаніе, не дѣлающее чести художественному вкусу автора.

[5]) Тамъ же, 210.

ситъ исключительно гражданскій характеръ; стихотвореніе: „Туча“ („Послѣдняя туча разсѣянной бури...“) гораздо проще можетъ быть объяснено внѣ толкованій въ церковномъ смыслѣ о примиреніи съ Богомъ.

Небольшое слово того же автора [1]) представляетъ изъ себя сокращеніе разобранной выше статьи. Въ сокращеніи оно выигрываетъ,— рѣзче выступаютъ главныя мысли автора и замѣтнѣе его теплое настроеніе.

О кончинѣ поэта говоритъ въ своемъ словѣ свящ. Зеленецкій [2]). Передъ намъ пространный разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни великаго человѣка. Авторъ не ограничился указаніемъ на то, что смерть Пушкина была вполнѣ христіанская, но для чего-то пустился разсказывать подробно, какъ „дикъ“ былъ взоръ Пушкина отъ страшныхъ мученій, какъ глаза его „готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ“ [3]),—и, наконецъ, даже, что *думалъ* и *чувствовалъ* императоръ Николай ночью (въ которую ночь?) во время страданій поэта!

Г. В. Никольскій увѣренъ, что умирающій Пушкинъ былъ всѣми своими помыслами у Императора Николая,—свящ. Зеленецкій увѣренъ, что Императоръ былъ въ это время у Пушкина! Не излишни ли всѣ эти предположенія, ничѣмъ не доказуемыя?

На ту же тему слово свящ. Стеллецкаго [4]). Небольшое по объему (2 стр.), оно посвящено выясненію величія смерти поэта, искупившей его грѣшную жизнь.

Въ основаніе рѣчи свящ. Миловидова [5]) положена мысль, что для поэта „христіанская любовь къ нему, какъ нашему брату во Христѣ—вотъ та благодарность, которая будетъ для него дороже какихъ бы то ни было чествованій“ [6]). Оттого молитва за него— выраженіе почтенія къ его памяти, тѣмъ болѣе, что молиться за него надо, какъ за человѣка, „часто заблуждавшагося“.

Слово свящ. Коноплева рисуетъ намъ поэта, какъ „послушнаго

---

[1]) Свящ. *І. І. Троицкій*, „Что располагаетъ насъ къ молитвѣ объ упокоеніи А. С. Пушкина“. („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. окр. ч. II, 192).

[2]) Свящ. *А. К. Зеленецкій*, „О послѣднихъ дняхъ жизни А. С. Пушкина, какъ христіанина“. (Тамъ же, 231).

[3]) Тамъ же, 234.

[4]) Священникъ *Н. С. Стеллецкій*, „О христіанской кончинѣ Пушкина“. (Тамъ же, 485).

[5]) Свящ. *А. І. Миловидовъ*, „Молитва за А. С. Пушкина, какъ выраженіе почтенія къ памяти его“. (Тамъ же, ч. III, 7).

[6]) Тамъ же, 7.

сына святой церкви православной“ и „вѣрноподданнаго сына“ „царя православнаго“ [1]).

Свящ. Нефедьевъ въ рѣчи своей [2]) очертилъ духовную жизнь поэта, признавъ въ ней ту борьбу съ плотью, на которую обреченъ всякій христіанинъ, „взявшій крестъ свой“. Эта борьба привела къ побѣдѣ, и потому жизнь великаго поэта „съ нравственно христіанской точки зрѣнія представляетъ намъ прекрасное назиданіе“.

Свящ. Соколовъ выяснилъ религіозныя настроенія А. С. Пушкина [3]). Передъ нами бѣглый очеркъ главнѣйшихъ произведеній поэта, которыя касаются вопросовъ вѣры, загробной жизни, смысла земной,— изъ этихъ взглядовъ складывается у автора пониманіе самого поэта.

Свящ. Бѣловидовъ выяснилъ воспитательное значеніе поэзіи Пушкина съ церковной точки зрѣнія [4]). Ораторъ берется доказать, что Пушкинъ былъ „учителемъ набожности и нравственной чистоты“ [5]). Для доказательства онъ цитуетъ рѣчи Пимена къ Григорію Отрепьеву, рѣчи Бориса Годунова къ Ѳеодору, мысли Кочубея о покаяніи и смерти, — между тѣмъ, все это — осколки *объективнаго* творчества, и напрасно ими такъ широко пользуется авторъ. Факты изъ жизни поэта тоже не подтверждаютъ мнѣній свящ. Бѣловидова о набожности поэта, не ограниченной эпохами его жизни.

Прекрасно по содержанію и настроенію слово г. Страхова, произнесенное имъ при поминовеніи А. С. Пушкина [6]). Назначеніе поэта увидѣлъ онъ въ раскрытіи передъ людьми „тайнъ Божіихъ, заключенныхъ въ природѣ и жизни“, а также въ способности „глаголами своими жечь сердца людей“ [7]). Правда, не всегда оставался вѣренъ пѣвецъ своему высокому призванію. — „но утѣшительно то, что поэтъ нашъ, при всѣхъ слабостяхъ и увлеченіяхъ, по натурѣ

---

[1]) Свящ. *Н. А. Кономлевъ*, „Слово“. (Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина 27-го мая 1899. Харьковъ 1900, стр. 6).

[2]) Свящ. *А. Нефедьевъ*, „Кончина А. С. Пушкина“ (Кумскій, „Памяти П—на“. Сб. Кавк. Уч. Окр. 110).

[3]) Свящ. *Соколовъ*, „Религіозная сторона произведеній А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 157).

[4]) Свящ. *П. Бѣловидовъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“. (Тамъ же, 181).

[5]) Тамъ же, 185.

[6]) *Викторъ Страховъ*, „Слово при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтней годовщины его рожденія“, 26-го мая 1899 г. („Слово и рѣчи въ день 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина“, 26-го мая).

[7]) Тамъ же, 4.

всегда оставался искреннимъ, добрымъ, благороднымъ и великодушнымъ человѣкомъ“ [1]). „Въ душѣ поэта хранился неистощимый источникъ той горячей и чистой любви, ради которой многое прощается заблуждающемуся, но кающемуся“ [2]). Г. Страховъ послѣ общей характеристики поэта останавливается на разсмотрѣніи высокихъ мотивовъ пушкинской поэзіи: „среди чуждыхъ приражений (?) въ его произведеніяхъ, говоритъ онъ, ясно видно мерцаніе высшаго божественнаго свѣта, какъ требованіе укрощенія личныхъ страстей и какъ указаніе на то, что для достиженія душевной свободы необходимъ подвигъ личнаго самоусовершенствованія, или же какъ порицаніе эгоизма и страсти, наряду съ признаніемъ святости семейныхъ узъ и непоколебимымъ сознаніемъ долга. Эти мерцанія божественнаго свѣта, все болѣе и болѣе разгораясь, дѣлаются затѣмъ яркимъ свѣточемъ, при помощи котораго поэтъ силою своего творчества освѣщаетъ русскую жизнь, русскую душу, и все это оживляетъ дивнымъ поэтическимъ блескомъ, сообщая въ то же время родному языку такую яркость красокъ и гармонію, такую силу и выразительность, какихъ не было и въ вѣщаніяхъ языковъ чуждыхъ, издавна образованныхъ [3]). Приведенныя нами цитаты даютъ нѣкоторое представленіе о литературной сторонѣ рѣчи г. Страхова: не давая ничего новаго, она представляетъ изъ себя одно изъ лучшихъ произведеній церковной юбилейной литературы.

Также останавливаетъ на себѣ вниманіе прекрасное по содержательности и настроенію слово г. Малинина, сказанное передъ панихидою 26-го мая 1899 г. въ церкви Кіево-Братскаго монастыря [4]). Передъ нами характеристика Пушкина и его поэзіи, выясненіе высокаго значенія поэта, безъ всякихъ „но“, „блудныхъ сыновъ“ и „кающихся разбойниковъ“, которыми богаты рѣчи большинства нашихъ пастырей.

Свящ. А. С. [5]) въ своей краткой рѣчи отмѣтилъ вѣрно нѣкоторыя особенности пушкинской дѣятельности. Напрасно только онъ про-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 5.

[4]) *В. Н. Малининъ*, „Слово, сказанное въ церкви Кіево-Братскаго монастыря, 26-го мая 1899 г. предъ панихидою, совершенною по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина“ (*Труды Кіевской Дух. Академіи*, 1899, № 6, 196).

[5]) *А. С.*, „Двѣ рѣчи въ 100-лѣтнюю годовщину со времени рожденія Императора Николая I и А. С. Пушкина“. Спб. 1900.

извелъ какой-то смотръ Ломоносову, Державину и Пушкину „въ религіозномъ отношеніи", при чемъ поставилъ ихъ обоихъ выше Пушкина!

Свящ. Парѳеньевъ началъ свое „Слово" [1]) съ указанія, за кого молится и за кого не молится Св. Церковь, подробно выяснилъ преступное значеніе поединка, перешелъ къ „блудному сыну" Церкви А. С. Пушкину, очертилъ бѣгло его духовный обликъ и, отмѣтивъ его христіанскую кончину, пригласилъ своихъ слушателей помолиться за его душу.

Въ „Курскомъ Листкѣ" перепечатана краткая, но сильная и теплая рѣчь высокопреосвященнаго Макарія, сказанная еще въ 1880 г. [2]).

Очень интересна рѣчь свящ. Восторгова [3]). Это прекрасное слово обличаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ произведеніями Пушкина, а также человѣка понимающаго и любящаго поэзію. Образъ поэта, вышедшій изъ подъ пера свящ. Восторгова, чистъ и возвышенъ. „На отрицательную сторону жизни и дѣятельности поэта, говоритъ онъ, обращали больше, чѣмъ надо, вниманія, такъ что, можно сказать, и съ этой стороны слухъ о немъ прошелъ по всей Руси великой и окружающее его и музу его туманное облако непониманія, недоумѣнія и клеветы не совсѣмъ еще разсѣялось и донынѣ" [4]). „Нашлись и находятся особые любители, которые съ рвеніемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, обходя въ поэтѣ вѣчное и достойное, а часто не зная его, съ особымъ наслажденіемъ подчеркивали его слабости и недостатки, съ непонятною радостью утверждали, что поэтъ былъ и ненадежнымъ христіаниномъ и ненадежнымъ сыномъ отечества" [5]). Авторъ не закрываетъ глазъ на „темныя пятна" въ жизни и дѣятельности поэта, но „грѣхи Давида, отреченіе Петра, гонительство Павла, грѣховность Маріи Египетской и Евдокіи преподобной" не помѣшали, въ концѣ концовъ, ихъ святости. „Великихъ поминаютъ за ихъ труды, за славу,

---

[1]) Свящ. *Андрей Парѳеньевъ*. „Слово въ день поминовенія Александра Сергѣевича Пушкина" (отт. изъ № 14 *Кишин. Епарх. Вѣд.* за 1899 г.).

[2]) „Къ панихидѣ на 26-е мая". „О чемъ нужно русскимъ людямъ помолиться". Рѣчь на открытіе памятника А. С. Пушкину, сказанная послѣ панихиды о немъ высокопреосвященнымъ *Макаріемъ*, митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ 6-го іюня 1880 года (*Церк. Вѣстн.* 1880. № 24, изъ прилож. *Курскаго Листка*).

[3]) Свящ. *І. Восторговъ*, „Вѣчная память, рѣчь при поминовеніи великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина въ день столѣтняго юбилея со дня его рожденія". („Кавказская поминка о Пушкинѣ"—26-го мая 1799—26-го мая 1899 Изд. ред. газеты *Кавказъ*, Тифлисъ, 1899).

[4]) Тамъ же, V—VI.

[5]) Тамъ же, VI.

за добро, а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смущенно (смиренно!) умоляютъ"—вотъ точка зрѣнія автора. Доказываетъ онъ далѣе, что Пушкинъ былъ и христіаниномъ, и истинно-русскимъ человѣкомъ, и заключаетъ такими словами: „пусть то, что сѣялъ онъ въ плоть—по немощи его, по грѣховности—отъ плоти пожнетъ смерть и тлѣніе и въ памяти людской пусть будетъ забыто и похоронено. А то, что сѣялъ онъ въ духѣ—разумное, духовное, вѣчное—пусть склонитъ къ нему милость Предвѣчнаго, пусть отъ духа ему пожнетъ жизнь вѣчную и среди людей дастъ ему вѣчную память" [1])!

Кромѣ этого слова, свящ. І. Восторговъ о Пушкинѣ говорилъ еще два раза: 1) въ церкви Тифлисской 1-й великой княгини Ольги Ѳеодоровны женской гимназіи [2]) и 2) на молебствіи при выпускѣ воспитанницъ той же гимназіи 12-го іюля 1899 года [3]). Впрочемъ Пушкинъ въ этихъ двухъ рѣчахъ играетъ вторую роль, а потому разсматривать подробнѣе этихъ рѣчей мы не будемъ.

Очень благопріятное впечатлѣніе производитъ работа г. Введенскаго [4]). Передъ нами серьезная работа, основанная на изученіи жизни поэта и его твореній. Авторъ въ предисловіи обѣщалъ дать „свой опытъ" выясненія религіозныхъ идеаловъ Пушкина,—работа г. В. В. Никольскаго не удовлетворяетъ его потому, что тотъ поставилъ свою тему шире и вопросу о религіозныхъ идеалахъ Пушкина посвятилъ только 7 страницъ; пресловутое произведеніе архіепископа Никанора: „Бесѣда въ недѣлю блуднаго сына при поминовеніи раба Божія Александра" (поэта Пушкина) вызываетъ справедливый упрекъ автора: „преосвященный Никаноръ занялся сопоставленіемъ Пушкина съ евангельскимъ образомъ блуднаго сына, и потому религіозные взгляды поэта во многихъ мѣстахъ „Бесѣды" получаютъ не вполнѣ естественное (!!) толкованіе" [5]). Самъ авторъ избираетъ другой путь: онъ даетъ намъ подробную, надо признать, живую и талантливую біографію поэта, при чемъ старается уловить въ ней всѣ черты, относящіяся къ религіозности Пушкина. Надо сознаться, что онъ дѣлаетъ это до того добросовѣстно, что сперва никакихъ чертъ не находитъ. кромѣ предположе-

---

[1]) Тамъ же, XIX—XX.

[2]) Свящ. *І. Восторговъ*, „Слово въ праздникъ Вознесенія Господня, 27-го мая 1899 г." („Памяти Пушкина", Сбор. Кавк. уч. окр., 26).

[3]) Его же, рѣчь на молебствіи (тамъ же).

[4]) *С. Введенскій*, „Религіозные идеалы А. С. Пушкина". (*Правосл. Собес.* 1899, № 7—8, 12; есть отд. оттискъ).

[5]) Тамъ же, 4.

нія о вліяніи на ребенка его законоучителя Бѣликова, да смутно-религіозныхъ чувствъ его няни. Лицейская жизнь не даетъ г. Введенскому ничего, кромѣ стихотворенія „Безвѣріе", написаннаго для выпускнаго экзамена. Напрасно, впрочемъ, онъ придаетъ этому произведенію большое значеніе: это—отрыжка XVIII вѣка съ его модой въ учебныхъ заведеніяхъ восхвалять устами питомцевъ „добродѣтель" въ разныхъ ея видахъ,—все это писалось по заказу,—таково же и стихотвореніе Пушкина холодное и риторичное. Тѣмъ болѣе страненъ выводъ автора изъ наблюденій надъ первымъ періодомъ жизни поэта: „не смотря на раннія увлеченія, вѣра жила въ его сердцѣ, хотя въ формѣ смутной, какъ „души неясный идеалъ" [1]). Второй періодъ жизни поэта даетъ автору сначала только эпиграммы на Голицына и Фотія. Изъ нихъ г. Введенскій дѣлаетъ заключеніе, что, обличая мистицизмъ и фанатизмъ, Пушкинъ этимъ самымъ доказывалъ, что въ его душѣ живетъ высокій идеалъ настоящей религіи. Но не можетъ ли это доказывать, съ другой стороны, что Пушкинъ былъ въ то время вполнѣ равнодушенъ къ религіи, но всякія уродства замѣчалъ и ихъ высмѣивалъ. Жизнь въ Михайловскомъ, несомнѣнно, пробудила его интересъ къ религіознымъ красотамъ, а третій періодъ, пожалуй, можетъ дать факты, до нѣкоторой степени свидѣтельствующіе, что у Пушкина дѣйствительно начали складываться религіозные идеалы. Возможно, что та „человѣчность", которой онъ служилъ при жизни, сблизила его съ Евангеліемъ, этимъ высокимъ гимномъ именно чистой человѣчности. Г. Введенскій ничего не говоритъ намъ о „церковности" Пушкина, о „русскомъ народѣ", и онъ правъ. Жаль только, что онъ хочетъ доказать, что вѣра жила въ душѣ Пушкина „съ дѣтства". Конечно, нельзя давать большого значенія всѣмъ его кощунственнымъ произведеніямъ въ смыслѣ показателя его „убѣжденій", — они прошли всѣ, такъ сказать, по верху, не касаясь глубинъ пушкинской души,—но едва-ли будетъ легко доказать и то, что въ глубинахъ этихъ всегда жила вѣра. На нашъ взглядъ, Пушкинъ сначала былъ индифферентенъ къ этимъ высокимъ запросамъ духа, потомъ подошелъ къ св. книгамъ, какъ художникъ, и кончилъ жизнь, какъ христіанинъ, все полюбившій и всему простившій.

Г. Рункевичъ въ своей статьѣ [2]) задался цѣлью указать тѣ мѣста

---

[1]) Тамъ же, 26.

[2]) *С. Г. Рункевичъ*, „Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина" (*Христіанское Чтеніе*, 1899, V выпускъ; есть отдѣльные оттиски).

у Пушкина, гдѣ онъ говоритъ о „священникахъ", упоминаетъ о „Богѣ", о „семинаристахъ", о говѣніи, молебнахъ, говоритъ: „Христосъ съ вами"—или: „дай Богъ" etc. Все это годится автору для указанія „религіозныхъ мотивовъ" въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Авторъ исходитъ изъ убѣжденія, ни на чемъ, конечно, не основаннаго, что поэтъ былъ „воспитанъ въ правилахъ религіи"; онъ увѣренъ, что за „атеизмъ" пострадалъ Пушкинъ „для совершеннаго искупленія своего напускнаго грѣха" [1]). До какихъ курьезовъ доходитъ онъ, видно, хотя бы, изъ слѣдующаго: перечисляя „религіозные мотивы", онъ добросовѣстно упоминаетъ и о томъ, какъ на одной попойкѣ Пушкинъ собирался говорить „на счетъ *небеснаго царя*, и на счетъ земнаго" [2]); упоминаетъ о „*святомъ монахѣ*, полюбившемъ русалку и утопившемся [3]); попадаетъ у г. Рункевича въ „религіозные мотивы" и „балъ въ *геенѣ*" [4]), и „*патріархъ*" изъ Бориса Годунова, и *юродивый*, и планы Пушкина о „преобразованіи *семинаріи*", и „*попъ* нахмуренный", и „*попъ* убогій" [5]), и много всякой всячины. Любопытно, что понимаетъ подъ „религіозностью" вообще г. Рункевичъ, рѣшившійся судить поэта съ этой точки зрѣнія?

Г. Владимірскій посвящаетъ тому же вопросу свою статью: „Отраженія религіознаго настроенія въ поэзіи Пушкина" [6]). Передъ нами подборъ отрывковъ изъ Пушкина и толкованія автора, усиленно во всемъ видящаго религіозныя тенденціи. Изъ „Пророка" онъ выводитъ назначеніе поэта быть глашатаемъ Бога, изъ „Черни" („Для звуковъ сладкихъ и *молитвъ*")—призваніе поэта возвышать мысль людей къ религіозному настроенію [7]). „Для береговъ отчизны дальней"—съ его своеобразной точки зрѣнія,—просто поэтическій образъ для выраженія религіозной идеи [8]). Въ основѣ „Бориса Годунова"—*религіозная* идея о праведномъ судѣ Божьемъ. „Пиръ во время чумы" насквозь проникнутъ мыслью о безсмертіи [9])... Не приводя болѣе натянутыхъ толкованій автора, отмѣтимъ, что почетное званіе „націо-

---

[1]) Тамъ же, 4.

[2]) Тамъ же, 11.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, 11.

[5]) Тамъ же, 16.

[6]) „Изъ циркуляра по Казанскому учебному округу", 1899, № 5; есть отдѣльный оттискъ.

[7]) Тамъ же, 9.

[8]) Тамъ же, 11.

[9]) Тамъ же, 16.

ального поэта" авторъ разрѣшаетъ дать Пушкину за *религіозность* его твореній.

Самымъ оригинальнымъ на пушкинскомъ юбилеѣ было слово протоіерея Соколова [1]). Оно обошло крупные журналы и газеты и, конечно, создало автору нѣкоторую славу.

Безспорно, одной изъ наиболѣе цѣнныхъ работъ пушкинской юбилейной литературы надо признать рѣчь г. Кони, посвященную выясненію общественныхъ взглядовъ А. С. Пушкина [2]). Съ всепобѣждающей силой краснорѣчія и логики авторъ рисуетъ, шагъ за шагомъ, грандіозную картину пушкинскаго міросозерцанія. Ни одно мгновенное восклицаніе поэта, ни одна фраза его не пропадаетъ даромъ,—все подъ мастерской рукой опытнаго художника попадаетъ на свое мѣсто въ его широко написанной картинѣ. Признаемся, стройность, логичность, скажемъ даже, холодная ясность рисунка на этой картинѣ заставляютъ подозрѣвать, все-ли въ ней благополучно. Вѣдь изъ того же Пушкина дѣлаютъ выдержки съ полнымъ убѣжденіемъ люди другихъ взглядовъ, нежели г. Кони! Мы не говоримъ, что они всегда правы, но они искренне думаютъ, что правы,—слѣдовательно, есть въ воззрѣніяхъ поэта какая-то неясность, позволяющая произвольно толковать нѣкоторыя его творенія. Вотъ почему нельзя,

---

[1]) „Всѣ мы здѣсь собрались,—сказалъ майкопскій златоустъ 1.200 дѣтямъ,—помолиться о рабѣ Божіемъ Александрѣ. Знаете, кто былъ этотъ рабъ Божій Александръ! Это былъ поэтъ. Онъ всю жизнь свою пѣлъ пѣсни и многія изъ нихъ безнравственныя, о которыхъ самъ потомъ жалѣлъ. Смѣемъ-ли мы молиться за такого человѣка? Да—смѣемъ; христіанская церковь, какъ любящая мать, всѣхъ пріемлетъ къ себѣ и позволяетъ молиться за падшихъ сыновъ своихъ. И разбойникъ на крестѣ покаялся и былъ прощенъ. Итакъ онъ пѣлъ пѣсни, рабъ Божій Александръ. И вы, дѣти, воспитываетесь въ школѣ на этихъ пѣсняхъ, а, между тѣмъ, о многихъ изъ нихъ онъ самъ хотѣлъ, чтобы онѣ канули въ Лету. Только неучи, недоучки, недоросли могутъ приходить въ восхищеніе отъ такой сказки, какъ сказка о работникѣ Балдѣ. И эту сказку читаютъ иные педагоги въ школахъ. Только развѣ это педагоги—это наемники, продажные, которыхъ на порогъ школы не слѣдуетъ пускать. Пушкинъ умеръ христіаниномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ священникъ, напутствовавшій его, который говорилъ: „вотъ истинно христіанская кончина, я бы желалъ, чтобы всѣ такъ умирали". Умеръ Пушкинъ христіаниномъ по желанію царя(!!), который послалъ ему священника. Помолимся же, дѣти, о рабѣ Божіемъ Александрѣ; молитесь о немъ постоянно и вездѣ; онъ сильно нуждается въ вашихъ чистыхъ дѣтскихъ молитвахъ" (Фаресовъ, op. cit., 61).

[2]) *А. Ѳ. Кони*, „Общественные взгляды А. С. Пушкина" („Чествованіе памяти А. С. Пушкина Императорской Академіей Наукъ"; есть отдѣльные оттиски).

намъ кажется, не оговориться, что Пушкинъ былъ въ свое время, хотя и „умнѣйшій человѣкъ въ Россіи“, но, все-таки, поэтъ, а не философъ-юристъ...

Пушкина почтенный авторъ называетъ „великимъ явленіемъ жизни русской“. Но великія явленія, продолжаетъ онъ, какъ въ области нравственной природы, такъ и въ области физической имѣютъ одно общее сходство: про нихъ никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно [1]). Оттого въ духовной природѣ Пушкина, „по мѣрѣ созрѣванія и расширенія русской мысли, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства со всѣмъ, что къ нему относится, открываются все новые горизонты“ [2]). Приступая къ Пушкину, г. Кони считаетъ должнымъ остановиться на его нравственныхъ и правовыхъ взглядахъ. „Пушкинъ былъ исполненъ чувства и исканія правды. Но правда проявляется въ искренности въ *отношеніяхъ* къ людямъ, въ *справедливости* въ дѣйствіяхъ съ ними“. Разъ дѣло идетъ объ отношеніи цѣлаго общества къ сочленамъ,—правда выражается въ *законодательствѣ* и *правосудіи*. „Право и нравственность не суть чуждыя или противоположныя одно другому понятія“ [3]). Источникъ у нихъ общій, различіе заключается „въ принудительной обязательности права“ и „свободной осуществимости нравственности“.—„отсюда связь правовыхъ воззрѣній съ нравственными идеалами“ [4]). Право имѣетъ „писанный кодексъ“,—нравственность зависитъ отъ голоса „совѣсти“. Голосъ совѣсти у многихъ людей связанъ съ вѣрой. Выводъ изъ этого введенія таковъ: говоря о правовыхъ воззрѣніяхъ Пушкина, мы должны ознакомиться съ его нравственными, а, слѣдовательно, и религіозными воззрѣніями.

Изъ нѣсколькихъ вольнодумныхъ стихотвореній Пушкина нельзя выводить его невѣрія. До 22 лѣтъ Пушкинъ находился въ періодѣ „скитанія мыслей“,—затѣмъ онъ переходитъ къ вѣрѣ. Къ христіанству Пушкинъ относился, какъ *мыслитель*: „Весь законъ въ нѣсколькихъ словахъ, сказалъ онъ Баранту: здѣсь только одна, единственная великая сила—любовь!“ [5]),—и какъ *историкъ*, признававшій великое культурно-историческое значеніе его. Въ отношеніяхъ къ людямъ въ немъ не было себялюбія и эгоизма, такъ какъ его личность „дышитъ

---

[1]) Тамъ же, 34.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 35.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, 38.

добротою и дѣятельною любовью. Голосъ „кроткой жалости“ слышится не только на страницахъ его произведеній, но и въ порывахъ его сердца“ [1]). Онъ чуждъ мелочнаго чувства ревности къ успѣху собратій по перу: завидовать онъ не умѣлъ; особое значеніе придавалъ дружбѣ. Таково отношеніе Пушкина къ людямъ. Въ отношеніи къ себѣ онъ былъ строгъ: „чуткою душой своей Пушкинъ не могъ не сознавать, что лишь упорный и серьезный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе“ [2]). Любовью къ труду была проникнута вся его жизнь. И любовь къ правдѣ царитъ въ его трудѣ. Оттого онъ, человѣкъ правдивый и искренній, цѣнилъ „цѣльныхъ“ людей и „цѣльныя“ чувства. Свою любовь къ правдѣ онъ перенесъ и въ свои историческіе труды. Онъ не ослѣплялся чувствомъ привязанности къ Петру и Россіи: ему былъ чуждъ узкій патріотизмъ, — „указывая на терпимость къ чужому, какъ на одну изъ прекрасныхъ сторонъ простого русскаго человѣка, онъ говорилъ о необходимости уваженія къ *человѣчеству* и къ его благороднымъ стремленіямъ“ [3]). Правдивый ко всѣмъ, онъ строгъ былъ къ себѣ. Рано опредѣлилъ онъ взглядъ свой на правосудіе и законодательство. Онъ „желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободою, желалъ видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія“ [4]). Свобода мысли и слова, требованія строгой обдуманности и человѣчности закона, истинной справедливости, борьба съ крѣпостнымъ правомъ,—вотъ его завѣты. Психологія преступленія его тоже интересовала: онъ выяснилъ значеніе совѣсти для человѣка, прослѣдилъ процессъ назрѣванія преступленія. Онъ высказался о современномъ ему судѣ и нарисовалъ идеальный, въ которомъ кромѣ справедливости отводилъ мѣсто милости и прощенію. Чуждый вражды и злобы, онъ увлекался войной только лишь въ угарѣ 1812 года, да въ эпоху возстанія Греціи. Въ отношеніяхъ къ современному обществу Пушкинъ былъ поставленъ въ трудное положеніе: самъ поэтъ находилъ, что „конечно, презирать не трудно отдѣльно каждаго глупца, но—чудно! всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно!“ [5]),—отсюда его двойственное зависимое положеніе въ обще-

[1]) Тамъ же, 42.
[2]) Тамъ же, 45.
[3]) Тамъ же, 49.
[4]) Тамъ же, 51.
[5]) Тамъ же, 63.

ствѣ, ниже его стоявшемъ въ духовномъ отношеніи. Презирая „чернь“ умственную и нравственную, онъ продолжалъ служить всему народу, предъ которымъ преклонялся. Его высокіе взгляды на семейную жизнь не нашли оправданія въ дѣйствительности. Его идеалы служителя народу столкнулись съ „коварной и лицемѣрной дружбой (?) того, кому былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ“ [1]), и этотъ посредникъ между тономъ и „эхомъ“ русскаго народа держалъ его, „какъ Прометея, прикованнаго къ сырой и холодной петербургской скалѣ, и предоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: „пора! пора! покоя сердце проситъ“ [2]).

Наконецъ, сознательно и энергично требовалъ Пушкинъ просвѣщенія русскому народу. Заканчиваетъ свою блестящую рѣчь г. Кони широкими аккордами. Говоря о дняхъ 1880 года, онъ восклицаетъ: „тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія. Въ забытьи послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: „Ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше!“... И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его... И, кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ Академіи Наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ, живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ,—и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва. Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые плѣнительные лучи...“

Проф. Назимовъ обрисовалъ намъ „общественные идеалы Пушкина“ [3]). Передъ нами цѣнная характеристика русскаго общества пушкинской эпохи и выясненіе его, какъ „эха“ этого общества. Авторъ говоритъ о значеніи „естественнаго права“ въ міросозерцаніи людей XVIII и начала XIX вѣка и видитъ въ Пушкинѣ его поклонника. Впрочемъ, уже „Цыгане знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ творчествѣ Пушкина. Онъ оставляетъ мечты о

---

[1]) Тамъ же, 67.

[2]) Тамъ же.

[3]) *А. Е. Назимовъ*, „Общественные идеалы А. С. Пушкина“ (*„Пушкинскіе дни въ Одессѣ“*, Сборникъ Новороссійскаго университета).

естественномъ правѣ и естественномъ состояніи человѣка и начинаетъ смотрѣть на общественные вопросы съ исторической точки зрѣнія; беретъ свои сюжеты изъ дѣйствительной русской жизни и изъ русской исторіи. Другими словами, Пушкинъ переживаетъ тотъ же процессъ мысли, который характеризуетъ научную эволюцію начала XIX вѣка" [1]). Съ этихъ поръ герои Пушкина стараются отстоять свою независимость среди общества,—съ этой точки зрѣнія объясняетъ авторъ Онѣгина: „на характерѣ героя поэмы отразилась основная черта характера Пушкина—его душевное благородство,—...оно органически связано съ чувствами общественной независимости" [2]). „Дворянство", съ которымъ носился Пушкинъ, объясняется авторомъ, какъ единственное, съ точки зрѣнія Пушкина, средство къ сохраненію своей независимости. Поэтъ придавалъ этой силѣ не только значеніе лично для себя, человѣка нечиновнаго, но и для русской исторіи, видя въ дворянствѣ культурно-историческую силу, за которой будущее [3]). Проф. Назимовъ вообще считаетъ Пушкина до конца его дней далекимъ отъ „офиціальнаго оптимизма" и въ „Исторіи села Горохина" готовъ видѣть не одну пародію на современные поэту историческіе труды, но и выраженіе воззрѣній поэта на все прошлое русской земли. „Пушкинъ достигъ апогея своего интеллектуальнаго развитія, когда писалъ „Исторію села Горохина". Въ полной силѣ своего таланта, свободный отъ исторической фальши, онъ стоялъ въ глубокомъ раздумьѣ передъ жизнью русскаго народа" [4]). Въ этомъ произведеніи авторъ видитъ „проблескъ геніальной мысли", ключъ отъ которой потерянъ для насъ: „Пушкинъ унесъ съ собою свою тайну" [5]).

Рѣчь проф. Будде [6]) начинается съ указанія на то, что Пушкинъ еще не можетъ быть названъ національнымъ нашимъ писателемъ, такъ какъ для простого народа онъ еще не доступенъ. Затѣмъ авторъ разбираетъ тѣ стихотворенія, которыми завоевалъ Пушкинъ права на общую благодарность всего русскаго народа. Изъ этого разбора естественно вытекаетъ характеристика Пушкина, какъ

---

[1]) Тамъ же, 62—3.

[2]) Тамъ же, 66.

[3]) Тамъ же, 67.

[4]) Тамъ же, 70.

[5]) Тамъ же, 71.

[6]) Проф. *Евг. Будде*, „А. С. Пушкинъ въ борьбѣ за права русскаго гражданина" („Рѣчь, читанная на торжественномъ собраніи Казанскаго университета", *Русская Мысль*, 1900 г. № 10, 130).

друга человѣчества, искренняго и свободнаго пѣвца, боровшагося за свободу мысли и слова, защитника права гражданскаго и чувства собственнаго достоинства, воспѣвавшаго милость къ падшимъ и чувства добрыя. „Пушкинъ, говоритъ авторъ, давалъ искренній совѣтъ поэту не дорожить любовью народною, такъ какъ въ то время, когда онъ жилъ, эта любовь не была еще любовью, не была еще искренней и сознательной у самого народа, т. е. „непросвѣщенной толпы“ [1]). Кромѣ того, онъ всегда былъ „полонъ чувства собственнаго достоинства, которое онъ не безъ риска для себя отстаивалъ всю свою жизнь предъ глазами всего отечества и которое онъ завѣщалъ своею дѣятельностью всякому русскому гражданину“ [2]). Любопытно сопоставленіе „Наказа“ съ одой „Вольность“ [3]), доказывающее, что произведеніе Пушкина есть, въ сущности, близкое переложеніе идей Екатерины. Увлекаясь этимъ сопоставленіемъ, г. Будде готовъ утверждать, что „вся дѣятельность Пушкина, которая выразилась въ его лирическихъ произведеніяхъ, сплошная защита правъ русскаго гражданина на законную свободу“ [4]). Это— „проповѣдь народнаго просвѣщенія, проповѣдь и свободы просвѣщенной“, и протестъ противъ беззаконія „барства дикаго и сильныхъ міра его времени!“ [5]). Едва ли такая характеристика лирики Пушкина можетъ быть признана удачной!

Интересна, хотя односторонняя работа г. Мякотина, посвященная анализу пушкинскихъ политическихъ убѣжденій [6]). Изъ скромныхъ рамокъ отчета о книгѣ Л. Н. Майкова („Пушкинъ“) статья г. Мякотина разрослась въ большую работу, написанную живо, съ увлеченіемъ, съ хорошимъ знаніемъ пушкинской литературы и умѣніемъ вѣрно схватывать существенное. Авторъ слѣдитъ за ростомъ политическихъ воззрѣній Пушкина съ его дѣтства. Широко и свободно рисуетъ онъ тотъ подъемъ самосознанія и патріотизма, которымъ отмѣчены въ исторіи русскаго общества годы юности поэта [7]). Свѣжестью блещетъ характеристика лицея и того „лицейскаго духа“,

---

[1]) Тамъ же, 139.
[2]) Тамъ же, 139.
[3]) Тамъ же. 141.
[4]) Тамъ же, 143.
[5]) Тамъ же.
[6]) *В. Мякотинъ*, „Изъ Пушкинской эпохи“ (*Сб. Русскаго Богатства*, 1899 г.).
[7]) Тамъ же, 192—4.

который своей свободой пугалъ людей павловскаго режима [1]). Совершенно правильно оцѣнено то странное положеніе Пушкина, въ какомъ онъ очутился по выходѣ изъ лицея, дѣля свои симпатіи между взбудораженною молодежью, будущими декабристами, и „степенными“ арзамассцами, либерализмъ которыхъ былъ только „приличнымъ“ [2]). Въ результатѣ, „при всей своей симпатіи къ освободительнымъ стремленіямъ эпохи, Пушкинъ не былъ охваченъ такимъ глубокимъ и, главное, такимъ безраздѣльнымъ увлеченіемъ общественными интересами, какое переживали нѣкоторые его сверстники. Въ его собственной природѣ, можетъ статься, слишкомъ преобладали художественные инстинкты, и слишкомъ сильна была жажда разнообразія жизненными впечатлѣніями“ [3]). Далѣе авторъ внимательно слѣдитъ за жизнью Пушкина на югѣ, выясняетъ отношенія поэта къ греческому возстанію, къ либераламъ южной арміи, говоритъ объ отношеніяхъ къ Раевскимъ, Бестужеву, Рылѣеву, о жизни поэта въ Михайловскомъ. Все это очерчено совершенно вѣрно, но новаго ничего мы здѣсь не встрѣтили. Гораздо интереснѣе выяснены отношенія Пушкина къ Имп. Николаю. „Нѣкоторые писатели, говоритъ г. Мякотинъ, утверждали, что Пушкинъ въ 1826 году совершилъ крутой поворотъ, перейдя въ лагерь, прямо противоположный тому, въ какомъ онъ находился раньше, при чемъ одни изъ нихъ относятся къ этому повороту съ безусловной похвалой, другіе же—напротивъ, съ осужденіемъ, видя въ немъ результатъ угодливости поэта. По мнѣнію другихъ критиковъ, Пушкинъ и въ Николаевскую эпоху сохранилъ гуманную и просвѣщенную основу своихъ убѣжденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ произошелъ рядъ очень крупныхъ и существенныхъ измѣненій, въ концѣ концовъ, далеко отведшихъ поэта отъ тѣхъ людей, съ которыми онъ нѣкогда стоялъ рядомъ въ качествѣ единомышленника. Существуетъ, наконецъ, и такое мнѣніе, — наименѣе, однако, распространенное — согласно которому Пушкинъ и въ послѣдній періодъ своей жизни не испыталъ никакой существенной перемѣны въ своихъ убѣжденіяхъ, а являлся выразителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ“ [4]). Г. Мякотинъ вѣрно опредѣляетъ границу между декабристами и Пушкинымъ: „онъ

---

[1]) См. „Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ и духѣ его“ (*Русская Старина*, 1897 г., № 4).

[2]) Тамъ же, 200. Характеристика движенія декабристовъ 201—3.

[3]) Тамъ же, 206.

[4]) Тамъ же, 222—3. (Мнѣніе г. Якушкина. См. ниже).

скорѣе сочувствующій, чѣмъ равноправный участникъ движенія — болѣе самъ подчинялся вліянію его, чѣмъ вліялъ на него“ [1]). Вторую половину этихъ утвержденій не мѣшало бы, впрочемъ, усилить: онъ не былъ не только равноправнымъ, но и вообще участникомъ движенія и уже, конечно, совсѣмъ не вліялъ на него. Далѣе г. Мякотинъ отмѣчаетъ чисто личную черту характера Пушкина, ту „благородную память сердца“, которая всегда заставляла его съ любовью, съ сердечнымъ участіемъ относиться къ пострадавшимъ друзьямъ (Кюхельбекеръ, Пущинъ). Общее гуманное направленіе на всю жизнь осталось при Пушкинѣ, но на этомъ фонѣ развились взгляды на конкретные случаи русской жизни, отличные отъ убѣжденій декабристовъ [2]). Пушкинъ рѣшился идти вмѣстѣ съ правительствомъ, и черезъ него вліять на русское просвѣщеніе [3]). Изъ этого желанія выводитъ г. Мякотинъ желаніе поэта сблизиться съ императоромъ, его „Стансы“ и житейскіе компромиссы. Но мечты Пушкина не оправдались,—изъ русскаго общества были вычеркнуты лучшіе люди, остальные притихли—общество потускнѣло, замерло... „Въ эту-то разрѣженную среду, съ ея поблѣднѣвшими красками и пониженнымъ пульсомъ жизни, вошелъ Пушкинъ [4]). Это уже не было то бодрое общество 20-хъ годовъ, изъ котораго былъ вырванъ Пушкинъ. Естественно, на впечатлительнаго поэта должна была угнетающе подѣйствовать новая среда. Къ тому же присоединился *личный* элементъ. Поэтъ былъ „подкупленъ лаской послѣ гоненій“. Отсюда идутъ „компромиссы“ — съ одной стороны,—и преклоненіе передъ „искусствомъ для искусства“ — съ другой. Дворянскіе предразсудки въ немъ усилились, начинается отрицаніе европейской цивилизаціи, интересъ къ освобожденію крѣпостныхъ слабѣетъ, отношеніе къ Радищеву мѣняется... Выводъ г. Мякотина: Пушкинъ „не былъ въ Николаевскую эпоху выразителемъ общественныхъ идей 20—30-хъ годовъ“ [5]),—хотя, все-таки, поэтъ, ушедшій въ безоблачную высь чистаго художественнаго творчества, писатель, пытавшійся примирить свои взгляды съ современною ему жизнью путемъ ряда уступокъ и компромиссовъ, великій художникъ оставался все-таки человѣкомъ слишкомъ безпокойнаго ума и слиш-

---

[1]) Тамъ же, 224.
[2]) Тамъ же, 228.
[3]) Тамъ же, 228.
[4]) Тамъ же, 229.
[5]) Тамъ же, 236.

комъ горячаго сердца для своего „жестокаго вѣка“ [1]). Мы изложили и цитовали интересную статью г. Мякотина такъ подробно для того, чтобы дать о ней болѣе ясное представленіе. Но насколько справедливо выяснилъ онъ отношенія поэта къ императору, настолько неправъ, повидимому, не признавая, что есть что-то повыше либеральныхъ идей, пріуроченныхъ къ опредѣленной эпохѣ. Онъ словно упрекаетъ Пушкина за то, что тотъ не былъ представителемъ общественныхъ идей 20 — 30-хъ годовъ. И, слава Богу, что не былъ! Можетъ быть, мы бы теперь и не поминали его, если бы онъ служилъ одной политикѣ! Какую цѣну имѣютъ, хотя бы, тѣ произведенія Мицкевича, въ которыхъ поэтъ побѣжденъ политикомъ! Пушкинъ не измѣнялъ идеямъ 20-хъ годовъ, — онъ *переросталъ* ихъ: крикливыя—„свобода, равенство, братство“ тускнѣли и меркли, когда передъ нимъ все опредѣленнѣе и ярче стало рисоваться другое божество—„человѣчность“, божество, которое незримо зрѣетъ гдѣ-то глубоко въ тайникахъ человѣческаго сердца, но, выросши, никогда не профанируется такъ, какъ легко доступныя компромиссамъ—„свобода, братство и равенство“! Затѣмъ другая коренная ошибка г. Мякотина заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ понять, что Пушкинъ— не простая единица, какъ, напримѣръ, заурядный, хотя и честный, и благородный Пущинъ, а натура художественная, организація которой и нервная, и психическая совсѣмъ иныя... Пушкинъ, впрочемъ, самъ не понялъ себя, когда, дѣйствительно, задумалъ вліять на правительство и русское общество путемъ публицистики. Какъ слабъ онъ въ своей запискѣ о воспитаніи! Чувствуется, что онъ не хозяинъ своихъ идей, словъ, фразъ, — онъ бредетъ съ завязанными глазами и спотыкается на каждомъ шагу. Его дѣло—жить образами. И въ этомъ отношеніи Пушкинъ поэтъ изъ поэтовъ, онъ даже свободнѣе Гете и Шиллера, такъ какъ тенденція въ немъ меньше, чѣмъ въ нихъ, такъ какъ самые различные образы слетались къ нему постоянно и отовсюду, и онъ воплощалъ ихъ въ дивныя формы. Мелькнетъ передъ нимъ „кинжалъ“, „свободы тайный стражъ“,—онъ рисуетъ рядъ величавыхъ образовъ и ореоломъ окружаетъ его, забывъ о разныхъ „властяхъ предержащихъ“... Мелькнетъ-ли идеализированный образъ царя — онъ, окрыленный, пишетъ свои „Стансы“... Покорный рабъ, съ ядомъ въ рукѣ умирающій у ногъ владыки — опять чудный образъ! — и онъ пишетъ свой „Анчаръ“, нисколько не заботясь о

[1]) Тамъ же, 237.

Бенкендорфахъ, о тѣхъ толкованіяхъ, которыя дадутъ этому произведенію либералы, радикалы, консерваторы... Онъ творилъ свободно, потому что вездѣ видѣлъ красоты, потому что духъ его былъ независимъ въ высокой степени, потому что не зналъ онъ заборовъ, которыми разгораживаютъ свое бытіе люди иного порядка, люди, конечно, часто и честные, и полезные... Вотъ почему ошибочнымъ кажется намъ говорить о политическихъ убѣжденіяхъ Пушкина, хвалить его или порицать. Можно говорить о настроеніяхъ современнаго ему общества и ловить въ его поэзіи отзвуки этихъ настроеній,—можно указать, какъ померкла эта чудная поэзія, когда жизнь тяжелымъ кольцомъ сдавила пѣвца...

Все то, что сказано нами г. Мякотину, можетъ быть сказано и г. Якушкину, который высказался по этому же вопросу въ рѣчи своей на майскомъ засѣданіи Общества любителей русской словесности [1]). а также въ перепечатанной имъ извѣстной статьѣ: „Радищевъ и Пушкинъ“ [2]). Цѣль статьи—защита Пушкина отъ обвиненія въ измѣнѣ юношескимъ убѣжденіямъ; авторъ доказываетъ, что до конца дней своихъ поэтъ остался тѣмъ же, только извѣрился въ средства, которыми могутъ быть осуществлены его политическія мечты. Статью Пушкина о Радищевѣ, по мнѣнію г. Якушкина, понимать надо какъ-то *иносказательно*, такъ какъ она написана „эзоповскимъ языкомъ“ съ цѣлью замаскировать передъ властями свои идеи. Вся статья г. Якушкина — это сплошной tour de force, едва-ли могущій кого нибудь убѣдить. Что же касается до того, нуждается-ли Пушкинъ въ такомъ „оправданіи“, мы говорили уже выше. На нашъ взглядъ, статья его о Радищевѣ—это такое же неудачное произведеніе, какъ и „записка о воспитаніи“,—здѣсь полное смѣшеніе точекъ зрѣнія: поэтъ судитъ Радищева и какъ художникъ, и какъ либералъ, и какъ консерваторъ, и какъ простой читатель,—и все это безъ всякой системы и порядка. Уловить сущность воззрѣній Пушкина по этой статьѣ нельзя,—онъ и ругаетъ Радищева и хвалитъ его, повидимому, за одно и то же. Вотъ почему старанія г. Якушкина „дешифрировать иносказательный языкъ“ [3]) поэта производятъ впечатлѣніе сложной казуистики, постоянно обличаемой словами самого Пушкина. Поэтому, думается намъ, отношенія Пушкина къ декабристамъ гораздо вѣрнѣе

---

[1]) „Общественные взгляды Пушкина“—рѣчь, къ сожалѣнію, не напечатанная.

[2]) *В. Я. Якушкинъ*. „О Пушкинѣ“, стр. 3. Москва, 1899. (Перепечатка изъ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос.“ 1886, кн. I).

[3]) Тамъ же, 30, 35.

редставлены у г. Мякотина,—для г. Якушкина Пушкинъ, повидиому, ничѣмъ не отличается отъ другихъ дѣятелей возстанія. Примиреніе поэта съ правительствомъ авторъ представляетъ какимъ то оговоромъ двухъ враждующихъ сторонъ,—едва ли это вѣрно. Даже лова Пушкина: „мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, гъ обхожденія *со мною* правительства“ [1])—фраза, ясно указывающая, то у поэта не было въ то время еще никакой опредѣленной програмы отношеній къ режиму, что онъ самъ сознавалъ, какъ измѣнивы эти *личныя* отношенія и какъ мало могъ онъ отвѣчать за себя,—га фраза для г. Якушкина обращается въ статью „договора“, при олкованіи которой отброшено главное—пониманіе души поэта. „Онъ гавитъ примиреніе въ зависимость отъ образа дѣйствій правительгва“ [2])... Прекрасно комментируетъ г. Якушкинъ „Стансы“ и другія гихотворенія, посвященныя Импер. Николаю, и не особенно убѣдительно сравниваетъ нашего поэта съ Гораціемъ. Самая сильная часть аботы г. Якушкина—это характеристика Радищева и его книги.

Проф. Казанскій посвятилъ свой очеркъ характеристикѣ Пушкина, какъ „общественнаго и государственнаго мыслителя“ [3]). Совершенно справедливо указалъ онъ, что „въ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ коснулся, такъ или иначе, всѣхъ сторонъ общественной изни Россіи: религія и вѣрованья русскаго народа, его нравственныя воззрѣнія и стремленія, общественныя отношенія, государственный строй, политика внутренняя и внѣшняя,—все нашло въ его оэзіи свое отраженіе“ [4]). Въ этихъ словахъ—вся программа статьи роф. П. Казанскаго: ссылками на сочиненія Пушкина онъ доказываетъ свои слова, объясняя разныя черты пушкинскаго облика условіями эпохи и жизни поэта. Передъ нами проходитъ Пушкинъ, какъ азумный поклонникъ русскаго народа („Я могу быть патріотомъ, не енавидя другихъ народовъ“—слова Пушкина), какъ пѣвецъ свободы, олитической и духовной, законности, какъ носитель дворянскихъ радицій, изобразитель духовенства и крестьянства. Выясняются его гношенія къ просвѣщенію, къ войнѣ и миру, къ польскому возстанію, ъ движенію Россіи на югъ, къ возстанію Греціи. Не согласиться со сѣмъ этимъ нельзя; для доказательства этихъ положеній проф. Ка-

[1]) Пушкинъ, соч., VII, 173.

[2]) *Якушкинъ*, op. cit. 54.

[3]) Проф. *П. Казанскій*. „Народно-освободительные взгляды Пушкина“ (Книжки *Недѣли*“, 1899, № 11).

[4]) Тамъ же, 183.

занскій пользуется данными, не представляющими новизны и не возбуждающими спора, но нельзя не упрекнуть автора за полное смѣшеніе хронологіи отзывовъ поэта о разныхъ вопросахъ русской общественности и государственности. Жаль также, что авторъ приписалъ стихотворенію „Деревня“ большое культурное вліяніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Извѣстно, что стихотвореніе это впервые напечатано въ 1870 году, а потому въ свое время могло быть лишь извѣстно друзьямъ поэта да немногимъ столичнымъ любителямъ литературныхъ рѣдкостей.

На страницахъ „Научнаго Обозрѣнія“ мы имѣемъ анонимную характеристику Пушкина, какъ общественнаго дѣятеля [1]). Авторъ касается всѣхъ общеизвѣстныхъ фактовъ изъ жизни поэта, цитуетъ всѣ либеральныя произведенія его, но, въ общемъ, грубо и угловато чертитъ образъ поэта: достается мимоходомъ и русскому обществу за духъ „Булгарина и Бенкендорфа“, сильно попадаетъ Владиміру Соловьеву, Писареву и Спасовичу. Выясненіе отношеній Пушкина и русскаго общества къ крѣпостничеству, польскому вопросу, Радищеву, разсказы о „мальчишескихъ“ выходкахъ Пушкина, о закладываньи имъ крестьянскихъ душъ,—все это странно перемѣшано съ біографическими фактами, съ его либеральными стихотвореніями.

Г. Божеряновъ разсказалъ своимъ читателямъ о любви Пушкина „къ народу, отечеству и государямъ“ [2]). Передъ нами семь листовъ о Пушкинѣ,—„взглядъ и нѣчто“, охватывающіе кругъ вопросовъ гораздо болѣе широкій, чѣмъ тотъ, что показанъ въ темѣ.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, изданіе „Московскихъ Вѣдомостей“: „Пушкинъ о вѣрѣ, царѣ и родинѣ“ [3]). Передъ нами подборъ тѣхъ мѣстъ изъ твореній Пушкина, которыя пришлись по вкусу московской консервативной газетѣ. Образъ поэта, конечно, самъ собой складывается очень опредѣленнымъ изъ такой подтасовки. Насколько онъ вѣренъ, вопросъ другой.

VI.

Историко-литературная оцѣнка дѣятельности Пушкина.

Общая оцѣнка дѣятельности Пушкина. Указаніе литературныхъ его заслугъ сдѣланы были уже въ рѣчахъ 1880 года. Уже тогда пер-

---

[1]) „Пушкинъ“ (*Научное Обозрѣніе*, 1899, № 6).

[2]) *Н. Н. Божеряновъ*, „Памяти Пушкина“, „Значеніе Пушкина, его любовь къ народу, отечеству и государямъ“, 1899.

[3]) Прибавленіе къ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*.

ыми русскими литераторами были подведены съ достаточною полотою итоги всему пушкинскому періоду русской литературы; если не о всѣми заключеніями ихъ можно согласиться, то все-таки, надо принать, что съ тѣхъ поръ едва-ли прибавились у насъ какія-нибудь важыя наблюденія надъ историческими слѣдствіями пушкинской дѣятельности. Вотъ почему многія работы 1899—1900 гг., посвященныя цѣнкѣ дѣятельности Пушкина, страдаютъ отсутствіемъ оригинальности и новизны. Разногласія у авторовъ почти нѣтъ, за то „общихъ ѣстъ“ у нихъ сколько угодно. Авторы (главнымъ образомъ, педагоги) бильно черпали содержаніе для своихъ работъ изъ Гоголя, Бѣлинкаго, Достоевскаго, а потому ихъ работы не только мало внесли оваго въ литературу о Пушкинѣ, но, къ сожалѣнію, обнаружили у ногихъ изъ нихъ неумѣніе отнестись критически къ идеямъ Бѣлинкаго, Достоевскаго и друг.

Обращаясь къ самымъ работамъ, остановимся прежде всего на статьѣ . Острогорскаго „Наканунѣ столѣтія“ [1]); несомнѣнно, она занимаетъ идное мѣсто въ юбилейной литературѣ. Г. Острогорскій, со свойственной ему теплотой, обращается къ русскому обществу, напоминая му о жизни и дѣятельности великаго поэта, приглашая достойно тпраздновать его юбилей. Къ сожалѣнію, наряду съ прекрасными, душевленными страницами встрѣчаемъ мы промахи, свидѣтельствующіе ли о недостаточномъ знаніи авторомъ исторіи русской литературы XVIII вѣка, или о непріятной наклонности его въ пылу увлеченія ѣлать невѣрныя обобщенія. Прежде всего поразятъ всякаго исто-ика такія слова: „и въ этомъ-то полуазіатскомъ обществѣ, вдругъ, олею неисповѣдимыхъ судебъ, нарождается невиданное доселѣ чудо— еній съ необычайно горячею кровью“. О значеніи XVIII вѣка мы оворили уже не разъ выше: Герценъ прекрасно охарактеризовалъ го, сказавъ, что Петръ сдѣлалъ вызовъ Россіи, ея генію, и Россія отвѣтила поэзіей Пушкина. И, дѣйствительно, XVIII вѣкъ былъ ой глубоко-содержательной эпохой, когда собирались и выяснились лементы, изъ которыхъ къ концу вѣка сложилась дѣятельность Пушкина.

Осуждая XVIII вѣкъ, г. Острогорскій исходитъ изъ ненаучной очки зрѣнія Бѣлинскаго. Какъ примѣръ крайнихъ увлеченій почтенаго автора, укажемъ, хотя бы, на его рѣзкую характеристику русскаго общества пушкинской эпохи, съ которой связаны лучшіе годы лександровскаго царствованія, а также невѣрное освѣщеніе лицей-

[1]) *Міръ Божій*, 1899, № 5.

ской жизни поэта (стр. 4), указаніе на то, что до Пушкина поэты „за исключеніемъ Жуковскаго, изображали по преимуществу міръ внѣшній“ (стр. 10), что „Сказанія“ Сахарова—„первый сборникъ народной поэзіи“ (стр. 11). Совершенно невѣрна, по своей тенденціозности, оцѣнка дѣятельности Майкова, Фета, Полонскаго, Тютчева (стр. 17). Нельзя не отмѣтить и противорѣчія въ толкованіи внутренняго облика поэта. Какъ примирить „постоянную вѣрность“ себѣ до самой смерти, отмѣченную на стр. 5, съ „неуравновѣшенностью, бѣшенствомъ натуры поэта“, качествомъ, отмѣченнымъ тамъ же 5-ю строчками ниже? На такихъ недоумѣніяхъ нельзя оставлять читателя.

Но, кромѣ этихъ промаховъ, остальное въ статьѣ представляетъ несомнѣнный интересъ и цѣнность. Мы можемъ, напримѣръ, отмѣтить страницы, гдѣ говорится о пониманіи Пушкинымъ Петра (стр. 9), о разнообразіи гуманныхъ мотивовъ въ поэзіи Пушкина (стр. 10), о связи послѣдующей литературы съ Пушкинымъ, о чествованіи поэта въ 1880 г. — какъ на такія, которыя, благодаря своей художественности и теплотѣ, представляютъ большую цѣнность.

Рѣчь г. Спасовича [1]) представляетъ изъ себя довольно нестройное собраніе замѣчаній касательно личности великаго русскаго поэта, его жизни и дѣятельности. Между этими замѣчаніями нѣкоторыя представляютъ безспорный интересъ, нѣкоторыя же вызываютъ удивленіе своею странностью. Откуда, напримѣръ, г. Спасовичъ взялъ, что содержаніе „Руслана и Людмилы“ взято изъ былинъ Владимірова цикла?! [2]). Зачѣмъ это вѣчное сравненіе съ Мицкевичемъ съ явной тенденціей унизить Пушкина [3])? Впрочемъ, ради Татьяны г. Спасовичъ готовъ почтить Пушкина такимъ признаніемъ: „Въ твореніяхъ Мицкевича нѣтъ ни одного такого удачнаго женскаго образа, какой созданъ Пуш-

---

[1]) *Вл. Спасовичъ*, „Столѣтняя годовщина Пушкина“ („Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“. Спб. 1899).

[2]) Тамъ же, 112.

[3]) Тамъ же, 108. Если, дѣйствительно, Мицкевичъ весь выразился въ „Конрадѣ Валленродѣ“—это не дѣлаетъ ему чести,—что же касается до „Пана Тадеуша“, то это произведеніе, въ которомъ блистаютъ искры дѣйствительно прекраснаго дарованія въ общемъ производитъ впечатлѣніе чего-то невыношеннаго; юморъ его, впадающій въ грубую карикатуру (Telemena, романтическая дѣвица), иногда и даже пейзажи (лѣсъ съ грибоискателями—„Podovieństwo grzyboDrania do przechadcki cienów elizejskich“. Кн. III) свидѣтельствуютъ о неровности художественнаго творчества автора. Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ является, конечно, бо́льшимъ художникомъ, такъ какъ въ его романѣ нѣтъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ бы творчество его ему измѣнило.

кинымъ, нарисовавшимъ въ „Онѣгинѣ“ Татьяну“ [1]). Даже „народность“ Пушкина авторъ доказываетъ, исходя изъ Мицкевича. До Пушкина авторъ не видитъ въ русской литературѣ ничего, кромѣ „ребяческой версификаціи“ [2]), а ниже, противорѣча себѣ, признаетъ, что „въ Пушкинѣ уже было все, подготовленное его предшественниками“ [3]). Къ хорошимъ сторонамъ работы г. Спасовича надо отнести вѣрное пониманіе нѣкоторыхъ чертъ характера поэта („золотое сердце“, впечатлительность, быстрое подчиненіе чувству и такая же скорая побѣда надъ этимъ чувствомъ, гармонія и эстетичность его духа, способность сливаться со средою), вѣрную оцѣнку поэзіи нашего поэта, которая, по его словамъ, заключаетъ всѣ свойства произведеній Моцарта: „столько въ ней свѣжести, молодости, такая влюбленность въ жизнь, такая свѣтлая жизнерадостность“ [4]). Вѣрно оцѣниваетъ г. Спасовичъ и стихотворенія: „Пророкъ“, „Чернь“, „Поэту“ [5]).

Впрочемъ, основная мысль рѣчи г. Спасовича едва-ли вѣрна: онъ хочетъ доказать, что Пушкинъ великъ только, какъ художникъ. Оттого, вѣроятно, и заключеніе его рѣчи таково: „изъ всѣхъ славянскихъ поэтовъ Пушкинъ по духу своей поэзіи болѣе всего приближается къ грекамъ, и лучше всѣхъ умѣлъ ощущать, любить и воспѣвать красоту. И за это (только за это?) да будетъ ему вѣчная честь и слава“.

Г. Айхенвальдъ [6]) далъ прекрасную характеристику поэзіи Пушкина, одну изъ лучшихъ во всей юбилейной литературѣ и по содержанію, и, особенно, по формѣ. Главное значеніе поэзіи видитъ авторъ въ ея „красотѣ“: „всюду,—говоритъ онъ,—гдѣ дышитъ художественная красота, таится и живительный родникъ добра“ [7]), „нравственное чувство растетъ и зрѣетъ и, вмѣстѣ съ красотою, сливается въ одно свѣтлое и неизгладимое впечатлѣніе, въ одинъ высокій образъ“ [8]). Пушкина г. Айхенвальдъ характеризуетъ, какъ поэта съ самыми широкими мотивами, одного изъ тѣхъ, что „соединяютъ въ своемъ геніи все разнообразіе человѣческихъ помысловъ, всю симфонію человѣче-

---

[1]) Тамъ же, 116.

[2]) Тамъ же, 95.

[3]) Тамъ же, 96.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же, 108.

[6]) *Ю. Айхенвальдъ*, „Пушкинъ, какъ воспитатель“ (эскизъ), (*Вѣстникъ Воспитанія*, 1899, № 5).

[7]) Тамъ же, 112.

[8]) Тамъ же, 111.

скихъ чувствъ и желаній“ [1]), что сближаетъ его съ Гете и Шекспиромъ и отличаетъ отъ Байрона, Гейне, Мюссе и Ленау. Сравнительно съ Шекспиромъ, у котораго „уроки истины“ облечены „въ пафосъ драматизма“, вѣщаются „въ торжественной обстановкѣ кровавой борьбы и смерти“, и Гете, у котораго „чистая поэзія блѣднѣетъ передъ опоэтизированнымъ глубокомысліемъ“,—у Пушкина—„одна только ничѣмъ не отуманенная ясность задушевнаго лиризма, который чудно вырывается изъ рамокъ эпоса и трепещетъ въ драмѣ, одно только стихійно-поэтическое и вдохновенное воспріятіе жизни, непосредственная интуиція ея смысла, открывающагося передъ нами въ простотѣ наглядныхъ образовъ и картинахъ обычнаго существованія, въ пересказѣ своего и чужого сердца, въ изумительныхъ эпитетахъ, которые не придуманы, не изысканы, какъ бы роняются поэтомъ, но въ которыхъ чувствуется полное міровоззрѣніе и характеристика вселенной“... [2]). Поэзія Пушкина „учитъ насъ просвѣтленной любви къ жизни и сердечному благоволенію къ людямъ“ [3]). „Отъ шалости до молитвы, отъ шутки до гимна—въ этомъ протекаетъ жизнь, и это звучитъ въ поэзіи Пушкина“ [4])... Въ поэзіи Пушкина нѣтъ „нравственнаго героизма“, „холодной добродѣтели“, „тишины безстрастія“, „вялаго равнодушія“, „мелкой безгрѣшности“—передъ нами жизнь, съ ея живою страстью, увлеченіями, борьбой. Эта „вакхическая пѣснь кончается привѣтомъ святому солнцу разума, и сладострастіе любви смѣняется сладострастіемъ высокихъ мыслей и стиховъ“ [5]). Разнообразіе Пушкина, побѣда надъ всѣми ограниченіями пространства и времени, „поэтическое вездѣсущіе“, „торжествующій кликъ любви и добра“, „отрицаніе существованія чего бы то ни было безусловно-презрѣннаго и ничтожнаго“, „ласковое и привѣтливое отношеніе ко всѣмъ людямъ“, „презрѣніе къ пошлости толпы и любовь къ человѣчеству“, „оптимизмъ, ясность созерцанія“, — вотъ, тѣ черты пушкинской музы, которыя авторъ доказываетъ блестяще. Трудно передать статью г. Айхенвальда; не представляя особой новизны въ основѣ своихъ положеній, она блещетъ изящнымъ построеніемъ.

Недурна историко-литературная оцѣнка Пушкина, сдѣланная

[1]) Тамъ же, 113.
[2]) Тамъ же, 114.
[3]) Тамъ же, 115.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же, 116.

г. Бирюковичемъ [1]). Пушкинъ, по словамъ автора, принадлежалъ къ людямъ, которые „открываютъ новые міры — и онъ, дѣйствительно, открылъ новый міръ — міръ національный жизненной поэзіи“ [2]). Авторъ выясняетъ историческія условія русской жизни, даетъ бѣглую, но очень удачную біографію поэта, отмѣчая, главнымъ образомъ, его интеллектуальный и нравственный ростъ; характеристика литературы XVIII вѣка не отличается тонкостью... „Академическій“ „псевдоклассицизмъ“ былъ у насъ той показной поэзіей, которую отнюдь нельзя назвать „господствующей“... У насъ были свои „Гомеры“, „Расины“, „Пиндары“,—но всѣ симпатіи читателей XVIII вѣка были на сторонѣ богатой романической и журнальной литературы, въ которой много было и реализму, и живого чувства. Оттого преувеличивать значеніе русскаго псевдоклассицизма, какъ это дѣлаетъ авторъ, совсѣмъ нѣтъ основаній. Ни въ какую упорную борьбу съ классицизмомъ Пушкинъ не вступалъ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ своей дѣятельности онъ самъ былъ скорѣе классикомъ и по воспитанію, и по вкусамъ. Правильно оцѣнилъ авторъ пушкинскій реализмъ, выразившійся въ поэзіи дѣйствительности, въ литературной оцѣнкѣ русской жизни. Останавливается авторъ и на томъ фактѣ, что у Пушкина всѣ гордые умственнымъ превосходствомъ люди оказываются несостоятельными передъ людьми простыми, мало развитыми умственно, но сильными той непосредственной внутренней правдой, которая такъ часто бываетъ „скрыта отъ мудрыхъ и разумныхъ и открыта малымъ симъ“ [3]). Отмѣтивъ нѣсколько характерныхъ пушкинскихъ типовъ, остановившись подробнѣе на Татьянѣ Лариной, авторъ указываетъ на значеніе Пушкина въ исторіи русской критики.

Г. Кубинцевъ далъ большой очеркъ литературной дѣятельности поэта [4]). Эта оцѣнка одна изъ лучшихъ по обстоятельности и вѣрности. Автору удалось очень красиво и убѣдительно скомбинировать собранный имъ матеріалъ. Начинаетъ авторъ съ оцѣнки древней русской жизни, съ ея аскетизмомъ, съ ея отвращеніемъ къ земной жизни

---

[1]) *А. А. Бирюковичъ*, „А. С. Пушкинъ“, рѣчь, произнесенная преподавателемъ женской гимназіи (Ковенской) въ день 100-лѣтія со дня рожденія поэта“, Ковно, 1899.

[2]) Тамъ же, 4.

[3]) Тамъ же, 24.

[4]) *А. В. Кубинцевъ*, „Значеніе А. С. Пушкина въ исторіи русской литературы“. (Памяти А. С. Пушкина), Благовѣщенскъ, 1899.

и тяготѣніемъ къ загробной... Новая русская исторія украсила земную жизнь, заставила русскаго человѣка полюбить ее—и Пушкинъ былъ выразителемъ этой новой культуры. Сопоставленіе красивое, но не совсѣмъ точное,—древнее русское общество оцѣнено авторомъ съ шаблонной точки зрѣнія. Оцѣнка Пушкина не вызываетъ замѣчаній: онъ охарактеризованъ, какъ поэтъ-индивидуалистъ, свободный пѣвецъ, пѣвшій *свои* чувства,—любовь, искусство; онъ—первый русскій самобытный пѣвецъ, художникъ по натурѣ, вѣчно живущій въ сферѣ поэтическихъ образовъ, независимый отъ литературныхъ партій, поэтъ-художникъ, воспѣвшій „дѣйствительность", особенно русскую. Его поэзія гуманна и доброжелательна, полна красоты, проникнута народностью. Подробно останавливается авторъ на выясненіи заслугъ поэта въ исторіи литературнаго языка, поэтическаго и прозаическаго: „художественная простота въ прозѣ и художественная смѣлость въ стихахъ—вотъ, самыя существенныя отличительныя черты языка и слога Пушкина" [1]). Примѣры, приведенные авторомъ, очень удачны и убѣдительны. Въ исторіи литературнаго языка, по его мнѣнію, Пушкинъ замѣчателенъ тѣмъ тонкимъ чутьемъ, которое позволило ему умѣстно употреблять въ рѣчи и архаизмы, и неологизмы, и славянизмы, и провинціализмы, и варваризмы, и слова простонародныя [2]). Кромѣ того, онъ далъ литературному языку характеръ художественно-народный, сдѣлавъ въ своихъ произведеніяхъ „красоты роднаго языка доступными для каждаго русскаго человѣка" [3]). Затѣмъ авторъ обратился къ содержанію пушкинскихъ произведеній и указалъ, какою сложностью они отличаются: сюжеты Пушкинъ бралъ отовсюду. Далѣе выясняетъ онъ значеніе Пушкина, какъ критика и, наконецъ, вообще какъ „благородной личности".

Рѣчь г. А. Сибирцева [4]) также очень полно охватываетъ рядъ вопросовъ, касающихся Пушкина. Начало своей рѣчи г. Сибирцевъ посвятилъ характеристикѣ праздника 1899 года. Затѣмъ авторъ въ общихъ чертахъ выяснилъ нравственно-воспитательное значеніе Пушкина, указалъ на значеніе его въ исторіи русскаго самосознанія. „Воспитываясь на произведеніяхъ Пушкина, говоритъ онъ, извлекая изъ нихъ его мудрость, отзывчивость и сердечную чуткость, его свѣтлые идеалы,—современное намъ поколѣніе видитъ въ немъ человѣка, указавшаго

[1]) Тамъ же, 33.
[2]) Тамъ же, 40.
[3]) Тамъ же.
[4]) *А. Сибирцевъ*, „Памяти генія", (Кумскій, „Памяти Пушкина", 74).

дорогу къ болѣе сознательной и разумной жизни“ [1]). Выяснивъ отношеніе къ Пушкину интеллегенціи, г. Сибирцевъ отмѣтилъ отношеніе къ поэту простого народа;—по его словамъ, пониманіе великаго поэта въ средѣ простыхъ читателей въ послѣднее время значительно повысилось [2]). Отношеніе Пушкина къ простому народу, его быту и поэзіи, характеристика поэзіи, значеніе ея для послѣдующей литературы, особенности дарованія Пушкина (разносторонность, умѣнье рисовать пейзажи и лица),—все это изложено авторомъ въ общихъ чертахъ живо и вѣрно. „Пушкинъ разрѣшаетъ попутно множество вопросовъ жизни. Въ этомъ отношеніи его произведенія по-истинѣ представляютъ „кладезь мудрости“, изъ котораго мы почерпаемъ указанія и совѣты. Онъ указалъ на то, что мы „лѣнивы и нелюбопытны“ и одинъ изъ первыхъ заявилъ, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отставать“ отъ Запада. Онъ говоритъ намъ о тяжести потери вѣры („Безвѣріе“), о недостаткахъ воспитанія и „лжепросвѣщенія“ („Евгеній Онѣгинъ“), о нравственныхъ болѣзняхъ высшихъ слоевъ общества („Кавказскій плѣнникъ“, „Евгеній Онѣгинъ“), объ утратѣ простоты и цѣльности характера, замѣчаемыхъ имъ только въ отживавшихъ типахъ старины („Капитанская дочка“, „Повѣсти Бѣлкина“), объ отношеніяхъ, столь несправедливыхъ между различными сословіями („Деревня“, „Дубровскій“), о необходимости сознанія идеи общаго блага, которой должны быть подчинены эгоистическія побужденія („Полтава“ и „Мѣдный Всадникъ“), о желательности болѣе справедливыхъ и гуманныхъ отношеній къ личности („Герой“, „Наполеонъ“, „Пиръ Петра Великаго“), требованіяхъ долга и роли совѣсти въ душевной жизни („Борисъ Годуновъ“), о послѣдствіяхъ преобладанія злой страсти („Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“), о роли любви въ жизни и процессѣ человѣченія и нравственнаго просвѣтлѣнія черезъ любовь („Бахчисарайскій фонтанъ“, „Кавказскій плѣнникъ“ и „Онѣгинъ“ [3]). Заключеніе автора слѣдующее: „Пушкинъ представилъ прекрасные высокопоэтическіе образы и развилъ наше эстетическое чувство. Онъ воспиталъ гуманность въ насъ и человѣчность, пробуждая лучшія свойства нашего сердца. Онъ изобразилъ современную ему Россію, заставилъ задуматься надъ существенными вопросами нашей жизни и тѣмъ способствовалъ развитію нашего самосознанія. Онъ сыгралъ,

[1]) Тамъ же, 79.

[2]) Авторъ ссылается на книгу г-жи *Алчевской*: „Что читать народу?“ (II, 35—79).

[3]) Тамъ же, 31.

наконецъ, великую роль государственнаго дѣятеля, потому что „силою поэзіи объединилъ разныя племена, входящія въ составъ имперіи въ одинъ народъ“ [1]).

Г. Бороздинъ [2]) въ своей оцѣнкѣ Пушкина остановился на одной чертѣ его дѣятельности, его реализмѣ. Едва-ли справедливо отмѣтилъ авторъ отрѣшенность отъ жизни литературы XVIII—начала XIX вѣка, выдвинувъ на первое мѣсто ея стремленіе къ формѣ и стилю; зато совершенно вѣрно выяснилъ значеніе романтиковъ, поднявшихъ пониманіе цѣли и содержаніе поэзіи и впервые намѣтившихъ народности дорогу въ литературу. Пушкинъ уже съ юныхъ лѣтъ оказывается, въ противоположность своимъ предшественникамъ, былъ отзвучіемъ дѣйствительной жизни; его интересъ къ общественной жизни, „содержательной мысли“, къ хорошимъ и дурнымъ сторонамъ дѣйствительной жизни,—все это въ русской литературѣ, по мнѣнію автора, совершенная новость и за нее мы должны быть благодарны нашему великому поэту. Бѣглый обзоръ главнѣйшихъ произведеній поэта помогаетъ автору подтвердить свой выводъ примѣрами; заканчиваетъ авторъ выясненіемъ взгляда Пушкина на поэзію, при чемъ стихотвореніе „Чернь“ объяснено авторомъ совершенно вѣрно.

Въ другой своей работѣ г. Бороздинъ [3]) подвелъ итоги чертамъ пушкинской дѣятельности, отмѣтивъ его религіозность, разносторонность, отзывчивость, реализмъ, народность, гуманность, патріотизмъ. Напрасно только авторъ хочетъ доказать, что у Пушкина, еще мальчика, „глубокая вѣра носила характеръ „исканія“, то-есть той высшей формы религіозной мысли, которая бываетъ результатомъ сомнѣній, колебаній, надеждъ и разочарованій. Всѣхъ, кто несогласенъ съ такимъ мнѣніемъ, г. Бороздинъ спѣшитъ смутить кличкой: „критиканъ“, что, по меньшей мѣрѣ, странно.

Г. Малышкинъ [4]) въ небольшой своей рѣчи прекрасно обрисовалъ и личность великаго поэта, и значеніе его дѣятельности. Авторъ вѣрно понялъ человѣческія и божескія черты души Пушкина и сумѣлъ обрисовать его вѣрно и живо. Въ дѣятельности его г. Малышкинъ отмѣтилъ всѣ главнѣйшіе мотивы его поэзіи и черты его, какъ поэта.

Въ приложеніи къ „Саратовскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“

---

[1]) Тамъ же, 95.

[2]) *А. К. Бороздинъ*, „А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности“. Спб. 1899.

[3]) *А. К. Бороздинъ*, „Черты А. С. Пушкина“. Спб. 1899.

[4]) *И. Малышкинъ*, „Пам.. и великаго поэта“. Рига, 1899.

встрѣчаемъ анонимный очеркъ, также посвященный Пушкину [1]); бѣгло изложена біографія поэта и такъ же выяснено его историческое и литературное значеніе.

Г. Сементковскій [2]), исходя изъ оцѣнокъ Пушкина, сдѣланныхъ Гоголемъ. Тургеневымъ и Достоевскимъ, указалъ значеніе Пушкина, какъ „поэта", какъ изобразителя русской жизни и какъ „всечеловѣка-пророка". Живой очеркъ г. Сементковскаго выясняетъ подготовку Пушкина литературой XVIII вѣка и значеніе его для послѣдующей русской литературы. Заключаетъ авторъ такъ: „Если нельзя не вѣрить, что русскій языкъ данъ великому народу, то и нельзя не вѣрить, что только великій народъ могъ дать Пушкина" [3]).

Г. Б. Никольскій въ своей работѣ задался цѣлью выяснить взаимныя отношенія поэта и читателя „*въ лирикѣ*" Пушкина [4]): біографія поэта, его письма и произведенія даютъ довольно матеріала для опредѣленнаго и яснаго отвѣта. Начинаетъ авторъ издалека— разсужденіями о жизни вообще, объ идеалахъ, о противорѣчіяхъ и загадочности „даровитыхъ" людей. Пушкинъ, по натурѣ гармоничный и разносторонній, полонъ въ молодости противорѣчій; онъ шелъ къ ихъ примиренію и не дошелъ,—„даже какъ поэтъ, онъ не успѣлъ себѣ найти окончательнаго мѣста въ мірѣ и примиренія со своими читателями". „Намъ, доросшимъ до полной побѣды надъ нами Пушкина,—продолжаетъ авторъ,—позволительно отважиться и на довершеніе его подвига. Намъ позволительно продолжить незаконченные разрозненные лучи, пока они не сомкнутся въ одинъ ярко сіяющій очагъ тепла и свѣта" [5]). Не говоря уже о томъ, насколько производительно фантазировать о „возможномъ" Пушкинѣ, оставивъ „дѣйствительнаго", мы не можемъ не замѣтить, что слить образъ Пушкина „въ одинъ ярко сіяющій очагъ тепла и свѣта" автору не удалось. Прекрасно зная сочиненія Пушкина, г. Б. Никольскій далъ намъ понятія о „разрозненныхъ лучахъ" его поэзіи (идеалы воина, поэта, гражданина, учителя), разрознилъ ихъ еще больше, разложивъ

---

[1]) „Въ память столѣтней годовщины великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина". (Приложеніе къ № 35 *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Саратовъ, 1899.

[2]) *Р. И. Сементковскій*, „Значеніе Пушкина", очеркъ („Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, юбилейный альбомъ въ память столѣтія, изд. *Нивы*"). Спб. 1899.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Б. В. Никольскій*, „Поэтъ—читатель въ лирикѣ Пушкина", Спб. 1899.

[5]) Тамъ же, 6.

умѣло сіянье пушкинской поэзіи, но не далъ намъ ея синтеза. Оттого и противорѣчій Пушкина авторъ не слилъ въ одинъ образъ; онъ отбросилъ хронологію отдѣльныхъ произведеній, охарактеризовалъ эти „разрозненные лучи", искусственно установивъ между ними преемственную связь. Извѣстно, что стремленія къ боевой жизни и тихой жизни пѣвца переплетались одно съ другимъ, и преемственность между ними устанавливать нельзя. „Гусарство" было навѣяно чисто извнѣ и впечатлѣніями войны и общеніемъ съ гусарами, и связывать его съ глубокимъ ростомъ пушкинскаго духа слишкомъ рискованно. Совершенно вѣрно, на нашъ взглядъ, оцѣнено г. Никольскимъ вліяніе Байрона на Пушкина: и разочарованіе, и отрицательное отношеніе къ дѣйствительности, и культъ свободы—„все это наблюдается у Пушкина и гораздо раньше, и самостоятельно, и подъ другими вліяніями; нѣтъ, поэзія Байрона увлекла Пушкина иначе, а именно—какъ идеализація и поэтическое возвеличеніе страстей" [1]). Послѣ жизненныхъ невзгодъ юный поэтъ увлекся ненадолго Байрономъ, потому что тотъ льстилъ „неуступчивому тщеславію молодости призракомъ единоборства съ міромъ" [2]). Прекрасно оцѣнилъ г. Никольскій и вліяніе Шенье [3]). Собственно указанными двумя соображеніями (вліяніе Байрона и Шенье), знаніемъ Пушкина и умѣньемъ цитовать его ограничиваются достоинства работы г. Никольскаго.

Г. Полуцыгановъ [4]), выясняя значеніе Пушкина, остановился на разборѣ одного романа „Евгеній Онѣгинъ", или даже, вѣрнѣе, на разборѣ героя этого романа. При помощи статьи проф. Ключевскаго [5]), авторъ рисуетъ исторію у насъ „лишняго" человѣка до Онѣгина, а при помощи Добролюбова и Ап. Григорьева отмѣчаетъ его литературное потомство [6]). Значеніе Пушкина сводится къ умѣнію толковать и изображать русскую дѣйствительность и къ вѣрному пониманію того

---

[1]) Тамъ же. 23.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 39—41, 45.

[4]) *И. А. Полуцыгановъ.* „Рѣчь въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина", („Слово и рѣчи въ день столѣтней годовщины А. С. П—на". 26-го мая 1799—899). Екатеринославъ. 1899.

[5]) Проф. *В. О. Ключевскій.* „Евгеній Онѣгинъ и его предки" (*Русская Мысль*, 1887, № 2).

[6]) *Н. А. Добролюбовъ*; Соч. II, 473—507, изд. 1885. Ап. Григорьевъ, соч. I. 143, 144, 157, 163, 234, 236, 244, 245, 248, 249, 251, 280, 282, 414, 424, 501, 511, 513, 518, 482—511.

крѣпостничества, которое многимъ современникамъ великаго поэта не рисовалось еще во всемъ его безобразіи.

Г. Соколовъ [1]) отмѣтилъ способность Пушкина воспроизводить жизнь, рисовать природу и человѣка, указалъ на его проповѣдь братскаго единенія народовъ, прощенія врагамъ, чувства гуманности... Затѣмъ авторъ остановился на пушкинскихъ картинахъ старой и современной ему Руси, особенно обстоятельно обрисовалъ отношеніе Пушкина въ жизни и въ его произведеніяхъ къ крестьянамъ и къ современной ему интеллигенціи. Закончилъ авторъ свое произведеніе разборомъ драмы „Борисъ Годуновъ", разъясненіемъ ея значенія историческаго и нравственнаго. Указавъ, что Пушкинъ прекрасно изображалъ и понималъ крестьянина, авторъ продолжаетъ: „чѣмъ объяснить такое пониманіе крестьянина и умѣніе изображать его? А тѣмъ, что Пушкинъ былъ геніальнымъ представителемъ „искусства для искусства", т. е. самодовлѣющаго значенія поэзіи. Поэтъ искусства для жизни, задаваясь какою-либо современною ему тенденціею, далъ бы произведеніе, гдѣ извѣстная важная для даннаго случая черта жизни выступила бы на первый планъ, заглушила бы яркость, типичность и жизненность изображенія, взывала бы къ чувствамъ состраданія, вопіяла бы о ненормальности положенія" и пр. и пр. [2]). Замѣчаніе совершенно вѣрное.

Г. Маяковскій [3]) отмѣтилъ отношеніе къ Пушкину общества и критики, обрисовалъ его жизненную борьбу съ русской дѣйствительностью, отмѣтилъ тѣ мотивы религіозные, съ которыми онъ вышелъ изъ этой борьбы, и указалъ на то культурное наслѣдство, что осталось послѣ него (языкъ, національное самосознаніе въ литературѣ, реализмъ, картины природы, самобытность литературы).

Г. Ладыженскій [4]) сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ въ честь великаго поэта отъ имени пензенскаго земства.

Г. Ветуховъ [5]) указалъ на то, какъ тьма временъ поглощаетъ черты великихъ людей, но дѣло ихъ остается вѣчно-свѣжимъ и жи-

---

[1]) *Г. Соколовъ*, „Значеніе А. С. Пушкина для Россіи" (Слова и рѣчи въ день 100-лѣтней годовщины А. С. Пушкина). Екатеринославъ, 1899.

[2]) Тамъ же, 32.

[3]) *Илія Маяковскій*, „А. С. Пушкинъ и его значеніе" (Тамъ же, 42).

[4]) *В. Н. Ладыженскій*, „Рѣчь, произнесенная В. Н. Л—мъ въ торжественномъ засѣданіи О—ва любит. Росс. Словесности 27-го мая 1899, въ Московскомъ дворянскомъ собраніи. (К. Н. Корольковъ „Пушкинскіе дни въ Пензѣ". Пенза, 1899).

[5]) *А. Ветуховъ*, „Пушкинъ—поэтъ міровой". Харьковъ, 1899.

вымъ. Затѣмъ г. Ветуховъ въ общихъ чертахъ указалъ то вѣчно живое и общечеловѣческое у Пушкина, что переживетъ его и заставляетъ признать въ немъ мірового писателя.

Г. Витбергъ [1]) въ своей прекрасной рѣчи обрисовалъ значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы. „Пушкинъ представляетъ поразительное явленіе въ нашей жизни, ставши той гранью, которая, съ одной стороны, связываетъ все наше прошедшее, всю нашу до-пушкинскую жизнь не только съ теперешнею жизнью, но и съ жизнью будущей, какъ бы далеко она ни простиралась; съ другой—тотъ же Пушкинъ рѣзко разграничиваетъ всю предшествовавшую ему жизнь не только послѣ-петровскую, но и до-петровскую, отъ той жизни, первымъ звеномъ и истиннымъ началоположникомъ которой былъ онъ самъ. Являясь естественнымъ психологическимъ выводомъ изъ всего предшествовавшаго историческаго развитія нашего, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ собою новый самобытный періодъ нашей жизни, какъ первый и наиболѣе полный и вѣрный ея выразитель“ [2]). Вотъ—исходная точка работы г. Витберга. Послѣ небольшого очерка дѣтства Пушкина, авторъ переходитъ къ предшественникамъ и преемникамъ Пушкина. Характеризуя Пушкина, авторъ указалъ на его самобытность, на его пониманіе русскаго духа въ прошломъ и современномъ ему обществѣ, отмѣчаетъ „характеръ, тонъ его произведеній, его общее міросозерцаніе, его мысли и чувства, его отношенія къ явленіямъ жизни“, останавливается на художественности, правдѣ, высокой нравственности его твореній. Не отрицая темныхъ пятенъ въ жизни поэта, авторъ находитъ вполнѣ вѣрный путь для выхода: „не надо забывать, говоритъ онъ, что нравственное существо человѣка обнаруживается въ своей истинной сущности не въ его отрицательныхъ сторонахъ, а въ его положительныхъ идеалахъ и стремленіяхъ“ [3]).

Г. Кашпуревъ въ своей работѣ [4]) говоритъ намъ о значеніи красоты формы [5]) и образовъ у Пушкина. Его отзывчивость, умѣніе вездѣ

---

[1]) *Ф. А. Витбергъ*, „А. С. Пушкинъ“, рѣчь, читанная на женскихъ Педагогическихъ курсахъ. С.-Петербургъ. 1899.

[2]) Тамъ же, 7.

[3]) Тамъ же, 24.

[4]) *А. С. Кашпуревъ*, „Заслуги А. С. Пушкина передъ русскимъ обществомъ“, („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. Окр., II, 213).

[5]) Къ сожалѣнію, подобно многимъ ораторамъ и авторамъ 1899—1900 гг., г. Кашпуревъ цитуетъ и разбираетъ завѣдомо не пушкинскій стихъ: „прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ“.

находить прекрасное, любовь къ родинѣ, гуманность и благородство настроеній, художественное воспроизведеніе русской дѣйствительности и прошлаго,—вотъ, въ чемъ главныя литературныя заслуги великаго поэта.

Г. Андріевскій [1]) опредѣляетъ Пушкина, какъ начинателя у насъ художественнаго реализма, потому поэта народнаго (любовь къ русской жизни, природѣ, поэзіи, прошлому); отмѣчаетъ авторъ и міровое значеніе Пушкина (способность перевоплощаться). Оцѣнки поэта, сдѣланныя Бѣлинскимъ, Гоголемъ, Достоевскимъ, подтверждаютъ слова автора. Оканчиваетъ авторъ характеристикой Пушкина, какъ истиннаго художника природы, души человѣка и русскаго языка.

Г. Дворянскій [2]) характеризуетъ Пушкина, какъ основателя русской художественной школы; воспитателя вкуса къ чтенію у русскихъ читателей; отмѣчаетъ затѣмъ г. Дворянскій міровое значеніе поэта (способность перевоплощаться). Характеристику поэзіи Пушкина авторъ, къ сожалѣнію, дѣлаетъ по произведеніямъ: „Пророкъ“, „Поэтъ“, „Чернь“, „Поэту“, съ которыми слабо вяжется „задушевность“, „гуманность“,—черты его музы, далѣе отмѣченныя авторомъ. „Раскрытіе красоты человѣческой души“—вотъ, задача творчества поэта; художественность, гуманность, народность,—вотъ, его особенности. Оканчиваетъ авторъ превознесеніемъ Татьяны и г. Бѣлкина...

Г. Весинъ [3]) въ первой половинѣ своей работы частями перифразировалъ, частями цитовалъ изъ Бѣлинскаго (литературное значеніе Пушкина), затѣмъ отмѣтилъ внесеніе Пушкинымъ въ русскую литературу народнаго элемента, сочувствіе его къ крестьянамъ. Давая такимъ образомъ русскому обществу и нравственное и эстетическое развитіе, Пушкинъ послужилъ, кромѣ того, и наукѣ, и музыкѣ. Оканчиваетъ авторъ указаніемъ на воспитательное значеніе поэзіи Пушкина. Работа г. Весина почти сплошь компилятивная.

Г. Ивановъ [4]) указалъ, что главныя черты облика поэта-реалиста уже намѣчены его предшественниками,—Пушкинъ соединилъ отдѣль-

---

[1]) *П. П. Андріевскій*, „Заслуги Пушкина для русской литературы“. (Тамъ же, 240).

[2]) *Ѳ. М. Дворянскій*, „Значеніе А. С. Пушкина въ русской литературѣ“. (Тамъ же, 264).

[3]) *С. П. Весинъ*, „Литературныя и общественныя заслуги Пушкина“. (Тамъ же, 273).

[4]) *Ѳ. Н. Ивановъ*, „Значеніе литературной дѣятельности А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 285).

ныя черты и выразилъ ихъ энергично и ярко. Далѣе говоритъ намъ авторъ что-то несовсѣмъ стройное и ясное о жизни Пушкина, объ общественныхъ настроеніяхъ эпохи и выводитъ отсюда его „поэзію правды и дѣйствительности“; указываетъ онъ и на способность Пушкина рисовать прошлое, на его патріотическое настроеніе, на его умѣніе рисовать русскую природу и жизнь.

Гг. Александровъ [1]) и Ходиковъ [2]) дали краткія оцѣнки дѣятельности великаго поэта въ самыхъ общихъ фразахъ, отмѣтили его національнизмъ, его отзывчивость, художественность, умѣніе изображать общественную жизнь и пр.

Г. Гримбовскій подвелъ въ своей рѣчи довольно обстоятельные итоги дѣятельности поэта [3]). Сближеніе поэзіи съ жизнью, умѣніе въ дѣйствительности найти поэзію, разнообразіе таланта, самобытность, художественная мѣра, высокое пониманіе цѣлей поэзіи, художественная правда, народность, умѣніе изображать жизнь общества во всѣхъ его проявленіяхъ, преклоненіе предъ идеями правды и любви, уваженіе свободы слова, борьба съ обскурантизмомъ, любовь къ молодости, сочувствіе къ падшимъ, патріотизмъ, художество слова и стиха,— вотъ, чѣмъ обусловлено великое значеніе Пушкина.

Г. Лобода [4]) началъ свою рѣчь съ выясненія великаго значенія поэзіи въ исторіи человѣчества, затѣмъ, переходя къ Пушкину, онъ указалъ на гармонію языка и содержанія его произведеній, указалъ на его отзывчивость, на его вѣчное тяготѣніе къ свѣту и правдѣ, на его гуманность, художественную правдивость.

Г. Когутъ [5]), выяснивъ отношеніе Пушкина къ предшественникамъ и преемникамъ литературнымъ, указываетъ на интересъ его къ народности, къ родной старинѣ, отмѣтилъ достоинства его языка, остановился на характеристикѣ „Евгенія Онѣгина“, выяснилъ отношеніе къ Пушкину критики и вліяніе его на послѣдующихъ писателей-реалистовъ.

---

[1]) *И. Н. Александровъ*, „О литературныхъ заслугахъ А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 354).

[2]) *А. Н. Ходиковъ*, „Значеніе и заслуги Пушкина“. (Тамъ же, 357).

[3]) *Н. Ѳ. Гримбовскій*, „Значеніе Пушкина въ исторіи нашей отечественной литературы и просвѣщенія“. (Тамъ же, 369).

[4]) *А. М. Лобода*, „Почему А. С. Пушкинъ считается нашимъ первымъ поэтомъ“. (Тамъ же, 392).

[5]) *П. Л. Когутъ*, „Къ столѣтней годовщинѣ со дня рожденія А. С. Пушкина (Тамъ же, 433).

Г. Денисьевскій [1]) указалъ на значеніе великаго поэта, какъ показателя степени нашей культуры, отмѣтилъ его популярность, характеризовалъ смыслъ формальной и идейной стороны его поэзіи, обрисовалъ въ немъ художника современной и прошлой русской жизни, сумѣвшаго въ своей поэзіи совмѣстить разнообразіе мотивовъ, наконецъ, выяснилъ значеніе его для послѣдующей литературы (Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ, Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Ал. Толстой и Полонскій, беллетристы 40 годовъ). Въ заключеніе, г. Денисьевскій набрасываетъ біографію поэта и характеризуетъ его настроенія по произведеніямъ.

Г. Истоминъ [2]) начинаетъ съ характеристики литературы, предшествовавшей Пушкину, затѣмъ переходитъ къ выясненію того, что внесено Пушкинымъ въ русскую литературу (картины русской жизни и природы, русскіе типы, осужденіе крѣпостного права, художественный реализмъ, созданіе языка литературнаго).

Г. Кутневичъ [3]) начинаетъ свое произведеніе съ обзора до-пушкинской литературы, затѣмъ прослѣживаетъ, какъ растетъ у Пушкина самостоятельность, разбираетъ его главнѣйшія произведенія, отмѣчаетъ главнѣйшіе мотивы его поэзіи, довольно много говоритъ о томъ обществѣ, которое изображено у него; въ заключеніе, даетъ характеристику нашего великаго поэта-реалиста, какъ честнаго бойца за свѣтъ и правду.

Г-жа Городецкая [4]) отмѣчаетъ значеніе литературы вообще, довольно обстоятельно очерчиваетъ до-пушкинскую литературу и, въ заключеніе, перечисляетъ все сдѣланное Пушкинымъ (внесъ въ область литературы самобытность, разнообразіе, преобразовалъ языкъ, рисовалъ русскую жизнь).

Г. Хитровскій [5]) сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ въ честь Пушкина, обрисовавъ его главнымъ образомъ, какъ творца новаго литературнаго языка и національнаго поэта.

Г. Евсевскій [6]), слѣдуя Бѣлинскому, далъ, въ общемъ, недур-

---

[1]) *С. А. Денисьевскій*, „А. С. Пушкинъ“. (Тамъ же, 462).

[2]) *А. П. Истоминъ*, „О Пушкинѣ“. (Тамъ же, 477).

[3]) *Ѳ. П. Кутневичъ*, „Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы“. (Тамъ же, 527).

[4]) *Е. В. Городецкая*, „Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы“. (Тамъ же, 542).

[5]) *Г. И. Хитровскій*, „О значеніи поэзіи А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 548).

[6]) *А. С. Евсевскій*, „Значеніе Пушкина въ отечественной литературѣ“, („Памяти Пушкина“. Тамъ же, III, 21).

ную и обстоятельную оцѣнку и характеристику поэзіи Пушкина, хотя нельзя не упрекнуть его за излишнія преувеличенія, въ родѣ, напримѣръ, утвержденія, что „Пушкинъ первый создатель, первый подвижникъ, страдалецъ русскаго слова"; [1]) „до Пушкина у насъ не было даже предчувствія того, что такое искусство" [2]). По его словамъ высокая художественность, гуманность, проникновеніе въ сердца человѣческія, умѣніе находить во всемъ лучшее, миролюбіе, гармоничность идеи и формы, смиреніе, правдивость, народность,—вотъ, главныя черты поэзіи Пушкина. Нельзя не отмѣтить также, что фальшью и фразистостью звучатъ слова: „Пушкинъ превосходитъ даже такихъ великихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Байронъ и Гете. У всѣхъ этихъ поэтовъ чувствуется внутренній разладъ и т. д." [3]). Впрочемъ, это „юбилейное" увлеченіе!

Недурна болѣе самостоятельная рѣчь г. Левитскаго [4]), — она очень содержательна и свободна отъ увлеченій [5]). Къ сожалѣнію, утверждая, съ одной стороны, что Пушкинъ „жрецъ искусства для искусства", а съ другой—что онъ сблизилъ литературу съ жизнью, г. Левитскій впадаетъ въ противорѣчіе.

Г. Стариченко [6]) бѣгло обрисовалъ значеніе великаго поэта, выяснивъ значеніе поэта вообще и Пушкина въ частности.

Г. Гржегоржевскій [7]) предпослалъ своему этюду характеристику до-пушкинской литературы, довольно, впрочемъ, несостоятельную, такъ какъ мы встрѣчаемъ, кромѣ избитыхъ фразъ изъ учебника о классицизмѣ, напримѣръ, такіе курьезы: „любимѣйшими видами псевдо-классической поэзіи были: громозвучная ода и *гимнъ* (??)" [8]). Пушкинъ, по словамъ автора, является во всѣхъ отношеніяхъ противоположность всему тому, что было до него. Характеристика Пушкина сдѣлана по Галахову. Изложеніе сбивчивое и мѣстами нелитературное.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Тамъ же, 22.

[3]) Тамъ же, 24.

[4]) *В. Ѳ. Левитскій*, „А. С. Пушкинъ и его общественное и литературное значеніе". (Тамъ же, 37).

[5]) Впрочемъ и онъ рѣшительно ставитъ Пушкина выше Гете, Шиллера и Байрона.

[6]) *П. К. Стариченко*, „Чѣмъ дорогъ намъ Пушкинъ". (Тамъ же, 82).

[7]) *Л. Д. Гржегоржевскій*, „Заслуги А. С. Пушкина на поприщѣ отечественной литературы". (Тамъ же, 86).

[8]) Тамъ же, 87.

Г. Глуздовскій, [1]) далъ въ своей маленькой рѣчи лишь нѣсколько общихъ мѣстъ.

Г. Миронычевъ [2]) очень наивно опредѣлилъ въ своемъ „вступленіи“ поэтовъ: это — „люди, говоритъ онъ, полные жизни, разумные, добрые по сердцу своему, способные любить все хорошее, ненавидящіе зло и т. д.“ [3]). Такъ же курьезно выясненъ и процессъ поэтическаго творчества. Послѣ этого г. Миронычевъ перешелъ къ Пушкину, но этой части въ Сборникѣ Кіевскаго округа почему-то не напечатано.

Г. Головко [4]) предпослалъ своей работѣ недурной біографическій очеркъ; затѣмъ по „Пророку“ охарактеризовалъ поэзію Пушкина и выяснилъ существенныя черты ея — любовь къ русской природѣ и народу, горячее желаніе ему счастья и свободы... Закончилъ авторъ указаніемъ на нѣкоторыя литературныя заслуги великаго поэта.

Г. Шнейдеръ [5]) послѣ небольшого біографическаго очерка выяснилъ въ нѣсколькихъ общихъ словахъ значеніе поэта.

Г. Бобровниковъ [6]) сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о личности и дѣятельности Пушкина.

Г. Александровичъ, выясняя значеніе литературной дѣятельности Пушкина [7]), сначала даетъ общую характеристику поэзіи Пушкина (процессъ его творчества, освобожденіе поэзіи отъ утилитарныхъ цѣлей, служеніе ближнимъ), затѣмъ доказываетъ значеніе Пушкина тѣмъ, что онъ первый русскій писатель, вышедшій на самобытный путь, указавшій этотъ путь и русской литературѣ; онъ—художникъ слова, удивительный пейзажистъ и жанристъ, сознательно относящійся къ бѣдствіямъ крѣпостныхъ; онъ — художникъ-историкъ, для котораго нѣтъ границъ во времени; онъ — поэтъ не только національный, но и міровой геній, благодаря способности „перевоплощаться“; онъ — учитель всѣхъ позднѣйшихъ русскихъ писателей

---

[1]) *В. А. Глуздовскій*, „Чѣмъ дорогъ намъ Пушкинъ“. (Тамъ же, 99).

[2]) *А. П. Миронычевъ*, „Памяти Пушкина“, (тамъ же, 101).

[3]) Тамъ же, 101.

[4]) *Л. В. Головко*, „Главныя черты поэтической дѣятельности Пушкина“, (Тамъ же, 106).

[5]) *В. К. Шнейдеръ*, „А. С. Пушкинъ“. (Тамъ же, 59).

[6]) *Н. С. Бобровниковъ*, „А. С. Пушкинъ“. (Тамъ же, 124).

[7]) *В. С. Александровичъ*, „Значеніе литературной дѣятельности Пушкина“, (Тамъ же, II, 195).

(Гоголь, Лермонтовъ, Некрасовъ, Майковъ, Фетъ, Тютчевъ, Ал. Толстой, Полонскій; беллетристы 40-хъ годовъ—его ученики).

Г. Роменскій [1]) далъ нѣсколько общихъ соображеній о культурномъ значеніи великаго поэта въ нашей исторіи.

Г. Прядкинъ [2]) выяснилъ значеніе Пушкина, отмѣтивъ новое пониманіе цѣлей поэзіи, внесенное имъ въ сознаніе русской литературы, указалъ его заслуги въ дѣлѣ выработки литературнаго языка, народность его пейзажей и героевъ, заслуги его передъ лицомъ всего человѣчества и передъ русской литературой XIX столѣтія.

Г. Ольшамовскій [3]) въ своей сжатой рѣчи удачно обрисовалъ всѣ существенныя черты дѣятельности Пушкина. Указавъ, какое великое облагораживающее значеніе имѣютъ для общества такіе праздники, какъ пушкинскій, авторъ охарактеризовалъ великаго поэта, какъ перваго нашего поэта-художника, писавшаго только по вдохновенію, художника „правды русской“, поэта „прекрасной стороны реальнаго міра“. Особенно выдвигаетъ авторъ славянофильскія стихотворенія Пушкина, видя въ нихъ „мысли и чувства истинно-русскаго образованнаго человѣка“ [4]), отмѣчаетъ его міровое значеніе и воспитательное—для школы [5]).

Профессоръ Шмурло [6]) въ своей рѣчи отмѣтилъ прежде всего многосторонность Пушкина, отличающую его отъ другихъ русскихъ поэтовъ. „У него есть что сказать и ребенку, и взрослому, и старику, богатому и бѣдному, образованному и полуграмотному; любое стихотвореніе Пушкина, любое настроеніе его найдетъ своего читателя“ [7]). Отсюда гибкость Пушкина, умѣніе приноровиться къ чужимъ мотивамъ (востокъ библейскій и мусульманскій, древній Римъ, средніе вѣка, Испанія). Но „всеобъемлемость пушкинской поэзіи была въ сущности только основой, на которой развернулся мощный геній поэта и породилъ то, что и составляетъ его истинный вкладъ;—рас-

---

[1]) *Ю. Роменскій*, „Юбилейное слово въ честь А. С. Пушкина“ (П. Кумскій, „Памяти Пушкина“).

[2]) *С. Прядкинъ*, „Памяти А. С. Пушкина“ (*Филолог. Записки*, 1899, I—II).

[3]) *М. Ольшамовскій*, „О значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы“, Казань, 1899.

[4]) Тамъ же, 12.

[5]) Тамъ же, 16.

[6]) Проф. *Е. Шмурло*, „Пушкинъ въ развитіи нашего самосознанія (*„Пушкинскій Сборникъ“*, изд. Имп. Юрьевск. У—мъ). Юрьевъ, 1899 (есть отд. оттиски).

[7]) Тамъ же, 117.

крытіе національныхъ особенностей русскаго народа“ [1]). Русская природа, русское сердце (простой народъ, русская женщина, культурные русскіе типы)—вотъ, завоеваніе Пушкина! Въ заключеніе, проф. Шмурло намѣчаетъ три момента исторіи нашего самосознанія: Владиміръ Св., Петръ Великій и Пушкинъ—три свѣточа на пути этого вѣкового самоопредѣленія: религія, государственная мощь, національное самосознаніе,—созданія этихъ гигантовъ русской исторіи. „Пушкинъ уловилъ форму, въ которую облеклись эти идеи, и тотъ духъ, которымъ онѣ проникались въ сознаніи и творческой переработкѣ русскаго народнаго генія, а уловивъ и передавъ въ художественномъ образѣ, онъ въ нашу собственную душу вдохнулъ силу самосознанія, положилъ начало духовной самостоятельности и равноправности съ другими культурными народами“ [2]).

Профессоръ Пономаревъ [3]) въ небольшой (10 стр.), но горячо написанной рѣчи характеризуетъ Пушкина, какъ „воплощеніе молодой Россіи“, созданной Петромъ. Очень удачно очерчена русская литература XVIII — XIX вѣка и та эпоха русской жизни, средоточіемъ которой былъ Пушкинъ, эпоха, характерная сильнымъ подъемомъ культурнаго роста, выразившаяся въ появленіи цѣлаго ряда писателей и государственныхъ дѣятелей, въ пробужденіи самосознанія русскаго общества. Останавливаетъ на себѣ также умѣлая характеристика содержанія многосторонней поэзіи Пушкина: „Кавказъ, Крымъ, Бессарабія, море и степи, родные лѣса, мхи и болота, крестьянскія лачуги и боярскія хоромы, сѣрая армяжная Русь, съ ея лаптями и сапогами-скороходами, и ея горемъ-нуждою, и веселымъ широкимъ разгуломъ-раздольемъ, тутъ же бокъ о бокъ и столичная знать, съ ея барствомъ, фиглярствомъ и скукой, „преданья старины глубокой и живая, животрепещущая, голая и неподкрашенная общественная бытовая правда и современность тогдашней пушкинской Руси“.—„Это цѣлое море жизни, съ неподкрашенной и не подрумяненной пейзанами и пейзанками природой родной нашей страны, ея прошлымъ и настоящимъ, ея добромъ и лихомъ, съ живыми людьми на первомъ планѣ, съ біеніемъ и трепетаніемъ могучаго русскаго сердца,—„вся эта жизнь создана творческою мыслью

---

[1]) Тамъ же, 121.

[2]) Тамъ же, 129.

[3]) Проф. *А. И. Пономаревъ*, „Значеніе А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературно-общественнаго развитія“, Спб., 1899.

великаго поэта, выношена его грудью, согрѣта его любовью, освящена его художественнымъ свѣточемъ, мягкимъ, ласкающимъ взоръ“ [1]).

Профессоръ Мочульскій [2]) не совсѣмъ послѣдовательно указалъ на нѣкоторыя черты поэтической жизни Пушкина, смѣшавъ существенное съ несущественнымъ и обмолвившись неточными выраженіями, въ родѣ слѣдующаго: въ произведеніяхъ Пушкина мы встрѣчаемъ „идеализацію любви и идеализацію женщины“,—между тѣмъ, Пушкинъ чуждъ идеализаціи, это—художникъ-*реалистъ*, дивно удержавшійся въ предѣлахъ правды и красоты. Туманно говоритъ авторъ о „человѣческой личности, свободѣ ея и правахъ“: „Пушкинъ выражалъ ее на первыхъ порахъ въ лирическихъ изліяніяхъ, чему способствовало отчасти уединеніе (?) и удаленіе отъ общества (?)“. Странно также толкованіе причинъ дуэли Онѣгина: Онѣгинъ, оказывается, убиваетъ на дуэли своего пріятеля, „мстя ему за ту недолгую скуку, какую пришлось испытать на балу у Ларинныхъ, куда онъ попадаетъ по винѣ Ленскаго“ [3]). Любопытно, между прочимъ, что проф. Мочульскій благодаренъ Пушкину и за то, что поэтъ, яко бы, внесъ въ наше сознаніе убѣжденіе, будто „широкіе планы и высокіе замыслы“ не всегда „по плечу русскому народу“, что „намъ нужно малое, но вѣрное дѣло“.

Г. Ѳоминъ [4]) задался цѣлью отвѣтить на три вопроса: 1) почему называютъ Пушкина величайшимъ русскимъ поэтомъ? 2) въ чемъ заключается заслуга передъ русскою литературой? 3) чему учитъ насъ его поэзія? Исходя изъ страннаго опредѣленія генія, какъ человѣка, выдающимся свойствомъ котораго „служитъ его способность сосредоточиться на одной какой-нибудь идеѣ, на одномъ предметѣ, который составляетъ потребность всего общества, но не сознается большинствомъ“ [5]), авторъ указываетъ, что Пушкинъ — геній, такъ какъ сосредоточился „всѣми силами своей души“ на идеѣ сблизить литературу съ жизнью. Едва ли можно навязывать Пушкину какія нибудь сознательныя исканія новыхъ путей литературнаго творчества во имя готовыхъ формулъ. Далѣе авторъ отмѣчаетъ независимость

---

[1]) Тамъ же, 6—7.

[2]) Проф. *В. Н. Мочульскій* „Вліяніе поэзіи Пушкина на развитіе самосознанія русскаго народа“, Одесса. 1900 г.

[3]) Тамъ же, 13.

[4]) *Д. Н. Ѳоминъ*, „Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина“ (*Филолог. Записки*, 1899, III—IV).

[5]) Тамъ же, 15.

поэзіи, любовь къ жизни и людямъ, къ благороднымъ порывамъ человѣческаго сердца, умѣніе найти красоту въ душѣ великихъ и маленькихъ людей, пробужденіе добрыхъ чувствъ, умѣніе рисовать природу, созданіе разныхъ теченій въ новой русской литературѣ,—какъ характерныя заслуги Пушкина.

Г. Боголюбскій [1]) въ своей рѣчи исчерпалъ въ главнѣйшихъ чертахъ содержаніе и мотивы поэзіи Пушкина: его пейзажи южной и сѣверной природы, его изображенія „человѣка“ и человѣческихъ чувствъ: чистой любви, отзывчивости, благороднаго сочувствія къ обиженнымъ, всепрощающей любви, высокаго патріотизма, высокаго нравственнаго просвѣтлѣнія... Охарактеризовалъ авторъ Пушкина и какъ знатока русской жизни, современной ему и прошедшей, отмѣтивъ въ основаніи всѣхъ его твореній вѣру въ торжество добра надъ зломъ, свѣтлаго надъ темнымъ: „идеалы его высоки тѣмъ, говоритъ авторъ, что являются не отрѣшенными отъ жизни, а вытекаютъ прямо изъ нея и даютъ попытку примирить настоящую дѣйствительность съ требованіями нравственности и религіи. Это—поэзія земли; но такой, куда сведено небо“ [2]). „Поставленныя рядомъ съ произведеніями Шиллера, Гете, даже Шекспира, творенія нашего великаго поэта нисколько не потеряютъ ни въ искусствѣ воспроизведенія жизни въ художественныхъ образахъ, ни въ величайшемъ разнообразіи сюжетовъ, ни въ задушевности и широкой гуманности, которыми, какъ яснымъ солнышкомъ, освѣщена и согрѣта вся поэзія Пушкина“ [3]).

Г. Горгаслидзе [4]) далъ небольшой біографическій очеркъ поэта, затѣмъ охарактеризовалъ до-пушкинскую литературу, впрочемъ далеко невѣрно. Оказалось, напримѣръ, что писатели XVIII вѣка „сочиняли немного, да и то, главнымъ образомъ, переводили“. „Сочиненія эти писались крайне тяжелымъ и мало-понятнымъ языкомъ“ [5]). Въ дѣятельности Пушкина авторъ отмѣчаетъ его „самобытность“, „реализмъ“, умѣніе рисовать пейзажи и людей. Пушкинъ, по мнѣнію автора, явился чуть ли не первымъ дѣятелемъ освобожденія крестьянъ. Наконецъ авторъ отмѣтилъ его значеніе въ исторіи русской литературы и вообще русскаго общества.

---

[1]) *Г. Боголюбскій*, „Поэзія А. С. Пушкина, преимущественно съ нравственно-художественной точки зрѣнія“ (Кумскій, „Памяти Пушкина“, 95).

[2]) Тамъ же, 108.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Евгр. Горгаслидзе*, „А. С. Пушкинъ и его заслуги“ (Тамъ же, 204).

[5]) Тамъ же, 210.

Работа г. Дубровицкаго [1]) представляетъ обстоятельный, добросовѣстный историческій очеркъ литературной дѣятельности великаго поэта съ перваго его произведенія до послѣдняго. Новаго не встрѣтили мы ничего, но все извѣстное намъ изложено хорошимъ языкомъ.

Г. Жемчужинъ [2]) отмѣчаетъ въ своей рѣчи значеніе Пушкина въ дѣлѣ культурнаго воздѣйствія Россіи на западную Европу; его имя стоитъ во главѣ той эпохи, начиная съ которой стала „съ уваженіемъ“ смотрѣть на насъ западная Европа. Затѣмъ авторъ говоритъ о культурѣ германо-романскаго міра, переходитъ къ міру „славяно-русскому“ и даетъ обѣщаніе, что „новое слово“ сказано будетъ одряхлѣвшему западу именно нами—„ключъ къ уразумѣнію этихъ данныхъ, между прочимъ, представляетъ собою характеръ генія Пушкина, генія, который Достоевскій называлъ „пророческимъ“ [3]). Въ чемъ это „новое слово“ видно, кажется, изъ перехода автора съ характеристики Пушкина, какъ носителя идеаловъ любви, милосердія, миролюбія, на „Гаагскую конференцію“.

Г. Остроумовъ [4]) въ своей небольшой рѣчи отмѣтилъ у Пушкина его умѣнье рисовать картины природы, изображать дѣйствительность, его любовь къ народной поэзіи, его близость къ русской жизни, отзывчивость... Въ заключеніе авторъ указалъ на міровое значеніе Пушкина и, отмѣтивъ его значеніе, какъ критика и журналиста, далъ общую характеристику его.

Въ другой своей рѣчи тотъ же авторъ [5]) останавливается, главнымъ образомъ, на выясненіи „народности“ Пушкина, поскольку она выразилась въ его языкѣ, его картинахъ природы и жизни. „Всего яснѣе и осязательнѣе, замѣчаетъ авторъ, выразилось національное въ Пушкинѣ, такъ это въ отношеніи его къ Царю. Поразительное и умилительное зрѣлище представляетъ собою единеніе Царя съ наро-

---

[1]) *С. Дубровицкій*, „А. С. Пушкинъ въ его сочиненіяхъ“ („Вся Россія“. Энциклопед. библіотека подъ общей редакціей В. И. Макова). Кіевъ — Харьковъ, 1899 г.

[2]) *В. И. Жемчужинъ*, „Рѣчь, прочитанная 27-го мая 1899 г. на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ Ревельскомъ городскомъ театрѣ въ память А. С. Пушкина“. Ревель, 1899 г.

[3]) Тамъ же, 6.

[4]) *И. И. Остроумовъ*, „Рѣчь преподавателя И. И. О—ва, сказанная, на пушкинскомъ вечерѣ 25-го мая въ Гродненской женской гимназіи“. Гродна, 1899 г.

[5]) *И. И. Остроумовъ*, „Рѣчь преподавателя, произнесенная въ Гродн. мужск. гимназіи 26-го мая, въ день чествованія 100-лѣтія со дня рожденія А. С. Пушкина“. Гродна, 1899.

домъ въ лицѣ Пушкина, какъ вѣрнаго и цѣльнаго его представителя, единеніе съ одной стороны великаго сердца, съ другой — великаго ума“ [1]). Мы думаемъ, что въ отношеніяхъ Пушкина къ Императору Николаю сказались, прежде всего, его *личныя* симпатіи и никакого „представительства“ здѣсь нѣтъ!

Г. Дмитріевъ [2]) охарактеризовалъ великаго поэта, какъ „богатыря мысли и художественнаго творчества“ [3]); объяснивъ затѣмъ, что такое „художникъ“ и „художественное творчество“, авторъ отмѣтилъ нѣкоторыя заслуги Пушкина (внесеніе самобытности въ русскую литературу, воскрешеніе прошлаго и вѣрное изображеніе дѣйствительности, картины природы, вѣрное отношеніе къ крѣпостному праву и другимъ общественнымъ недугамъ русской жизни).

Г. Петровъ [4]) предпослалъ біографіи поэта небольшой очеркъ, выясняющій значеніе и заслуги Пушкина (внесеніе самобытности въ литературу, простоты и жизненной правды); затѣмъ авторъ охарактеризовалъ способность поэта быть разнообразнымъ, умѣть перевоплощаться, быть отзывчивымъ, умѣть рисовать природу и людей старой и новой Россіи.

Г. Пляшкевичъ [5]) издалъ рядъ произведеній великаго поэта, предпославъ имъ небольшой очеркъ, выясняющій въ самыхъ общихъ чертахъ его значеніе.

Е. и Д. Тихомировы [6]) въ первой главѣ своей работы („Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ“) выяснили заслуги поэта, указавъ на его языкъ, его картины природы и русской жизни, выяснивъ его гуманное отношеніе къ людямъ, даже врагамъ, его отношеніе къ крѣпостнымъ; особенно подчеркнута его высокая вѣра въ добро и правду.

Г. Устиновъ [7]) выяснилъ значеніе праздника 1899 года, обрисо-

---

[1]) Тамъ же, 17.

[2]) *Н. В. Дмитріевъ*, „О значеніи Пушкина для русскаго народа“ (Пушкинскій вечеръ въ женской профессіональной школѣ С. П. фонъ-Дервиза 26-го мая 1799—1899 гг.). Спб., 1899.

[3]) Тамъ же, 5.

[4]) *П. В. Петровъ*, „Памяти А. С. Пушкина“ (рѣчь, произнесенная въ Павловскомъ военномъ училищѣ въ день 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія поэта). Спб., 1899 г.

[5]) *В. Пляшкевичъ*, „Богатырь русской поэзіи Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ и его пѣсни“. Вильна, 1899 г.

[6]) *Е. и Д. Тихомировы*„ Библіотека *Дѣтскаго Чтенія*: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“, чтеніе для школъ и народа. М., 1899 г.

[7]) *И. Е. Устиновъ*, „О значеніи поэзіи Пушкина“, (Вологодская гимназія.

вавъ словами Достоевскаго любовь Пушкина къ русскому народу. затѣмъ указалъ народность его произведеній, отмѣтивъ симпатическое отношеніе къ нему простого народа. Разборъ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина помогаетъ ему отмѣтить отзывчивость, способность перевоплощаться, умѣніе вездѣ находить красоты, пониманіе русской души, русской старины. Заключаетъ авторъ указаніемъ художественности и изящества человѣческаго чувства у Пушкина. „Онъ творилъ свои произведенія, какъ всероссійскій поэтъ, поэтъ духовнаго объединенія. Какъ государи, собиратели Руси, онъ собиралъ Русь чудесными произведеніями своего генія, онъ создавалъ памятникъ не только себѣ, но памятникъ русскому духу, русскому языку, русской культурѣ“ [1])

Г. Маклаковъ [2]), въ качествѣ члена архивной комиссіи, посвятилъ свою рѣчь „Борису Годунову“ и „Исторіи Пугачевскаго бунта“; значеніе Пушкина онъ выясняетъ, главнымъ образомъ, при помощи многочисленныхъ выдержекъ изъ Шопенгауэра (!). Рѣчь его жива и содержательна, но страдаетъ мѣстами излишнею образностью: напримѣръ, „духъ тогдашняго времени—байронизмъ, который подобно рѣзкому восточному вѣтру продувалъ насквозь—отпалъ отъ Пушкина. какъ маска“ [3]). Также кажется намъ излишнимъ преувеличеніе значенія „Исторіи“ Пушкина, какъ образцоваго историческаго труда.

Г. Крыловъ [4]) характеризуетъ Пушкина, какъ выразителя идеи и настроеній эпохи Александра I, какъ пѣвца правды и русской дѣйствительности, какъ художника; отмѣчаетъ авторъ мотивы гуманности и оптимизма. Рѣчь г. Крылова заключается характеристикой главныхъ типовъ у Пушкина. Остановимся на его характеристикѣ Онѣгина: „Онѣгинъ вполнѣ заслуживаетъ сочувственнаго отношенія къ нему. Онъ, безспорно, человѣкъ умный, искренній. Подъ его искусственно-холодною наружностью кроется прямая честная душа, не чуждая лучшихъ, благородныхъ движеній сердца и томящаяся лишь отъ пустоты и бездѣятельности“ [5]). Отмѣтимъ также толкованіе сти-

---

Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина 27-го мая 1899 г.). Харьковъ-1900 г.

[1]) Тамъ же, 35.

[2]) *Н. А. Маклаковъ*, „Вступительная рѣчь“ (Пушкинскіе дни въ губ. г. Владимірѣ 26—29-го мая 1899 г.), Владиміръ, 1899.

[3]) Тамъ же, 12.

[4]) *И. С. Крыловъ*, „О поэзіи А. С. Пушкина“ (общій очеркъ). Тамъ же, 25.

[5]) Тамъ же, 35.

хотворенія „Чернь“. „Это — говоритъ авторъ—чернь литературная, небольшой кружокъ русскихъ читателей, разные „записные аристархи (Булгаринъ, Гречъ)“ [1]). Другое объясненіе по поводу того же стихотворенія слѣдующее: „Здѣсь Пушкинъ говоритъ относительно самого процесса созданія поэтическихъ произведеній, т. е. въ минуты вдохновенія, когда поэтъ творитъ свое произведеніе, когда онъ погружается въ собственный міръ, тогда все постороннее для него не существуетъ“ и т. д. [2]). Едва-ли допустимо второе толкованіе этого стихотворенія, а въ первомъ надо сдѣлать поправку, — не однихъ Булгарина и Греча имѣлъ въ виду Пушкинъ, а, главнымъ образомъ, петербургскую знать и власть съ Бенкендорфомъ во главѣ, которые, какъ извѣстно, пытались вліять на его творчество.

Г. Смирновъ [3]) сказалъ нѣсколько словъ, которыми обрисовалъ, въ общихъ чертахъ, значеніе поэта, не внеся ничего новаго.

Г. Тычининъ [4]) озаглавилъ свою работу несоотвѣтственно ея содержанію,—передъ нами лишь подборъ главныхъ особенностей пушкинской поэзіи, ея содержанія и мотивовъ. Говоря, объ одномъ пейзажѣ у Пушкина, авторъ сознался, что этотъ пейзажъ будитъ въ его душѣ „пріятно-меланхолическое чувство“, такъ какъ напоминаетъ ему его „дѣтство, проведенное“. по чистосердечному признанію, „среди крапивы и повилики“ [5])—доказательство не изъ убѣдительныхъ.

Любовь Пушкина къ природѣ, животнымъ, людямъ, чувство гуманности и любви (характеристика Татьяны), религіозность и другія качества Пушкина, какъ поэта, подсчитаны авторомъ и доказаны многочисленными выдержками. Остановимся, въ заключеніе, на одной странности. „Душа Пушкина, говоритъ авторъ,—огонь, а гдѣ огонь, тамъ возможно и злокачественное (?) пламя“ [6]),—оттого и Пушкинъ не всегда чистъ въ своей поэзіи.

Характеристика литературной дѣятельности Пушкина сдѣлана также г. Красновымъ [7]). Начинаетъ авторъ съ бѣглой критики Бѣ-

---

[1]) Тамъ же, 32.

[2]) Тамъ же, 31.

[3]) *С. Г. Смирновъ*, „26-го мая 1899 года“, рѣчь предсѣдателя отд. преподават. русск. языка и словесности при Педаг. О-вѣ. (Программа чествованія Пушкина учащимися въ Москвѣ).

[4]) *Вл. Тычининъ*, „Пушкинъ—воспитатель“. (Оттискъ изъ *Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* №№ 71, 72, 73, 75, 76 и 80 за 1899 годъ). Витебскъ, 1899.

[5]) Тамъ же, 5.

[6]) Тамъ же, 23.

[7]) *Вл. Красновъ*, „О Пушкинѣ“, „Книжки *Недѣли*“, 1899, № 6, 169.

линскаго, Ап. Григорьева, Н. Н. Страхова и Д. С. Мережковскаго, констатируя своей критикой фактъ непониманія Пушкина современной русской публикой. Затѣмъ г. Красновъ нападаетъ на критиковъ-націоналистовъ, отстаивающихъ существованіе „*русской* литературы“ и считающихъ Пушкина „создателемъ“ этой литературы. „Европа, говоритъ онъ, знаетъ только одно общее искусство, одну общую литературу, начавшуюся еще въ древней Греціи“... „народы, вступающіе въ историческую жизнь Европы, даютъ ей каждый свое содержаніе“ [1]). Заслугу Пушкина авторъ видитъ въ томъ, что Пушкинъ первый изъ русскихъ сдѣлалъ этотъ вкладъ во всемірную литературу [2]).

Далѣе идетъ обстоятельный перечень „русскихъ“ чертъ, характеризующихъ нашу народность и внесенныхъ Пушкинымъ въ общеевропейскую сокровищницу: человѣчность, незлобіе и миролюбіе, кротость къ врагамъ внѣшнимъ и внутреннимъ, умѣніе сочувствовать чужимъ чувствамъ, способность смиренно и безропотно относиться къ обстоятельствамъ дѣла и переносить удары судьбы. Такимъ образомъ, начавъ съ критики „націоналистовъ“, г. Красновъ, въ сущности, повторилъ ихъ. Указываетъ авторъ, между прочимъ, и на то, что и „Магометъ, и испанцы, и греки, и Дантъ, и Парни, и русскій народъ выходятъ въ толкованіяхъ Пушкина облагороженными, чистыми“ [4]). Любопытно указаніе на то, что поэтъ выбиралъ основными сюжетами своихъ вдохновеній „самыя общія чувства: онъ пѣлъ о любви, о дружбѣ, о страстяхъ и борьбѣ съ ними, о религіи и свободномъ разумѣ“ [5]),—этимъ онъ отличается отъ лириковъ второстепенныхъ, которые гоняются за „дополнительными, такъ сказать, вторичными чувствами и настроеніями“ [3])... Сопоставляя Пушкина съ Байрономъ, Гете, Шекспиромъ, г. Красновъ увлекается до того, что видитъ у „всѣхъ этихъ поэтовъ внутренній разладъ“ — „въ поэзіи же Пушкина царствуетъ полная гармонія“ [6]). Въ любовной лирикѣ нашъ поэтъ выше Овидія и Боккачьо („это чувственныя, хотя, впрочемъ, изящныя животныя“), Данта и Шиллера (чрезмѣрная идеализація любви), Гейне („похожденія плоти унижаютъ духъ, а восторги духа лишаютъ желанія тѣла“). Впрочемъ г. Краснову приходится свое утвержденіе оговаривать добав-

---

[1]) Тамъ же, 170.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, 171.
[4]) Тамъ же.
[5]) Тамъ же. Ср. школу декадентовъ.
[6]) Тамъ же, 172.

ками и изъясненіями: такъ, оказывается гармонія тѣла и духа у Пушкина не всегда была цѣльна: „въ этомъ виноваты нравы и женщины“—нѣсколько неожиданно и едва-ли справедливо заявляетъ онъ. Далѣе, останавливается онъ на музыкальности стиха Пушкина, выводя это качество не изъ техники, а изъ ясности и ровности его чувства, характеризуетъ Пушкина, какъ „родоначальника русскаго реализма“. говоритъ о „народничествѣ“ Пушкина, сказавшемся въ любви поэта къ народу, его жизни, страданіямъ и радостямъ, отмѣчаетъ его игривость, веселость, остроуміе, увлекательность, и заканчиваетъ свою характеристику словами: „удѣльный вѣсъ его сочиненій огроменъ, и именно съ такимъ умственнымъ багажемъ входятъ въ область безсмертія. Въ Пушкинѣ кристаллизовалась вся сущность русской литературы... Въ немъ въ зачаткѣ всѣ идеи и всѣ формы послѣдующей русской литературы“ [1]).

Г. Воскресенскій въ небольшой рѣчи своей старался охватить все, что можно сказать о Пушкинѣ [2]), — по крайней мѣрѣ, своему очерку онъ предпослалъ самую широковѣщательную программу. На каждое „положеніе“ этой программы авторомъ отведено по нѣсколько строчекъ (maximum полстраницы) и, въ большинствѣ случаевъ, ничего кромѣ общеизвѣстныхъ фактовъ и разсужденій мы въ его рѣчи не встрѣтимъ. Впрочемъ, кое-гдѣ онъ пытается сказать и свое сужденіе: такъ изъ его рѣчи мы узнали, что Байронъ, пѣвецъ „свободы“, воспѣвалъ въ своей поэзіи „нравственное безобразіе“!

Г. Кугель [3]) охарактеризовалъ отношенія Пушкина къ Шекспиру, остановился на разборѣ Бориса Годунова и заканчилъ обзоромъ драматическихъ отрывковъ, при чемъ, признавъ драматическій талантъ за Пушкинымъ, онъ отрицаетъ сценичность его пьесъ.

Г. Кадлубовскій [4]) совершенно справедливо отмѣтилъ въ творчествѣ Пушкина эволюцію гуманности, проявившейся въ раннихъ его произведеніяхъ, какъ прославленіе свободы и горячій протестъ противъ деспотизма и произвола,—а въ позднихъ—въ видѣ широкой, всеобъем-

---

[1]) Тамъ же, 182.

[2]) *А. Н. Воскресенскій*, „А. С. Пушкинъ какъ поэтъ-художникъ и творецъ идеаловъ“, Одесса 1899.

[3]) *А. Кугель*, „Пушкинъ, какъ драматургъ“ (*Театръ и Искусство*, № 21).

[4]) *А. П. Кадлубовскій*, „Гуманные мотивы въ творчествѣ Пушкина“ (26-го мая 1899 года, Рѣчи, произнесенныя въ день празднованія рожденія А. С. Пушкина въ торж. собраніи Историко-Филологич. Института князя Безбородко). Нѣжинъ, 1899.

лющей любви къ человѣку. Недоступный злобѣ, гуманный и бодрый, чуткій къ чужому горю, полный всепобѣждающей любви и прощенія (Наполеонъ, Мицкевичъ, лицейскіе наставники и друзья), онъ въ своихъ произведеніяхъ изображалъ, а въ герояхъ чтилъ человѣчность, милость, правду (Петръ Великій). „Культъ мира и всепрощенія", „апоѳеозъ прощенія",—вотъ, что звучитъ въ его лучшихъ созданіяхъ. Сочувствіе къ единицамъ, раздавленнымъ побѣдною колесницею исторической необходимости", (Мѣдный Всадникъ), жертвамъ побѣды частнаго надъ общимъ (Галубъ), жертвамъ не сознанной жестокости обыденнаго порядка (Анчаръ), пониманіе „простой, будничной жизни, при которомъ заслонялся „герой", а въ маленькихъ людяхъ рисовались черты человѣческаго достоинства,—вотъ, нѣкоторые моменты въ ростѣ той гуманности великаго поэта, которая привела его отъ „протеста противъ сильныхъ и высшихъ" къ „любви и вниманію къ низшимъ и слабымъ" [1]). Таковы главнѣйшія положенія прекрасной работы г. Кадлубовскаго.

Г. Гриневичъ [2]) такъ же удачно обрисовалъ гуманный характеръ пушкинскаго творчества. Совершенно вѣрно указываетъ онъ, что духу поэта менѣе всего была свойственна поэзія борьбы и политическихъ страстей—его вольнолюбивыя произведенія: „Вольность", „Деревня", „Клеветникамъ Россіи", „Бородинская годовщина" и под. не типичны, равно какъ и произведенія, аналогичныя „Черни". Характеристика лучшихъ произведеній и образовъ поэта, сдѣланная безъ излишнихъ увлеченій (ср. характеристику Татьяны [3]), заставляетъ автора признать, что существенная черта Пушкина — гуманность [4]). „По широтѣ и возвышенности своихъ воззрѣній на жизнь и человѣка, — говоритъ авторъ, — Пушкинъ не уступитъ ни одному изъ такъ называемыхъ міровыхъ геніевъ. Пушкинъ является пѣвцомъ человѣчности въ лучшемъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ безконечнаго уваженія „къ достоинству человѣка, какъ человѣка" [5]). „Счастье человѣка и достоинство человѣческой личности должны быть мѣриломъ вещей; всестороннее развитіе лучшихъ свойствъ человѣческой души, удовлетвореніе всѣхъ нравственно-законныхъ

---

[1]) Тамъ же, 59.

[2]) *П. Ф. Гриневичъ*, „Пѣвецъ гуманной красоты" (Сборникъ *Русскаго Богатства*). Спб., 1899.

[3]) Тамъ же, 58.

[4]) Впрочемъ, при такой, хотя и вѣрной, но односторонней оцѣнкѣ Пушкина, оказываются неудачными такія произведенія, какъ „Каменный Гость" (65 стр.).

[5]) Тамъ же, 67—8.

потребностей — вотъ, полнота счастья, и нарушеніе этого основного закона, аскетизмъ такъ же, какъ и распущенность, одинаково чужды и враждебны этому свѣтлому, гуманному міровоззрѣнію. (Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиковая Дама). Съ другой стороны, такое понятіе счастья не только не исключаетъ, но даже обнимаетъ собою идею нравственнаго долга, которая для сильной и цѣльной натуры можетъ быть дороже всего (Петръ Великій, Мироновъ, Татьяна). Идеалъ человѣчности бодрствуетъ даже надъ тѣми, кто не признаетъ его власти, и всякое попраніе этого идеала, въ концѣ концовъ жестоко мститъ за себя. На идеѣ справедливости должно поэтому строиться не только личное благо, но и прочное историческое зданіе (Донъ-Жуанъ, Борисъ Годуновъ, Полтава). Любовь для Пушкина— главный моментъ счастья, и потому разочарованіе въ любви для многихъ его героевъ равносильно полной гибели (Черкешенка, Русалка, Марія). Любовь творитъ, съ другой стороны, чудеса, смиряетъ въ человѣкѣ звѣрскія чувства (Гирей, Дубровскій, князь изъ „Русалки"); естественно, что такое высокое чувство, которое облагораживаетъ падшую душу, должно быть свободно (Цыгане, Кавказскій плѣнникъ [1]). Анализъ лирики Пушкина приводитъ автора къ признанію, что „любовь Пушкина — чувство человѣческое, далекое отъ животной чувственности и отъ неестественнаго платонизма [2]). Онъ правдивъ всегда, не рисуется, не напрягаетъ своего чувства [3]). Въ отношеніи къ природѣ онъ отличается отъ Лермонтова. Для него природа „равнодушна" (Туча, Обвалъ),—оттого ея живопись у него „ясная, величаво-простая и нѣсколько холодная" (Ср. „Тучу" съ лермонтовской „Тучкой"). Онъ — пѣвецъ человѣческой жизни и „неполной радости земной"; свои ландшафты онъ всегда согрѣваетъ присутствіемъ человѣка.

Кн. Д. Цертелевъ [4]) охарактеризовалъ великаго поэта, какъ „одного изъ самыхъ яркихъ и цѣльныхъ представителей служенія чистому искусству, чуждаго всякой предвзятой мысли или тенденціи" [5]). Употребивъ терминъ „чистое искусство", получившій вполнѣ опредѣленное значеніе, авторъ, однако, оговорками и поправками су-

[1]) Тамъ же, 68.

[2]) Тамъ же, 69.

[3]) Тамъ же.

[4]) *Кн. Д. Цертелевъ*, „Взглядъ Пушкина на поэзію". (*Русскій Вѣстникъ*, 1899, № 6).

[5]) Тамъ же, 411.

щественно измѣняетъ его значеніе: „Нельзя смѣшивать — говоритъ онъ—чистую поэзію вообще съ тѣмъ объективнымъ, безстрастнымъ настроеніемъ, которое заставляетъ иногда величайшихъ поэтовъ смотрѣть на жизнь, какъ на простое зрѣлище, оставаясь въ сторонѣ отъ ея борьбы. тревогъ и волненій“ [1]). Разъ Пушкина кн. Цертелевъ не признаетъ такимъ,—зачѣмъ же онъ употребляетъ терминъ. не подходящій къ поэту? Оказывается, служитель „чистаго искусства“ по его признанію, можетъ быть и „эхомъ“, и „пророкомъ“, и художникомъ природы...

Проф. Свѣтловъ [2]) началъ свою рѣчь съ указанія, что „на свѣтломъ праздникѣ русской литературы церковь не можетъ и не должна быть простою постороннею зрительницею; этотъ праздникъ долженъ быть и ея праздникомъ, какъ всякое торжество духа человѣческаго на его пути къ свѣту и добру, къ лучшему будущему“ [3]). Послѣ такого приступа идетъ перечень темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ поэзіи Пушкина, при чемъ свѣтлыя стороны оказались очень блѣдно представленными: человѣчность, народность, умѣніе рисовать жизнь, служить родинѣ во имя идеаловъ свободы, добра и правды,—все это очень бѣгло очерчено авторомъ. Темныя же стороны разсмотрѣны обстоятельнѣе. Авторъ вѣрно указалъ на борьбу въ Пушкинѣ „двухъ Пушкиныхъ“: „одинъ—сынъ своего вѣка, созданный средой, воспитаніемъ, просвѣщеніемъ и нравами своего времени. Этотъ первый Пушкинъ есть легкомысленный оптимистъ, безсознательный матеріалистъ, безъ всякихъ высшихъ идеальныхъ запросовъ, индифферентный къ религіи, слегка щеголяющій вольномысліемъ XVIII вѣка, страстно преданной земной жизни и ея утѣхамъ. Другой Пушкинъ — человѣкъ свѣтлаго ума, благородной, великой души, чуткой совѣсти, серьезнаго настроенія. Тотъ и другой чередуются въ пушкинской поэзіи, и хотя другой Пушкинъ къ концу литературной дѣятельности выступаетъ, повидимому, замѣтнѣе, однако, писательскій обликъ этого Пушкина, остается менѣе выясненнымъ, чѣмъ перваго“ [4]). Исходя изъ такого положенія, авторъ доказываетъ ниже, что „религіозно-этическій идеализмъ“ — основная черта всей новѣйшей національной русской литературы — чуждъ Пушкина, его поэзія „лишена, въ общемъ, идеальнаго отпечатка нравственной серьез-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Проф. *П. Я. Свѣтловъ*, „О темныхъ и свѣтлыхъ сторонахъ поэзіи Пушкина“, (*Странникъ*, 1899, № 12).

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же, 676—7.

ности, философской вдумчивости и религіозности; она сполна замыкается въ тѣсной сферѣ преходящаго и земного. Поэзія Пушкина не знаетъ ничего, что лежитъ за предѣлами видимаго и земного, и не любитъ подниматься надъ землею въ область темъ... философскаго и религіознаго созерцанія" [1]).

Г. Рожковъ [2]) охарактеризовалъ героинь Пушкина и Грибоѣдова, при чемъ призналъ, къ сожалѣнію, характеристику Татьяну оконченной въ смыслѣ толкованія Достоевскаго — утвержденіе, далеко невѣрное, такъ какъ юбилейная литература 1899 года принесла съ собой нѣсколько новыхъ толкованій этого типа. Удачнѣе характеристика Софьи, которую авторъ справедливо сближаетъ съ Татьяной за ея мечтательность и сентиментальность; различіе между ними то, что Татьяна искала „подчиненія", а Софья — власти. Если съ этимъ можно согласиться, то переходъ автора отъ нихъ къ Юліаніи Осорьиной, жившей на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ, и царевнѣ Софьѣ—переходъ рѣзкій, неподготовленный, кажется большой странностью, тѣмъ болѣе, что въ первой увидѣлъ авторъ прототипъ Татьяны, а во второй—Софьи. Сопоставленіе Вас. Голицына съ Молчановымъ тоже совсѣмъ неубѣдительно.

Проф. Ждановъ перепечаталъ свою интересную актовую университетскую рѣчь, посвященную выясненію отношеній Пушкина къ Петру Великому [3]).

Ту же тему разработалъ г. Гольвенвейзеръ [4]).

Г. Ельчуковъ [5]) далъ довольно обстоятельную характеристику женскихъ типовъ у Пушкина.

Проф. Сапожниковъ [6]) посвятилъ свою рѣчь выясненію отношеній Пушкина къ природѣ и изображенію ея въ его произведеніяхъ.

---

[1]) Тамъ же, 680.

[2]) *Н. Рожковъ*, „Пушкинская Татьяна и Грибоѣдовская Софья въ ихъ связи съ исторіей русской женщины XVII и XVIII в.". (*Журналъ для всѣхъ*, 1899, № 5).

[3]) Проф. *И. Н. Ждановъ*, „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ" (*Вѣстн. Всемірной Исторіи*, 1899, № 12).

[4]) *Н. Гольвенвейзеръ*, „Петръ Великій въ произведеніяхъ Пушкина". („Календарь лицея цесаревича Николая", 1900—1901).

[5]) *Л. А. Ельчуковъ*, „Русскія женщины въ произведеніяхъ Пушкина". (Пушк. Сб. Кіевск. учебн. окр., II ч.).

[6]) Проф. *Сапожниковъ*, „Природа въ поэзіи Пушкина". („Рѣчи въ Томскомъ университетѣ" въ маѣ 1899 г.).

Г. Канивецкій собралъ въ своемъ очеркѣ все, что посвящено Пушкинымъ Кавказу [1]).

Любопытенъ также небольшой этюдъ г. Изгоева [2]). Авторъ отмѣтилъ вначалѣ интересъ всѣхъ нашихъ лучшихъ писателей къ смерти и приходитъ къ выводу, что—изъ нихъ всѣхъ—менѣе всего была она доступна художественному пониманію Пушкина: онъ „рисуетъ не смерть, а вѣчно-живущую природу, на которой, въ видѣ досадныхъ черныхъ точекъ, тамъ и сямъ разсыпаны случаи человѣческой смерти“ [3]), „никогда онъ не выдѣлялъ особо изъ всей жизни природы смерть человѣка“ [4]). „Широкое, глубоко прочувствованное и воспринятое пантеистическое міросозерцаніе спасаетъ Пушкина отъ страха смерти. Благодаря этому, въ его поэзіи нѣтъ разлада, нѣтъ дребезжащей ноты, несущей съ собой расколъ и диссонансъ“ [5]). Обѣщаетъ авторъ, что и „грядущее новое міросозерцаніе будетъ носить ясно выраженный пантеистическій характеръ“ [6]) и „Пушкинъ, такимъ образомъ, является поэтомъ будущаго, многія произведенія его будутъ съ одинаковымъ наслажденіемъ читаться въ концѣ XX вѣка, какъ читаются и теперь“ [7]).

Г. Величко [8]) высказалъ въ своей рѣчи цѣлый рядъ соображеній, часто остроумныхъ, чаще странныхъ, или неновыхъ безъ опредѣленной системы. Съ основной точкой зрѣнія автора, что „русскіе—народъ мессіаническій“ [9]) согласиться очень трудно, такъ какъ словъ г. Величко русскіе пока еще не доказали, а о томъ, что будетъ, и мы, и г. Величко мало освѣдомлены. «По поэзіи Пушкина Россія должна предугадывать свои будущія судьбы“—тоже преувеличеніе, которое только красиво, но не болѣе.

Г. Розановъ въ юбилейномъ № „Міра Искусства“ сочинилъ что-то о Пушкинѣ [10]), но такъ какъ сочинено это для литераторовъ „изъ

---

[1]) *Канивецкій*, „Кавказъ въ поэзіи Пушкина“. (Тифлисъ, 1899).

[2]) *А. С. Изгоевъ*, „Смерть въ поэзіи А. С. Пушкина“. („Памяти А. С. Пушкина“, Сб. журн. *Жизнь*).

[3]) Тамъ же, 151.

[4]) Тамъ же, 152.

[5]) Тамъ же, 154.

[6]) Тамъ же, 157.

[7]) Тамъ же.

[8]) *В. Л. Величко*, „Судьбы поэзіи Пушкина“. („Кавказская полемика о Пушкинѣ“—26-го мая 1799—1899 г., изд. ред. газеты *Кавказъ*). Тифлисъ, 1899.

[9]) Тамъ же, 134.

[10]) *В. Розановъ*, „Замѣтка о Пушкинѣ“. (*Міръ Искусства*, 1899, №№ 13—14).

литературнаго переулка", то вѣроятно только ихъ пониманію и доступно.

Проф. Овсяннико-Куликовскій [1]) посвятилъ свой интересный очеркъ вопросу о психологіи пушкинскаго творчества. Къ сожалѣнію, настоящій этюдъ его о Пушкинѣ, интересный по общей постановкѣ вопроса, не удовлетворилъ насъ, главнымъ образомъ потому, что нѣтъ никакой возможности на 40 страницахъ анализировать всѣ лучшія произведенія великаго поэта. Изученіе психологіи творчества—работа очень тонкая, мелкая,—нельзя въ ней размахнуться такъ широко, какъ это сдѣлалъ проф. Овсяннико-Куликовскій въ своей послѣдней работѣ!

Начинаетъ почтенный авторъ съ перечня и характеристики тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ судятъ у насъ литературныя произведенія [1) историко-литературная, 2) національная, 3) общечеловѣческая]; къ нимъ онъ прибавляетъ новую,—„опредѣляемую понятіемъ задачъ психологіи художественнаго творчества, какъ особаго вида работы мысли". Въ противоположность всѣмъ перечисленнымъ точкамъ зрѣнія объектъ изученія въ этомъ случаѣ иной: „геніальная голова поэта, какъ лабораторія творчества" [2]),—вотъ, чѣмъ занятъ психологъ поэтическаго творчества, — для него, конечно, одинаково важны всѣ предыдущія точки зрѣнія, поскольку онѣ участвуютъ въ толкованіи образа поэта и его дѣятельности. Любопытно то положеніе, которое для автора служитъ мѣриломъ геніальности писателя; въ основу его положенъ „принципъ *экономіи умственнаго труда*. Причисляя художественное творчество къ теоретической умственной дѣятельности [3]), состоящей въ направленіи ума „отъ частнаго къ общему, отъ конкретнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго къ типичному", авторъ и въ художественномъ творчествѣ видитъ „экономію мысли, сбереженіе умственной энергіи". „Все общее и обобщающее, все отвлеченное, начиная отъ элементарныхъ понятій и кончая высшими обобщеніями науки (законы) и философіи (принципы и идеи), экономизируетъ умственную силу, не позволяя ей растрачиваться по частямъ въ безплодной погонѣ за конкретнымъ, за индивидуальнымъ" [4]). „Поэтому обобщающіе процессы мысли могутъ быть по праву названы *акку-*.

---

[1]) Проф. *Д. Н. Овсяннико-Куликовскій*, „А. С. Пушкинъ—какъ художественный геній". („Памяти Пушкина", сборн. журн. *Жизнь*).

[2]) Тамъ же, 5.

[3]) Тамъ же, 6.

[4]) Тамъ же.

мультораміи умственной энергіи“ [1]). „Художники вообще и поэты въ частности суть такіе же аккумуляторы: они создаютъ *художественныя обобщенія, типичные образы*“ [2]). „Геніальные художники это—тѣ, которые создали наиболѣе широкіе *художественные типы, имѣющіе или могущіе имѣть значеніе общечеловѣческое*“ [3]). Далѣе авторъ останавливается на анализѣ двухъ писемъ Пушкина (отзывъ о „Горѣ отъ ума“—1825 г. и воззрѣніе его на трагедію); этотъ анализъ позволяетъ автору выяснить природу поэтическаго вдохновенія. Всякій художникъ запасается впечатлѣніями часто безсознательно. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, волненій, ощущеній „безсознательное“ „шевелится въ душѣ поэта“ и появляется наружу. „Это движеніе безсознательнаго и это „вниманіе“, этотъ обратный переходъ „оттуда“ въ сферу сознанія и есть такъ называемое *вдохновеніе*“ [4]). Затѣмъ авторъ анализируетъ Пушкинскія произведенія: „Русланъ и Людмилла“, „Кавказскій Плѣнникъ“, „Цыгане“, „Евгеній Онѣгинъ“ (типы Онѣгина и Татьяны), „Скупой Рыцарь“, „Каменный Гость“, „Моцартъ и Сальери“. По пути этого анализа авторъ разсѣялъ рядъ остроумныхъ соображеній. Такъ, исходя отъ того положенія, что „*типъ*“ есть результатъ индуктивнаго творчества, онъ доказываетъ, что герои „Цыганъ“—„Алеко, старикъ, цыгане“—созданія не художественныя по своей отвлеченности: они—результатъ творчества дедуктивнаго. „Вся поэма въ цѣломъ есть не что иное, какъ превосходно удавшійся опытъ ясной, точной и сильной формулировки въ терминахъ „Алеко“, „Цыгане“, „Старикъ“ одной изъ важныхъ и популярныхъ въ свое время европейскихъ идей“ [5]). Истинное же художественное творчество идетъ путемъ *наблюденій надъ дѣйствительностью*; „результаты такихъ наблюденій принимаютъ форму художественныхъ типовъ; типы, обобщая дѣйствительность, даютъ намъ ея истолкованіе; изъ отношеній различныхъ типовъ другъ къ другу и всѣхъ ихъ—къ дѣйствительности, сама собою выдѣляется *идея*, въ которой раскрывается намъ какая-либо сторона души человѣческой или осмысливается, въ частяхъ или въ цѣломъ, внутренняя жизнь общества, народа, эпохи, человѣчество“ [6]). Мысль эта доказана осо-

[1]) Тамъ же, 7.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 12.
[5]) Тамъ же, 16.
[6]) Тамъ же, 17.

бенно обстоятельно на характеристикѣ Онѣгина и Татьяны. Въ характеристикѣ Татьяны отмѣтимъ совершенно справедливое замѣчаніе автора, что „національныя черты опредѣлительно указать въ Татьянѣ невозможно“ [1]), хотя авторъ признается, что „русскій душевный складъ Татьяны“ имъ чуется инстинктивно;—въ этомъ авторъ видитъ *неразложимость* образа Татьяны, выразившуюся въ цѣльности впечатлѣнія [2]). Очень интересна характеристика и „общечеловѣческихъ“ типовъ (Донъ-Жуана, Скупого рыцаря, Моцарта и Сальери). Въ психологіи пушкинскаго скупого авторъ совершенно справедливо усмотрѣлъ „вкладъ въ науку“ [3]).

Переходя къ лирикѣ Пушкина, авторъ попутно характеризуетъ „эстетическое“ чувство. „Первоисточникъ“ этого чувства онъ видитъ въ томъ ощущеніи „умственнаго удовлетворенія, которое сопутствуетъ процессу мышленія, когда оно протекаетъ безпрепятственно и успѣшно. О процессѣ спеціально-художественнаго мышленія (въ отличіе отъ научнаго и философскаго) чувство умственнаго удовлетворенія перерабатывается и превращается въ нѣчто новое и болѣе сложное силою другого ощущенія, ему соотвѣтствующаго и съ нимъ сливающагося; это другое, по моему разумѣнію, есть воспріятіе того ритма, который присущъ художественной мысли по преимуществу“ [4]). „Въ языкѣ, стилѣ, стихѣ, построеніи образовъ и ихъ сочетаніяхъ въ поэзіи... проявляется ритмическій строй процессовъ художественной мысли“ [5]). Воспріятіе этого ритма, этой гармоніи входитъ въ составъ эстетическаго чувства, а если, по силѣ своей, оно дѣлается факторомъ художественной мысли—то становится „*лирикой*“ [6]). Съ такой точки зрѣнія разбираетъ авторъ нѣкоторыя лирическія произведенія поэта. И здѣсь встрѣчаемъ мы цѣнныя соображенія и сопоставленія.

Въ другомъ очеркѣ, посвященномъ памяти Пушкина [7]), тотъ же авторъ задался любопытнымъ психологическимъ вопросомъ, касаю-

---

[1]) Тамъ же, 22.
[2]) Тамъ же, 23.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 37.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же.
[7]) *Д. Овсянико-Куликовскій*, „Памяти Пушкина“. (*Журналъ для всѣхъ*, 1899, № 5).

щимся процесса поэтическаго творчества — насколько *свободно* можетъ быть это творчество, что̀ значатъ слова Пушкина:

Дорогою *свободной*
Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ.

Болѣе внимательное отношеніе къ вопросу заставляетъ проф. Овсянико-Куликовскаго эту *свободу* свести къ подчиненію поэта прихоти *его* вдохновеній. „Поэтъ, оказывается, невольникъ собственнаго своего дарованія“ [1]). Самому Пушкину поэтъ иногда казался „одержимымъ“ („Поэтъ“, „Осень“, Чарскій, Импровизаторъ изъ „Египетскихъ ночей“), являлся „сочетаніемъ „свободы“ и „неволи поэта“ [2]). Итакъ, въ дѣйствительности, далеко не всѣ темы Пушкинъ выбиралъ самъ, повинуясь одной своей лишь художественной пытливости. Были и такія, которыя, въ извѣстномъ смыслѣ, были ему *заданы*. Это именно тѣ, которыя составили великую задачу, поставленную силою вещей передъ его художественнымъ геніемъ“ [3]). Рѣшилъ онъ эту задачу „Евгеніемъ Онѣгинымъ“, „Борисомъ Годуновымъ“ и др.

Такимъ образомъ, Пушкинъ находился, то подъ внушеніемъ исторической необходимости, то подъ внушеніемъ собственныхъ вдохновеній... „гдѣ же свобода творчества“?—„Будемъ, продолжаетъ авторъ,— условно, называть пока *свободными* тѣ проявленія творчества, въ которыхъ поэтъ *не подчинялся* требованіямъ исторической необходимости и національнаго самосознанія“ — въ результатѣ, получились произведенія, дивно изображающія древне-эллинскій міръ, древнеримскій, восточный, испанскій... „Геній Пушкина—говоритъ онъ по этому поводу можетъ быть названъ *центробѣжнымъ*: отъ центра живыхъ поэтическихъ замысловъ и настоятельныхъ нуждъ національнаго творчества, отъ своей русской національности, Пушкинъ постоянно какъ бы отрывался и уносился воображеніемъ въ другіе края“ [4]). Но „вотще рвалась его душа — могучей страстью очарованъ у береговъ остался онъ — былъ обузданъ тяготѣніемъ къ центру своего исторически-необходимаго творчества, т. е. русскаго національнаго“ [5]). Созданіе „Скупого Рыцаря“, „Каменнаго Гостя“ и др. было „временной свободой отъ тяготѣнія къ центру“ [6]).

---

[1]) Тамъ же, 527.
[2]) Тамъ же, 529.
[3]) Тамъ же, 532.
[4]) Тамъ же, 535.
[5]) Тамъ же.
[6]) Тамъ же.

Нельзя не сознаться, что во всемъ этомъ разсужденіи проф. Овсяннико-Куликовскаго—много дѣланнаго. Такъ, Пушкинъ охарактеризованъ, какъ сила „центробѣжная", однако, съ побѣждающимъ тяготѣніемъ къ центру". Много авторъ говоритъ о „свободѣ" творчества, почему-то признаетъ „свободными" произведенія съ сюжетами нерусскими [1]), нѣсколько разъ указываетъ Пушкину, что его мечты о „свободной" дорогѣ и „свободномъ" умѣ не выдерживаютъ „критики"—и кончаетъ общепринятымъ толкованіемъ „свободы", какъ права въ своемъ творчествѣ подчиняться только своимъ законамъ, оставаясь внѣ внушеній чуждыхъ [2]).

Проф. Бережковъ [3]) охарактеризовалъ Пушкина, какъ поэта русской дѣйствительности, современной ему и прошлой, „трезваго созерцателя, спокойно разбиравшагося въ своихъ впечатлѣніяхъ". Трезвость его, простота созерцанія жизни, пластическая красота изображенія дѣлаютъ его наблюденія цѣнными и достовѣрными, и весь русскій общественный и народный бытъ полно отразился въ его поэтическихъ произведеніяхъ, въ особенности бытъ обѣихъ столицъ, дворянская жизнь въ деревенскихъ усадьбахъ, культурное состояніе русскаго общества на домашней патріархальной основѣ и подъ нѣкоторымъ европейскимъ вліяніемъ. И не только полно, — онъ отразился еще въ симпатичномъ, изящномъ видѣ" [4]). Прошлое понято имъ и представлено не менѣе вѣрно и живо. Вотъ почему для историка „мудрецъ-поэтъ" дорогъ: его „типы — настоящая находка": вѣдь историкъ также стремится къ тому, чтобы обобщать явленія, возводя единичное и частное къ общему, иначе типичному; вся исторія могла бы стать наукой о типахъ или о типичномъ въ жизни" [5]).

Г. Сребницкій [6]) въ своей рѣчи охарактеризовалъ эпоху Николаевскаго царствованія, отмѣченнаго въ русскомъ обществѣ пробужденіемъ „народности" — въ наукѣ, публицистикѣ, искусствѣ, музыкѣ, литературѣ... Это пробужденіе поставлено авторомъ въ связь съ тѣмъ

---

[1]) Вѣдь съ его точки зрѣнія можно и здѣсь усмотрѣть фактъ *подчиненія* поэта чуждымъ образомъ!

[2]) Тамъ же, 536.

[3]) Проф. *М. Н. Бережковъ*, „Пушкинъ, какъ историкъ русской жизни (26-го мая 1899 года. Рѣчи, произн. въ день праздн. 100 лѣтія рожд. А. С. Пушкина въ торж. собр. Ист. Фил. Инст. кн. Безбородко). Нѣжинъ, 1899 г.

[4]) Тамъ же, 4.

[5]) Тамъ же, 6.

[6]) *И. А. Сребницкій*, „Пушкинъ и русская исторія". (Тамъ же, 8).

моментомъ, когда „просвѣтительныя“ гуманныя идеи XVIII и начала XIX столѣтія, сначала модныя у насъ, но не сливавшіяся съ русской жизнію, давая или Онѣгиныхъ, или декабристовъ, въ лицѣ Пушкина вошли въ нашу плоть и кровь и этимъ способствовали пробужденію „самосознанія“ въ обществѣ. Впрочемъ авторъ представляетъ Пушкина скорѣе, какъ продуктъ „Николаевской народности“, чѣмъ какъ активнаго члена русской исторіи, давшаго толчокъ русскому обществу на пути къ самосознанію. Бѣглый очеркъ занятій Пушкина русской исторіей заключаетъ рѣчь г. Сребницкаго.

Г. Крыловъ [1]) удачно охарактеризовалъ Пушкина, какъ носителя и выразителя самыхъ разнородныхъ идей своей эпохи, отмѣтилъ его разносторонность въ литературѣ и остановился на его интересахъ къ исторіи. Обстоятельно очерчены его историческія занятія. Останавливается авторъ не только на его научныхъ историческихъ трудахъ, но и на тѣхъ историческихъ образахъ, что такъ дивно набросаны въ его поэтическихъ твореніяхъ...

Г. Ельницкій [2]) далъ въ своей работѣ образецъ (!) разбора съ учениками названныхъ стихотвореній. Передъ нами сухой пересказъ произведеній Пушкина и планъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что совсѣмъ излишне съ педагогической точки зрѣнія, такъ какъ „музыку“ безполезно, да и грѣшно „разъять какъ трупъ“!

Г. Крыловъ [3]) представилъ широкую характеристику дѣятельности Пушкина, отмѣтилъ его заслуги сравнительно съ русскими литераторами XVIII вѣка, указалъ на богатство и разносторонность картинъ и образовъ, имъ представленныхъ, отмѣтилъ достоинства его языка. Затѣмъ авторъ установилъ связь Пушкина съ литературой XIX ст., охарактеризовалъ отношенія къ великому поэту его современниковъ и послѣдующихъ поколѣній; религіозность, патріотизмъ, умѣніе понять душу простого человѣка, любовь къ народу, къ жизни, къ просвѣ-

---

[1]) *Е. В. Крыловъ*, „Пушкинъ, какъ историкъ“, Тверь, 1899 г.; рѣчь преподавателя гимназіи, произнесенная въ залѣ Тверской городской думы 27-го мая.

[2]) *К. В. Ельницкій*, „Объясненіе стихотвореній А. С. Пушкина, въ которыхъ выраженъ взглядъ его на роль поэта и „значеніе поэзіи“, („Пророкъ“, „Муза“, „Эхо“, „Поэтъ“, „Поэту“, „Чернь“, „Разговоръ „книгопродавца съ поэтомъ“, „Памятникъ“). *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1899, № 3—4.

[3]) *Д. П. Крыловъ*, „Значеніе поэзіи А. С. Пушкина“, рѣчь преподавателя гимназіи, произнесенная въ залѣ Тверской городской думы 27-го мая, 1899 г., Тверь, 1899.

щенію, къ свободѣ,—вотъ тѣ мотивы, что принесла съ собою муза Пушкина.

Г. Колосовъ [1]) свою рѣчь началъ съ указанія, на то, какъ слава Пушкина, не въ примѣръ другимъ писателямъ русскимъ, болѣе мелкимъ, за 63 года, протекшихъ со дня его смерти, не меркнетъ, а свѣтится все сильнѣе; затѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ поэта; онъ устанавливаетъ связь между поэтомъ-пророкомъ и А. С. Пушкинымъ, какъ человѣкомъ, анализируетъ довольно подробно и вѣрно стихотворенія „Поэтъ и Чернь"... Далѣе Колосовъ характеризуетъ поэта, какъ носителя идеаловъ гуманности, обличителя насилія и неправды. Заканчиваетъ авторъ указаніемъ на разносторонность поэта Пушкина, на его простоту и ясность, его безоблачный оптимизмъ.

Г. Синицкій [2]) далъ обстоятельный очеркъ, выясняющій значеніе литературной дѣятельности Пушкина; великій поэтъ охарактеризованъ и какъ служитель „чистаго искусства", и какъ художникъ дѣйствительности, отзывчивый ко всякому трепетанію жизни, и какъ реформаторъ литературнаго языка [3]).

Перепечатаны вновь къ юбилею 1899 года—„Рѣчь" Достоевскаго, вышедшая отдѣльной брошюрой, рѣчи и статьи Каткова [4]), рѣчь г. Гласова: „Въ воспоминаніе дня смерти А. С. Пушкина 1887 г. 27-го января" [5])—слово, въ которомъ бѣгло, на 6-ти страницахъ, раз-

[1]) *В. И. Колосовъ*, „Рѣчь, произнесенная въ залѣ Тверской городской думы 27-го мая на вечерѣ, посвященномъ памяти А. С. Пушкина", Тверь. 1899.

[2]) *Д. Синицкій*, „А. С. Пушкинъ, какъ литературный дѣятель". (Сборникъ Кіевскаго Педагогическаго общества).

[3]) Кромѣ указанныхъ работъ перечислимъ тѣ, которыя не были у насъ въ рукахъ: *Лебедевъ*, „А. С. Пушкинъ и его произведенія" (Нижній Новгородъ, 1899). *Е. А. Марковъ*, „Значеніе Пушкина въ исторіи русскаго просвѣщенія", Воронежъ, 1899). *Проф. Малиновскій*, „Русская общественная жизнь въ изображеніи Пушкина". (Рѣчь на чествованіи Пушкина въ Томскомъ университетѣ). *Назаревъ*, „Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы" (Николаевъ, 1899). *В. Н. Шамраевъ*, „Значеніе А. С. Пушкина въ исторіи русской литературы и характеристика его поэтическихъ произведеній. (Рѣчь въ Пензенской 2-й гимназіи). *Савиновъ*, „Пушкинъ какъ поэтъ". *Пляшкевичъ*, „Великій русскій поэтъ".

[4]) Въ приложеніи къ „Календарю Лицея Цесаревича Николая", „Пушкинъ", (изъ „Русск. Вѣстн.", 1856 г., № 1 и № 3); „На открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ", (изъ „Моск. Вѣд.", № 155, 5-го іюня 1880 г.) и отдѣльно. Также: „Заслуги Пушкина" въ „Русск. Вѣстн.", 1899, № 6.

[5]) „Въ память Пушкина торжественные дни въ С.-Петербургской первой гимназіи". сост. *А. А. Гласовъ*, С.-Пб. 1899.

сказано кое-что о дѣятельности Пушкина, и 3 рѣчи проф. Смирнова [1]).

Любопытна очень краткая замѣтка г. Гольдина [2]),—онъ подвелъ въ своей статьѣ итогъ всѣмъ наиболѣе интереснымъ статьямъ о Пушкинѣ, появившимся заграницей въ 40-хъ—50-хъ годахъ. Статьи Варнгагена-фонъ-Энзе („Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik", 1837), Вольфсона („Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen, 1843), Мицкевича, („Le Globe", 1837), Кюстина, („Записки о Россіи въ 1837 г."), статьи въ „Revue indépendante (1843), „Illustration" (1845), Сенъ-Жульена („Revue de deux Mondes", 1847), Роберта („La poésie slave au XIX s.". „Revue de deux Mondes", 1854), Мериме. („Portraits historiques"),—вотъ, на чемъ останавливаетъ вниманіе читателя г. Гольдинъ. Статья его интересна, и цѣнна, хотя, очевидно, не полна, а, главное, носитъ слишкомъ бѣглый характеръ [3]).

Прекрасна обстоятельная статья г. Соловьева [4]), посвященная выясненію вопроса, насколько русское общество понимало и понимаетъ великаго поэта. Выводъ получился неутѣшительный: въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей русское общество не разъ заблуждалось въ оцѣнкѣ Пушкина, — г. Соловьевъ склоненъ даже утверждать, что этой „оцѣнки мы не имѣемъ" зато „своихъ сужденій"— сколько угодно. И, кажется, ближайшая причина такого невеселаго явленія ясна: въ Пушкинѣ хотѣли видѣть учителя жизни, чѣмъ онъ никогда не былъ и къ чему даже не стремился, какъ хотѣли того, изъ равныхъ ему,—Гоголь, Достоевскій, Толстой. Поэтому одни, не видя въ немъ учителя, обижались, другіе же, видя въ немъ учителя, естественно ошибались [5]),—объясненіе, совершенно правильное.

---

[1]) Проф. *А. И. Смирновъ*, „Три рѣчи объ А. С. Пушкинѣ". (Варшава, 1899). Перепечатаны: „Памяти А. С. Пушкина". Историческіе и общественные взгляды его (Рѣчь 1887 г.) и „О политическихъ произведеніяхъ А. С. Пушкина", (рѣчь 1880 г.) *3-я рѣчь 1899 года.*

[2]) *Н. С. Гольдинъ*, „Пушкинъ въ отзывахъ западной критики 40-хъ—50-хъ годахъ", („Харьк. унив. Сб. въ память А. С. Пушкина", Харьковъ, 1900).

[3]) Кромѣ литературы 40-хъ — 50-хъ годовъ онъ указываетъ на интересныя работы Боденштедта („Gesammte Schriften" 1866, t. 4, n. 5), Тарнера („Studies in russian literature"; L. 1882), Проф. Морфиля („Westminster Review", 1883) и Блотьера („Le temps russe", 1883, „Le Byron russe").

[4]) *Евг. Соловьевъ*, „А. С. Пушкинъ въ потомствѣ („Памяти Пушкина", юбилейный сборникъ, журнала *Жизнь*).

[5]) Тамъ же.

Далѣе авторъ на оцѣнкѣ великаго поэта разбираетъ „наслоенія историческихъ эпохъ“, начиная съ 20-хъ годовъ. Капитальная работа А. Н. Пыпина, посвященная характеристикѣ 20-хъ годовъ, помогаетъ ему обрисовать ту эпоху, которой пришлось первой высказывать свои взгляды на Пушкина. Особенно останавливается г. Соловьевъ на критикѣ Надеждина, цѣлую главу посвящаетъ Бѣлинскому. Затѣмъ особенно много мѣста отводитъ онъ рѣчи Достоевскаго, внимательно прослѣживая, какъ элементы его воззрѣній складывались у насъ съ легкой руки Гоголя и Ап. Григорьева. Совершенно справедливо осуждаетъ г. Соловьевъ крикливую, фразистую рѣчь Достоевскаго, къ сожалѣнію, сбившую съ толка многихъ въ свое время и сбивающую и донынѣ. Всѣ эти пресловутыя качества *истинно-русской* души, которыя Достоевскій отыскалъ въ Пушкинѣ и вознесъ въ мистическомъ восторгѣ до обожествленія всего русскаго народа,— одинаково могутъ быть присущи всѣмъ европейскимъ народамъ, ничего специфически-русскаго не имѣютъ; правда, эта рѣчь очень экспрессивна, она обладаетъ способностью гипнотизировать слушателя и читателя, но не выдерживаетъ даже слабаго прикосновенія критическаго анализа. Взгляды Бѣлинскаго на „народность“ и „національность“ Пушкина гораздо ближе подходитъ къ правдѣ, чѣмъ „пророчества“ Достоевскаго. Далѣе г. Соловьевъ переходитъ ко взглядамъ Чернышевскаго, которымъ выражаетъ сочувствіе. Добролюбова и Писарева. Заключаетъ авторъ свою работу разсмотрѣніемъ брошюры Вл. Соловьева.

Къ такимъ-же выводамъ, что и г. Соловьевъ, пришелъ г. Гриневичъ [1]): и онъ призналъ, что понятіе о Пушкинѣ до сихъ поръ еще недостаточно ясно, что русскіе критики много виноваты въ этомъ непониманіи или невѣрномъ толкованіи великаго поэта. Статья г. Гриневича представляетъ живой, остроумный и независимый очеркъ отношеній къ Пушкину критиковъ современныхъ ему и послѣдующихъ вплоть до нашихъ дней. Гоголь, Ап. Григорьевъ, Шевыревъ, Дружининъ, Достоевскій, Тургеневъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Гончаровъ, Писаревъ, Страховъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Южаковъ, Фофановъ, Минскій, Лохвицкая-Жиберъ, Мережковскій,— вотъ имена, которыя входятъ въ обозрѣніе г. Гриневича. Очень

[1]) *И. Ф. Гриневичъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ“ (I. „Пушкинъ въ сознаніи русской литературы“, Сборникъ *Русскаго Богатства*, 1899 г.).

обстоятельна и вѣрна оцѣнка отношеній къ Пушкину Бѣлинскаго; менѣе удачнымъ вышло толкованіе критики Чернышевскаго,—едва-ли ея отношеніе къ великому писателю совсѣмъ ужъ сухо, разсудочно, лишено любви, и является повтореніемъ взглядовъ Бѣлинскаго. Совершенно справедливо отмѣтилъ г. Гриневичъ, что критика Писарева очень интересна, какъ указаніе нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ критики Бѣлинскаго [1]). Писаревъ критиковалъ не дѣйствительнаго Пушкина, а тотъ образъ, что созданъ былъ Бѣлинскимъ,—оттого, при теперешнемъ болѣе глубокомъ пониманіи поэта, „даже гимназистъ въ состояніи понять, въ чемъ заключаются ошибки Писарева“ [2]). Вѣрно отнесся г. Гриневичъ и къ рѣчи Достоевскаго: онъ, по выраженію г. Гриневича, „вполнѣ сознательно укралъ свой шумный успѣхъ, искусно поигравъ на струнахъ и нервахъ извѣстнаго общественнаго настроенія, къ которому самъ относился вообще съ явной враждою“ [3]). Во взглядахъ Достоевскаго авторъ не видитъ „ни простоты, ни искренности“ [4]). Это — „неопредѣленно-туманная выспренне-крикливая рѣчь“ безъ фактовъ и доказательствъ. Особенно восторгается авторъ современной намъ работой С. Н. Южакова: „Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи“, которая, по мнѣнію г. Гриневича, является „настоящимъ откровеніемъ въ исторіи пушкинской критики“ [5]). Останавливается авторъ на статьяхъ А. Н. Пыпина („Вѣстн. Евр.“, 1895) и Спасовича (соч. III), хотя характеристику втораго оканчиваетъ не безъ противорѣчія со всѣмъ предшествующимъ.

Очень цѣнна работа проф. Некрасова [6]), посвященная вопросу о пушкинскомъ языкѣ; въ юбилейной литературѣ это—лучшая статья по этому вопросу.

Г. Завитневичъ [7]) началъ свою работу съ обширнаго предисловія, выясняющаго значеніе личности въ исторіи, защищая это значеніе довольно, впрочемъ, путанно. Характеристика Пушкина, односто-

---

[1]) Тамъ же, 29.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, 32

[4]) Тамъ же, 34.

[5]) Тамъ же, 35.

[6]) Проф. *Н. П. Некрасовъ*, „Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка“, (Сб. *Жизнь*, Спб. 1899 г.).

[7]) *Вл. Завитневичъ*, „Памяти Пушкина, къ вопросу о значеніи личности въ исторіи“. (*Труды Кіевской Духовной Академіи*, 1899, № 6).

ронняя и довольно случайная, не связана почти ничѣмъ со всѣми этими разсужденіями о личности и исторіи, и учеными мнѣніями объ ихъ связи.

Г. Стефановскій [1]) далъ характеристику языка Пушкина, характеристику чисто дидактическаго свойства. По словамъ автора, въ ней только связно изложены тѣ свѣдѣнія о языкѣ Пушкина, какими приблизительно должны обладать ученики 8 класса классическихъ гимназій" [2])—передъ нами основныя положенія теоріи словесности, иллюстрированныя примѣрами изъ Пушкина. Интересна работа объ языкѣ Пушкина проф. Карскаго [3]). Въ томъ же журналѣ встрѣчаемъ мы другую работу на туже тему г. Истомина [4]).

VII.

Пушкинъ и иностранная литература.

Вопросу о литературныхъ воздѣйствіяхъ на Пушкина „великихъ поэтовъ новаго времени" посвятилъ большую работу проф. Дашкевичъ [5]). Громадная эрудиція помогла почтенному автору подвести итоги тому, что сдѣлано было уже по этому вопросу до него въ нашей литературѣ, а кромѣ того, прибавить рядъ любопытныхъ самостоятельныхъ изысканій. Въ введеніи къ своему изслѣдованью авторъ даетъ общую характеристику Пушкина, отмѣчаетъ отношеніе Пушкина къ русскому обществу и общества къ поэту, указываетъ на великое народное и общественное значеніе Пушкина, затѣмъ переходитъ къ вопросу объ отношеніи русской критики къ Пушкину и заключаетъ свое введеніе обрисовкой личности Пушкина. Не можемъ мы признать съ почтеннымъ авторомъ, что Пушкинъ, на склонѣ дней, пришелъ къ „примиренію съ дѣйствительностью" [6]) и что у него не

---

[1]) *И. Н. Стефановскій*, „Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова" (*Фил. Зап.* 1899, въ III—IV).

[2]) Тамъ же, 17.

[3]) *Русскій Филолог. Вѣстникъ*, 1899, №№ 3—4.

[4]) *Истоминъ*, „Главныя особенности языка и слога произведеній Пушкина". (Тамъ же).

[5]) Проф. *Н. П. Дашкевичъ*, „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени" (Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный проф. Имп. У-та св. Владиміра).

[6]) Тамъ же, 112.

было „непослѣдовательности“ и „противорѣчій“ [1]). Впрочемъ выше мы уже неразъ высказывались по этому поводу.

Въ первой главѣ этой работы встрѣчаемъ широкую картину настроеній эпохи („Основные вопросы мысли и творчества XIX вѣка“), отмѣченной и пессимизмомъ, и борьбой вѣры съ невѣріемъ, классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма, космополитизма и народности... Указавъ затѣмъ, что Россія XVIII в.—горячо откликнулась на всѣ эти тревоги европейской мысли [2]), авторъ нѣсколько неожиданно и едва-ли правильно свелъ вліяніе русской жизни и литературы на Пушкина на ничто—они, оказывается, „мало могли помочь Пушкину въ принципіальномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, и онъ, прежде всего, въ западныхъ литературахъ, а не въ родной,—искалъ и находилъ наиболѣе удовлетворявшіе его отвѣты на томившіе его основные вопросы“ [3]). Едва-ли его томили какіе-нибудь вопросы, когда онъ въ отрочествѣ зачитывался Вольтеромъ, или сочинялъ въ лицеѣ стишки à la Парни, а, съ другой стороны, новѣйшія изысканія показываютъ, что вліяніе Державина, Карамзина и Богдановича рано сказались на его творчествѣ. Литературная борьба „Арзамаса“ съ „Бесѣдой“—была первой его литературной школой. О вліяніи же Батюшкова и Жуковскаго на него говорено было въ нашей литературѣ достаточно. Проф. Халанскій къ этому списку прибавилъ еще имя Василія Пушкина [4]).

Мы не хотимъ этимъ уменьшать значеніе западноевропейской литературы въ творчествѣ Пушкина, но нельзя не признать, что весь первый періодъ его творчества тѣсно примыкаетъ къ *русской* литературѣ начала вѣка; лишь къ концу 20-хъ годовъ начинается идейное воспитаніе Пушкина на лучшихъ образцахъ западноевропейской поэзіи.

Вторую главу проф. Дашкевичъ посвящаетъ вопросу объ отношеніи поэзіи Пушкина къ западноевропейской. Намъ не совсѣмъ ясна та система, по которой расположилъ свое изслѣдованіе авторъ,—почему-то мы сперва встрѣчаемъ имя Мольера и анализъ пушкинскаго

---

[1]) Тамъ же, 113.

[2]) Тамъ же, 124—8.

[3]) Тамъ же, 128.

[4]) *М. Е. Халанскій*, „О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина“ (Харьковскій Сборникъ). См. его-же: „Къ вопросу о вліяніи В. Л. Пушкина на поэтич. творчество А. С. П—на“, (Х. 1900).

„Донъ-Жуана“ [1]), намеки на Тартюфа у Пушкина [2]). Затѣмъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько словъ о Корнелѣ, Расинѣ, Лафонтенѣ и Буало [3]); послѣ нихъ проф. Дашкевичъ останавливается на Вольтерѣ [4]) и, особенно, на Руссо [5]) и его послѣдователяхъ: Гете (Вертеръ), Шатобріанѣ (Рене), Бенжаменѣ Констанѣ (Адольфъ), Байронѣ. Авторъ характеризуетъ „вертеризмъ“ на русской почвѣ [6]), между прочимъ, въ лирикѣ Пушкина [7]), затѣмъ переходитъ къ Байрону по поводу элегіи „Погасло дневное свѣтило“ [8]). потомъ возвращается къ Вертеру и Рене по поводу „Кавказскаго Плѣнника“ [9]). Затѣмъ авторъ опять обращается къ Руссо [10]), преувеличивая его значеніе въ жизни и творчествѣ Пушкина, указываетъ на вліяніе его въ „Цыганахъ“ [11]), въ образѣ Татьяны [12]), затѣмъ отходитъ въ сторону, увлеченный характеристикой Онѣгина [13]), сравнивая его съ Рене и Адольфомъ [14]). Заговоривъ о „деревнѣ“ и о деревенскихъ стремленіяхъ Пушкина, авторъ опять возвращается къ Руссо, а также и къ Уордсуорту [15]). Заговоривъ о „романахъ“, авторъ переходитъ къ Ричардсону [16]), Вальтеръ-Скотту и другимъ болѣе мелкимъ романистамъ [17]). Не безъ скачка обращается онъ послѣ этого къ А. Шенье [18]) и его вліянію на Пушкина, затѣмъ отходитъ въ сторону подъ вліяніемъ вопроса о взглядѣ Пушкина на поэзію [19]) (поэтъ—жрецъ),—тутъ мелькаютъ имена Шеллинга, Кольриджа, Мицкевича, Жанъ-Поля-Рих-

---

[1]) Проф. *Н. П. Дашкевичъ*, op. cit. 132—141 („О любви и любовныхъ стихотвореніяхъ Пушкина“, стр. 136—140).

[2]) Тамъ же, 141.

[3]) Тамъ же, 141—145.

[4]) Тамъ же, 145—9.

[5]) Тамъ же, 149.

[6]) Тамъ же, 155—157.

[7]) Тамъ же, 157—163.

[8]) Тамъ же, 163.

[9]) Тамъ же, 165—168.

[10]) Тамъ же, 171.

[11]) Тамъ же, 173—6.

[12]) Тамъ же, 177.

[13]) Тамъ же, 183.

[14]) Тамъ же, 187—200.

[15]) Тамъ же, 200—203.

[16]) Тамъ же, 205.

[17]) Тамъ же, 208—9.

[18]) Тамъ же, 209.

[19]) Тамъ же, 217—223.

тера, А. де-Виньи [1]). Послѣ этого отклоненія авторъ обращается къ Сталь и, опять, къ Шатобріану [2]). Отъ нихъ онъ переходитъ къ Байрону [3]), подробно отмѣчая его отраженія на поэмахъ, романахъ и лирикѣ Пушкина.

Таково содержаніе цѣнной работы проф. Дашкевича. Какъ видно изъ этого краткаго перечня, передъ нами обзоръ далеко не полный— отсутствуютъ имена Шекспира и французскихъ романтиковъ, мало затронутъ Гете, подробно не обслѣдовано вліяніе Вальтеръ-Скотта. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ увидимъ продолженіе работы проф. Дашкевича.

Очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу о Пушкинѣ слѣдуетъ признать также работу проф. Алексѣя Н. Веселовскаго [4]). Почтенный ученый начинаетъ свою работу съ вѣрнаго указанія на неизбѣжность чуждыхъ вліяній въ ростѣ нашего генія и на неправильность той узко-національнической критики, которая всегда упорно отстаивала самобытность нашего поэта. „Начиная съ безсистемной начитанности подростка-лицеиста и кончая широкимъ энциклопедическимъ знакомствомъ опытнаго писателя съ міровой литературой, отличительной чертой развитія Пушкина всегда былъ космополитизмъ вкусовъ и художественныхъ интересовъ, достойныхъ гражданина «республики словесности», которому ничто не чуждо“ [5]). „Не только выдающіяся имена, но даже нерѣдко второстепенные ея дѣятели были ему извѣстны“ [6]). „Сонетъ“, „Городокъ“, отрывки изъ „Онѣгина“, разныя критическія замѣтки, отрывки, письма поэта—нерѣдко представляютъ изъ себя „перекличку“ „европейскихъ и русскихъ поэтовъ“ [7]). „Европеизмъ“ поэта распадается, по справедливому указанію автора, на нѣсколько періодовъ: сперва идетъ періодъ „французскаго, потомъ англійскаго вліянія (и въ предѣлахъ послѣдняго—байронизма, шекспироманіи и поклоненія Вальтеръ-Скотту)“ — и, къ концу жизни поэта, начинается „почти одинаково-интенсивное изученіе всѣхъ но-

---

[1]) Тамъ же, 218—20.

[2]) Тамъ же, 224—237.

[3]) Тамъ же, 237—257.

[4]) Проф. *А. Н. Веселовскій*, „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“ (Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборникъ, изд. редакціи журнала *Жизнь*). Спб. 1899.

[5]) Тамъ же, 109.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же.

вѣйшихъ литературъ Запада, которое совпало съ наибольшею самобытностью и народностью его творчества“ [1]).

Придерживаясь такого порядка, проф. Веселовскій даетъ очень вѣрную характеристику чуждыхъ вліяній на творчествѣ Пушкина. Парни, Грессе. Вольтеръ, Руссо и Дидро, Сталь, Беранже, Шенье. Шатобріанъ. Расинъ, Лафонтенъ. Мольеръ. — вотъ, имена, которыя отнесены авторомъ къ періоду „галломаніи“. Впрочемъ. „вліяніе“ нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей не доказано. а приведены только отзывы Пушкина о нихъ; особенно останавливается авторъ на вліяніи Шенье и Шатобріана, своимъ авторитетнымъ голосомъ подтверждая наше мнѣніе о вліяніи второго. Далѣе идетъ оцѣнка вліянія Байрона, вліянія, на нашъ взглядъ, сильно преувеличеннаго. Если поэтъ и „сходилъ съ ума“ отъ Байрона, то о „вліяніи“ сильномъ можно говорить только тогда, когда это „сумашествіе“ отразилось бы на творчествѣ поэта; разъ этого не было, разъ это „вліяніе“ прошло по поверхности. не захвативъ „святая святыхъ“ поэта,—нельзя преувеличивать его размѣровъ. Байронъ оказалъ воздѣйствіе на Пушкина, какъ *на человѣка*, нѣкоторыми сторонами своей дѣятельности, идеями, настроеніями, быть можетъ даже мелочами своей частной жизни, но Пушкина—*поэта* онъ коснулся мало. Мы согласимся, впрочемъ, съ авторомъ, что „пора страстныхъ байроническихъ порывовъ была для Пушкина, выражаясь старымъ метафизическимъ языкомъ, благодатной грозой. Она возбудила въ немъ небывалую энергію творчества, жажду дѣятельности на пользу людямъ, готовность посвятить силы идеямъ освобожденія, безразлично, русскихъ ли рабовъ, или страдающихъ гдѣ-либо народовъ, расширила его кругозоръ, потрясла и воспламенила его натуру, дала, наконецъ, возможность произвести ту литературную революцію, для которой онъ не находилъ иного подходящаго термина кромѣ романтизма“ [2]). Впрочемъ, вѣрнѣе сказать, что эта „благодатная гроза“ *совпала* съ увлеченіемъ Байрона, но не была результатомъ исключительно этого увлеченія. Умѣло связываетъ авторъ дѣятельность Пушкина въ періодъ его англоманіи съ именами Томаса Мура, Шекспира. Вальтеръ-Скотта. Отмѣтивъ вліяніе Гете. проф. Веселовскій перешелъ къ характеристикѣ той эпохи, когда, подъ вліяніемъ разобщенія поэта съ русскою современностью, „мысль его уносится вглубь прошлаго или въ жизнь и литературу

[1]) Тамъ же, 110.
[2]) Тамъ же, 120.

чужеземныя; привычный космополитизмъ словесника нашелъ теперь полное оправданіе“ [1]). Имена Мильтона, Беньяна, Стерна, Соути, Кольриджа, Вордсворта, Мура, Брайана, Воллера, Проктера (Барри Корнуалля), Вильсона, Бульвера, Данта, Аріоста, Альфьери, Пиндемонте, Джанни, Мюссе, Ламартина, Гюго, Делорма, Мериме и др.— рисуютъ то широкое знакомство поэта съ западной литературой, которое особенно характеризуетъ этотъ послѣдній періодъ его жизни.

Проф. Пономаревъ [2]) въ своей сжатой и энергичной рѣчи обрисовалъ въ широкихъ чертахъ общій ходъ развитія европейской литературы, начиная съ эпохи итальянскаго возрожденія, остановился на великихъ именахъ Данте, Шекспира и Гете, какъ геніальныхъ воплощеніяхъ культуры народовъ Западной Европы. Обращаясь къ Россіи, пробѣжавъ исторію ея литературы и остановившись на эпохѣ нашего «ученичества»—XVIII вѣкѣ,—проф. Пономаревъ указалъ на историческое значеніе Пушкина, въ лицѣ котораго наша литература перешагнула большое разстояніе «отъ ученичества до полной зрѣлости самостоятельно-народнаго развитія и творчества. Онъ сразу явилъ себя истиннымъ носителемъ и выразителемъ европейскаго возрожденія, „быстро прошелъ всѣ стадіи его развитія и занялъ мѣсто въ одномъ ряду съ великими поэтами-художниками культурныхъ народовъ, какъ истинно-національный поэтъ и міровой геній“ [3]).

Затѣмъ авторъ указалъ „поразительное и несомнѣнное сходство въ литературной жизни“ Пушкина и Данте, Шекспира, Гете, — всѣ они пережили тѣ же настроенія, всѣ они одинаково начали и одинаково кончили. Блестящая характеристика содержанія и особенностей пушкинскаго творчества заключаетъ прекрасную рѣчь проф. Пономарева.

Въ двухъ своихъ работахъ [4]) мы выяснили воздѣйствіе на Пушкина Байрона, Шатобріана, Сталь и Руссо. Перечитывая обширную юбилейную литературу, имѣли мы удовольствіе убѣдиться, что наше

---

[1]) Тамъ же, 125.

[2]) Проф. *А. И. Пономаревъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ отношеніяхъ къ западно-европейскимъ поэтамъ-классикамъ (Данте, Шекспиру, Гете) и, сравнительно съ ними, какъ народный русскій поэтъ-геній“. (Рѣчь, произнесенная 24-го мая въ актовомъ залѣ С.-Петербургской Духовной Академіи). Спб. 1899.

[3]) Тамъ же, 10.

[4]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“ и „Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій“ (*Русская Старина*, 1899 г., № 5—6; есть отд. оттиски).

мнѣніе о бо̀льшемъ вліяніи на Пушкина Шатобріана, чѣмъ Байрона, принято многими критиками.

Г. Тихоміровъ [1]) далъ очень цѣнную работу, въ которой характеристика Байрона сдѣлана по Брандесу, Спасовичу и нѣкоторымъ другимъ трудамъ; обзоръ статей, трактующихъ о байронизмѣ Пушкина—главнымъ образомъ,—по нашей работѣ. Отношенія Пушкина къ Байрону изслѣдованы авторомъ очень внимательно; въ основномъ заключеніи онъ сошелся съ нами: въ литературной дѣятельности нашего великаго поэта воздѣйствіе Байрона сказалось почти исключительно въ видѣ ряда „заимствованій", т. е. носило внѣшній характеръ.

Г. Красновъ [2]) далъ бѣглую характеристику Парни, указавъ на нѣкоторыя воздѣйствія Парни на Пушкина, на что впрочемъ, уже указано было Л. Н. Майковымъ въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому сочиненій Пушкина.

Г. Налимовъ [3]) перечислилъ имена великихъ итальянскихъ писателей — Данте, Петрарки, Аріоста, Тассо, Альфьери, имена, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Пушкина, и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтилъ кое-какія сближенія между нѣкоторыми изъ нихъ и Пушкинымъ.

Въ „Вѣстникѣ Иностранной Литературы" помѣщена анонимная статья, въ которой бѣгло говорится о литературной жизни Пушкина и его западноевропейскихъ учителяхъ [4]). Парни и его сверстники, Мольеръ, Байронъ и Шенье, Шекспиръ,—вотъ имена, на которыхъ особенно останавливается авторъ.

Въ „Новомъ журналѣ иностранной литературы, искусства и науки" встрѣчаемъ мы еще другую статью того же содержанія [5]); къ именамъ вышеназваннымъ прибавлено еще имя Шатобріана, при чемъ авторъ,

---

[1]) *Н. Тихоміровъ*, „Пушкинъ въ его отношеніи къ Байрону" (Оттискъ изъ *„Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей"* №№ 93, 95, 97, 100, 105, 107, 112, 114, 117, 118, 119, 120). Витебскъ, 1899.

[2]) *Пл. Красновъ*, „Одинъ изъ образцовъ Пушкина", („Книжки *Недѣли*", 1899, № 9).

[3]) *А. Налимовъ*, „Отзвуки итальянской поэзіи у Пушкина" (Историко-литературная замѣтка), *Образованіе*, 1899, № 5—6.

[4]) „Родоначальникъ русскаго вліянія на Западѣ", (Къ юбилею А. С. Пушкина). *Вѣстникъ Иностранной Литературы*, 1899, № 5.

[5]) „А. С. Пушкинъ о литературѣ иностранной" (*Новый журналъ иностранной литературы, искусства и науки*, 1899, т. II).

выясняя связь съ нимъ Пушкина. воспользовался нашею работою по этому вопросу.

Г. Степовичъ въ своей небольшой рѣчи [1]) указалъ на великое значеніе поэта. какъ одного изъ первыхъ русскихъ людей, постигшаго духъ поэтическаго творчества славянъ и сумѣвшаго заинтересоваться будущей судьбой славянства. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ 20-хъ годахъ славяне слишкомъ мало занимали собою общее вниманіе. Оттого, по словамъ автора, „вниманіе, проявленное Пушкинымъ къ славянамъ, ихъ литературѣ, даже ихъ политическому положенію, представляется явленіемъ прямо-таки удивительнымъ“ [2]). Съ его легкой руки и русскіе литераторы заинтересовались славянской поэзіей [3]). Далѣе г. Степовичъ бѣгло отмѣтилъ интересъ къ Пушкину со стороны славянъ и остановился на отношеніи поэта къ славянскому вопросу; въ разрѣшеніи его, по словамъ автора, Пушкинъ проявилъ „столько благородства, человѣчности и величія“, что нѣсколько разбросанныхъ словъ въ произведеніяхъ: „Клеветникамъ Россіи“ и въ „Бородинской годовщинѣ“ не туманятъ его яснаго образа, что и сказалось въ томъ общеславянскомъ характерѣ, который имѣлъ юбилей 1899 года.

Проф. Флоринскій [4]) посвятилъ свою небольшую, но очень теплую рѣчь характеристикѣ Челяковскаго, чешскаго поэта и ученаго, современника и большого поклонника Пушкина. Для почтеннаго автора личность Челяковскаго интересна, какъ одно изъ яркихъ доказательствъ громаднаго значенія дѣятельности Пушкина въ славянскомъ мірѣ.

Проф. Кулаковскій [5]) отмѣтилъ въ своей работѣ то возрожденіе славянства, съ которымъ совпадаетъ по времени дѣятельность Пушкина, отмѣтилъ отношенія нашего великаго поэта къ славянамъ в жизни и литературной дѣятельности и охарактеризовалъ тѣ произведенія, въ которыхъ Пушкинъ явился толкователемъ „славянскихъ мотивовъ“. По пути авторъ высказываетъ рядъ мелкихъ соображеній.

---

[1]) *А. І. Степовичъ*, „Пушкинъ и славянство“ („Памяти Пушкина“, Сборн. Императорскаго Университета св. Владиміра).

[2]) Тамъ же, 277.

[3]) Тамъ же, 279.

[4]) Проф. *Т. Д. Флоринскій*, „Пушкинъ и Челяковскій“, („Памяти Пушкина“, Сборникъ Императорскаго Университета св. Владиміра).

[5]) Проф. *Пл. Кулаковскій*, „Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина“. Варшава, 1899 (оттискъ изъ „*Р. Ф. Вѣстн.*“).

дающихъ ясное понятіе, насколько свѣтлая личность поэта сказалась на его переводахъ.

Проф. Лавровъ [1]) коснулся въ своей работѣ тѣхъ же вопросовъ: точно такъ-же отмѣтилъ онъ интересы Пушкина къ славянству, разобралъ его переводы и передѣлки народнаго славянскаго эпоса. Оказалось, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ самое большее вниманіе удѣлилъ славянамъ Пушкинъ. Любопытны очень отзывы о Пушкинѣ его славянскихъ современниковъ, отзывы, свидѣтельствующіе о тогдашней живости литературныхъ симпатій славянства къ русской литературѣ.

Г. Любомудровъ [2]) далъ очень цѣнный очеркъ развитія у Пушкина его классическихъ симпатій съ юности до зрѣлаго возраста: отъ французскаго классицизма Парни и его современниковъ онъ дорось до чистыхъ высотъ строго античнаго міровоззрѣнія и въ лирикѣ, и въ начатомъ романѣ. Для своихъ литературныхъ наслѣдниковъ былъ онъ первымъ толкователемъ классицизма.

Очень интересенъ этюдъ г. Черняева [3]), подводящій полный итогъ всѣмъ слѣдамъ классицизма у Пушкина. Итогъ оказался внушительнымъ, такъ какъ подсчетъ произведенъ г. Черняевымъ, несомнѣнно, очень старательно. Распадается работа его на слѣдующія главы: 1) Любовь—главный мотивъ пушкинской поэзіи и поэзіи античной, 2) Вліяніе школы и эпохи на развитіе въ Пушкинѣ любви къ античному міру, 3) Слѣды увлеченія Пушкина миѳологіей и исторіей классическихъ народовъ [a) греческая жизнь, b) римская жизнь], 4) Слѣды знакомства Пушкина съ античной литературой [a) Анакреонъ, b) Гедилъ, Іонъ, Ксенофанъ, Мосхъ, c) Гомеръ, d) Овидій, e) Горацій, f) Катуллъ, g) Тибуллъ, h) Вергилій, i) Ювеналъ, Персій, Апулей, Сенека, Плиній, Тацитъ]. Уже изъ одного плана видна обстоятельность и стройность очерка, а потому работу г. Черняева надо привѣтствовать, какъ уясняющую въ значительной степени классическія симпатіи и образы Пушкина. Жаль только, что онъ почему-то слишкомъ выдвигаетъ проф. Кошанскаго, учителя Пушкина, — едва-ли этотъ „лучшій изъ наставниковъ поэта“ былъ замѣтной величиной въ исторіи его поэтическаго развитія!

---

[1]) Проф. *И. А. Лавровъ*, „Пушкинъ и Славяне“. („Пушкинскіе дни въ Одессѣ“, Сборникъ Новороссійскаго Университета—отд. оттискъ).

[2]) *С. Любомудровъ*, „Античный міръ въ поэзіи Пушкина“, (М. 1899).

[3]) *Нав. Черняевъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ“. Казань, 1899.

VIII.

Пушкинъ и русская литература.

Проф. Истринъ [1]) въ своей рѣчи охарактеризовалъ Пушкина, какъ связующее звено литературы XVIII и XIX вѣковъ. „Переживъ на себѣ то, что пережила и переживала русская литература, глубже, чѣмъ кто-либо другой, перечувствовавъ чужое наслѣдіе, Пушкинъ силою своего генія вывелъ русскую литературу на путь самостоятельнаго творчества и указалъ ей средство изъ положенія ученическаго перейти въ положеніе сотоварищества съ западно-европейскими литературами“ [2]). Бѣгло очертивъ слѣды классицизма у Пушкина, авторъ особенно останавливается на томъ переломѣ, который привелъ Пушкина отъ „романтизма“ къ реализму. Подъ романтизмомъ въ данномъ случаѣ авторъ понимаетъ байронизмъ, что, конечно, не то же самое. Вообще понятіе „романтизмъ“ выяснено авторомъ недостаточно ясно: указавъ у романтиковъ на свободу формы, демократизмъ сюжета, интересъ къ простому народу, авторъ продолжаетъ: „вмѣстѣ съ тѣмъ,—съ подъемомъ національнаго духа проявляется любовь къ своей старинѣ, и вотъ начинается изученіе среднихъ вѣковъ. Развивается мистицизмъ, и начинаетъ нравиться все неясное, туманное, что приводитъ къ знакомству съ восточными литературами“ [3]). Въ этой картинѣ романтизма смѣшаны самыя различныя литературныя теченія XVIII и XIX вѣковъ, проявившіяся въ разныхъ странахъ Европы, но отнюдь не составляющія въ полномъ составѣ типичныхъ особенностей „романтизма“. Гораздо справедливѣе посмотрѣлъ Пушкинъ на классицизмъ и романтизмъ, отрицая существованіе у насъ и того и другого [4]). Прекрасно характеризуетъ проф. Истринъ Пушкина, какъ реалиста, какъ реформатора въ области языка, какъ публициста и критика.

Очень любопытна работа г. Лободы [5]),—передъ нами бѣглая характеристика предшественниковъ Пушкина: Ломоносова, Третьяков-

---

[1]) Проф. *В. М. Истринъ*, „Пушкинъ и русская литература“ („Пушкинскіе дни въ Одессѣ“, Сбор. Имп. Новоросс. университета). Одесса, 1900.

[2]) Тамъ же, 40.

[3]) Тамъ же, 41.

[4]) Тамъ же, 42—3.

[5]) *А. М. Лобода*, „У колыбели Пушкина“ („Сборникъ Пушкину“. изд. Кіевск. Под. О—ва. Кіевъ, 1899).

скаго. Сумарокова, Карамзина, Новикова. Фонвизина. Крылова и Кантемира; обрисовано довольно вѣрно умственное настроеніе екатерининскаго общества, интереснаго борьбой и сліяніемъ чужихъ вліяній съ родными русскими, народившимися на почвѣ народнаго самосознанія. Особенно самостоятеленъ авторъ именно тамъ, гдѣ говоритъ объ интересѣ русскаго общества и литературы XVIII вѣка къ родной поэзіи, преданіямъ и сокровищамъ народной поэзіи.

Г. Якубовичъ [1]) обрисовалъ, со словъ Бѣлинскаго и Достоевскаго. литературное значеніе Пушкина, какъ всеобъемлющаго генія русской литературы, учителя всѣхъ послѣдующихъ писателей. Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой. Фетъ. Майковъ и Полонскій, — вотъ, на комъ останавливается далѣе г. Якубовичъ въ своихъ поискахъ пушкинскихъ учениковъ.

Г. Рыбинскій [2]) бѣгло обрисовалъ ближайшихъ современниковъ Пушкина -Дельвига, Баратынскаго и Языкова. Задача автора—очень почтенна; къ сожалѣнію, характеристика трехъ поэтовъ. сдѣланная имъ, не только не блещетъ живостью и яркостью красокъ, но не отличается и обстоятельностью.

Очень цѣнна замѣтка проф. Сумцова о вліяніи Пушкина на Лермонтова [3]). Свое основное положеніе: „въ основѣ почти всѣхъ лучшихъ стихотвореній Лермонтова лежатъ заимствованія у Пушкина. съ прекрасными дополненіями Лермонтова или въ прекрасной и въ высшей степени своеобразной обработкѣ“ [4]),—авторъ удачно доказываетъ сличеніемъ нѣкоторыхъ произведеній обоихъ писателей.

Тотъ же авторъ отмѣчаетъ вліяніе Пушкина на Ф. С. Морачевскаго, маленькаго провинціальнаго поэта, современника Пушкина [5]).

О литературныхъ сношеніяхъ Пушкина съ А. Г. Родзянкой находимъ нѣкоторыя данныя въ статьѣ того же автора [6]).

Больше мѣста отвелъ г. Сумцовъ характеристикѣ Ѳ. И. Тютчева. одного изъ пѣвцовъ пушкинской плеяды [7]). Впрочемъ, сравненіе

---

[1]) *К. Ѳ. Якубовичъ*, „Пушкинъ, какъ всеобъемлющій геній русской поэзіи и учитель нашихъ великихъ поэтовъ“ („Памяти Пушкина“, Сб. Кіевск. окр.).

[2]) *В. С. Рыбинскій*, „Пушкинская плеяда“. („Сборникъ Пушкину“, изд. Кіевск. Пед. Общ.).

[3]) *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина“.—„О вліяніи Пушкина на Лермонтова“—(Харьк. Унив. Сб. въ память А. С. Пушкина).

[4]) Тамъ же, 318.

[5]) Тамъ же. 324: „А. С. Пушкинъ и Ф. С. Морачевскій“.

[6]) Тамъ же, 327: „А. С. Пушкинъ и А. Г. Родзянко“.

[7]) Тамъ же, 330: „А. С. Пушкинъ и Ѳ. И. Тютчевъ“.

обоихъ писателей приводитъ автора къ заключенію. что между ними различія больше, чѣмъ сходства. Заключаетъ свою статью авторъ указаніемъ нѣкоторыхъ произведеній Тютчева, на которыхъ, по его мнѣнію, сказалось нѣкоторое вліяніе великаго поэта.

Проф. Халанскій [1]) задался неблагодарной задачей доказать, что семья великаго поэта имѣла на него благопріятное вліяніе въ смыслѣ нравственнаго и литературнаго воздѣйствія. Безалаберные, безтолковые и недобрые родители поэта, конечно, только коверкали натуру поэта.— всѣ дальнѣйшія отношенія къ поэту его отцу и матери это доказываютъ. Что же касается до вліянія В. Л. Пушкина на великаго поэта, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть такихъ размѣровъ, о которыхъ говоритъ г. Халанскій. Достаточно будетъ, если мы признаемъ, что В. Л. Пушкинъ. при всей бѣдности своего духа и таланта. сумѣлъ откликнуться на нѣкоторыя идеи тогдашней интеллигенціи, что, стало быть, юноша-поэтъ въ дѣятельности В. Л. Пушкина могъ видѣть отраженіе нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ XVIII вѣка, а въ личности добродушнаго, простого балагура-дяди—человѣка довольно образованнаго, любящаго литературу, симпатичнаго, хотя и достаточно потѣшнаго. Указаніе на слѣды вліянія В. Л. Пушкина въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ великаго поэта. на нашъ взглядъ, не особенно убѣдительны. Во всякомъ случаѣ, личность самого В. Л. Пушкина, какъ поэта, несомнѣнно, освѣщена проф. Халанскимъ съ новой стороны, а примѣчанія его, посвященныя выясненію исторіи Арзамаса и взглядовъ Пушкина на поэзію, несомнѣнно, очень цѣнны [2]).

Г. Красновъ [3]) началъ свой этюдъ съ вѣрнаго замѣчанія, что у всякаго великаго великаго человѣка есть предшественники: „великій человѣкъ не создаетъ самъ всего, что имъ творится: онъ только объединяетъ работы своихъ предшественниковъ и говоритъ заключительное слово“ [4]), Далѣе авторъ указываетъ на Карамзина, Дер-

---

[1]) Проф. *М. Халанскій*, „О вліяніи Василія Львовича Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина“. Тамъ же, 351.

[2]) Касательно вопроса о вліяніи В. Л. Пушкина на А. С. Пушкина проф. Халанскій въ Зап. Имп. Харьк. университета (1900, вып. 4-й—есть отд. отт.) напечаталъ еще замѣтку „Къ вопросу о вліяніи В. Л. Пушкина на поэт. творчество А. С. Пушкина“. (X. 1900), въ которой, полемизируя съ г. W., отстаиваетъ свое мнѣніе о большомъ вліяніи дяди на племянника, между прочимъ, рядомъ ссылокъ на мнѣнія другихъ критиковъ и современниковъ Пушкина.

[3]) *Пл. Н. Красновъ*, „Предшественники Пушкина“ (Книжки *Недѣли* 1899, № 6).

[4]) Тамъ же, 185.

жавина. Дмитріева и „особенно“ на Радищева. Батюшкова и Жуковскаго. Останавливается авторъ на трехъ послѣднихъ, посвящая нѣсколько строчекъ Радищеву, но не выясняя впрочемъ его „особеннаго“ значенія для Пушкина; „болѣе очевиднымъ“ оказывается для него вліяніе Батюшкова, но и оно сводится, въ концѣ концовъ только къ формѣ, Жуковскій же „только отчасти предшественникъ“ Пушкина; на немъ долго останавливается авторъ, — тѣмъ не менѣе, отстраняя рядъ произведеній (торжественныя, патріотическія), онъ и въ другихъ находитъ часто „противоположность“ Пушкину. Получается, въ результатѣ полное несоотвѣтствіе содержанія статьи и ея заглавія.

Проф. Сперанскій [1]) началъ свою рѣчь съ выясненія личныхъ отношеній къ поэту Гоголя, Жуковскаго, Лермонтова, Мицкевича: за этими „друзьями“ поэта идутъ имена „враговъ“: Каченовскаго. Ѳ. Булгарина. С. С. Уварова. Затѣмъ почтенный авторъ широкими штрихами обрисовалъ современное поэту русское общество и ту борьбу, что въ послѣдующей критикѣ привела уже въ наши дни къ побѣдѣ великаго поэта. Надеждинъ. Бѣлинскій, Мартыновъ, Аскоченскій, Чернышевскій, Писаревъ, Ап. Григорьевъ,—вотъ, главные дѣятели этой борьбы.

Проф. Владиміровъ [2]) далъ очень цѣнный обзоръ дѣятельности писателей, предшествовавшихъ Пушкину, параллельно съ этимъ внимательно отмѣчая воздѣйствія ихъ на великаго поэта и отзывы о нихъ поэта. Разработка XVIII вѣка въ русской литературѣ такъ незначительна, что надо искренне благодарить проф. Владимірова за попытку опредѣлить въ ней тѣ теченія, что слились подъ конецъ въ широкую и многоводную рѣку, создавъ Пушкина. Въ слѣдующей главѣ нашей работы мы будемъ имѣть случай вернуться къ отдѣльнымъ мнѣніямъ и сопоставленіямъ почтеннаго автора. Отмѣтивъ связь Пушкина съ XVIII вѣкомъ, проф. Владиміровъ перешелъ къ характеристикѣ его литературной дѣятельности: сперва его эпоса (поэмы и романы), затѣмъ лирики. Эта характеристика не даетъ намъ ничего особаго новаго; нѣкоторая случайность въ выборѣ разбираемыхъ произведеній—главный ея недостатокъ. Цѣнно въ ней явное желаніе исходить при объясненіи произведеній только изъ русской жизни, русской литературы, или изъ самого Пушкина.

---

[1]) Проф. *М. Н. Сперанскій*, „Друзья и враги Пушкина въ литературѣ“, (26-го мая 1899 года. Рѣчи, произн. въ день праздн. 100-лѣтія рожд. А. С. Пушкина въ торж. собр. Истор. филол. института кн. Безбородко) Нѣжинъ, 1899.

[2]) Проф. *П. В. Владиміровъ*, „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ“ („Памяти Пушкина, научно-литер. сборн., сост. проф. и препод. Имп. университета св. Владиміра“). Кіевъ. 1899.

Г. Лобода [1]) далъ бѣглую, но очень живую и, въ общемъ, вѣрную оцѣнку вліянія лирики и эпоса пушкинскаго на русскую литературу XIX вѣка. Передъ нами не детальное изслѣдованіе, но широкими штрихами набросанная картина, въ которой намѣчены лишь общія положенія. Изъ современниковъ Пушкина, отразившихъ на себѣ его вліяніе, авторъ называетъ Дельвига, Языкова, Рылѣева и кн. Вяземскаго. Лермонтовъ, тѣсно связанный съ Пушкинымъ, „остался на высотѣ поэзіи своего предшественника, на произведеніяхъ котораго онъ въ буквальномъ смыслѣ вырабатывалъ свою собственную поэзію“ [2]). Дальше авторъ останавливается на оцѣнкѣ А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго и А. А. Фета. Изъ нихъ шире всего захватилъ Пушкина и ближе всего подошелъ къ нему, по мнѣнію автора, Я. П. Полонскій [3]), поэтъ „ежедневной, почти будничной жизни“, умѣющій въ ней находить искры красоты. Особенно полнымъ оказывается сближеніе съ Пушкинымъ графа А. Толстого. Вѣрна характеристика пѣвцовъ „чистаго искусства“. „Муза Пушкина и Лермонтова была не только музой красоты и природы,—она была музой человѣческихъ страстей, борьбы, страданія, всего безграничнаго и бурнаго океана жизни. Муза Майкова, Фета и Полонскаго значительно сузила поэтическую программу Пушкина и Лермонтова. Она боится бурь историческихъ и душевныхъ, слишкомъ рѣзкаго современнаго отрицанія, слишкомъ горькихъ и болѣзненныхъ сомнѣній, слишкомъ разрушительныхъ страстей и порывовъ“ [4]). Оттого „вдохновенные въ 70 лѣтъ, они моложе молодыхъ поэтовъ болѣе нервнаго и мятежнаго поколѣнія“. Они отсѣкли отъ поэзіи „вѣчныя страданія человѣческаго духа, мятежный, неугасающій огонь Прометея, возставшаго на боговъ“ [5]). Далѣе г. Лобода указываетъ на другую группу учениковъ великаго поэта, Некрасова и Плещеева. „Обѣ партіи, говоритъ онъ, въ сущности, лишь подѣлили между собою наслѣдіе Пушкина, гармонически сливавшіяся у Пушкина и взаимно умѣрявшіяся требованія искусства и жизни, обособившись, обозначились сильнѣе и стали во враждебныя другъ другу отношенія, но и здѣсь—конечная цѣль

---

[1]) *А. М. Лобода*, „Отзвуки пушкинской поэзіи въ послѣдующей русской литературѣ“ („Памяти Пушкина“, Сборн. университета св. Владимира). Кіевъ, 1899.

[2]) Тамъ же, 259.

[3]) Тамъ же, 261.

[4]) Тамъ же, 263.

[5]) Тамъ же, 264.

служенія музамъ у той и другой партіи осталась одинаковой (?); разница была только (?) въ средствахъ, и при извѣстномъ дарованіи она становилась почти незамѣтной, такъ что подчасъ поэтъ чистаго искусства создаетъ произведенія, подъ которыми охотно подписался бы поэтъ-гражданинъ, и наоборотъ“ [1]). Страннымъ и сбивчивымъ показалось намъ разсужденіе автора о пробужденіи „добрыхъ чувствъ“ лирою поэтовъ „чистаго искусства“ [2]). Вліяніе Пушкина на русскій романъ очерчено бѣгло, о чемъ, конечно, приходится пожалѣть.

Г. Залдкинъ [3]) далъ очень обстоятельный подборъ всѣмъ отзывамъ Пушкина о современныхъ ему и старыхъ русскихъ писателяхъ, равно какъ и объ иностранныхъ писателяхъ, такъ или иначе коснувшихся его творчества. По тщательности и добросовѣстности изученія Пушкина работа г. Залдкина представляетъ несомнѣнный интересъ.— Значеніе Пушкина, какъ предшественника Бѣлинскаго—главный выводъ г. Залдкина, выводъ, который доказанъ имъ очень обстоятельно.

Г. Козминъ [4]) очень обстоятельно обрисовалъ Пушкина въ роли судьи европейской драмы, старой и современной ему. Судя по обилію цитатъ, можно думать, что авторъ собралъ все интересное изъ пушкинскихъ матеріаловъ для выясненія поставленнаго имъ вопроса. Попутно г. Козминъ дѣлаетъ цѣнные экскурсы въ область теоріи драмы, глубоко проникая въ сутолоку борьбы классиковъ съ романтиками. Корнель, Расинъ и Мольеръ и русскіе классики—Фонвизинъ, Катенинъ, Сумароковъ, Княжнинъ и Озеровъ; Вольтеръ и Дидро; Байронъ, Гете и Шиллеръ, Шекспиръ. Альфіери, Вильсонъ. Кориволь,—вотъ драматурги, которые имѣютъ отношеніе къ Пушкину. Живая характеристика ихъ, сдѣланная авторомъ, на основаніи хорошаго изученія ихъ историко-литературнаго значенія и освѣщенная иногда обстоятельными, иногда бѣглыми, но всегда остроумными сужденіями Пушкина—представляетъ большой интересъ. Изъ теоретиковъ драмы г. Козминъ разбираетъ Буало, Вильмена, Сталь, Авг. Шлегеля и нѣкоторыхъ другихъ. Нельзя не упрекнуть автора въ нѣкоторой мозаичности его работы.

---

[1]) Тамъ же, 265.

[2]) Тамъ же, 264—5.

[3]) *А. Залдкинъ*, „А. С. Пушкинъ, какъ литературный критикъ“ („Русская Старина“, 1899. № 5, № 6; отд. оттискъ. Тифлисъ, 1899).

[4]) *Н. К. Козминъ*, „О взглядѣ Пушкина на драму“ („Памяти А. С. Пушкина“. Сборн. С.-Пб. унив.) С.-Пб. 1900.

Г. Бѣляевъ [1]) очень внимательно подобралъ отзывы Пушкина о театрѣ, артистахъ, драматургахъ.

Г. Ука—въ [2]) изъ писемъ поэта, матеріаловъ Анненкова и записокъ Смирновой подобралъ все характерное для отношеній Пушкина къ пьесамъ Гоголя.

Г. Николаевъ [3]), бѣгло обрисовавъ исторію русскаго театра въ началѣ XIX вѣка, остановился на изученіи Пушкинымъ Шекспира и созданіи „Бориса Годунова".

Г. Гиппіусъ [4]) въ своей обширной работѣ собралъ много, даже слишкомъ много, матеріала, цѣннаго для характеристики литературныхъ нравовъ эпохи. Къ сожалѣнію этотъ матеріалъ, извлеченный въ видѣ краткихъ выдержекъ, остался сырымъ, не обработаннымъ. Самый пріемъ располагать его хронологически, по лѣтописному, не группируя его по смыслу, по степени интереса,—не представляется намъ удачнымъ. Характеристика дѣятелей журнальной полемики временъ Пушкина (Надеждинъ, Булгаринъ, Полевой) не всегда выдержаны, порою даже противорѣчивы, иногда не совсѣмъ понятны. Напримѣръ, „Пушкинъ, писатель свободнаго и простодушнаго характера, высшихъ способностей" [5])—образъ совсѣмъ неясный. Булгаринъ „по возвращеніи въ Петербургъ, сталъ скучать гарнизонной службой и вести себя слишкомъ вольно, за что подвергался частымъ взысканіямъ [6]). Онъ былъ въ то время не тѣмъ, чѣмъ сталъ послѣ; онъ былъ уменъ, любезенъ, гостепріименъ; онъ искалъ дружбы, людей благородныхъ; однако и тогда не пренебрегалъ онъ людьми другого рода и не того движенія, къ которому примкнулъ. До 1823 года Булгаринъ велъ процессъ, очень продолжительный и путанный, который и развратилъ окончательно его душу. Онъ не былъ дурнымъ человѣкомъ: онъ былъ добръ и сострадателенъ; онъ былъ уменъ. Но добрыя свойства его съ каждымъ годомъ все уходили, а дурныя развивались" [7]). На стра-

[1]) *Юрій Бѣляевъ*, „Пушкинскій Театръ", (*Театръ и Искусство*), 1899, № 17—18.

[2]) *Нилъ Ука—въ*, „Отношенія А. С. Пушкина къ „Ревизору" и „Горю отъ ума". (*Театръ и Искусство*, 1899, № 21).

[3]) *Н. Николаевъ*, „О значеніи А. С. Пушкина въ русскомъ театрѣ". (*Театръ и Искусство*, 1899, № 23).

[4]) *В. В. Гиппіусъ*, „Пушкинъ и журнальная полемика его времени". (*Пушк. Сб.*, С.-Пб. У—та, стр. 227).

[5]) Тамъ же, 227.

[6]) Тамъ же, 251.

[7]) Тамъ же, 252.

ницѣ 266 тотъ же Булгаринъ охарактеризованъ такъ: „переметный, корыстный и низкій полякъ, изолгавшійся, измѣнившій своему отечеству“ [1]). Изъ этихъ выдержекъ видно, что г. Гиппіусъ часто находится во власти матеріала, подчиняется ему, оттого впадаетъ въ досадныя противорѣчія. Стиль его работы мѣстами очень неровенъ и невразумителенъ.

Цѣнной является работа профессора Владимірова, посвященная вопросу объ отношеніи къ поэту русской критики съ 1820 по 1899 г. [2]). Первая половина работы, обзоръ критики до Бѣлинскаго, особаго интереса не представляетъ: онъ составленъ, повидимому по книгѣ г. Зелинскаго, „Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина, (4 ч., 1887—1888). Далѣе идетъ довольно обстоятельный, но нѣсколько сбивчивый обзоръ критики Бѣлинскаго, за которымъ слѣдуетъ цѣнная часть работы — перечень наиболѣе интересныхъ работъ, посвященныхъ Пушкину отъ Бѣлинскаго до нашихъ дней. Списокъ этотъ далеко не полный и составленъ довольно случайно, но въ виду того, что онъ единственъ—онъ очень любопытенъ.

Жаль, впрочемъ, что авторъ не ограничился болѣе обстоятельнымъ обзоромъ пушкинской литературы за періодъ между Межовымъ и 1899 годомъ,—онъ могъ бы тогда оставить въ сторонѣ критику старую и новѣйшую (1899 г.).

Г. Некрасовъ [3]) далъ недурную, хотя и не вполнѣ самостоятельную характеристику Д. Веневитинова. кружка московскихъ юношей-философовъ, обрисовалъ ихъ органъ и отношенія къ молодымъ москвичамъ А. С. Пушкина. Г. Некрасовъ изъ того, что Пушкинъ еще до знакомства [съ московской философіей] написалъ свое стихотвореніе: „Чернь“ заключаетъ: „къ такому взгляду на искусство и поэзію поэтъ пришелъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ чужихъ критическихъ указаній... Тутъ было простое совпаденіе теоретическихъ убѣжденій, къ которымъ каждая сторона пришла

---

[1]) Тамъ же, 266.

[2]) Проф. *П. В. Владиміровъ*, „Отношеніе къ Пушкину русской критики съ 1820 года до столѣтняго юбилея 1899 года“. („Памяти Пушкина“, Сборн. Университета св. Владиміра). Кіевъ, 1899.

[3]) *Ѳ. Некрасовъ*, „Д. В. Веневитиновъ, какъ поэтъ и критикъ, „Московскій Вѣстникъ“, журналъ русскихъ шеллингіанцевъ Веневитиновскаго кружка и А. С. Пушкинъ: ихъ взаимныя „историко-литературныя отношенія“. („Пушкинскій Сборникъ“ Московскаго университета). М. 1900.

независимо отъ другой“ [1]). Литературнаго вліянія Веневитинова на Пушкина авторъ не признаетъ, близкія отношенія между ними отвергаетъ. Характеристика „Сцены изъ Фауста“, и выясненіе вліянія Гете на Пушкина заключаютъ статью.

Г. Розановъ [2]) далъ очень цѣнный обзоръ жизни и литературной дѣятельности Грибоѣдова; остроумна та параллель, которую провелъ авторъ между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ,—оказывается, и многіе факты ихъ жизни, ихъ настроенія, и внѣшнія литературныя вліянія на нихъ порою замѣчательно совпадаютъ. Въ противоположность Жуковскому и Лермонтову, „ихъ жалобы, чаянья и надежды сравнительно рѣдко выходили за предѣлы земного существованія, и тѣ тайны и загадки, которыми отовсюду окружена человѣческая жизнь, не возбуждали въ нихъ особеннаго интереса“ [3]). Оба были яркими представителями художественнаго реализма и открыли собою новую эпоху въ русской литературѣ. Различіе основное между обоими—то, что Пушкинъ говорилъ о положительной сторонѣ дѣйствительности, а Грибоѣдовъ—объ отрицательной. Кромѣ того, Пушкинъ „никогда не доходилъ до той степени безысходнаго отчаянія, которая была знакома Грибоѣдову“ [4]). Вліяніе французской литературы, поэтовъ разочарованія и, наконецъ, Шекспира, — вотъ, школа, равно пройденная обоими писателями,—только Грибоѣдовъ вынесъ изъ нея идеаломъ—героизмъ, а Пушкинъ — „душевную гармонію и непосредственность“ [5]). Повторяемъ, лучшею и главною частью работы г. Розанова надо признать характеристику Грибоѣдова; попутно высказываетъ онъ цѣнныя замѣчанія о Пушкинѣ, дѣлаетъ любопытное сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ „Горя отъ ума“ съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“. Неясно у автора пониманіе „романтизма“: отмѣтивъ и у Грибоѣдова, и у Пушкина реализмъ творчества, г. Розановъ словно не хочетъ разстаться съ романтизмомъ и нѣсколько разъ привязываетъ къ этому неясному, непонятному фантому имена Пушкина и Грибоѣдова.

Г. Жураковскій [6]) далъ недурную біографію Е. А. Баратынскаго, и затѣмъ обстоятельно охарактеризовалъ этого безутѣшнаго скорб-

---

[1]) Тамъ же, 77.

[2]) *И. Розановъ*, „Грибоѣдовъ и Пушкинъ“. (Тамъ же, 100).

[3]) Тамъ же, 100.

[4]) Тамъ же, 105.

[5]) Тамъ же, 109.

[6]) *Евгеній Жураковскій*, „Поэтъ-пессимистъ и ближайшій спутникъ поэзіи Пушкина“. („Пушкинскій Сборникъ“, Имп. Моск. универ.). М. 1900 г.

ника, параллельно сопоставляя съ его взглядами, взгляды и чувства Пушкина, грусть котораго легка и свѣтла и никогда не переходитъ въ безотрадный пессимизмъ. Удачно выяснилъ авторъ и нѣкоторыя вліянія Пушкина на творчество Баратынскаго,—непонятно только, почему онъ настойчиво говоритъ о вліяніи на Баратынскаго „*пушкинскаго* байронизма", — по силѣ, мрачности и глубинѣ скорби муза Баратынскаго пошла дальше не только Пушкина, но и Байрона, могучій духъ котораго, зараженный скорбью, еще полонъ борьбы съ жизнью, полонъ первыхъ, не затихнувшихъ страданій, не разрѣшившихся еще въ безотрадный покой рефлексіи, — а послѣднимъ отличается именно муза Баратынскаго. Авторъ могъ бы поискать на западѣ для Баратынскаго образцовъ болѣе подходящихъ, чѣмъ Байронъ.

Петербургскаго же періода касается прекрасный этюдъ г. Миллера объ отношеніяхъ Пушкина къ Катенину [1]). Обрисовавъ въ первой главѣ личность нашего „неоклассика" Катенина, поскольку она оказалась доступной по матеріаламъ и подготовительнымъ работамъ, авторъ во второй главѣ говоритъ объ его критическихъ вѣрованьяхъ, а, слѣдовательно, и о томъ мѣстѣ, которое занялъ онъ въ литературномъ спорѣ классиковъ и романтиковъ. Третью главу своей работы авторъ посвящаетъ выясненію вліянія Катенина на Пушкина. Нельзя сказать, чтобы это вліяніе было опредѣлено убѣдительно, — интересъ къ французскому классицизму и драматическому искусству былъ у Пушкина и до знакомства съ Катенинымъ, къ литературной религіи Катенина нашъ поэтъ не примкнулъ; что же касается до нравственнаго воздѣйствія Катенина на Пушкина, то едва ли первый могъ *смягчающимъ* образомъ дѣйствовать на неровность души Пушкина, такъ какъ самъ не отличался такой ровностью. Интересна 4-я глава, въ которой доканчивается біографія Катенина. Въ работѣ г. Миллера видна и талантливость, и умѣніе работать, — къ сожалѣнію, пока еще у него малый запасъ свѣдѣній: если „классицизмъ" Катенина неуловимъ изъ его только работъ, — надо сравнить его взгляды съ теоретиками античнаго и французскаго классицизма, тогда, пожалуй, можно будетъ выбраться изъ нѣкоторыхъ недоумѣній.

Г. Столбцовъ собралъ изъ записокъ Никитенка все, что относилось къ Пушкину [2]) и его произведеніямъ; получился довольно лю-

---

[1]) *В. Миллеръ*, „Катенинъ и Пушкинъ" („Пушкинскій Сборникъ", статьи студ. Имп. Моск. универ.). М. 1900 г.

[2]) *С. А. Столбцовъ*, „А. С. Пушкинъ въ отзывахъ А. В. Никитенка". (Харьк. универ. сбор.).

бопытный портретъ, нарисованный нѣсколько односторонне, человѣкомъ, имѣвшимъ по своей обязанности непріятныя дѣловыя отношенія съ Пушкинынъ, но, въ общемъ, благожелательный.—добродушный авторъ записокъ сумѣлъ скрасить его тѣми прочувствованными отзывами, которые, конечно, нашлись у просвѣщеннаго человѣка, высоко цѣнившаго геній Пушкина.

Отзывы Аксакова и Тургенева напечаталъ г. Шараповъ [1]).

Въ *Кіевской Старинѣ* перепечатанъ отзывъ Максимовича о „Полтавѣ“ [2]), что, конечно, нѣкоторый интересъ имѣетъ, но, признаемся, не особенно большой.

Г. Петровъ, бѣгло очертивъ отношенія Пушкина къ Украйнѣ во время жизни его на югѣ и отраженіе ея на его поэтическомъ творчествѣ [3]), — перечислилъ нѣкоторыхъ переводчиковъ Пушкина на малороссійскій языкъ и выяснилъ вліяніе Пушкина на „украинскую литературу“. Авторъ къ Пушкину относится благосклонно, признаетъ, что его „нельзя миновать при изученіи отечественной литературы“ [4]) и что „даже (!) самъ Шевченко многимъ и очень многимъ обязанъ былъ А. С. Пушкину“ [5]).

IX.

Пушкинъ—народный, національный поэтъ.

Эта тема разработана въ многочисленныхъ статьяхъ и рѣчахъ 1899—1900 годовъ.

Особое мѣсто среди этой литературы занимаетъ рѣчь академика Александра Веселовскаго [6]). Распадается эта, въ высокой степени содержательная и художественная, рѣчь на двѣ половины: сначала почтенный авторъ говоритъ о внѣшнихъ признакахъ народности великаго поэта, затѣмъ переходитъ къ характеристикѣ внутреннихъ особенностей его музы опредѣляя Пушкина, какъ слугу русскаго

---

[1]) *Шараповъ*, „Аксаковъ и Тургеневъ о Пушкинѣ“. (*Пушк. Сборн.* Петерб, литер.).

[2]) *Кіевская Старина*, 1899, № 5.

[3]) *Н. И. Петровъ*, „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи“. (Сб. Кіевск. Пед. общ.).

[4]) Тамъ же, 167.

[5]) Тамъ же, 163.

[6]) *А. И. Веселовскій*, „Пушкинъ—національный поэтъ“ („Чествов. Пушкина Имп. Ак. Н.“; есть отд. оттискъ).

народа на поприщѣ общественномъ. Эти „внѣшніе признаки“ сводятся къ той связи, что впервые только съ нимъ образовалась у русской литературы съ народной жизнью, народной поэзіей и исторіей: „онъ связывалъ свое настоящее съ прошедшимъ, безсознательный починъ съ умственной задачей зрѣлаго художника“... [1]), „онъ не подражалъ, какъ наши сентименталисты и романтики, а творилъ на новыхъ стезяхъ... Какъ Мольеръ, онъ у другихъ бралъ свое: формы, отвѣчавшія его поэтическому чутью, будившія въ немъ его собственные „звуки новые“, типы, которые онъ находилъ и кругомъ себя, стремленія, которыя дѣлилъ съ лучшими людьми своего времени и самъ переживалъ страстно и тревожно... Оттого онъ не сентименталистъ, не романтикъ; байронистъ только по совпаденію западныхъ литературныхъ и русскихъ общественныхъ моментовъ“ [2]). „Прошлое“ и „современное“ русской жизни предстало передъ нимъ безъ сентиментальнаго и романтическаго тумана—„все это очутилось въ русской обстановкѣ, реальной и поэтической. выросло изъ нея. одно съ нею; вездѣ ощущается народная подпочва, впервые „тихая и безпорывная“ (Гоголь о Пушкинѣ), прелесть русскаго пейзажа, интимное пониманіе крестьянскаго быта; то и другое надо было не только передумать, но и прочувствовать“ [3]). Такимъ же „народникомъ“ оказался Пушкинъ и въ смыслѣ языка: „прочно онъ овладѣлъ народно-поэтическимъ стилемъ... Оттуда обогащеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опрощеніе нашего художественнаго языка“ [4]). Таковы внѣшніе элементы народности, выразившіе въ поэзіи Пушкина тотъ духовный подъемъ, который характеризуетъ русское общество отъ начала вѣка до половины 20-хъ годовъ [5]). Затѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ „внутреннихъ“ элементовъ народности въ поэзіи Пушкина: „Отечественная война, наша освободительная, рѣшающая роль въ европейскихъ событіяхъ,—все это воспитало не только нашу національную гордость, но и наше самосознаніе, сознаніе силъ и недочетовъ и средствъ къ ихъ устраненію. Правительство снова вступаетъ на путь реформъ; просвѣтительныя идеи, переносившіяся къ намъ съ запада и уже давшія свои плоды въ идеалистическихъ теченіяхъ конца прошлаго вѣка, завоевываютъ себѣ болѣе широкіе круги и въ

[1]) Тамъ же. 4.
[2]) Тамъ же, 4—5.
[3]) Тамъ же, 6.
[4]) Тамъ же, 8.
[5]) Тамъ же, -.

нихъ осѣдаютъ; на смѣну эстетическо-моральныхъ теорій самосовершенствованія является призывъ къ дѣятельности; военно-державный патріотизмъ оды уступаетъ мѣсто народно-общественному“ [1])... Далѣе акад. Веселовскій живыми широкими штрихами набрасываетъ картину, какъ прояснялось въ великомъ поэтѣ сознаніе „народно-общественнаго“ служенія. Это видѣніе „свободы просвѣщенной“, программу времени, онъ уноситъ съ собою въ изгнаніе; онъ страстно ею охваченъ и въ то же время онъ чувствуетъ это лишь „безплодный жаръ“ — одинъ изъ источниковъ его душевныхъ тревогъ и недовольства собою, его русскаго байронизма... „Программа обязывала своею серьезностью, не подъ стать тѣмъ обрывкамъ знанія и идей, которые Пушкинъ вынесъ изъ лицея и изъ внѣ-лицейскихъ образованныхъ кружковъ. Онъ лихорадочно читаетъ, бесѣдуетъ, затѣвая споры, чтобъ научиться изъ отвѣтовъ... Такъ зрѣли въ душевной глубинѣ думы и требовали выхода, осуществленія“ [2])... Прекрасно обрисованы идеалы Пушкина послѣ 1826 года, когда онъ, попавъ въ разрѣженное послѣ катастрофы русское общество, хотѣлъ пѣснями служить своему высокому идеалу, уже просвѣтленному сознаніемъ и опытомъ,—идеалу поэта, писателя-гражданина... Онъ „жаждалъ *дѣятельной* борьбы—но русская дѣйствительность дала ему лишь борьбу *страдательную*“ [3]). „На такой-то почвѣ зрѣлъ художественный пафосъ его мысли, личной и общественной, пафосъ любви и печали, но и энергіи желаній. Все это складывалось не въ строгую, общественно-философскую, послѣдовательную въ жизни систему: синтезомъ Пушкина, прирожденной формой его мышленія, была поэзія“ [4]). Онъ умѣлъ „отвлечь отъ дѣйствительности ея жизненное содержаніе и явить его въ формахъ красоты“ [5]). Его поэтическія симпатіи шире, чѣмъ у Байрона,—недаромъ называли его „Протеемъ“: „у него на все родится откликъ и отвѣтъ“ („Эхо“, 1830). „Касалось ли дѣло жизни сердца или мимолетнаго увлеченія,—всюду онъ находилъ общечеловѣческіе моменты и переживалъ и заставляетъ насъ переживать („Чудное мгновеніе“, 1825). И въ оцѣнкѣ общественныхъ и историческихъ явленій ему случалось увлекаться мечтами поэта, идеализуя то, что осудитъ

---

[1]) Тамъ же, 8—9.
[2]) Тамъ же, 10.
[3]) Тамъ же, 14.
[4]) Тамъ же, 16.
[5]) Тамъ же, 16.

проклятый „правды свѣтъ“ [1]) оттого—„возвышающій обманъ идеала—не безразличіе оппортунизма, а исканіе человѣчности—въ царствѣ силы; не капризъ поэта, а иллюзія человѣка, честно и серьезно работавшаго надъ вопросами личнаго и общественнаго блага“ [2]). Характеризуя далѣе поэзію Пушкина, акад. Веселовскій указываетъ, между прочимъ, на такую особенность ея, „онъ открывалъ новыя краски въ образахъ, старыхъ, какъ греческіе боги“ [3]). „Пушкинъ, по его словамъ, поэтъ по манію небесъ; въ этомъ смыслѣ его поэзія — памятникъ нерукотворный; но есть въ ней и другая, такъ сказать, рукотворная сторона: не только работа взыскательнаго художника надъ формой, но и неустанная работа мысли, увлекавшейся общественными интересами и возвышающимъ насъ обманомъ... Это не поэзія для поэзіи, а поэзія, какъ проповѣдь „добрыхъ чувствъ“ [4])... Останавливаетъ на себѣ вниманіе также прекрасная, по содержанію и по формѣ, характеристика литературы XVIII в. и особенно той предразсвѣтной поры, когда чувствовалось въ воздухѣ скорое появленіе новаго генія: „изъ утреннихъ тумановъ, въ которыхъ вьются тѣни классиковъ и романтиковъ, старыхъ западниковъ и народниковъ, Арзамаса и Бесѣды, выдѣляется образъ юноши-Пушкина“ [5]).

Проф. Архангельскій [6]) задался очень интересной задачей выяснить, „насколько образъ мыслей и чувствованій, обычаи, понятія и повѣрія, принадлежащія нашимъ *низшимъ народнымъ слоямъ*, находятъ для себя отзвукъ въ поэзіи Пушкина,—въ какой степени Пушкинъ является „народнымъ“ писателемъ для нашего *простонародья*, писателемъ низшей „народной массы“ [7]). Авторъ приходитъ къ выводу, что многое у Пушкина вполнѣ доступно простому народу (картины русской природы и жизни) своеобразный міръ его вѣрованій тоже нашелъ въ Пушкинѣ вѣрнаго художника; не оскорбитъ поэзія Пушкина и религіозныхъ чувствъ нашего народа, приподниметъ его патріотическія настроенія; даже своеобразный элегическій тонъ лучшихъ произведеній Пушкина не останется не замѣченнымъ сердцемъ русскаго про-

---

[1]) Тамъ же, 16.

[2]) Тамъ же, 17.

[3]) Тамъ же, 17.

[4]) Тамъ же, 18.

[5]) Тамъ же, 3.

[6]) Проф. *А. С. Архангельскій*, „А. С. Пушкинъ, какъ писатель народный“. Казань, 1899.

[7]) Тамъ же, 4—5.

столюдина, такъ какъ той же элегіей звучитъ его задушевная пѣсня... Особенно, конечно, близки къ пониманію народа будутъ произведенія Пушкина, отразившія на своемъ сюжетѣ образы народной поэзіи. Въ заключеніе, почтенный авторъ характеризуетъ теперешнюю библіотеку нашего народа, въ которой главное мѣсто занимаетъ „лубочная литература", и выражаетъ пожеланіе, чтобы поэзія Пушкина поскорѣе вытѣснила этотъ интересъ къ дряннымъ романамъ и другимъ подобнымъ произведеніямъ невѣжественныхъ авторовъ.

Прекрасна рѣчь г. Петрова [1]), посвященная оцѣнкѣ „народности" нашего великаго поэта. Начинаетъ г. Петровъ ее съ критики славянофильскихъ тенденціозныхъ толкованій „народности" русской, вообще и пушкинской въ частности (А. Григорьевъ, Страховъ, Достоевскій), затѣмъ устанавливаетъ свою точку зрѣнія: „мы, говоритъ онъ, минуемъ всѣ эти полумистическія мечты о русской народности и ставимъ себѣ задачу несравненно болѣе скромную. Мы просто хотимъ посильно показать, что, такъ какъ геніальный поэтъ или художникъ вообще есть всегда центральное отраженіе кипящей вокругъ его жизни,—ея *фокусъ*, то и Пушкинъ не могъ не быть таковымъ въ отношеніи русскаго міра, и не только жизни образованнаго слоя, а и *чисто народной*, по скольку она вторгалась и переплеталась въ тѣ времена съ бытомъ помѣщичьяго класса" [2]). „Пушкинъ въ своей поэзіи выказывалъ глубочайшую духовную связь съ землею и народною массою, сливаясь съ нею порою въ полномъ единствѣ вкусовъ и поэтическихъ созерцаній, глядя на міръ ея исконными взглядами, улавливая красоту и благо во всемъ томъ, что она цѣнила, въ чемъ ихъ искала и находила" [3]). Къ этому выводу авторъ пришелъ оригинальнымъ путемъ: при помощи подробной характеристики Татьяны и сближенія ея жизни, ея вкусовъ, стремленій и разочарованій съ судьбой самого Пушкина. Получилось, дѣйствительно, нѣкоторое совпаденіе, легко доказуемое лирикой великаго поэта. Это очень остроумно, и, хотя образъ Татьяны отъ этого не проясняется,—для исторіи творчества великаго поэта совпаденіе это очень знаменательно. Воспитаніе Татьяны на народной поэзіи, няня, любовь къ русской природѣ и сельской жизни, народный мистицизмъ; томленіе среди пошлостей столичной жизни и стремленіе въ деревню,—все это, дѣйствительно, нѣсколько сближаетъ

---

[1]) *Н. А. Петровъ*, „Народныя черты и симпатіи въ поэзіи А. С. Пушкина" (Памяти Пушкина, Сб. Кіевск. окр., II, 75).

[2]) Тамъ же, 76.

[3]) Тамъ же, 93.

два образа. Туманнымъ показалось намъ сближеніе на почвѣ аналогичности „философскихъ“ вѣрованій Татьяны и Пушкина: „Татьяна вездѣ и всегда готова подчиниться установившемуся міропорядку, этой высшей законности... Тѣ же смыкающіяся волны всемірной законности, вѣчнаго міроустройства охватываютъ и Пушкина, и поднимаютъ его *надъ мірскою суетою*, обвѣвая его душу тихимъ, божественнымъ покоемъ“ [1]). Послѣ параллели между поэтомъ и его героиней, г. Петровъ указываетъ очень обстоятельно элементы народной поэзіи въ его творчествѣ.

Г. Яковлевъ [2]) посвятилъ длинную рѣчь выясненію національныхъ особенностей русскаго народа и отраженія ихъ въ поэзіи Пушкина, при чемъ „исконныя“ черты русскаго характера изложены авторомъ на основаніи трудовъ Н. Я. Данилевскаго, П. Е. Астафьева и проч.

Г. Затворницкій [3]) оцѣнилъ „народность“ великаго поэта, какъ способность его жить одною жизнію съ русской современностью и стариной: быть „живымъ и правдивымъ эхомъ русской жизни“. Г. Затворницкій нѣсколько словъ сказалъ о „тревожныхъ“. „страстныхъ“ типахъ запада и о „добродушномъ, смиренномъ“ типѣ „національномъ“, отмѣтилъ отношеніе къ нимъ Пушкина и остановился подробнѣе на элементахъ народной поэзіи и русской старины въ творчествѣ Пушкина.

Г. Малинка [4]) указалъ на великое значеніе поэта, бѣгло начерталъ его біографію, подчеркивая его права на названіе „поэта народнаго“. „Терпѣніе, покорность выпавшему жребію, незлобіе, правдивость, набожность, преданность своему Богомъ поставленному Государю, готовность на самопожертвованіе при исполненіи долга“— вотъ качества русской и пушкинской души.

Г. Сокологорскій [5]) начинаетъ съ указанія великаго значенія поэзіи вообще, переходитъ къ характеристикѣ до-пушкинской поэзіи и переходитъ къ исторіи пушкинскаго творчества, отмѣчая въ немъ по-

---

[1]) Тамъ же, 85.

[2]) *Б. Я. Яковлевъ*, „Національныя особенности и отраженія ихъ въ произведеніяхъ Пушкина“. (Тамъ же, 132).

[3]) *Г. М. Затворницкій*, „Художественно-національное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 254).

[4]) *А. Н. Малинка*, „Памяти А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 361).

[5]) *И. Д. Сокологорскій*, „Пушкинъ, какъ поэтъ народный“. (Тамъ же, 420).

бѣду національныхъ началъ. „Пушкинъ широко изобразилъ русскую жизнь съ ея эстетической, свѣтлой стороны. Его всеобъемлющій геній охватилъ всѣ важнѣйшія эпохи русской исторіи, всѣ сферы русской жизни и природы и выставилъ выпукло и ярко на всенародныя очи все возвышенное и прекрасное, найденное имъ въ душѣ русскаго человѣка“ [1]),—таково основное положеніе автора; доказываетъ онъ его безъ преувеличеній и крайностей. Затѣмъ авторъ выясняетъ значеніе Пушкина (освобожденіе русской литературы отъ подражательности, національзація ея, реализмъ, выработка языка, сообщеніе русской литературѣ европейскаго значенія); отмѣчаетъ авторъ и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина (гуманность, миролюбіе, молодая, свѣтлая любовь къ людямъ).

Г. Азбукинъ [2]) отмѣчаетъ, какъ „народность“ (въ смыслѣ пониманія русской жизни, природы) постепенно завоевывала сознаніе Пушкина. Бѣглая характеристика Татьяны и Онѣгина помогаетъ автору доказать, что Пушкинъ уловилъ такіе русскіе типы, которыхъ преемственность сказалась въ послѣдующей литературѣ. Отмѣчая въ Пушкинѣ моментъ развитія самосознанія русскаго общества, авторъ указываетъ, что внесено было имъ новаго въ исторію русской литературы, что оставилъ онъ въ наслѣдство послѣдующимъ поколѣніямъ. Заканчиваетъ авторъ общей характеристикой поэзіи Пушкина.

Г. Балдовскій [3]) отмѣтилъ въ началѣ своей рѣчи особенность праздника 1899 года сравнительно съ праздникомъ 1880 года — демократизмъ, преобладаніе толпы, что оцѣнивается авторомъ, какъ симптомъ важный; затѣмъ авторъ дѣлаетъ общую характеристику поэта Пушкина и переходитъ къ выясненію „народности“ Пушкина, понимая подъ этимъ доступность пониманія великаго поэта простымъ народомъ.

Г. Овсѣенко [4]) говоритъ, что „поэзія Пушкина и по своему содержанію и по настроенію глубоко національна, то-есть близка къ народному духу, къ народному чувству и смыслу“ [5]). Этотъ „народный духъ“ авторъ намѣчаетъ изъ народной поэзіи и жизни. Бѣглая

---

[1]) Тамъ же, 424.

[2]) *М. Азбукинъ*, „Національно-художественное значеніе поэтической дѣятельности А. С. Пушкина“. (Тамъ же, 515).

[3]) *А. Г. Балдовскій*, „Пушкинъ, какъ національный поэтъ - художникъ“. (Тамъ же, 52).

[4]) *М. Я. Овсѣенко*, „Пушкинъ, какъ народный поэтъ - художникъ“. (Тамъ же, 64).

[5]) Тамъ же, 66.

ıрактеристика поэзіи Пушкина и біографическій очеркъ заключаютъ
'у работу.

Г. Зленко [1]) отмѣтилъ „народность“ Пушкина въ языкѣ его и въ
'о картинахъ изъ русской современной жизни, русской исторіи.

Г. Татарскій [2]) отмѣтилъ самобытность Пушкина, какъ перваго
ɣсскаго поэта, вышедшаго побѣдоносно изъ борьбы съ вліяніемъ ти-
ıновъ западно-европейской литературы — Шенье, Байрона, Гете и
Iекспира.

Г. Рождествинъ [3]) охарактеризовалъ довольно обстоятельно рус-
кихъ писателей до Пушкина съ цѣлью доказать, что до него „русской,
ɔдной поэзіи у насъ не было. Русская земля ждала *своего* поэта“ [4]).
ушкинъ и былъ этимъ писателемъ, въ которомъ всѣ услышали „что-
ɔ родное“. Совершенно вѣрно указано значеніе Карамзина въ этомъ
ɔворотѣ Пушкина къ родному [5]). Затѣмъ авторъ разбираетъ бѣгло
роизведенія великаго поэта, подчеркивая тѣ изъ нихъ, въ кото-
ыхъ слышится „родное“ въ прошломъ, въ настоящемъ, въ описаніяхъ
рироды. Совершенно справедливо указано также, насколько въ изобра-
еніи русской жизни Пушкинъ былъ выше своихъ предшественниковъ.
Съ точки зрѣнія Фонвизина, Недоросль, не знавшій, что за наука гео-
рафія и чѣмъ отличается имя существительное отъ прилагательнаго,
ɔть только дуракъ. Пушкинъ, проникшій въ самые сокровенные тай-
ники человѣческаго сердца, открылъ намъ, что можно упражняться
ъ географіи посредствомъ обращенія географической карты въ змѣя
всетаки быть умнымъ, добрымъ честнымъ, благороднымъ П. А. Гри-
евымъ“ [6]). Наставленія отца Гринева сыну, прощаніе Маши Миро-
овой съ Гриневымъ и Гринева съ Пугачевымъ, рядъ образовъ жи-
ыхъ и правдивыхъ,—вотъ примѣры, на которыхъ авторъ удачно до-
азываетъ „народность“ Пушкина. Заключаетъ авторъ свою работу ха-
ıактеристикой Татьяны.

Г. Козловскій [7]) довольно туманно выяснилъ борьбу Пушкина съ

---

[1]) *А. Х. Зленко*, „Пушкинъ, какъ народный поэтъ“. (Тамъ же, 76).

[2]) *І. Татарскій*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, какъ русскій націо-
ıальный поэтъ“ (*Богословскій Вѣстникъ*, 1899, № 6).

[3]) *А. Рождествинъ*, „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый русскій на-
ɔодный поэтъ“. Казань. 1899.

[4]) Тамъ же, 7.

[5]) Тамъ же, 12.

[6]) Тамъ же, 23.

[7]) *П. С. Козловскій*, „О національномъ значеніи литературной дѣятельности
А. С. Пушкина“ (*Филолог. Записки*, 1899, т. IV).

чуждыми вліяніями. побѣду родныхъ впечатлѣній и бѣгло отмѣтилъ народныя черты у Пушкина въ его отношеніяхъ къ природѣ и людямъ старой и новой Россіи.

Г. Пузицкій [1]), слѣдуя Достоевскому, охарактеризовалъ Пушкина, какъ выразителя, „существенныхъ свойствъ русскаго народа“. Отмѣтивъ борьбу съ байронизмомъ, туманившимъ народное въ Пушкинѣ, онъ внимательно отмѣтилъ, какъ просыпалось и развивалось „чисторусское“ въ душѣ поэта: патріотизмъ, незлобіе, вѣра въ лучшее будущее, примиреніе съ жизнью, простота, смиреніе, самоотверженіе чувствъ... Пушкина авторъ считаетъ „главнымъ зиждителемъ русскаго національнаго самосознанія“ [2]). Затѣмъ онъ внимательно слѣдитъ за всѣми проблесками и постепеннымъ развитіемъ у Пушкина религіознаго чувства.

Г. Владиславлевъ [3]) началъ съ характеристики Пушкина, какъ выразителя въ поэзіи русской души, ея чувствъ, чаяній, надеждъ. Останавливается г. Владиславлевъ особенно на патріотизмѣ поэта, говоритъ намъ о любви его къ родинѣ, русской природѣ, русскому человѣку, русской народной поэзіи, русской исторіи. Преданность царямъ Александру I и Николаю I,—доказывается авторомъ особенно старательно; менѣе усердія выказалъ авторъ, доказывая религіозность Пушкина, и заканчиваетъ указаніемъ той терпимости къ чужому, даже врагу, которая свойственна русскому человѣку и въ высокой степени присуща была Пушкину.

Г. Сперанскій [4]) произнесъ рѣчь о значеніи Пушкина. Для характеристики его пріемовъ приведемъ заключеніе рѣчи: „счастливъ русскій Царь, счастлива Россія, что имѣютъ такихъ сыновъ, а такіе сыны ихъ воистину велики и огромно значеніе ихъ въ исторіи народнаго самосознанія, а Пушкинъ—онъ кумиръ своего народа!“

---

[1]) *В. А. Пузицкій*, „Національное направленіе и религіозное настроеніе въ поэзіи Пушкина“. („Пушкинскіе дни въ губ. г. Владимірѣ“, стр. 79), Владиміръ, 1899.

[2]) Тамъ же, 47.

[3]) *А. Владиславлевъ*, „Патріотическое настроеніе въ произведеніяхъ Пушкина“, рѣчь преподавателя, сказанная на актѣ въ Тверскомъ реальномъ училищѣ, 26-го мая 1899 г. Тверь, 1899.

[4]) „О значеніи А. С. Пушкина, какъ русскаго человѣка и писателя“. („На память о празднованіи столѣтней годовщины дня рожденія А. С. Пушкина въ С.-Петербургскомъ 3-мъ реальномъ училищѣ“). С.-Пб. 1899.

Г. Эйзенбетъ [1]) указалъ рядъ отраженій народной поэзіи на произведеніяхъ двухъ великихъ славянскихъ поэтовъ, хотѣлъ доказать, что къ этимъ вліяніямъ Пушкинъ и Мицкевичъ отнеслись различно,—но доказательства автора вышли недостаточно ясны. Мысль его, кажется, была та, что Пушкинъ, постигнувъ духъ поэзіи своего народа, явился творцомъ произведеній въ народномъ духѣ, тогда какъ Мицкевичъ—только переводилъ на литературный языкъ сокровища народной поэзіи. Къ сожалѣнію, авторъ, повидимому, за это хочетъ ставить выше Мицкевича. Впрочемъ, и это не выражено авторомъ опредѣленно.

Г. Дурново [2]) отмѣчаетъ любопытный фактъ перехода нѣкоторыхъ произведеній Пушкина въ пользованіе народа,—передъ нимъ рядъ варіантовъ пушкинскаго „Узника“, обратившагося въ пѣсню; интересны тѣ искаженія, которыя произошли съ этимъ стихотвореніемъ въ устахъ народнаго пѣвца.

X.

Воспитательное значеніе Пушкина.

Въ юбилейной литературѣ выдается по объему отдѣлъ сочиненій, посвященныхъ „воспитательному значенію“ Пушкина; къ сожалѣнію, ни одинъ изъ многочисленныхъ авторовъ подобныхъ этюдовъ не задалъ себѣ вопроса, не нуждается ли такое утвержденіе въ ограниченіяхъ,—для всѣхъ, повидимому, принципіально разрѣшенъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Для всѣхъ это „воспитательное значеніе“ музы Пушкина несомнѣнно. На нашъ же взглядъ воспитываетъ человѣка не литература, это слабое отраженіе жизни,—а сама жизнь, съ ея дѣйствительными радостями и печалями. Литература только будитъ „добрыя чувства“, то-есть вызываетъ въ насъ эстетическую эмоцію, окрашенную соотвѣтствующимъ настроеніемъ (жалость, радость, веселіе), отъ котораго до реальнаго проявленія ихъ въ жизни еще далеко. Если намъ возразятъ на это, что литературные образы охватывали иныхъ такъ сильно, что вліяли на всю жизнь,—мы скажемъ на это, что такіе субъекты были уже подготовленыкъ перелому *самою жизнью:* они были уже *воспитаны* въ извѣстномъ направленіи,—имъ нуженъ былъ только толчокъ, образчикъ, не больше. Сколько людей прошло школы, сколько

[1]) *Н. Эйзенбетъ*, „Вліяніе народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича“. (Пушк. Сборн. Моск. университета).

[2]) *Н. Дурново*, „Узникъ“ Пушкина въ народной передѣлкѣ“. (Тамъ же).

народу слышало о завѣтахъ Пушкина,—многіе ли воспитали въ себѣ хоть крупицу того, что онъ намъ завѣщалъ? Кто жадно слушаетъ слова поэта, кому на сердце ложатся его слова, тотъ уже *научен жизнью*, тотъ подготовленъ уже къ пониманію поэта. Бездарный учитель, говорящій о Пушкинѣ, можетъ усыпить классъ, — тогда какъ живой, даровитый можетъ вызвать слезы сочувствія. Что же здѣсь учитъ Пушкинъ или жизнь? Конечно жизнь — живой человѣкъ, съ живой рѣчью, съ живыми чувствами. Самъ Пушкинъ сознавалъ безсиліе литературы въ дѣлѣ воспитанія толпы, когда воскликнулъ, что поэту „нѣтъ отзыва“, что толпы „не оживитъ лиры гласъ“. Пусть же г.г. педагоги, съ ихъ рѣчами о „воспитательномъ значеніи“ Пушкина, не очень уповаютъ на умѣніе его цитовать, пусть не забудутъ, что поучительна не столько литература, сколько самая жизнь, что литература — только вспомогательное средство для воспитанія и то въ рукахъ талантливаго учителя, что лучше всего воспитываютъ юныя сердца не фикція, а дѣйствительныя слезы и радости; пусть учениковъ своихъ ведутъ они въ *жизнь*,—и только тогда великіе наши поэты помогутъ имъ своими произведеніями. Словомъ, „воспитательное значеніе“ имѣетъ Пушкинъ (какъ и другіе писатели) только при наличности воспріимчивой почвы, разработанной впечатлѣніями „жизни дѣйствительной“.

Въ юбилейныхъ статьяхъ, посвященныхъ этому вопросу, нѣтъ указаній на это ограниченіе, къ тому же онѣ такъ шаблонны, такъ богаты „общими мѣстами“, что трудно повѣрить, будто въ такомъ освѣщеніи великій поэтъ могъ покорить какое нибудь юное сердце!

Счастливымъ исключеніемъ изъ этой „педагогической“ литературы о Пушкинѣ является рѣчь г. Куницкаго [1]). Передъ нами не только характеристика поэзіи Пушкина, выясненіе ея содержанія, но и намеки на ту руководящую роль учителя, безъ котораго для большинства великія слова останутся „словами“. Только въ этой рѣчи встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ слово „учитель“ и даже намеки чисто методическаго характера [2]). „Жизнь“, повидимому, для автора и есть та почва, стоя на которой, онъ толкуетъ Пушкина. Изъ частностей этой работы отмѣтимъ прекрасное толкованіе пушкинскихъ сказокъ, ихъ качествъ, отличныхъ отъ сказокъ другихъ писателей („трезвенность“, отсутствіе фантастики, мрачности, гуманность основной идеи).

[1]) *В. Н. Куницкій*, „Нравственно-воспитательное значеніе поэзіи Пушкина, (*Вѣстникъ Благотворительности*, 1899, №№ 5 и 6; есть отд. оттискъ).

[2]) Тамъ же, 4, 5 и др.

ъ другихъ произведеніяхъ Пушкина авторъ отмѣчаетъ „любовь къ еловѣчеству, къ жизни, какова бы она ни была, прощеніе и снисожденіе къ падшему брату, гуманность, смиреніе передъ высшимъ удомъ и судомъ собственной совѣсти, любовь къ родинѣ и ея природѣ, къ родному народу, къ родному прошлому“ [1]). Намекъ на то, акъ должно толковать поэта, встрѣчаемъ мы въ слѣдующихъ слоахъ: „его стихотворенія: „Опять на родинѣ“, „Брожу ли я вдоль лицъ шумныхъ“, „Стансы“ (1826 г.), „Туча“ — даютъ прекрасный атеріалъ для бесѣды съ учащимися о томъ, какъ слѣдуетъ отноиться къ невзгодамъ жизни, и какъ можно и должно умѣть стать ыше ихъ, не падая въ борьбѣ, не теряя вѣры въ жизнь и людей, е впадая въ уныніе только потому, что нашимъ личнымъ надеждамъ стремленіямъ, такъ или иначе, не суждено сбыться“ и т. д. [2]). Справедливо судитъ авторъ и о „смиренныхъ“ типахъ у Пушкина, ставя хъ съ художественной и нравственной точекъ зрѣнія выше отвѣтствующихъ героевъ Гоголя и Достоевскаго [3]). Повторяемъ, работа . Куницкаго—счастливое исключеніе въ ряду тѣхъ шаблонныхъ работъ о этому же вопросу, къ которымъ мы теперь приступаемъ.

Г. Кубинцевъ [4]) началъ свою рѣчь съ характеристики современаго общества, яко-бы подавленнаго безпросвѣтнымъ пессимизмомъ. Мы остановимся, говоритъ авторъ, на свѣтлой, оптимистически настроенной личности поэта, на его бодромъ, свѣтломъ и жизнерадостномъ взглядѣ на бѣлый свѣтъ и человѣка. Избравъ темой эту тихійную черту въ личномъ характерѣ давно покойнаго юбиляра, оторая ярко и выпукло отразилась въ его великихъ произведеніяхъ, ы поставили себѣ задачу указать: 1) что и какъ мы усвоили изъ авѣтовъ великаго нашего учителя и 2) откуда, изъ какихъ источниовъ почерпать нравственныя силы и средства для борьбы съ ослаляющимъ, удручающимъ и убивающимъ насъ и дѣтей нашихъ неугомъ, который мы обозначили однимъ словомъ: „пессимизмъ“ [5]). Бѣглая характеристика Пушкина, какъ писателя, сдѣлана, въ общемъ, овольно вѣрно,—отмѣтимъ только слѣдующую неточность: „пущенная имъ острая эпиграмма на своего одесскаго начальника, графа Воронцова, не прошла ему даромъ: поэта выпроводили въ родное

[1]) Тамъ же, 4.
[2]) Тамъ же, 5.
[3]) Тамъ же, 12.
[4]) *А. В. Кубинцевъ*, „Воспитательное и образовательное значеніе произведеній А. С. Пушкина“, („Памяти А. С. Пушкина) Благовѣщенскъ, 1899.
[5]) Тамъ же, 53.

село Михайловское“ [1]). Такъ же невѣрно представлено настроеніе Пушкина. Почему-то авторъ выдвинулъ элегическіе мотивы пушкинской лирики на первый планъ, придалъ имъ какой-то исключительно преобладающій характеръ и обрисовалъ „грусть“ поэта такъ: „грусть его выражалась не разочарованіемъ къ жизни, которую онъ любилъ глубоко, до обожанія и которую такъ прекрасно идеализировалъ (?) въ своихъ произведеніяхъ, а сожалѣніемъ бросить ее, разстаться съ ея благами и красотою, а можетъ быть, еще и тѣмъ, что эта жизнь уже не могла дать столько наслажденій, сколько давала ему въ юности“ [2]). „Поэзія, по его мнѣнію, настолько должна возвышать человѣка надъ низменною дѣйствительностью, чтобы онъ могъ презирать ее со всѣми ея уклоненіями“ [3]). Далѣе авторъ бѣгло обрисовываетъ героевъ Пушкина, отмѣчая тотъ колоритъ симпатіи и любви, который лежитъ на нихъ; это — „жизнерадостный привлекательный міръ явленій“ [4]). Затѣмъ авторъ характеризуетъ взглядъ Пушкина на поэзію его стихотвореніемъ: „Пророкъ“; отсюда авторъ дѣлаетъ переходъ къ „ученикамъ“ Пушкина и упрекаетъ ихъ за то, что они стали рисовать людей „угнетенныхъ, подавленныхъ, нравственно-ничтожныхъ и безличныхъ“. „Произведенія ихъ не возвышаютъ насъ надъ жизнью, а, наоборотъ, съ головою погружаютъ въ низменные интересы этой жизни“ [5]). Не даетъ эта новѣйшая литература, по мнѣнію автора, эстетическаго воспитанія. Пушкинъ, въ этомъ отношеніи, выше ихъ. „Изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ. Ему, какъ художнику красоты, нѣтъ соперника въ мірѣ“ [6]). Его умѣніе найти вездѣ красоту, освѣтить ложь заставляютъ г. Кубинцева признать, что „въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія Пушкинъ безконечно великъ, и никѣмъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей замѣненъ быть не можетъ“ [7]). Высота идеи, благородство чувства, чистота, ясность мысли и чувствъ, превосходный языкъ—вотъ. достоинства Пушкина. Мнѣніе Бѣлинскаго о воспитательномъ значеніи великаго поэта заключаетъ выводы автора. Далѣе отмѣчаетъ онъ патріотизмъ поэта, его приверженность трону, религіозность... Вся эта вторая половина характеристики поэта почти сплошь

---

[1]) Тамъ же, 57.
[2]) Тамъ же, 59.
[3]) Тамъ же, 64.
[4]) Тамъ же, 62.
[5]) Тамъ же, 67.
[6]) Тамъ же, 69.
[7]) Тамъ же, 72.

невѣрна. „Семь лѣтъ сряду стоялъ Пушкинъ посреди заговора, омываемый, такъ сказать, волнами его со всѣхъ сторонъ, и не нашлось ни одной волны, которая унесла бы его съ собою въ пропасть: онъ былъ искреннимъ сторонникомъ власти“ [1])...

Г. Дорофеевъ въ своей рѣчи выяснилъ образовательное и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина [2]). Авторъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что великій поэтъ уже изученъ, что о немъ „теперь можно говорить совершенно спокойно, ни съ кѣмъ не полемизируя“ [3]). Исходныя точки для очерка г. Дорофеева — слова Островскаго: „первая заслуга Пушкина заключается въ томъ, что черезъ него умнѣетъ все, что можетъ поумнѣть“. и слова Бѣлинскаго: „поэзія Пушкина обладаетъ особенною способностью развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности“ [4]). Въ зависимости отъ этого значеніе поэта разсматривается съ 3-хъ точекъ зрѣнія—какъ умственное, эстетическое и нравственное. Поэзія Пушкина — эта „поэтическая лѣтопись прошлаго“, рисуетъ „эстетическую сторону дѣйствительности“, будитъ нашу мысль; его языкъ, свойства его мышленія, гармоничность формы и содержанія, способность схватывать „внутреннюю красоту человѣка“, его оптимизмъ, религіозность, патріотизмъ, проповѣдь смиренія (Достоевскій)—вотъ, тѣ мотивы, которые обусловливаютъ великое значеніе поэзіи Пушкина.

Г. Бѣляевъ далъ въ своей рѣчи бѣглый очеркъ чествованія Пушкина въ 1899 году, характеристику его поэзіи, выясненіе ея воспитательнаго значенія и біографію поэта [5]). Надо сознаться, что въ общемъ получилось нѣчто не совсѣмъ стройное и не отвѣчающее темѣ. Новаго изъ рѣчи, конечно, мы ничего не узнаемъ: правдивость, искренность, задушевность поэзіи, сила, вдохновенность чувства поэта, гармонія между мысленнымъ образомъ и словеснымъ выраженіемъ, умѣніе найти въ жизни красоту, многообразіе и многосторонность творчества, гуманность настроеній, народность, набожность и патріотизмъ — вотъ, отличительныя достоинства поэзіи Пушкина; значеніе

---

[1]) Тамъ же, 80—1.

[2]) *Г. Дорофеевъ*, „Образовательное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“. („Памяти Пушкина“, Спб. Кавк. Уч. Окр.). Есть отд. оттиски, Тифлисъ 1899.

[3]) Тамъ же, 88.

[4]) Тамъ же, 40.

[5]) *И. Бѣляевъ*, „Литературное и воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ связи съ біографическими свѣдѣніями о немъ“. Варшава 1899.

ея: пробужденіе сознанія въ обществѣ, развитіе языка дѣлаютъ Пушкина, на взглядъ автора, „учителемъ жизни“ по преимуществу.

Г. Варыпаевъ для своей работы широко воспользовался работою г. Никольскаго („Идеалы Пушкина“) [1]). Пушкинъ, какъ человѣкъ религіозный, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ,—оказался, благодаря этому, образцомъ для всѣхъ. Насколько правильно понялъ авторъ Пушкина, свидѣтельствуютъ, хотя бы, слѣдующія выдержки: „Онъ съ умиленіемъ преклонялся предъ Всевышнимъ. Вездѣ, гдѣ онъ касался религіи, онъ былъ глубоко набожнымъ человѣкомъ“ [2]). „Воздавая Божіе Богу, Пушкинъ въ то же время Кесарю воздавалъ Кесарево“... „Онъ беззавѣтно былъ преданъ царю и отечеству“... „былъ ярымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ“ [3]). И все это безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ! Забыты всѣ столкновенія великаго поэта съ правительствомъ, всѣ, по выраженію самого поэта, „подсвистыванья“ Императору Александру. Авторъ не хочетъ ничего этого знать:—„русскій царь, по воззрѣнію Пушкина,—говоритъ авторъ есть олицетворенная правда и милость—и заключаетъ: такъ же смотритъ на царя и любой изъ его подданныхъ“ [4]).

Г. Бороздинъ въ своей рѣчи [5]) охарактеризовалъ поэзію Пушкина, отмѣтивъ ея разносторонность, отзывчивость, способность перевоплощенія, богатство языка, правдивость и вѣрность дѣйствительности, человѣчность, мягкость души, религіозность. Воспитательное значеніе Пушкина, по мнѣнію автора,—въ разносторонности его поэзіи: „онъ даетъ намъ какъ бы энциклопедію міровой поэзіи“ [6]),—а также въ человѣчности и высокой правдивости его: „это пророкъ, возвѣщающій намъ Божью волю и ведущій насъ къ высокому совершенству“ [7]). Собственно новаго во всемъ этомъ нѣтъ ничего. Затѣмъ г. Бороздинъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе понятія „поэтъ“: „поэтъ одновременно служитъ истинѣ, добру и красотѣ, стремясь, при точномъ (!) воспроизведеніи дѣйствительности, къ торжеству нравствен-

---

[1]) *П. Н. Варыпаевъ*, „О воспитательномъ значеніи произведеній Пушкина“. Спб. 1899.

[2]) Тамъ же, 5.

[3]) Тамъ же, 9.

[4]) Тамъ же, 11.

[5]) *А. К. Бороздинъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“. Спб. 1899.

[6]) Тамъ же, 7.

[7]) Тамъ же, 15.

наго начала и къ осуществленію его въ прекрасныхъ образахъ" [1]). Въ этомъ опредѣленіи „поэта" все случайно, а утвержденіе, что поэтъ „точно" передаетъ дѣйствительность, даже невѣрно.

Рѣчь г. Иванова [2]) представляетъ изъ себя недурную, хотя и нѣсколько безсистемную характеристику поэта, съ экскурсами въ его біографію и литературную дѣятельность. Рѣчь эта охватываетъ столько вопросовъ, что съ полнымъ правомъ могла бы имѣть любое названіе. Начинаетъ авторъ съ выясненія воздѣйствія искусствъ на человѣческую культуру въ смыслѣ сообщенія ей поступательнаго движенія. Наше пониманіе происхожденія искусства въ данномъ случаѣ расходится съ пониманіемъ автора: общество создаетъ искусство, отражаясь всѣми типичными своими чертами въ сознаніи художника, какъ въ фокусѣ; въ созданіи искусства толпа лишь узнаетъ себя, узнаетъ въ яркомъ, ясномъ воплощеніи то туманное и неясное, что витало надъ ней, и идетъ за прояснившимся образомъ, наивно видя въ немъ „откровеніе"... Базаровымъ могли увлечься только тѣ, въ комъ жизнь заложила уже базаровскія черты; съ другой стороны, человѣку другого умственнаго и нравственнаго склада „модный" герой Тургенева всегда былъ и будетъ чуждъ. Г. Ивановъ правъ, отводя въ своей статьѣ много мѣста обрисовкѣ „образа поэта", признавая за нимъ „воспитывающее значеніе",—тутъ передъ нами дѣйствительная жизнь! Во второй половинѣ своей работы авторъ говоритъ довольно много о религіозности и патріотизмѣ Пушкина, о его значеніи для литературы, русской и славянской.

О воспитательномъ значеніи поэзіи А. С. Пушкина говоритъ и г. Ляскоронскій [3]). Впрочемъ, въ этой работѣ мы находимъ много не относящагося къ дѣлу: начинаетъ онъ, напримѣръ, со слащаваго описанія, какъ „улыбалось съ голубого неба солнце, повышая въ сердцахъ людей сладостное чувство бытія" [4]) въ тотъ день, когда явился на свѣтъ Пушкинъ; затѣмъ довольно много говорится о красотахъ русской природы, послѣ этого г. Ляскоронскій переходитъ къ характеристикѣ пушкинскихъ пейзажей, указываетъ на его умѣніе рисо-

[1]) Тамъ же, 3.

[2]) *Н. Ивановъ*, „О воспитательномъ значеніи поэзіи Пушкина", Юрьевъ, 1899 г. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, по случаю столѣтней годовщины рожденія поэта.

[3]) *В. П. Ляскоронскій*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина", („Памяти Пушкина", Сб. Кіевск. Окр. 398).

[4]) Тамъ же, 398.

вать русскихъ людей; останавливается онъ, наконецъ, на положительныхъ типахъ у Пушкина и въ заключеніе, страничкахъ на двухъ, говоритъ о гуманности и художественности Пушкина, какъ поэта. Выводъ: „въ своихъ произведеніяхъ онъ учитъ насъ понимать и любить нашу природу, объясняетъ наши духовныя особенности, какъ національной единицы, является проповѣдникомъ гуманности и снисходительнаго отношенія къ ошибкамъ ближняго, и ставитъ передъ нашими очами образцы жизни, озаренной возвышенными, прекрасными стремленіями“ [1]). Отмѣтимъ, въ заключеніе, одно преувеличеніе автора, который увѣрялъ, что „по изяществу своихъ произведеній, какъ общепризнано критикой (?), Пушкинъ стоитъ выше всѣхъ поэтовъ въ мірѣ“ [2]).

Г. Читадзе на нѣсколько страницахъ [3]) далъ удачную характеристику поэзіи Пушкина: „полнота жизни, свободный расцвѣтъ ума и сердца человѣка, самостоятельность его личности, служеніе общественному благу“ [4])—вотъ, идеалы Пушкина, вотъ, чему онъ учитъ насъ; „незлобіе, всепрощеніе, отсутствіе эгоизма, подчиненіе долгу“—характерныя черты великаго поэта, на воспитательное значеніе которыхъ указываетъ авторъ.

Г. Тростниковъ [5]) выясняетъ воспитательное значеніе Пушкина, какъ гуманнаго писателя, на характеристикѣ главныхъ его героевъ. Заключенія автора порою звучатъ нѣсколько наивно: напр., „указаніемъ на хорошія черты даже у преступниковъ Пушкинъ даетъ возможность надѣяться, что, съ устраненіемъ неблагопріятныхъ условій, не будетъ дурныхъ людей“.

Г. Балашъ доказываетъ воспитательное значеніе Пушкина при помощи анализа Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Капитанской дочки и Скупого рыцаря [6]). Новаго ни въ характеристикахъ, ни въ заключенія автора мы не нашли ничего.

Г. Андрониковъ въ своей работѣ на ту же тему [7]) говоритъ намъ

---

[1]) Тамъ же, 407.

[2]) Тамъ же, 407.

[3]) *Ш. Читадзе*, „Пушкинъ, какъ учитель жизни“ („Памяти Пушкина“, Тамъ же, 488).

[4]) Тамъ же, 490.

[5]) *М. А. Тростниковъ*, „За что особенно дорогъ Пушкинъ“ (Тамъ же, Ш, 10).

[6]) *Т. Е. Балашъ*, „Нравственно-воспитательное значеніе сочиненій Пушкина“ (Тамъ же, Ш, 93).

[7]) *В. А. Андрониковъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина“ Москва, 1900 г.

сначала о картинахъ природы у Пушкина, о его любви къ народной поэзіи, о русскомъ прошломъ въ его творчествѣ, затѣмъ характеризуетъ „русскихъ людей“ по произведеніямъ великаго поэта (Капитанская дочка, Евгеній Онѣгинъ), указываетъ на поэта способность „перевоплощаться“, на отраженіе его творчества въ музыкѣ... Собственно на тему изъ 18 стр. написаны только послѣднія 4 (миролюбіе, гуманность, сознаніе человѣческаго достоинства). Впрочемъ, въ заключеніе, авторъ старается отыскать воспитательное значеніе Пушкина и въ его языкѣ, и въ его изображеніяхъ русской природы и жизни... „Стремленіе поэта ко всему высокому, благородному и прекрасному“, „вѣра въ людей“, „вѣра въ будущее родины“, „любовь къ жизни“ и оптимизмъ,—по мнѣнію автора, главныя воспитательныя силы поэта.

Г. Острогорскій [1]), обрисовавъ поэта, когда онъ былъ еще лицеистомъ, и указавъ на неровности его характера, отмѣтилъ постепенный ростъ его духа, остановился на одномъ изъ пушкинскихъ завѣтовъ, полезныхъ для педагога: „предоставить молодости быть молодостью, въ бережномъ обращеніи съ тѣмъ, что составляетъ ея красу, съ тѣми качествами молодости, которыя, будучи утрачены, ничѣмъ уже не могутъ быть возмѣщены“ [2]).

Г. Петровъ въ своей рѣчи [3]) является комментаторомъ тѣхъ лучшихъ произведеній Пушкина, которыя были прочитаны учениками автора на пушкинскомъ торжествѣ. Чтеніе происходило такъ: „полукругомъ около меня, повѣствуетъ г. Петровъ, расположились они въ числѣ 25, и я, тотчасъ же по произнесеніи ими стихотворенія, продолжалъ рѣчь, такъ что никакихъ остановокъ не было“ [4]). Новаго въ его толкованіяхъ не встрѣтили мы ничего: религіозность Пушкина, знаніе прошлаго русской земли, гуманность и умѣніе во всемъ найти хорошее, миролюбіе, патріотизмъ, любовь къ русской природѣ и русскому народу, приверженность къ престолу, любовь къ лицею и товарищамъ, — вотъ перечисленіе тѣхъ качествъ, въ которыхъ видитъ авторъ воспитательное значеніе Пушкина. Напрасно впрочемъ авторъ пускается еще и въ историко-литературныя предисловія, — литература до-пушкинская ему, повидимому, мало знакома [5]). Какъ образчикъ обобщеній, съ кото-

[1]) *А. Острогорскій*, „Памяти Пушкина“ (*Педагогическій Сборникъ*, 1899 г. № 5).

[2]) Тамъ же, 436.

[3]) *К. Ѳ. Петровъ*, „Пушкинъ, какъ учитель молодого поколѣнія“. Спб. 1899

[4]) Тамъ же, 1.

[5]) Тамъ же, 3.

рыми мы часто имѣли уже дѣло при обзорѣ юбилейной литературы, укажемъ, хотя, бы на такой курьезъ: получивъ посланіе Филарета, поэтъ, какъ извѣстно, быстро, но не надолго вдохновился соотвѣтствующимъ настроеніемъ и сочинилъ отвѣтное посланіе митрополиту. Г. Петровъ, прочтя отвѣтъ Пушкина, внушаетъ своимъ ученикамъ: „изъ этого стихотворенія видно, что лира поэта находилась въ послѣднее время (?!) подъ вліяніемъ арфы Серафима“ [1]).

Въ рѣчи г. Смирнова [2]) лучшими являются тѣ страницы, что взяты или пересказаны изъ Бѣлинскаго и Достоевскаго и другихъ литераторовъ, спайка же этихъ выдержекъ, принадлежащая уже г. Смирнову, вызываетъ только рядъ недоумѣній. Восторгаясь на стр. 5 „*почвенными*, простодушными, смиренными русскими людьми, чуждыми всего неестественнаго, героическаго, наноснаго извнѣ“ (??),— на стр. 9-й и 8-й авторъ восхищается „бѣисконнымъ (???) величіемъ духа нашихъ предковъ“ и приводитъ „длинный рядъ сильныхъ духомъ“ русскихъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ. Впрочемъ, въ ряду этихъ русскихъ „героевъ“ мы встрѣчаемъ „самоотверженнаго русскаго гражданина Кочубея, во имя долга передъ отечествомъ“ (!!), донесшаго на Мазепу, и кудесника, и Мазепу, и Миронова. Въ образцы „нравственной неиспорченности и цѣльности“, „болѣе простой среды русскаго привилегированнаго (??) общества“ попадаетъ рядомъ съ няней Татьяны, и кузнецъ Архипъ (изъ „Дубровскаго“), на нашъ взглядъ, образчикъ *безсмысленной* жестокости, сжигающій людей и спасающій котенка—типъ, дѣйствительно, выхваченный изъ жизни и, несомнѣнно, поразившій Пушкина именно своей *безсмысленностью*...

Г. Мучкапскій [3]) исходитъ въ своей статьѣ изъ положеній совершенно невѣрныхъ: онъ утверждаетъ, что „вѣчное и общечеловѣческое значеніе поэтъ пріобрѣтаетъ только послѣ того, какъ самъ возвышается до сознанія нравственныхъ идей и, при свѣтѣ нравственнаго сознанія, расцѣниваетъ свой личный міръ и внѣшній. Итакъ, *главное въ поэтическихъ произведеніяхъ не художественная красота, а нравственный смыслъ ихъ*“ [4]). Руководствуясь В. Соловьевымъ („Судьба Пушкина“), авторъ приступаетъ затѣмъ къ суду надъ Пушкинымъ, упрекая его за

---

[1]) Тамъ же, 8.

[2]) *В. Смирновъ*, „Воспитательно-образовательное значеніе поэзіи Пушкина для русскаго общества“, Пермь, 1899 г.

[3]) *Д. Мучкапскій*, „Нравственное значеніе драматическихъ произведеній А. С. Пушкина“, (П. Кумскій, Памяти Пушкина“, Тифлисъ, 1899 г.).

[4]) Тамъ же, 120. (Курсивъ нашъ).

противорѣчія между жизнью и поэзіей, — и признаетъ воспитательное значеніе за поэзіей Пушкина только постольку, поскольку она есть „возвышающій обманъ“. Странное заключеніе! Не лучше дѣло обстоитъ и съ драматическими произведеніями. Авторъ успокаиваетъ читателей тѣмъ, что „вопросъ о противорѣчіи между идеальными воззрѣніями поэта и его дѣйствительною жизнью не можетъ имѣть здѣсь (??) мѣста, потому что личность поэта совершенно отсутствуетъ въ этихъ произведеніяхъ“ [1]). Едва ли это вѣрно! Кому понятенъ Пушкинъ, какъ человѣкъ, тотъ найдетъ черты его и въ Борисѣ Годуновѣ, и въ Моцартѣ, и въ Донъ-Жуанѣ. Мы не признаемъ иного творчества, кромѣ субъективнаго, *болѣе или менѣе*. Въ Шекспирѣ были черты и Гамлета, и Фальстафа, біографія Гоголя помогаетъ отыскать его черты и въ Чичиковѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ его герояхъ. Остальныя главы работы г. Мучкапскаго посвящены разбору „Бориса Годунова“, „Скупого рыцаря“ и „Моцарта и Сальери“. Разборъ перваго произведенія сдѣланъ, по указанію автора, „по книгѣ П. Житецкаго „Теорія поэзіи“ (Кіевъ, 1898, 182 — 97). Разборъ двухъ другихъ пушкинскихъ пьесъ также не представляетъ ничего оригинальнаго. Въ заключеніе, авторъ, указавъ на высоты пушкинскаго творчества, бросаетъ неожиданный упрекъ „современному русскому человѣку“, у котораго сравнительно „съ древнимъ жившимъ въ до-петровское время“ замѣчается „идейное оскудѣніе“ [2]). При чемъ же тогда всѣ толки автора о нравственномъ значеніи литературы, если эта литература создана народомъ, „идейно оскудѣвшимъ“, сравнительно съ воспитанниками „Псалтыря“ и „Часослова“?

Г. Яновичъ [3]), указавъ на великое обаяніе имени Пушкина среди русскаго общества и отмѣтивъ отношеніе его къ предшествовавшей ему литературѣ, перешелъ къ характеристикѣ поэзіи Пушкина (его языкъ, художественная мѣра, разнообразіе жанровъ, простота). Жаль, что авторъ рѣшительно причисляетъ Пушкина къ школѣ „чистаго искусства“ [4]). Отмѣчаетъ авторъ и воспитательное значеніе поэзіи Пушкина (чистая и глубокая поэзія, идеи добра, правды и красоты — „любовь“ и „дружба“, патріотизмъ, религіозность, гуманность, правдивый и свѣтлый взглядъ на жизнь). Значеніе Пушкина для русскихъ, по мнѣнію автора, равняется значенію Гомера для грековъ.

[1]) Тамъ же, 124.

[2]) Тамъ же, 151.

[3]) *Яновичъ*, „Значеніе произведеній А. С. Пушкина въ литературномъ и воспитательномъ отношеніяхъ“, (П. Кумскій „Памяти Пушкина“, 191).

[4]) Тамъ же, 195.

Г. Алферовъ [1]) навелъ любопытную справку, съ которыхъ поръ сочиненія Пушкина вошли въ программы учебныхъ заведеній,—оказалось, до 70-хъ годовъ они были почти „опальными“. Хрестоматія Галахова и учебный планъ русскаго языка для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ — вотъ, начало его популярности въ средней школѣ. Настоящимъ положеніемъ изученія Пушкина въ школѣ авторъ недоволенъ. Особенно останавливается онъ на неудачномъ толкованіи стихотворенія „Чернь“, на отсутствіи любви учениковъ къ Пушкину, на неудачныхъ пріемахъ нашихъ общепринятыхъ учебниковъ. Совѣтуетъ авторъ издать для учениковъ сборникъ лучшихъ статей о Пушкинѣ, ввести въ преподаваніе изученіе „пушкинской школы литературы“.

Г. Острогорскій [2]), бѣгло очертивъ образъ поэта, указалъ, какъ нужно поставить дѣло изученія его въ средней школѣ, перечислилъ, какія, по его мнѣнію, надо купить „пособія“, картины и портреты, какъ пользоваться музыкой и живописью, что̀ и какъ учить изъ Пушкина въ разныхъ классахъ. Всѣ эти „наставленія“ особой цѣны не имѣютъ.

Г. Васильковъ [3]) посвятилъ свою статью выясненію вопроса, какъ Пушкинъ относился къ воспитанію; авторъ привелъ всѣ важнѣйшія указанія Пушкина по этому вопросу, перечисляя бѣгло гувернеровъ и воспитателей, которые были у разныхъ героевъ Пушкина, и кончилъ пересказомъ его записки о воспитаніи. Намъ думается, авторъ могъ смѣло ограничиться указаніемъ на то, что поэтъ признавалъ одно только воспитаніе, „которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія—говорилъ онъ—нѣтъ для существа, одареннаго душой“. Записка о воспитаніи писана „по предложенію“ графа Бенкендорфа и едва ли можетъ идти въ разсчетъ.

Г. Быстровъ [4]) отстаиваетъ высокое воспитательное значеніе поэзіи, главнымъ образомъ, за то, что она „возноситъ насъ въ область высшихъ, свѣтлыхъ идеаловъ“ [5]). Невольно припоминается при этомъ

---

[1]) *А. Алферовъ*, „Поэзія Пушкина въ средней школѣ“ (*Вѣстникъ Воспитанія*, 1899, № 5).

[2]) *В. Острогорскій*, „Пушкинъ-наставникъ русскаго юношества“ (*Вѣстникъ Воспитанія*, 1899, № 4).

[3]) *Н. Васильковъ*, „А. С. Пушкинъ о воспитаніи“, (*Русская Школа*, 1899, № 5).

[4]) *М. Быстровъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“ (*Русская Школа*, 1899, № 5).

[5]) Тамъ же, 94—5.

разговоръ поэта съ „чернью“, — „чернь“ требуетъ отъ поэта, чтобы онъ ее уносилъ въ область идеаловъ и обѣщаетъ „послушать“ — его уроковъ, а поэтъ, какъ извѣстно, отвергаетъ ее, т. к. сознаетъ что всѣ эти полеты „полетами“ и останутся. Напрасно г. Быстровъ легко отнесся къ Локку, отрицающему воспитательное значеніе поэзіи, и высказалъ убѣжденіе, что „теперь уже, навѣрно, не найдется ни одного педагога, раздѣляющаго этотъ взглядъ Локка“ [1]). Далѣе г. Быстровъ характеризуетъ поэзію Пушкина, ея простоту, близость къ жизни, народность, нравственность, любовь къ родинѣ.

Въ *Русскомъ Начальномъ Учителѣ* [2]) напечатанъ очеркъ, въ которомъ бѣгло обрисовано историческое и воспитательное значеніе Пушкина. Пушкинъ—первый поэтъ-художникъ, самобытный, глубокорусскій — это его историческія заслуги; краткій очеркъ его литературной дѣятельности иллюстрируетъ положенія автора. Воспитательное значеніе поэта заключается въ гуманности, любви ко всему міру, природѣ, и людямъ, въ его враждѣ къ невѣжеству и вѣрѣ въ просвѣщеніе.

Въ томъ же журналѣ есть еще статья, посвященная вопросу [3]) о значеніи праздника. Авторъ указываетъ, что „значеніе Пушкина“ вырастаетъ въ наши дни потому, что самъ „Царь велѣлъ праздновать память писателя“ [4]), что праздникъ устроенъ „по приказанію Царя“, „Самъ Царь велѣлъ уважать“ Пушкина — „значитъ, онъ дѣло пишетъ“ [5]).

Слово свящ. Смирнова [6]), небольшое по объему, тепло по чувствамъ и, въ общихъ чертахъ, вѣрно рисуетъ Пушкина и его воспитательное значеніе.

Г. Дроздовъ [7]), недурно охарактеризовалъ праздникъ 1899 года, затѣмъ выяснилъ значеніе Пушкина, какъ поэта мірового, „гражданина всего міра“, какъ пѣвца добрыхъ чувствъ, вѣры въ лучшее будущее, любви къ людямъ. Пушкинъ — другъ народа, Пушкинъ какъ

---

[1]) Тамъ же, 93.

[2]) „Еще о значеніи А. С. Пушкина. Ко дню 100-лѣтняго юбилея“ (*Русскій Начальный Учитель*, 1899, № 5).

[3]) „Объ особомъ значеніи юбилея Пушкина“ (Тамъ же, № 6).

[4]) Тамъ же, 333.

[5]) Тамъ же, 335.

[6]) *Д. Смирновъ*, „Слово на панихидѣ 26-го мая въ Лугѣ“, (*Русскій Начальный Учитель*, 1899, № 6).

[7]) *М. А. Дроздовъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“, (*Филологич. Записки*, 1899, V—VI).

носитель религіозныхъ идеаловъ, какъ слуга Царя, преданный родинѣ, ея прошлой современной жизни, ея природѣ, пѣвецъ любви, умѣвшій находить у всѣхъ душевныя красоты, сострадать и прощать всѣмъ, художникъ, нарисовавшій рядъ чудныхъ образовъ русскихъ,—вотъ, что обусловливаетъ, по мнѣнію автора, воспитательное значеніе Пушкина.

Г. Смѣльницкій [1]) обрисовалъ нѣсколько сгущенными красками то общество, изъ среды котораго вышелъ Пушкинъ и въ которое вошелъ съ проповѣдью тѣхъ идеаловъ, что самъ воспиталъ въ своей душѣ. Авторъ отмѣчаетъ уже въ раннихъ произведеніяхъ поэта проблески того высокаго ученія, которому посвящена была его дѣятельность до смерти; отмѣчаетъ авторъ и ту разобщенность поэта съ обществомъ, которая была замѣчена самимъ поэтомъ по мѣрѣ его быстраго духовнаго роста. „Задача художественной литературы, по словамъ автора, — это развитіе высшихъ началъ альтруизма, дружества любви ко всему живому,—ослабленіе эгоизма и животныхъ растительныхъ сторонъ человѣческой природы“ [2])—съ этой, нѣсколько узкой, точки зрѣнія, судитъ авторъ Пушкина, характеризуетъ его, какъ представителя „взаимодѣйствія ума и дѣятельности сердца“, какъ художника, какъ преобразователя литературной рѣчи, какъ судью современнаго ему общества (отрицательные и положительные типы), отмѣчаетъ его умѣніе вездѣ найти хорошее, подчеркиваетъ его любовь къ Лицею, товарищамъ и друзьямъ, его жизнерадостный оптимизмъ,—во всемъ этомъ видитъ авторъ воспитательное значеніе поэта.

Г. Воейковъ [3]), разобравъ бѣгло „Евгенія Онѣгина“, „Капитанскую дочку“ и „Бориса Годунова“, отмѣтивъ положительные типы у Пушкина, какъ имѣющіе воспитательное значеніе, остановился на патріотизмѣ Пушкина, на его добрыхъ чувствахъ, вѣрѣ въ человѣческое достоинство, его доброжелательности.

Г. Петровъ [4]), выбралъ содержаніемъ своей рѣчи тоже воспитательное значеніе поэта. Особенное вниманіе остановилъ онъ на идеѣ христіанской любви, носителемъ которой былъ Пушкинъ; кромѣ того,

---

[1]) *И. Н. Смѣльницкій*, „А. С. Пушкинъ, какъ воспитатель русскаго общества“, (Тамъ же, VI).

[2]) Тамъ же, 15.

[3]) *Н. Воейковъ*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“, (Вологодская гимназія. Столѣтній юбилей со дня рожденія А. С. Пушкина, 27-го мая 1899 г.). Харьковъ, 1900.

[4]) *С. Петровъ*, „Рѣчь“ (Тамъ же, стр. 50).

отмѣтилъ онъ и другія черты поэзіи пушкинской (пророческій характеръ его служенія, художественность, высокая нравственность, любовь къ родинѣ, любовь къ языку родному).

Г. Иванецъ [1]), указавъ на воспитательное значеніе поэзіи Пушкина, бѣгло охарактеризовавъ предшественниковъ Пушкина, выяснилъ художественную связь Пушкина съ русской жизнью (современность, прошлое, языкъ).

Г. Буначовъ [2]) въ общихъ чертахъ обрисовалъ воспитательное значеніе поэзіи Пушкина, указалъ ея народность и гуманность, бѣгло очертилъ образы Евгенія Онѣгина и Петра Великаго, какъ вызывающіе особенныя мысли о служеніи русскому народу.

Кромѣ перечисленныхъ сочиненій этой же темѣ посвящены работы гг.: *К. Петрова*, „Опытъ объясненія учащимся воспитательнаго значенія Пушкина“, *Гер. Гр. Иносова*, „Воспитательное значеніе поэзіи Пушкина“ (Рѣчь въ Бобруйской прогимназіи), *А. Радонежскаго*, „Воспитательное значеніе Пушкина“, *Н. И. Петрова*, „Къ исторіи внутренней жизни духовныхъ семинарій“.

VIII.

Къ литературной исторіи пушкинскихъ произведеній.

Несомнѣнно, самыми серьезными изысканіями по литературной исторіи пушкинскихъ произведеній надо признать тѣ примѣчанія, что сдѣланы акад. Л. Н. Майковымъ къ I-му тому академическаго изданія сочиненій Пушкина [3]). Примѣчанія эти занимаютъ больше половины всего тома (424 стр.) и представляютъ изъ себя рядъ монографій по поводу каждаго изъ тѣхъ стихотвореній, что написаны были великимъ поэтомъ съ 1812 г. по 1817 г. Цѣнныя сравненія этихъ произведеній съ ихъ западноевропейскими источниками, любопытные экскурсы въ область русской литературы, современной Пушкину и предшествовавшей ему, рядъ біографическихъ данныхъ, объясняющихъ эти произведенія,— все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ

---

[1]) *Г. А. Иванецъ*, „О значеніи Пушкина, какъ народнаго русскаго поэта“ (*Пушк. Сбор.* Кіевск. окр., III, 47).

[2]) *Н. Буначовъ*, „Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина (*Филологическія Записки*, 1899, I—II).

[3]) Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ *Леонидъ Майковъ*. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817). Спб. 1899. Изд. 1-ое. 1900. Изд. 2-ое.

трудъ покойнаго академика одной изъ самыхъ цѣнныхъ русскихъ книгъ. Всякій, желающій знать нашего великаго поэта, конечно, не можетъ обойтись безъ этихъ комментаріевъ Л. Н. Майкова.

Обширная работа проф. Сумцова [1]), комментирующая цѣлый рядъ произведеній Пушкина, отчасти знакома уже русской публикѣ подъ названіемъ „Этюдовъ“ („Русск. Филол. Вѣстн.“ 1893—1897 г.); теперь передъ нами второе, значительно переработанное, изданіе ихъ, „дополненное и исправленное“.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „мы заглавіе «Этюды», въ которомъ слышится «строкъ небрежныхъ начертаніе» замѣнили болѣе солиднымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и болѣе отвѣтственнымъ заглавіемъ: «Изслѣдованія», какъ болѣе выражающимъ содержаніе и построеніе всего труда“ [2]).

Къ сожалѣнію, авторъ въ этомъ второмъ изданіи не измѣнилъ плана, не внесъ въ свои комментаріи болѣе строгой системы, оттого, увеличивъ ихъ объемъ, онъ не улучшилъ ихъ достоинства.

Если въ первомъ изданіи, по его собственному выраженію, мы имѣемъ „строкъ небрежныхъ начертаніе“, то теперь имѣемъ „страницъ небрежныхъ начертаніе“—не больше. Рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ соображеній и сопоставленій тонетъ въ морѣ лишняго и неновaго. Въ толкованіяхъ нѣтъ однообразія, — то авторъ, дѣйствительно, объясняетъ возникновеніе извѣстнаго произведенія, сопоставляя его съ ранними произведеніями поэта, то вдругъ далеко уходитъ въ біографію поэта и его близкихъ, гораздо дальше, чѣмъ это требовалось бы для объясненія даннаго произведенія, то вдругъ неожиданно начинаетъ разбирать произведенія съ „педагогической“ точки зрѣнія, т.-е. разжевывая его для школяровъ и давая совѣты педагогамъ, что можно читать изъ Пушкина, чего нельзя [3]),—то, наконецъ, увлекается „послѣдними данными“ „научно-популярной библіотеки“ изд. Павленкова и др. (соч. Жоли, „Психологія великихъ людей“, М. Нордау, „Вырожденіе“, Ломброзо, „Геніальность и помѣшательство“, Летурно, „Эволюція литературы“, Прёльса, „Эстетика“, Кейра, „Вообра-

[1]) Проф. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, „Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина“ (*Харьк. Универс. Сборн. въ память А. С. Пушкина*, Харьк. 1900; есть отд. оттиски).

[2]) Тамъ же, 2.

[3]) Напр., на стр. 174, 222, 238, 265, 275 299—303 („Опытъ разбора сказки съ педагогической точки зрѣнія“, 304). Такъ же излишни въ „Изслѣдованіи“ о Пушкинѣ разсужденія о темахъ для ученическихъ сочиненій — 37 стр., равно какъ и указаніе, что малолѣтнимъ нельзя читать сказку о царѣ Салтанѣ—304.

женіе и память“ и др.),—и преподноситъ читателямъ оттуда цѣлыя страницы! Излюбленный пріемъ автора—находить параллели къ сюжетамъ и образамъ Пушкина въ произведеніяхъ другихъ писателей или въ народной поэзіи — имѣетъ цѣну только тогда, когда такая параллель или объясняетъ возникновеніе и развитіе даннаго сюжета и образа или позволяетъ утверждать фактъ вліянія Пушкина на чужое творчество, — когда же нѣтъ и намека на такое взаимоотношеніе, то и параллели не имѣютъ никакого значенія. Для чего намъ, напримѣръ, ворошить народное творчество жителей Мексики, Сіама, Индіи, Италіи, Сициліи, Кипра, Португаліи, Румыніи, зачѣмъ безпокоить варташенскихъ евреевъ, испанскихъ арабовъ, чувашей, македонскихъ болгаръ, поэта Ѳедорова, Зудермана, Евг. Маркова, Верлена, Нитче, поэта Ротчева, Диккенса и даже какого-то учителя Геевскаго, который имѣлъ неосторожность въ 40-ыхъ годахъ написать по-польски своей женѣ акростихъ,—если, часто призрачное, сходство въ ихъ произведеніяхъ съ пушкинскими объясняется только случайностью? Какой выводъ сдѣлаетъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ изъ этого обильнаго набора сопоставленій?

Не менѣе страненъ другой излюбленный пріемъ автора—*подсчетъ*. Подсчетъ у Пушкина словъ: „лампада“ [1]), „слезы“ [2]), „дамскія ножки“ [3]), „висѣльникъ“ [4]) и пр.,—что̀ тутъ общаго съ понятіемъ „изслѣдованіе“? Что̀ выясняетъ *въ Пушкинѣ* такой подсчетъ? Если подсчетъ „дамскихъ ножекъ“ въ произведеніяхъ нашего поэта и привелъ автора къ выводу, что „любовь у Пушкина имѣетъ чувственный характеръ“, то остается пожалѣть еще разъ, что проф. Сумцовъ такъ увлекся подсчетомъ „ножекъ“: онъ сдѣлалъ невѣрное обобщеніе, забывъ о рядѣ стихотвореній, въ которыхъ звучитъ любовь чистая...

Удачными можно считать сопоставленія нѣмецкой сказки со сказкой о рыбакѣ и рыбкѣ [5]), сонета Уордсворта съ „Сонетомъ“ Пушкина [6]); любопытно, но въ высокой степени загадочно сопоставленіе монолога „Скупого Рыцаря“ съ произведеніемъ Яндрича [7]).

---

[1]) Тамъ же, 152.
[2]) Тамъ же, 71.
[3]) Тамъ же, 252.
[4]) Тамъ же, 192.
[5]) Тамъ же, 289.
[6]) Тамъ же, 90—1.
[7]) Тамъ же, 255.

Цѣнны данныя, собранныя авторомъ о нянѣ поэта, хотя въ нихъ нѣтъ новаго, но зато они представлены полно [1]); собралъ авторъ также старательно матеріалы о Михайловскомъ [2]). Кромѣ того, интересна характеристика жены Пушкина, объясняющая, на нашъ взглядъ, совершенно вѣрно, что̀ привлекало всѣхъ къ ней [3]).

Совершенно произвольнымъ показалось намъ нежеланіе автора приписать стихотвореніе „О дѣва-роза“ Е. Н. Раевской [4]).

Невѣрна характеристика Пушкина, какъ человѣка чуждаго общественнымъ интересамъ [5]).

Совершенно неправильно приписаны Пушкину переложенія молитвы Господней [6]).

Работа г. Черняева [7]) также представляетъ изъ себя отчасти

---

[1]) Тамъ же, 108 и др.

[2]) Тамъ же, 121—2.

[3]) Тамъ же, 248.

[4]) Тамъ же, 178.

[5]) Тамъ же, 189.

[6]) Тамъ же, 153. См. выше гл. II нашей работы, стр. 56.

Приводимъ, въ заключеніе, списковъ тѣхъ произведеній, которыя разсмотрѣны проф. Сумцовымъ въ его „Изслѣдованіи“: 1) „Пророкъ“. 2) „Поэтъ“. 3) „Эхо“. 4) „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“. 5) Стихи о рифмѣ. Прозаикъ и поэтъ. 6) Стихи о слезахъ. 7) „Осень“. 8) Стихи, сочиненные ночью. 9) Сонетъ. „Суровый Дантъ“. 10) „Стансы“. 11) Клятва, какъ литературный пріемъ. 12) Доброжелательство Пушкина. 13) Стихи объ Аринѣ Родіоновнѣ. 14) „Зимній вечеръ“. 15) „Альбомъ Онѣгина“. 16) Стансы „Философъ ранній“. 17) „Воспоминаніе“. „Желаніе“. „Опять я вашъ“. 18) „Даръ напрасный“. 19) Стихи о лампадѣ. 20) Переложеніе молитвы Господней. 21) „Мадонна“. 22) Романсъ „Жилъ на свѣтѣ“. 23) „И путникъ усталый“. 24) „Соловей“. 25) „О дѣва-роза“. 26) „Мнѣ бой знакомъ“. Татарская пѣсня. 27) VI подражаніе корану. „Не даромъ“. 28) „Анчаръ“. 29) Стихи о висѣлицѣ. „Возсталъ пророкъ“. 30) „Опричникъ“. „Альфонсъ“. 31) „Аріонъ“. 32) Стихи о смерти „Брожу ли я“ и пр. 33) „Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда“. 34) „Ненастный день потухъ“. 35) „Откуда къ намъ явилась ты“. 36) „Что свѣтъ зари“. „Окно“. „Буря“. „Ушаковой“. „Къ ней“. 37) „Къ А. П. Кернъ“. 38) „Кто знаетъ край“. 39) Красавица. 40) Женская ножка въ стихотвореніяхъ Пушкина. 41) Къ вопросу объ источникѣ „Скупого Рыцаря“. 42) „Глухой глухова“. 43) „Притча“. 44) „Шотландская пѣсня“. 45) Народно-поэтическіе мотивы Пушкина. 46) „Казакъ“. 47) „Гусаръ“. 48) „Женихъ“. 49) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“. 50) „Сказка о Царѣ Салтанѣ“. 51) „Сказка о купцѣ Остолопѣ“. 52) „Сказка о Мертвой Царевнѣ“. 53) „Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ“.

[7]) *Н. И. Черняевъ*, „Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ“. Харьковъ, 1900.

перепечатку статей, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ. Содержаніемъ этой книги служатъ комментаріи автора къ разнымъ произведеніямъ Пушкина, стихотворнымъ и прозаическимъ [1]).

Работа г. Черняева, въ общемъ, производитъ благопріятное впечатлѣніе—авторъ недурно знаетъ Пушкина, обладаетъ художественнымъ чутьемъ и умѣніемъ вскрывать замыслы поэта, наконецъ, онъ отличается оригинальнымъ умомъ, не довольствующимся чужими толкованіями, не подчиняющимся авторитетамъ и стремящимся найти новое въ старомъ. Къ сожалѣнію, иногда всѣ эти достоинства ведутъ автора къ такимъ увлеченіямъ, при которыхъ его достоинства обращаются въ недостатки: „замыслы“ онъ начинаетъ вскрывать тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, сочиняя то, чего недосочинилъ Пушкинъ,—а оригинальность ума порою ведетъ къ смѣшному самомнѣнію, когда авторъ, обуянный „духомъ противорѣчія“, „святымъ“ считаетъ только то, что онъ самъ измыслилъ. Оттого-то эти 19 очерковъ далеко неравнаго достоинства. Безусловно цѣнны очерки 1-й, 2-й, 6-й, 8-й, 10-й, 15-й и 18-й.—здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ живыхъ, талантливыхъ характеристикъ, удачныхъ сближеній и толкованій. Такъ, авторъ удачно освѣтилъ стихотвореніе „Стамбулъ гяуры нынче славятъ“, выяснилъ его чисто-турецкій колоритъ и историческое значеніе. Въ „Посланіи къ Кернъ“ авторъ явился тонкимъ цѣнителемъ красотъ этого произведенія и удачно сблизилъ его—1) съ раннимъ стихотвореніемъ Пушкина „Къ ней“ и—2) съ произведеніемъ Жуковскаго, „Лалла Рукъ“. Прекрасно сдѣланъ также разборъ „Анджело“.

---

[1]) Такъ, въ составъ ея вошли статьи о слѣдующихъ произведеніяхъ Пушкина: 1) „Стамбулъ гяуры нынче славятъ“, 2) „Посланіе къ А. П. Кернъ“ Пушкина и „Лалла-Рукъ“ Жуковскаго, 3) Письмо А. С. Пушкина къ А. Г. Родзянкѣ отъ 8-го декабря 1824 г. (объ А. П. Кернъ), 4) О сродствѣ „Каменнаго гостя“ съ „Гробовщикомъ“ и „Мѣднымъ Всадникомъ“, 5) „Выстрѣлъ“. 6) „Анджело“, 7) „Метель“, 8) Есть ли что-нибудь Бѣлкинское въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, 9) „Движенье“, 10) „Буря“, 11) „Олеговъ щитъ“, 12) Еще нѣсколько словъ о стихахъ „Анджело“, не дозволенныхъ къ печати Императоромъ Николаемъ I, 13) „Цвѣтокъ“, 14) „Черепъ“, 15) „Цезарь путешествовалъ (отрывокъ о смерти Петронія), 16) Зачеркнутая строфа „Осени“, 17) „Родригъ“, 18) „Исторія села Горохина“, 19) Біографъ Ивана Петровича Бѣлкина по его письму къ издателю „Повѣстей Бѣлкина“, 20) О „Русланѣ и Людмилѣ“, 21) Вмѣсто заключенія. Подъ впечатлѣніемъ Пушкинскихъ дней 1899 г. Изъ этихъ 21 главы, съ двумя (3-й и 21-й) мы познакомили уже нашихъ читателей выше, остается разсмотрѣть остальныя 19.

Г. Черняевъ сравнилъ произведеніе Пушкина съ основнымъ шекспировскимъ текстомъ, отмѣтилъ особенности пушкинскаго пересказа, указалъ на трудность изъ драмы сдѣлать поэму, — при чемъ счастливо подмѣтилъ въ этомъ странномъ желаніи Пушкина то, что чувствовалось заграничными критиками шекспировской драмы, которые, гораздо позднѣе Пушкина, пришли къ заключенію, что сюжетъ шекспировской драмы болѣе подходитъ къ поэмѣ. Такимъ образомъ, великій поэтъ, благодаря своему чутью, оказывается, предупредилъ критику нашихъ дней. Любопытна глава: „Есть ли что нибудь Бѣлкинское въ „Повѣстяхъ Бѣлкина". Авторъ пришелъ къ отрицательному выводу—повѣсти, объединенныя именемъ Бѣлкина, отличаются различіемъ тона и принадлежатъ, по словамъ самого же Пушкина, различнымъ разсказчикамъ: такъ, „Смотритель" разсказанъ былъ ему титулярнымъ совѣтникомъ А. Г. Н., „Выстрѣлъ"—подполковникомъ И. П. Л., „Гробовщикъ"—приказчикомъ Б. В., „Метель" и „Барышня-Крестьянка" дѣвицею К. И. Т. [1]). На основаніи тона этихъ разсказовъ г. Черняевъ даетъ даже характеристики всѣхъ этихъ лицъ, которые обозначены иниціалами, при чемъ, угадывая довольно вѣрно многое, по своему обыкновенію, не удерживается и доходитъ до такихъ подробностей, — что напр., „дѣвица К. И. Т. представляется ему особой не первой молодости; она знакома съ русской и иностранной литературой, съ греческой миѳологіей, она цитуетъ Грибоѣдова, итальянскіе стихи... Вѣроятно (?), было время, когда и она зачитывалась французскими романами. Она, видимо, очень религіозна" [2]). Самъ Бѣлкинъ появляется, лишь, какъ герой и авторъ „Лѣтописи села Горохина".

Недуренъ маленькій разборъ стихотворенія „Буря", въ которомъ сказалось пушкинское отношеніе къ природѣ и человѣку.

Прекрасно выяснено значеніе отрывка: „Цезарь путешествовалъ", этого, по удачному выраженію автора, „обломка дивной статуи, неотразимая прелесть котораго обличаетъ рѣзецъ великаго скульптора" [3]). Сравненіе съ Тацитомъ и другими толкователями Петронія позволяетъ автору съ полнымъ основаніемъ утверждать о глубокомъ проникновеніи Пушкина въ этотъ образъ, выхваченный имъ изъ жизни императорскаго Рима.

---

[1]) Тамъ же, 313.
[2]) Тамъ же, 286—287.
[3]) Тамъ же, 423.

Также удачно выяснено значеніе „Лѣтописи села Горохина“. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ Страхова, что это произведеніе—пародія на карамзинскую Исторію,—по его мнѣнію, это—1) сатира на всякое изслѣдованіе мелкое, ничтожное, раздутое самомнѣніемъ автора [1]), 2) сатира на крѣпостничество, сатира умная, содержательная, превосходящая и произведеніе Гоголя, и „Записки охотника“ Тургенева. Указанными очерками ограничивается число этюдовъ, вполнѣ удачныхъ. Написаны они живо, увлекательно, умно и въ нихъ даже скрадывается общій недостатокъ автора,—нѣкоторое многословіе, заставляющее его цѣлыя страницы говорить тамъ, гдѣ достаточно было одной строчки, приводить цѣлыми десятками страницъ мемуары и выдержки изъ общеизвѣстныхъ историческихъ трудовъ—вмѣсто простой ссылки.

Въ остальныхъ же очеркахъ всѣ недостатки автора выдвигаются на первый планъ. Въ особенности они оказываются на разборѣ слабыхъ произведеній Пушкина, значеніе которыхъ раздуто авторомъ до невозможности. Приступая къ нимъ, онъ требуетъ отъ всѣхъ „пристальнаго изученія“ [2]), умѣнья изъ „отрывочныхъ и сбивчивыхъ“ показаній Пушкина о героѣ создать „одно стройное и гармоническое цѣлое“ [3]). Въ концѣ концовъ получается иногда такой курьезъ: г. Черняевъ приглашаетъ не вѣрить словамъ и поведенію *героя повѣсти*, а только его, г. Черняева, толкованіямъ! „Допустите наше пониманіе психологіи Сильвіо, говоритъ онъ—и въ ней все сдѣлается яснымъ. Если же вы положитесь вполнѣ на слова Сильвіо и отзывы подполковника И. П. Л., вы въ ней ничего не разберете (!!) и не въ состояніи будете примирить разсказъ Сильвіо съ развязкой „Выстрѣла“ [4]). Довольный своимъ толкованіемъ, г. Черняевъ побѣдоносно восклицаетъ: и „Ап. Григорьевъ и Поливановъ ни на волосъ не поняли Сильвіо“! [5]). Туманный Сильвіо очень полюбился автору именно за то, что „даетъ

[1]) При этомъ авторъ дѣлаетъ очень интересное сравненіе пушкинскаго произведенія съ „Исторіей русскаго народа“ Н. Полеваго; сходство получается настолько близкое, что смѣло можно было бы замѣнить общепринятое мнѣніе о близости „Лѣтописи“ съ „Исторіей Карамзина“ именно сближеніемъ пушкинскаго произведенія съ исторіей Н. Полеваго.

[2]) Тамъ же, 243.

[3]) Тамъ же, 99.

[4]) Тамъ же, 116.

[5]) Тамъ же, 118.

обильный матеріалъ для психологическихъ выводовъ“ [1]), а ихъ такъ любитъ г. Черняевъ! Правъ онъ, когда сказалъ, что „Пушкина мы совсѣмъ не знаемъ, судимъ о немъ поверхностно и невѣжественно и зачастую принимаемъ храбрыя обобщенія и наивные приговоры за серьезную критику“ [2]),—жаль только, что и онъ самъ не чуждъ этихъ недостатковъ въ своихъ толкованіяхъ! Такъ, совершенно странно сближеніе „Гробовщика“ съ „Каменнымъ Гостемъ“. По мнѣнію автора, Пушкинъ, создавая эту повѣсть, поступилъ такъ же, какъ и создавая графа Нулина,—пародируя высокій сюжетъ. Курьезнѣе всего, что сходства между повѣстью и драмой, приведенныя авторомъ, больше сбиваются на различія [3]).

Особенно много странностей представляетъ разборъ повѣсти „Выстрѣлъ“. Исходная точка автора совершенно невѣрна, — онъ хочетъ опредѣлить, что̀ „хотѣлъ сказать“ своею повѣстью Пушкинъ! И вотъ онъ догадывается! Это — протестъ противъ дуэли, гимнъ великодушію,—посрамленіе первой, возвеличеніе втораго! Авторъ уходитъ весь въ характеристику одного изъ неудачнѣйшихъ героевъ Пушкина—Сильвіо. Въ результатѣ, здѣсь, и сравненіе съ Гамлетомъ, и поиски въ исторіи, и открытія, что Сильвіо былъ грекъ, что онъ принадлежалъ къ типу „рефлективныхъ и совѣстливыхъ, хотя отнюдь не безвольныхъ натуръ“ [4]), что онъ „очевидно (?), родовитъ“ [5]), въ его натурѣ много было „дѣтской чистоты“ [6]), и, хотя онъ „обманывалъ мужей, но это происходило потому, что онъ не видѣлъ въ томъ ничего дурного“ [7]), участвовалъ во множествѣ дуэлей, но „ужъ конечно (??) никого не убилъ и не изувѣчилъ“ [8]) и пр., и пр. въ томъ же духѣ. Впрочемъ, герою своему, какъ сказано выше, авторъ не вѣритъ: „приведеннымъ словамъ Сильвіо нельзя давать безусловной вѣры. Правдиво излагая внѣшніе факты, Сильвіо далъ ложное освѣщеніе тому, что творилось въ его душѣ“ [9]). Не вѣритъ г. Черняевъ и тому

---

[1]) Тамъ же, 133.

[2]) Тамъ же, 156.

[3]) Интереснѣе сближеніе „Мѣднаго Всадника“ съ „Каменнымъ Гостемъ“ (появленіе Петра на конѣ и командора).

[4]) Тамъ же, 101.

[5]) Тамъ же, 131.

[6]) Тамъ же, 129.

[7]) Тамъ же, 131.

[8]) Тамъ же, 129.

[9]) Тамъ же, 114.

феерическому освѣщенію, въ которомъ предсталъ Сильвіо разсказчику И. П. Л.: „Сильвіо поблѣднѣлъ отъ злости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рта, придавали ему видъ настоящаго дьявола“ [1]). Не довѣряетъ авторъ и Пушкину, который, увы, собралъ о своемъ героѣ „отрывочныя и сбивчивыя показанія“ [2]), не вѣритъ онъ и критикамъ г. Ап. Григорьеву и Поливанову, не вѣритъ, наконецъ, способности публики понять это произведеніе,—остается, въ заключеніе, намъ не повѣрить г. Черняеву, что онъ понялъ вѣрно это слабое произведеніе Пушкина! Подобно „Выстрѣлу“ преувеличено и значеніе „Метели“,—даже искусственное, неудачное построеніе этого разсказа восхищаетъ автора. Въ самомъ произведеніи усмотрѣлъ авторъ и „глубокія мысли, раскрывающія философское и этическое міросозерцаніе Пушкина, и высокія художественныя достоинства“ [3]). Характеристика героевъ такъ же многорѣчива и искусственна, потому что Пушкинъ обрисовалъ ихъ блѣдно. По поводу стихотворной шутки Пушкина: „Движеніе“—г. Черняевъ ворошитъ всю греческую философію и хочетъ самого поэта выставить „брадатымъ мудрецомъ“. Напрасное стараніе! „Олеговъ щитъ“ вызываетъ у автора цѣлый трактатъ по восточному вопросу, при чемъ является на сцену даже генералъ Скобелевъ! Граціозное стихотвореніе „Цвѣтокъ“ отнюдь не нуждается въ пространномъ толкованіи, а тѣмъ паче въ объясненіи его сказкой Андерсена „Калоши“. „Черепъ“—одна изъ удачнѣйшихъ „шалостей пера“ Пушкина—заставляетъ автора ворошить и Лифляндію, и кости остзейскихъ бароновъ, и нѣмецкихъ студентовъ—и для чего?—чтобы нечаянно доказать своимъ писаніемъ, что въ нѣсколькихъ строчкахъ Пушкинъ все то же сказалъ лучше, чѣмъ авторъ на 40 страницахъ! Сравненіе „Черепа“ съ „Надписью“ Байрона и монологомъ Гамлета — приводитъ автора къ убѣжденію въ самобытности Пушкина. Стихотвореніе „Родригъ“ погружаетъ автора въ войну испанцевъ съ арабами. Не особенно удаченъ и этюдъ о „Русланѣ и Людмилѣ“; онъ старается отыскать объясненіе именамъ героевъ поэмы: Русланъ, по его мнѣнію, взятъ не изъ сказки объ „Еруслановѣ“, а означаетъ „*русый воинъ*“, остальныя имена тоже объяснены не совсѣмъ удачно (Людмила, Рогдай, Ратмиръ, Фарлафъ, Черноморъ). Всѣ они (кромѣ Фарлафа) встрѣчались

---

[1]) Тамъ же, 136.
[2]) Тамъ же, 99.
[3]) Тамъ же, 233.

намъ въ журналахъ и повѣстяхъ XVIII вѣка, а потому связывать ихъ съ однимъ какимъ нибудь источникомъ нельзя—это просто ходячія сказочныя имена. Бѣглыя сопоставленія съ произведеніями Аріосто, Вольтера, Виланда („Оберонъ") и сюжетомъ одной русской сказки заключаютъ этотъ этюдъ.

Много любопытнаго находимъ мы въ работѣ проф. Владимірова [1]). Онъ удачно отмѣчаетъ вліяніе „Бахаріаны" Хераскова, „Душеньки", Богдановича и его же драмы „Славяне" на „Руслана и Людмилу" [2]); указалъ и другія вліянія: Богдановича („Евгеній Онѣгинъ [3]) „Осень" 1830 г.) [4]); отмѣчаетъ вліяніе Державина [5]), В. Майкова (сказки Пушкина) [6]), Дмитріева („Разлука" 1816 г. [7]) „Гусаръ" [8]), „Клеветникамъ Россіи", „Бородинская годовщина" [9]), эпиграммы [10]); любопытно очень выясненіе значенія „Русскихъ сказокъ" (изд. Новикова) и пѣсенъ Кирши Данилова для всей русской литературы XVIII вѣка [11]) и, въ частности, для Пушкина [12]) („Русланъ и Людмила"); совершенно справедливо указываетъ авторъ и на Карамзина, у котораго коечѣмъ заимствовался Пушкинъ („Русланъ и Людмила" [13]), „Барышня Крестьянка" [14]), „Женихъ" [15]), „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ [16]), „Борисъ Годуновъ" [17]), на Измайлова („Евгеній Онѣгинъ") [18]), Фонвизина [19]), на Батюшкова („Моя родословная„ [20]), „Мѣдный Всадникъ" [21]), отдѣль-

---

[1]) Проф. *И. В. Владиміровъ*, „Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ". (Пушк. Сборн. университета св. Владиміра).

[2]) Тамъ же, 11—12.

[3]) Тамъ же, 11.

[4]) Тамъ же, 12.

[5]) Тамъ же, 9.

[6]) Тамъ же, 9.

[7]) Тамъ же, 13.

[8]) Тамъ же, 13.

[9]) Тамъ же, 13.

[10]) Тамъ же, 14.

[11]) Тамъ же, 14—17.

[12]) Тамъ же, 16—17.

[13]) Тамъ же.

[14]) Тамъ же, 22.

[15]) Тамъ же, 23.

[16]) Тамъ же, 36.

[17]) Тамъ же, 37.

[18]) Тамъ же, 18.

[19]) Тамъ же, 20.

[20]) Тамъ же, 26.

[21]) Тамъ же, 26—7.

ныя выраженія [1]), „Къ сестрѣ“ [2]), „Городокъ“ [3]), „Къ Батюшкову“ [4]), „Подъ вечеръ осени ненастной“ [5]), „Муза“ [6]) (1821), Жуковскаго—(„Посланіе къ кн. Горчакову“ [7]), элегіи, „Женихъ“ [8]), „Утопленникъ“ [9]), „Бѣсы“ [10]), сказки [11]), оды [12]), „Стансы“ [13]) (1829), „Татьяна, Ленскій“ [14]).

Очень цѣнны далѣе соображенія почтеннаго автора объ отдѣльныхъ произведеніяхъ Пушкина, — авторъ отмѣчаетъ порою очень удачно преемственную связь между ними, ищетъ намековъ на извѣстное произведеніе въ произведеніяхъ раннихъ. „Русланъ и Людмила“ [15]), „Полтава“ [16]), „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ [17]), „Евгеній Онѣгинъ“ [18]), „Графъ Нулинъ“ [19]), „Домикъ въ Коломнѣ“ [20]), „Мѣдный Всадникъ“ [21]), „Повѣсти Бѣлкина“ [22]), „Исторія села Горохина“ [23]), „Капитанская Дочка“ [24]), „Дубровскій“ [25]), „Русалка“ [26]),—вотъ, произведенія, въ толкованіи которыхъ проф. Владиміровымъ уясняется многое для пониманія ихъ литературной исторіи.

---

[1]) Тамъ же, 27.
[2]) Тамъ же, 27.
[3]) Тамъ же, 27.
[4]) Тамъ же, 27.
[5]) Тамъ же, 27, 62.
[6]) Тамъ же, 27.
[7]) Тамъ же, 29.
[8]) Тамъ же, 29.
[9]) Тамъ же, 29.
[10]) Тамъ же, 29.
[11]) Тамъ же, 29.
[12]) Тамъ же, 29.
[13]) Тамъ же, 33.
[14]) Тамъ же, 33—4.
[15]) Тамъ же, 42.
[16]) Тамъ же. 42, 43—4.
[17]) Тамъ же.
[18]) Тамъ же, 45—50.
[19]) Тамъ же, 50.
[20]) Тамъ же.
[21]) Тамъ же, 50—1.
[22]) Тамъ же, 52—3.
[23]) Тамъ же, 54.
[24]) Тамъ же, 55, 57—60.
[25]) Тамъ же, 55.
[26]) Тамъ же, 56—57.

Въ разсмотрѣнной уже выше работѣ проф. Дашкевича [1]) точно также собрано огромное количество цѣннѣйшихъ указаній по литературной исторіи нѣкоторыхъ пушкинскихъ произведеній.—Только здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніями западными. Такъ, имъ указано воздѣйствіе на Пушкина Мольера и Гофмана („Донъ Жуанъ“) [2]), Ламартина („Для береговъ отчизны“) [3]), Мольера („Русскій Пеламъ“) [4]), Ронсара („Стансы“) [5]), Виллона („Завѣщаніе“) [6]), Вольтера („Русланъ и Людмила“) [7]), Оссіана („Кольна“) [8]), Байрона („Погасло дневное свѣтило“) [9]), Маро („В. В. Энгельгардту“) [10]), Руссо („Цыгане“) [11]), Бенжамена Констана („Евгеній Онѣгинъ“) [12]), Шатобріана („Цыгане“) [13]), Руссо („Метель“ [14]), „Деревня“) [15]), Уордсворта („Деревня“) [16]), Вальтеръ-Скотта („Русскій Пеламъ“ [17]), „Капитанская Дочка“) [18]), Шенье („Чернь“) [19]), Кольриджа („Пророкъ“) [20]), Шатобріана („Элегія“, 1816) [21]), Байрона („Посланіе къ Чаадаеву“ [22]), „Даръ напрасный“) [23]).

Въ цитованной нами уже работѣ проф. Веселовскаго [24]), кромѣ общей

---

[1]) Проф. *Н. П. Дашкевичъ*, „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени“ (Тамъ же).

[2]) Тамъ же, 133.

[3]) Тамъ же, 138.

[4]) Тамъ же, 141.

[5]) Тамъ же, 146.

[6]) Тамъ же, 146.

[7]) Тамъ же, 147.

[8]) Тамъ же, 155.

[9]) Тамъ же, 163, 249.

[10]) Тамъ же, 162.

[11]) Тамъ же, 170, 173.

[12]) Тамъ же, 186, 193.

[13]) Тамъ же, 193.

[14]) Тамъ же, 200.

[15]) Тамъ же, 201.

[16]) Тамъ же, 201.

[17]) Тамъ же, 207.

[18]) Тамъ же, 207.

[19]) Тамъ же, 217.

[20]) Тамъ же, 218.

[21]) Тамъ же, 230.

[22]) Тамъ же, 231.

[23]) Тамъ же, 254.

[24]) Проф. *Алексѣй Н. Веселовскій*, „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“ (Юбил. Сб. журн. *Жизнь*). 1899. С.-Пб.

интересной постановки вопроса, при которой выясняется цѣлый рядъ произведеній Пушкина, интересны указанія на источникъ стихотворенія „Моя родословная“ („Le vilain“ Беранже) и на вліяніе Вальтера Скотта на „Скупомъ Рыцарѣ“ („Пертская Красавица“) и „Капитанской Дочкѣ“ („Робъ-рой“).

Работа акад. Жданова [1]) также представляетъ большой вкладъ въ пушкинскую литературу не только благодаря указанію источника пушкинской „Русалки“, но и какъ изслѣдованіе, имѣющее значеніе своей методологической стороной.

Начинаетъ авторъ съ выясненія интересовъ Пушкина къ народной поэзіи. Интересъ этотъ сказался въ дѣятельности поэта, между прочимъ, тѣмъ, что онъ оставилъ послѣ себя рядъ произведеній, представляющихъ, или—1) чисто народныя произведенія (сказки, нѣкоторыя пѣсни), или—2) произведенія, въ которыхъ народное соединилось съ литературнымъ. Ко второй группѣ авторъ относитъ и „Русалку“. Все изслѣдованіе его посвящено выясненію именно этихъ двухъ составныхъ элементовъ „Русалки“,—литературнаго и народнаго. Подробный анализъ произведенія Генслера „Das Donauweibchen“ и сравненіе съ текстомъ „Русалки“ приводятъ автора къ выводу, что сюжетъ произведенія Пушкина заимствованъ у Генслера. Изученіе народныхъ воззрѣній на русалку, на народные обычаи — позволяетъ автору съ такою же убѣдительностью доказать, что духъ пушкинской „Русалки“ взятъ у народа.

Извѣстная работа акад. Корша [2]), начало которой принадлежитъ еще 1898 году, появилась цѣликомъ, въ видѣ отдѣльной книги, лишь въ 1899 году, а потому можетъ быть включена въ обзоръ юбилейной литературы. Монографія акад. Корша представляетъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ вкладовъ въ изученіе пушкинскаго стихотворнаго языка— въ этомъ отношеніи цѣнность ея неоспорима, — почтенный авторъ далъ въ ней образцовое въ методологическомъ отношеніи изслѣдованіе и, вѣроятно, вызоветъ рядъ работъ въ такомъ же духѣ. Что же касается до доказательства подлинности окончанія „Русалки“, то, думается намъ, знаніе Пушкина и филологическая эрудиція помогли автору

---

[1]) Акад. *Ив. Н. Жданов*ъ, „Русалка“ Пушкина и „Das Donauweibchen“ Генслера („Памяти А. С. Пушкина“. Сб. С.-Петерб. унив.; есть отд. оттиски).

[2]) Акад. *О. Е. Корш*ъ, „Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина по записи Д. П. Зуева“ (Изв. отд. русск. яз. и словесности Имп. Ак. Наукъ, 1898 г. т. III, кн. 3; 1899, т. IV, кн. 1 и кн. 2; есть отдѣльн. оттиски С.-Пб. 1899 г.).

доказать только, что великій поэтъ *могъ* сочинить такой конецъ драмы, но что онъ, дѣйствительно, сочинилъ,—это, конечно, не доказано и не можетъ быть доказано, за неимѣніемъ документальныхъ данныхъ.

Противъ акад. Корша ополчился г. Суворинъ въ своихъ газетныхъ статьяхъ—впослѣдствіи онъ собралъ всѣ свои статьи по этому вопросу и статьи другихъ критиковъ, равно какъ и отвѣтъ акад. Корша, и выпустилъ отдѣльной книгой [1]). Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ мнѣній pro и contra,—большинство, надо это признать, высказалось противъ подлинности конца „Русалки“,—изъ этой группы критиковъ самыми рѣшительными и рѣзкими оказались гг. Суворинъ и Буренинъ. Къ сожалѣнію, они свели интересный споръ на личную почву. Изъ мнѣній, собранныхъ г. Суворинымъ, самымъ убѣдительнымъ показалось намъ мнѣніе г. Южакова, который допустилъ въ записи г. Зуева возможность пушкинской основы, сильно прикрытой однако чуждыми Пушкину наслоеніями и искаженіями [2]).

Г. Батюшковъ [3]) далъ въ высокой степени цѣнный этюдъ, въ которомъ доказалъ несомнѣнное родство между Пушкинскимъ Годуновымъ и „Athalie“ Расина. Впрочемъ, всѣ сходства въ сюжетѣ (Годуновъ-Athalie), въ отдѣльныхъ типахъ, въ психологіи главныхъ героевъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, настолько, оказывается, покрыты широкой индивидуализаціей нашего великаго поэта, что г. Батюшковъ ставитъ вопросъ не о подражаніи Расину, а лишь объ аналогіи между двумя произведеніями, аналогіи, обусловленной „общностью поэтической концепціи“ [4]). Далѣе авторъ замѣчаетъ въ архитектоникѣ драмы Пушкина „несомнѣнное вліяніе пріемовъ классической поэтики, отличныхъ отъ воззрѣній романтиковъ и отъ пріемовъ творчества Шекспира“ [5]).

Въ высокой степени интересны и другія соображенія автора, съ которыми нельзя не согласиться. Въ освѣщеніи г. Батюшкова Пушкинъ предсталъ „сознательнымъ новаторомъ и реорганизаторомъ

---

[1]) *А. С. Суворинъ*, „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“. Сборникъ статей и замѣтокъ П. И. Бартенева, В. П. Буренина, С. Долгова, П. А. Ефремова, А. Каткова, Ѳ. Е. Корша, Л—на, К. Медвѣдскаго, Е. Пономарева, А. С. Суворина, Н. Уварова, Б. И. Чичерина, Н. У., С. Южакова, В. Е. Якушкина и др.

[2]) Тамъ же, 120—145.

[3]) *Ѳ. Д. Батюшковъ*, „Пушкинъ и Расинъ“ („Памяти А. С. Пушкина“ Сборн. статей преподавателей и слушателей историко-филолог. факультета Имп. С.-Пб. У-та“. С.-Пб. 1900; есть отд. оттискъ).

[4]) Тамъ же, 20.

[5]) Тамъ же, 20.

„нашей“ драматической системы, при чемъ „новшества“ его касались не только пріемовъ псевдоклассической драмы, но также и нѣкоторыхъ сторонъ романтизма, представляющихся ему ложными“ [1]). Наконецъ, рядъ любопытныхъ сопоставленій помогъ автору на анализѣ „Бориса Годунова“ еще разъ доказать, какъ мозаично творилъ Пушкинъ, какъ дивный геній его отдѣльные, иногда „чужіе“, куски удачно сливалъ въ стройную, прекрасную картину. Онъ бралъ сознательно и безсознательно и отъ классиковъ, и отъ романтиковъ— и сумѣлъ остаться оригинальнымъ и національнымъ.

Въ нашихъ двухъ работахъ [2]) мы старались выяснить степень вліянія Байрона („Погасло дневное свѣтило“, „Кавказскій Плѣнникъ“), Шатобріана („Кавказскій Плѣнникъ“, „Цыгане“), Руссо („Евгеній Онѣгинъ“), Сталь („Евгеній Онѣгинъ“), Ричардсона („Евгеній Онѣгинъ“).

Г. Демидовъ [3]) очень удачно сопоставилъ отрывокъ Пушкина „Сцены изъ рыцарскихъ временъ“ съ драмами изъ средневѣковой жизни Проспера Мериме.

Работа г. Филонова [4]) представляетъ—1) очень обстоятельное сопоставленіе текста пушкинской драмы съ текстомъ соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Исторіи Карамзина, 2) разборъ мнѣній современной Пушкину критики объ этомъ произведеніи и—3) шаблонную и потому совершенно лишнюю характеристику дѣйствующихъ лицъ. Конечно, наибольшій интересъ представляетъ первая часть; къ сожалѣнію, авторъ, кажется, не знаетъ извѣстной работы проф. Жданова, касающейся того же вопроса.

О „Борисѣ Годуновѣ“ говорилъ въ своей рѣчи также г. Пташицкій [5]). Судя по краткому пересказу ея, попавшему въ печать, главная мысль автора слѣдующая: „Борисъ Годуновъ“—совершенно новый родъ драматической поэзіи, въ которой трагизмъ заключается не въ борьбѣ между отдѣльными лицами, а въ развитіи и предста-

---

[1]) Тамъ же, 5.

[2]) *В. В. Сиповскій*, „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“, С.-Пб. 1899; „Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій“ (*Русская Старина*, 1899, № 5—6; есть отд. оттиски).

[3]) *Н. Демидовъ*, „О «сценахъ рыцарскихъ временъ» А. С. Пушкина“, („Изв. Имп. Ак. Наукъ“, т. V, 1900 г. кн. 2. (отд. оттиск.).

[4]) *Андрей Филоновъ*, „Опытъ разбора со стороны исторической и эстетической“ (С.-Пб. 1899 г.).

[5]) *Ст. Пташицкій*, „Замѣтка о Борисѣ Годуновѣ“ („Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина“. С.-Пб. 1899).

вленіи въ дѣйствіи главной идеи, въ которой поэтъ желаетъ показать намъ въ выдающихся чертахъ историческое событіе и въ образной обрисовкѣ драматическіе моменты въ частности“ [1]).

Г. Поварнинъ посвятилъ свой интересный очеркъ тѣмъ „пяти программамъ“ затѣяннаго Пушкинымъ романа, который долженъ былъ называться „Русскій Пеламъ“ [2]). Авторъ удачно справился со своей задачей выяснить, что̀ хотѣлъ сказать великій поэтъ въ задуманномъ, но не выполненномъ произведеніи. Подробный анализъ романа Бульвера „Pelham“ и сравненіе его съ пушкинскими замѣтками позволили автору высказать вѣрную догадку, что пушкинскій „Пеламъ“ обѣщалъ широкую картину русской жизни двадцатыхъ годовъ,—при чемъ непосредственнаго вліянія на это произведеніе Пушкина, кромѣ художественнаго замысла, романъ Бульвера не долженъ былъ имѣть.

Г. Трубицынъ [3]) далъ довольно любопытную справку касательно перевода Пушкинымъ на французскій языкъ 11 народныхъ пѣсенъ. Авторъ удачно разыскиваетъ подходящіе варіанты данныхъ пѣсенъ, желая точнѣе установить тотъ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ. Изданіе русскаго текста съ французскимъ рядомъ позволяетъ читателю составить ясное понятіе о томъ, какъ переводилъ Пушкинъ народныя пѣсни.

Однимъ изъ отраднѣйшихъ явленій въ юбилейной литературѣ 1899—1900 гг. надо признать вѣрное пониманіе пушкинскихъ стихотвореній, написанныхъ въ духѣ „Чернь“. Хотя есть еще отсталые упрямцы, хватающіеся за прежнее толкованіе этого стихотворенія въ смыслѣ пушкинскаго аристократизма, но въ большинствѣ юбилейныхъ работъ признано, что profession de foi Пушкина нельзя искать въ этихъ произведеніяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ мимутнаго настроенія,—а во всей совокупности творчества Пушкина, „пѣвца земли и дѣйствительности“. Г. Александровскій [4]) посвятилъ этому вопросу небольшую статью, въ которой подвелъ итогъ цѣлому ряду произведеній, которыя противорѣчатъ узкому и невѣрному пониманію музы

---

[1]) Тамъ же, 135.

[2]) *С. Поварнинъ*, „Русскій Пеламъ“ А. С. Пушкина. (Сборн. С.-Пб. Университета).

[3]) *Н. Н. Трубицынъ*, „О русскихъ народныхъ пѣсняхъ, переведенныхъ Пушкинымъ на французскій языкъ“. (Сборн. С.-Пб. Университета).

[4]) *Г. В. Александровскій*, „Изъ юбилейныхъ чтеній о Пушкинѣ“ (1, Жизнь и творчество А. С. Пушкина на югѣ Россіи. 2, Поэтъ-эхо). Кіевъ 1899 (оттискъ изъ „Ежегодника колл. Павла Галагана“, 1899. Кіевъ).

Пушкина. Совершенно справедливо выдвигаетъ авторъ „Эхо", какъ типичнѣйшее произведеніе Пушкина, въ которомъ должно искать выраженія его взглядовъ на значеніе поэта.

Вл. С. Соловьевъ [1]) посвятилъ свой интересный очеркъ разбору тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ Пушкинъ высказалъ свой взглядъ на значеніе поэзіи. Особенно обстоятеленъ анализъ „Пророка"; въ немъ авторъ видитъ самого поэта, на котораго лишь слегка наброшено одѣяніе библейскаго пророка. Доказательства автора часто остроумны, но не всегда убѣдительны,—такъ не безъ натяжекъ устанавливаетъ онъ, напримѣръ, зависимость между „Пророкомъ" и другими произведеніями („Поэтъ", „Поэту". „Эхо", „Памятникъ").

Гораздо цѣннѣе вступленіе автора къ этому очерку; здѣсь онъ даетъ характеристику поэзіи Пушкина. Изъ ряда всемірныхъ поэтовъ онъ совершенно справедливо выдвигаетъ Пушкина на первый планъ: „пушкинская поэзія есть поэзія по существу и по *преимуществу*, не допускающая никакого частнаго и односторонняго опредѣленія. Самая *сущность* поэзіи, то, что собственно ее составляетъ, или что поэтично само по себѣ, нигдѣ не проявлялась съ такою чистотою, какъ именно у Пушкина, хотя были поэты сильнѣе его" [2]). „То чѣмъ Байронъ и Мицкевичъ были *значительнѣе* его, вытекало не изъ существа поэзіи, какъ такой, и не изъ поэтической стороны ихъ дарованія, а зависѣло отъ другихъ элементовъ ихъ душевной природы" [3]), они „*отъ себя привносили* такое содержаніе, которое при всей ихъ значительности не было, однако, существенно для поэзіи, какъ такой: одинъ внесъ свой демонизмъ, другой—свою религіозную мистику" [4]). У Пушкина такого господствующаго, центральнаго содержанія личности никогда не было: у него была просто живая, открытая, необыкновенно воспріимчивая и отзывчивая ко всему душа—и больше ничего. Отличительная особенность ея—„свобода отъ всякой предвзятой тенденціи и всякой претензіи" [5]). Задача поэзіи, по словамъ г. Соловьева, „служить дѣлу истины и добра на землѣ—но только одной красотой и ничѣмъ другимъ" [6])—„въ красотѣ ея смыслъ

---

[1]) *Влад. Соловьевъ*, „Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина" (*Вѣстн. Европы*, 1899, № 12).

[2]) Тамъ же, 662.

[3]) Тамъ же, 663.

[4]) Тамъ же, 663.

[5]) Тамъ же, 664.

[6]) Тамъ же, 665.

и ея польза". Здѣсь авторъ торопится выяснить свое пониманіе красоты: для него это понятіе „нераздѣльно соединяется съ добромъ и истиной" и ничего общаго не имѣетъ съ красотой старыхъ эстетиковъ, твердившихъ объ „искусствѣ для искусства", чистомъ „искусствѣ",—равно далеко оно и отъ воззрѣній на красоту новѣйшихъ „эстетовъ" fin de siècle'я, которые не только полны индифферентизма, но иногда даже вражды къ „добру" и „истинѣ".

Впрочемъ, едва-ли г. Соловьевъ правъ, такъ тѣсно связывая эти три понятія въ одно трiипостасное,—несомнѣнно, есть красота и въ явленіяхъ отрицательныхъ, и если у Пушкина въ *лучшихъ* его созданіяхъ мы замѣчаемъ гармонію этихъ трехъ элементовъ, то не *привнесенъ-ли* это *добро* и *истина* Пушкинымъ изъ его души, изъ его натуры, не произошло-ли это вслѣдствіе того, что онъ вложилъ свою душу въ лучшія творенія?

Доказываетъ далѣе г. Соловьевъ „неограниченную воспріимчивость душевнаго чувства" у Пушкина, полное подчиненіе поэта его творчеству [1]). Менѣе оригиналенъ разборъ стихотвореній: „Поэтъ", „Поэту", „Эхо" и „Памятникъ". Для г. Соловьева—это цѣпь автобіографическихъ признаній поэта, отъ творчества одиночнаго („Пророкъ"), затѣмъ приходящаго къ столкновенію съ людьми, волнующагося, проклинающаго чернь и, наконецъ, приходящаго къ примиренію съ своей судьбой, къ компромиссу („Памятникъ"). „Чернь", по справедливымъ словамъ Соловьева, это — „люди формально образованные и потому могущіе вкривь и вкось судить о поэзіи, но, по внутреннимъ причинамъ, неспособные цѣнить ея истинное значеніе, требующіе отъ нея рабской службы практическимъ цѣлямъ" [2]).

Работа г. Соловьева, повторяемъ, представляетъ большой интересъ,—она свѣжа, оригинальна, остроумна, хотя порой грѣшитъ натяжками. Особенно цѣнна она на нашъ взглядъ тѣмъ, что ставитъ любопытные вопросы по психологіи поэтическаго творчества.

Интересна небольшая замѣтка проф. Кирпичникова [3]), разъясняющая отношеніе „Руслана и Людмилы" Пушкина къ „Pucelle d'Orléans" Вольтера; менѣе убѣдительно сопоставленіе проф. Кирпичниковымъ сюжета Скупого Рыцаря (отношеніе отца къ сыну) съ извѣстнымъ

---

[1]) Тамъ же, 671.

[2]) Тамъ же, 703.

[3]) Проф. *А. И. Кирпичниковъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ", (*Русская Старина* 1899, № 2).

столкновеніемъ А. С. Пушкина съ его отцомъ, тѣмъ болѣе, что пьеса Пушкина по времени довольно далека отъ жизни въ с. Михайловскомъ.

Проф. Сумцовъ [1]) сдѣлалъ сопоставленіе „Скупого Рыцаря“ съ комедіей Яндрича, сопоставленіе, вошедшее въ его изслѣдованія (см. выше).

Г. Яцимирскій [2]) сопоставилъ извѣстную пѣсню Земфиры съ народной румыно-цыганской пѣсней. Авторъ, указывая на большое сходство между ними въ содержаніи, тонѣ, размѣрѣ, однако не рѣшается назвать пѣсню Земфиры у Пушкина „переводомъ“ народной пѣсни, а скорѣе обработкой ея.

Г. Модзалевскій [3]) сдѣлалъ очень удачное сопоставленіе пушкинскаго описанія жизни Евгенія Онѣгина въ столицѣ съ однимъ изъ произведеній Толстого, гдѣ тоже изображается жизнь молодого дэнди; Авторъ высказываетъ вѣроятное предположеніе о нѣкоторомъ воздѣйствіи произведенія Як. Н. Толстого на указанныя главы романа Пушкина.

Г. Лернеръ [4]) отмѣтилъ, что Пушкинъ для своего стихотворенія „Земля и море“ воспользовался переводомъ Масальскаго („Сѣверные Цвѣты“ на 1825 г.).

Г. Веневитиновъ [5]) приводитъ интересныя данныя касательно того, какъ расходилось первое изданіе сочиненій Пушкина.

Г. Яворскій [6]) къ пушкинскимъ сказкамъ привелъ цѣлый рядъ параллелей изъ сказокъ народныхъ.

Г. Полтавскій [7]) далъ довольно любопытную справку относи-

---

[1]) Проф. *Н. Сумцовъ*, „Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ“ (*Русская Старина*, 1899, № 5).

[2]) *А. И. Яцимирскій*, „Пѣсня Земфиры въ „Цыганахъ“ А. Пушкина и цыганская хора“ (Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 1899, т. IV, кн. 1—есть отд. оттискъ).

[3]) *Б. Л. Модзалевскій*, „Яковъ Николаевичъ Толстой“ („*Русская Старина*“, 1899, № 9—10).

[4]) *Н. О. Лернеръ*, „О происхожденіи стихотворенія Пушкина „Земля и море“ (*Русскій Архивъ*, 1899, № 11).

[5]) *М. А. Веневитиновъ*, „Замѣтка о первомъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина“ (*Русскій Архивъ*, 1899, № 7).

[6]) *Яворскій*, „Къ исторіи пушкинскихъ сказокъ“ (*Живое Слово*, Львовъ, 1899, есть отд. оттискъ).

[7]) *М. Полтавскій*, „Перевоплощенный Донъ-Жуанъ“. Характеристика пушкинскаго типа въ сравненіи съ западно-европейскими (*Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1900, № 5).

тельно того мѣста, которое занимаетъ пушкинскій Донъ-Жуанъ въ ряду своихъ ближайшихъ западно-европейскихъ родственниковъ.

Г. Якушкинъ [1]) перепечаталъ въ юбилейномъ году любопытныя свои статьи, „Очеркъ исторіи печатнаго пушкинскаго текста 1814 — 1887 гг." и „Сочиненія Пушкина въ 1887 году".

„Сказка о работникѣ Балдѣ" вызвала одну курьезную статейку [2]), въ которой сообщается съ негодованіемъ о предстоящемъ выходѣ дешевымъ изданіемъ сказки: „*О попѣ* [3]) и его работникѣ Балдѣ" и не менѣе курьезный отвѣтъ на эту статью прот. Ѳоменка [4]).

XII.

Библіографія пушкинской юбилейной литературы.

Юбилейная литература 1899—1900 гг. уже до нашего очерка не разъ подвергалась критическимъ отзывамъ. Изъ нихъ самый обстоятельный принадлежитъ г. W. [5]). Передъ нами живой, интересный очеркъ, сдѣланный человѣкомъ, сужденія котораго всегда исходятъ изъ яснаго и вѣрнаго пониманія Пушкина и хорошаго знакомства съ литературой предмета. Къ сожалѣнію, работа не отличается стройностью, матеріалъ подобранъ случайно и разработанъ не всегда равномѣрно. Встрѣчаются въ работѣ и пропуски, объясняемые, конечно, трудностью, почти невозможностью разсмотрѣть всю безграничную юбилейную литературу, разбросанную по всѣмъ угламъ Россіи и, увы, не собранную пока въ полномъ комплектѣ ни однимъ изъ нашихъ столичныхъ книгохранилищъ. Въ первой главѣ нашей работы мы не разъ ссылались на прекрасную статью г. W., когда говорили о характерѣ пушкинскаго праздника.

Работа г. Лободы [6]) даетъ нѣсколько болѣе стройное обозрѣніе

---

[1]) *В. Е. Якушкинъ*, „О Пушкинѣ", статьи и замѣтки, М. 1899 г.

[2]) „Готовящійся сюрпризъ русскому духовенству ко дню юбилейныхъ торжествъ въ память А. С. Пушкина" (*Церковный Вѣстникъ*, 1899, № 17 и „Ревность не по разуму"—тамъ же).

[3]) У Пушкина сказка носила такое названіе. Жуковскій замѣнилъ слово „попъ"—„купцомъ Остолопомъ".

[4]) Протоіерей *Кл. Ѳоменко*, „Какъ относился къ православному духовенству А. С. Пушкинъ" (Труды Кіевской Дух. Академіи, 1899, № 6).

[5]) *W.* „Итоги пушкинской юбилейной литературы" (*Русская Мысль*, 1900, № 8, 9, 10).

[6]) *А. М. Лобода*, „Очеркъ пушкинской юбилейной литературы". Кіевъ, 1900.

статей о Пушкинѣ, — къ сожалѣнію, въ то же время значительно менѣе полное, что признается и самимъ авторомъ.

Г. Еленинъ [1]) также далъ очеркъ, далеко не исчерпывающій юбилейной литературы, хотя многое интересное въ пушкинской литературѣ отмѣчающій. Тонъ статьи „юмористическій", о чемъ приходится пожалѣть, такъ какъ „юморъ" г. Еленина порою достаточно тяжеловѣсенъ.

Проф. Владиміровъ [2]) въ своемъ любопытномъ очеркѣ захватилъ отчасти и юбилейную литературу, хотя, только начало ея.

Статья г. А. П. [3]) представляетъ очень цѣнную характеристику праздника 1899 г. (см. выше гл. I нашей работы), а также бѣглый очеркъ и списокъ нѣкоторыхъ работъ о Пушкинѣ.

Г. Кульманъ [4]) далъ небольшой перечень работъ, вышедшихъ въ свѣтъ *до* мая 1899 года.

Что касается до работы г. Щеголева [5]), то и она страдаетъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ вышеуказаннымъ „обзорамъ": неполнотой и случайностью подобраннаго матеріала; не всегда вѣрны и устойчивы сужденія автора, у котораго, повидимому, нѣтъ пока еще своихъ прочныхъ взглядовъ на Пушкина.

Печатается еще работа г. Державина [6]); въ первомъ очеркѣ авторъ излагаетъ содержаніе нѣкоторыхъ работъ о Пушкинѣ и высказываетъ свои замѣчанія. Судя по расплывчивости этой статьи, авторъ дастъ намъ, или нѣсколько томовъ о Пушкинѣ, или замолкнетъ очень скоро, удрученный подавляющей массой работъ юбилейной литературы.

Г. Ляцкій [7]) поверхностно скользнулъ по юбилейной литературѣ, и, послѣ ряда общихъ фразъ, въ результатѣ, пришелъ къ самымъ пессимистическимъ, отрицательнымъ выводамъ. Характеръ его сужденій

---

[1]) *Е. Еленинъ*, „Юбилейная литература о Пушкинѣ" (*Историч. Вѣстникъ*, 1899, № 8—9).

[2]) Проф. *П. В. Владиміровъ*, „Отношеніе къ Пушкину русской критики съ 1820 года до столѣтняго юбилея 1899 года" (Памяти Пушкина, Сборн. У-та. св. Влад. Кіевъ. 1899).

[3]) *А. П.*, „Пушкинская литература" (*Вѣстникъ Европы*, 1899, № 7).

[4]) *Н. Кульманъ*, „Указатель пушкинской юбилейной литературы" (Пушкинскій Сборникъ петерб. беллетристовъ, Спб. 1899).

[5]) *Д. Щеголевъ*, „Критико-библіографическій обзоръ пушкинской юбилейной литературы 1899 г." (Пушк. Сб. Моск. У-та).

[6]) *Н. Державинъ*, „А. С. Пушкинъ и юбилейная литература" (библіографическая справка), *Русскій Филологическій Вѣстникъ*. 1900, № 1—4.

[7]) *Евг. Ляцкій*, „Итоги пушкинской годовщины" (*Образованіе*, 1900, № 7—8)

виденъ, хотя бы, изъ развязнаго отзыва объ академическомъ изданіи Пушкина,—для г. Ляцкаго это—„сюрпризъ“ (!!) „отрицательнаго свойства“, „первый блинъ, который вышелъ комомъ“ и пр. пр.

Разбросаны отзывы объ отдѣльныхъ работахъ по Пушкину также въ различныхъ журналахъ [1]).

Очень цѣнна работа проф. Булича [2]), посвященная выясненію значенія Пушкина въ исторіи русской музыки. Въ довольно обширной литературѣ о музыкальномъ выраженіи пушкинскаго генія [3]) работа проф. Булича уже потому занимаетъ почетное мѣсто, что является итогомъ всѣхъ предшествующихъ работъ: поэтому списокъ музыкальныхъ произведеній на пушкинскія темы, конечно, самый полный въ его работѣ. Но, помимо этого, автору удалось блестяще доказать, какую роль въ исторіи русской музыки играетъ Глинка, геній котораго былъ согрѣтъ и освѣщенъ геніемъ Пушкина.

Г. Степовичъ [4]), указавъ на музыкальность пушкинскаго стиха, останавливается на характеристикѣ музыкальныхъ толкованій Пушкина лучшими русскими композиторами. Къ статьѣ г. Степовича приложенъ списокъ музыкальныхъ произведеній на слова Пушкина.

Проф. Срезневскій [5]) въ своей теплой, красиво построенной рѣчи

---

[1]) *Научное Обозрѣніе*, 1899, № 6; *Филолог. Записки* 1899, V; *Русскій Филолог. Вѣстн.*, 1899, № 3—4; *Русскій Вѣстникъ*, 1899, № 6; *Странникъ*, 1899, № 6; *Изв. кн. магаз. т-ва М. О. Вольфъ*, 1899, № 9—10 и др.

[2]) Проф. *С. К. Буличъ*, „Пушкинъ и русская музыка“ (Сб. Спб. У-та Памяти А. С. Пушкина“, Спб.; есть отд. отт.).

[3]) Проф. *Буличъ* приводитъ слѣдующій списокъ: М. Ивановъ, „Пушкинъ въ музыкѣ“. Историко-критическій очеркъ. Спб. 1899; В. Корганов, „А. С. Пушкинъ въ музыкѣ“, Тифлисъ, 1899; Л. Турыгина, „А. С. Пушкинъ въ области музыки“, Спб. 1899; П. Липаевъ, „А. С. Пушкинъ и русская музыка“ („Русская Музыкальная газета“, 1899 г., № 21—2); Н. Финдейзенъ, „Пушкинъ и Глинка“ (тамъ же), А. Степовичъ, „А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи“ (Сб. Кіевск. Пед. О—ва); проф. К. И. Срезневскій, „Пушкинъ и музыка“ (Уч. Зап. Имп. Юр. унив., 1899, № 5, также въ Пушк. Сб. Юр. унив.); проф. Н. Д. Кашкинъ, „Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ русской музыкѣ“ (Сб. „Жизни“). Къ этому списку прибавимъ еще слѣдующія работы: „Каталогъ всѣхъ музыкальныхъ произведеній на слова А. С. Пушкина“, сост. А. Адельгеймомъ (Кіевъ, 1899 и „Къ 100-лѣтнему юбилею со дня рожденія Александра Сергѣевича Пушкина. Пушкинъ въ образцахъ и музыкальныхъ мотивахъ, съ портретомъ и біографіей поэта для школъ и для народа. Составили М. Соколовъ и Л. Гольдманъ“, (Спб. 1899).

[4]) *А. І. Степовичъ*, „А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи“ (Сб. Кіевск. Пед. О—ва).

[5]) Проф. *Б. И. Срезневскій*, „Пушкинъ въ музыкѣ“ (Пушк. Сб. Юр. унив.).

сказалъ нѣсколько словъ о взаимоотношеніи музыки и слова, и отмѣтилъ особенность пушкинскихъ твореній легко поддаваться толкованію путемъ музыкальныхъ звуковъ.

Г. Ге [1]) въ своей статьѣ слишкомъ распространяется о Пушкинѣ вообще, повторяя много неноваго, а иногда неосновательнаго; мало говоря объ исторіи русской живописи и о вліяніи на нее Пушкина, онъ ничего не говоритъ о скульптурѣ, что обѣщано было имъ, судя по заглавію.

О переводахъ стихотвореній Пушкина на малорусскій языкъ говоритъ въ своей работѣ г. Петровъ [2]). Также есть нѣкоторыя данныя, по этому вопросу въ „Кіевской Старинѣ“ (1899, № 5).

Г. Степовичъ въ небольшой замѣткѣ, посвященной библіографическому обзору переводовъ Пушкина у славянъ [3]), приходитъ, въ заключеніе, къ печальному выводу, что Пушкина сравнительно мало знаютъ наши братья-славяне.

Обстоятельно составлено проф. Кулаковскимъ собраніе стихотвореній Пушкина въ славянскихъ переводахъ [4]).

Г. Францевъ [5]) далъ любопытную библіографическую справку касательно переводовъ Пушкина на чешскій языкъ.

Положеніе Пушкина и его твореній въ польской литературѣ выяснено до нѣкоторой степени г. Дѣдовымъ [6]) и г. Лосемъ [7]).

По слухамъ, акад. Ягичъ занялся въ настоящее время огромнымъ трудомъ, который долженъ дать полное понятіе о знакомствѣ славянъ съ Пушкинымъ.

Объ отношеніи заграничной критики къ Пушкину и его юбилею можно составить нѣкоторое представленіе по тѣмъ статьямъ, что указаны нами выше [8]); собственно обзору юбилейной литературы по-

---

[1]) *П. Н. Ге*, „Поэзія А. С. Пушкина и русское пластическое искусство“ (Пушк. Сб. Жизни, 1899 г.).

[2]) *Н. И. Петровъ*, „Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи“ (Пушк. Сб. Кіевск. Пед. общ.).

[3]) *А. І. Степовичъ*, „А. С. Пушкинъ у славянъ“ (Сб. Кіевск. Пед. общ.).

[4]) Проф. *Пл. Кулаковскій*, „Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ. 26-го мая 1799—26-го мая 1899“ (Варшава, 1899).

[5]) *Францевъ В. А.*, „Puškiniana“ (*Русск. Филол. Вѣстн.*, 1900, № 1—2); еще: „Сб. Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.“, т. LXVI, № 4.

[6]) *М. В. Дѣдовъ*, „А. С. Пушкинъ въ польской литературѣ, съ приложеніемъ портретовъ А. С. Пушкина и А. Мицкевича“ (Варшава, 1899 г.).

[7]) *И. Л. Лосъ*, „Пушкинъ въ польской литературѣ“ (*Русско-польскія отношенія*, op. cit. 1899 г.).

[8]) Стр. 17—18 (прим.).

священы обстоятельная статья г. Веневитинова [1]), Lupus'a [2]), Чебышева [3]) и Яворскаго [4]).

Г. Германъ [5]) и г. Лаутенбахъ [6]) дали бѣглые очерки, касающіеся популярности Пушкина у прибалтійскихъ инородцевъ. Оказывается, что лишь въ наши дни началось знакомство ихъ съ корифеемъ русской литературы; сравнительно недавно начались массовые переводы его твореній, переводы эти продолжаются и теперь, много уже переведено, но многое и остается перевести.

Г. Веселовскій [7]) далъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ касательно переводовъ Пушкина на армянскій языкъ.

Общая библіографія переводовъ изъ Пушкина на всѣхъ языкахъ составлена г. Драгановымъ [8]).

Юбилей принесъ и рядъ собраній критическихъ отзывовъ о нашемъ великомъ поэтѣ. Такъ, г. Зелинскій издалъ внушительный томъ: „А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго", оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина" въ 2-хъ частяхъ (М. 1899); Сытинъ издалъ брошюру: „Виссаріонъ

---

[1]) *М. А. Веневитиновъ*, „Нѣмцы о Пушкинѣ въ 1899 г." Спб. 1900 (оттиски изъ *Русской Старины*). Ему же принадлежитъ любопытный этюдъ: „Некрологи Пушкина въ нѣмецкихъ газетахъ 1837 года" (Спб. 1900, оттиски изъ *Русской Старины*).

[2]) *Lupus*, „Einige Worte über A. S. Puschkin, seine deutschen Uebersetzer und deutschen Kritiker" (Leipz. und S.-Petersbourg); его же: „Eugen Onégin. Roman in Versen von A. S. Puschkin. Nebst Puschkins Vorwort und Anmerkungen. Erster Gesang"; также приготовилъ онъ: „Aus A. Puschkins Dichtungen" (отрывокъ изъ „Руслана и Людмилы" и нѣсколько мелкихъ стихотвореній); кромѣ Lupus'a переводчикомъ Пушкина въ 1899 г. былъ г. Hoenika: „Aus Puschkin" (M. 1899)—нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

[3]) *A. Tschébycheff*, „Bulletin russe: I. Bélinski et Puschkine" (T. I, № 4, Oct-Déc. 1899; „*Revue des lettres françaises et étrangères*)".

[4]) *I. Javorskij*, „Puškinovo jubileum v ruski literatuře" („*Slowansky Přechled*", № 1899).

[5]) *А. М. Германъ*, „Пушкинъ въ эстской литературѣ" (Пушк. Сб. Юр. ун.).

[6]) *Я. И. Лаутенбахъ*, „Пушкинъ въ латышской литературѣ". (Тамъ же).

[7]) *Юрій Веселовскій*, „Поэзія А. С. Пушкина въ преддверіяхъ Азіи" (Пушк. Сборн. петербургскихъ литераторовъ).

[8]) *П. Д. Драгановъ*, „Пятидесятиязычный Пушкинъ, т.-е. переводы А. С. Пушкина на 50 языковъ и нарѣчій міра, библіографическій вѣнокъ на памятникъ А. С. Пушкину, сплетенный къ столѣтію его рожденія" (С.-Петербургъ, 1899; оттискъ изъ *Историческаго Вѣстника*).

Григорьевичъ Бѣлинскій объ А. С. Пушкинѣ. сборникъ статей“ (М. 1899). Г. Покровскій собралъ выдержки изъ разныхъ статей о Пушкинѣ и, расположивъ эти статьи въ извѣстной системѣ, издалъ подъ названіемъ: „А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ“ (М. 1901); къ сожалѣнію. подборъ этихъ статей не всегда удаченъ. Жаль, что г. Покровскій мало обратилъ вниманіе на юбилейную литературу 1899 года, — онъ могъ бы почерпнуть оттуда больше любопытнаго.

Стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину, появилось въ печати въ достаточномъ количествѣ, къ сожалѣнію, изъ нихъ очень немногія заслуживаютъ вниманія. Не останавливаемся на ихъ разборѣ, такъ какъ, по слухамъ, готовится къ печати полное собраніе ихъ г. Каллашемъ, который уже выпустилъ въ 1899 одинъ томъ такихъ стихотвореній: В. Каллашъ, „Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній“ (М. 1899). Кромѣ работы г. Каллаша, имѣемъ мы слѣдующія собранія, посвященныя тому же вопросу:

1) „Памяти А. С. Пушкина“, собраніе стихотвореній русскихъ авторовъ, посвященныхъ священной памяти великаго поэта. Составилъ А. А. Соколовъ („Маіоръ Бревновъ“), М. 1889.

2) „Поэты—поэту“, сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ, съ предисловіемъ составилъ Н. Н. Божеряновъ.

3) „Памяти А. С. Пушкина“, сборникъ стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта, по случаю исполнившагося 26-го мая 1899 г. столѣтія со дня его рожденія, составилъ А. В. Колчинъ, С.-Пб. 1900.

4) „Русскіе поэты о Пушкинѣ“, юбилейный сборникъ стихотвореній, составл. М. Н. Араловой, съ портретомъ Пушкина (С.-Пб. 1899).

Изданія сочиненій А. С. Пушкина занимаютъ по числу видный отдѣлъ въ юбилейной литературѣ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о качествѣ этихъ изданій; — бо̀льшею частью, все это дешевка, на плохой бумагѣ, съ текстомъ плохо отпечатаннымъ слѣпыми буквами,—эти изданія не только не даютъ своею внѣшностью того эстетическаго удовлетворенія, при которомъ усилилось бы впечатлѣніе отъ пушкинскаго текста,— но, напротивъ, мѣшаютъ этому впечатлѣнію. Если же какому издателю и приходила мысль приложить „иллю-

страціи",—такъ, взглянувъ на нихъ, всякій только пожалѣетъ А. С. Пушкина и тѣхъ читателей, которымъ эти „иллюстраціи" должны толковать художественные замыслы великаго поэта!

Конечно, первое мѣсто среди изданій занимаетъ *академическое* подъ редакціею акад. Л. Н. Майкова.

Къ сожалѣнію, это изданіе, предназначенное служить на многіе годы образцовымъ, многихъ не удовлетворило [1]). Изъ разборовъ этого изданія создалась даже цѣлая литература, съ мнѣніями которой пришлось иногда считаться покойному редактору, отчего во 2-е изданіе перваго тома внесено нѣсколько, правда, мелкихъ поправокъ.

Изъ другихъ изданій отмѣтимъ:.

1) „Сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина", полное собраніе въ одномъ томѣ; изд. подъ редакціей *П. К. Смирновскаго*, съ портретомъ Пушкина, его біографіей, факсимиле, видомъ памятника и рисунками *М. Михайлова* и *Н. Денисова*. Изд. *А. Я. Панафидина*. Цѣна 1 р. 50 к. М. 1900.

2) „Сочиненія А. С. Пушкина", полное собраніе въ одномъ томѣ со статьей А. Скабичевскаго: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ" (біогр. очеркъ), портретомъ автора, гравированнымъ В. Мате, и 160 иллюстр. 5-е изд. Ц. 1 р. 50 к. 1899. Изд. *Ф. Павленкова*, ред. *А. Скабичевскаго*.

3) „Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина", съ біографіею А. С. Пушкина и статьями о немъ В. Г. Бѣлинскаго. съ портретами и многими иллюстраціями акад. А. А. Лебедева въ 2-хъ томахъ. М. 1899. Изд. *И. Д. Сытина*.

4) „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ". Полное собраніе сочиненій подъ ред. *П. А. Ефремова*, изд. *В. В. Комарова*, въ 7 т., М. 1900. Изд. 6-ое за 7 т. 3 р.

5) „Полное собраніе сочиненій всѣхъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова и Кольцова, этихъ величайшихъ и знаменитѣйшихъ всероссійскихъ 3-хъ творцовъ нашихъ родныхъ поэтовъ". Всѣ три творческо-

---

[1]) Изъ отзывовъ назовемъ статьи *В. Е. Якушкина* (*Русск. Вѣд.* 1899 г.), *П. О. Морозова*, „По поводу академическаго изд. сочиненій Пушкина" (*Вѣстн. Европы*, 1899, № 8), *А. С. Архангельскаго*, „Академическое изданіе соч. Пушкина" (оттискъ изъ *Русск. Филол. Вѣстн.* Варшава 1900), *Б. Никольскаго*, „Академическій Пушкинъ" (оттискъ изъ *Ист. Вѣстн.* Спб. 1899), *В. Брюсова*, „Что даетъ академическое изданіе сочиненій Пушкина" (изъ *Русск. Арх.* М. 1899), *П. Краснова*, „Юношескія произведенія Пушкина" (книжки *Недѣли*, 1899, № 8).

поэтическія сочиненія (!!) собраны и помѣщены въ одномъ большомъ томѣ въ 3-хъ частяхъ. Изд. юбилейное. М. 1899. Изд. *А. М. Земскаго*. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ всѣхъ этихъ изданій самое благопріятное впечатлѣніе производитъ изданіе г. Комарова подъ редакціею П. А. Ефремова: имя редактора—ручательство за прекрасный текстъ, а внѣшній видъ изданія подкупаетъ чистотой и простымъ изяществомъ, что выгодно выдѣляетъ его изъ прочихъ „дешевыхъ" изданій. Самымъ курьезнымъ является, конечно, изданіе г. Земскаго. Неряшливое и грязное на видъ, съ явными потугами на рекламу, оно, сверхъ всего этого, снабжено еще „стихотвореніями самого книгопродавца А. М. Земскаго", „написанными имъ по поводу историческаго событія о скорбно-трагической смерти" Пушкина, а также по поводу историческихъ событій изъ жизни самого г. Земскаго, въ родѣ любви его къ какой-то Полѣ.

Изъ „художественныхъ" изданій сочиненій Пушкина останавливаетъ на себѣ вниманіе: „Бахчисарайскій Фонтанъ", поэма А. С. Пушкина, иллюстрированная В. Я. Суреніанцомъ (М. 1899). Передъ нами рядъ, дѣйствительно, бахчисарайскихъ пейзажей, рядъ снимковъ съ ханскаго дворца, рядъ типовъ, живыхъ и удачно схваченныхъ. Это единственное изданіе, на которомъ отдыхаетъ глазъ, которое, дѣйствительно, „иллюстрируетъ", поясняетъ Пушкина. Къ сожалѣнію, цѣна этого изданія (7 р. 50 к.) дѣлаетъ его не для всѣхъ доступнымъ. Любопытно также изданіе того же „Бахчисарайскаго Фонтана", сдѣланное г. Суворинымъ. Это изданіе тоже одно изъ лучшихъ, но оно имѣетъ болѣе историческій интересъ, такъ какъ воспроизводитъ рядъ иллюстрацій къ поэмѣ Пушкина, иллюстрацій, современныхъ поэту.

„Евгеній Онѣгинъ" вышелъ „художественно-иллюстрированнымъ изданіемъ подъ покровительствомъ (??) 1-го дамскаго художественнаго кружка" (Спб. 1899). Жаль, что свое просвѣщенное „покровительство" дамскій кружокъ оказываетъ изданію, въ которомъ много аляповатыхъ иллюстрацій.

Тотъ же „Евгеній Онѣгинъ" выпущенъ юбилейнымъ приложеніемъ къ журналу „Будильникъ" (М. 1899). Передъ нами снимки декорацій и оперныхъ исполнителей „Евгенія Онѣгина" на сценѣ Московскаго Большого театра. Украшаютъ-ли текстъ Пушкина неестественно-растопыренныя фигуры теноровъ и баритоновъ и декораціонныя деревья, дома́ и пр.,—позволительно сомнѣваться.

Сравнительно сносно изданіе „Капитанской Дочки" (изд. А. И.

Мамонтова. М. 1899, съ портретомъ автора и 8 рис. К. С. Высотскаго), хотя рисунки выполнены недостаточно ясно. „Сказка о царѣ Салтанѣ и сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и прекрасной царевнѣ Лебеди"—изданіе того же А. И. Мамонтова (съ рис. С. В. Малютина. М. 1899. Ц. 25 к.) представляетъ изъ себя нѣчто декадентское на мотивы старой русской живописи. Если бы художникъ не доходилъ до курьезныхъ крайностей, а ближе бы придерживался старой русской живописи, то его иллюстраціи больше бы подошли къ духу и содержанію пушкинской сказки, отъ которой дѣйствительно вѣетъ стариной.

Наконецъ, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ" (Спб. 1899) иллюстрирована какими-то каррикатурами на русскихъ мужиковъ и бабъ, — едва ли это отвѣчаетъ художественнымъ замысламъ поэта!

Перечисленными изданіями ограничивается число изданій для „средней публики", — остальная подавляющая масса изданій посвящена школѣ и народу. Прежде всего передъ нами рядъ „избранныхъ сочиненій Пушкина".

Изъ нихъ лучшее—1) изданія Министерства Финансовъ: „26 мая 1799 — 1899. Избр. сочиненія А. С. Пушкина для юношества" съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ поэта, подъ ред. П. О. Морозова, 2 т. Спб. 1899".

2) Изданіе С.-Петербургской городской думы: „Въ память столѣтія годовщины рожденія великаго русскаго поэта. 26 мая 1799. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ, повѣстей" для оканчивающихъ курсъ учениковъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга 30-го мая 1899 г.; съ портретомъ поэта и иллюстраціями. Сост. В. П. Острогорскій (Спб. 1899).

3) Изданіе Военнаго Министерства: „Русскому солдату на память объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, ред. И. А. Шляпкина (Спб. 1899).

4) „Сочиненія А. С. Пушкина", изданныя для юношества подъ редакціей В. П. Авенаріуса съ біографіей поэта, портретами и снимкомъ съ почерка его, картинками и политипажами въ текстѣ, т. I: Стихотворенія и сказки, т. II: Поэмы и драмат. произведенія, т. III: Проза. За 3 т. ц. 1 р. 50 к. (Изд. А. Д. Ступина).

Кромѣ этихъ изданій, извѣстны намъ слѣдующія, представляющія меньшій интересъ:

1) „Избранныя сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина", съ

біографіей и портретомъ, исполненнымъ художественной фототипіей К. А. Фишера. Школьное изданіе К. Тихомирова. (М. 1899).

2) „Сборникъ избранныхъ произведеній Александра Сергѣевича Пушкина“ для школъ, со статьею о Пушкинѣ и съ примѣчаніями Н. Ѳ. Бунакова (1, 2 и 3-е изд.), изд. ред. журнала „Русскій Начальный Учитель“ (Спб. 1899).

3) „Сочиненія А. С. Пушкина“. Общедоступное изданіе со вступительнымъ очеркомъ о Пушкинѣ Ч. Вѣтринскаго, историко-литературными примѣчаніями и объяснительнымъ словаремъ съ приложеніемъ стихотвореній Лермонтова и Кольцова на смерть Пушкина, портретомъ Пушкина и снимковъ съ картины Наумова: „Дуэль Пушкина“ и Ге: „Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“. С.-Пб. 1899. Цѣна 50 к. Ред. Ч. Вѣтринскаго.

4) А. С. Пушкинъ, „Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ, съ портретомъ поэта и краткимъ очеркомъ его жизни. Подъ редакціей Э. Трапани. Изданіе книжнаго магазина Б. Бошоера“ (Кишиневъ, 1899 г.).

5) „Избранныя сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина“, съ портретомъ и иллюстраціями академика К. Лебедева. Изданіе И. Д. Сытина. М. 1899.

6) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина“ съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. С. Богдановымъ. 26-го мая 1799—26-го 1899, подъ редакціей Калужской пушкинской комиссіи. Изд. Калужскаго губернскаго Пушкинскаго комитета. (Калуга, 1899).

7) „1799 — $\frac{26\text{-го}}{V}$ — 1899. Пушкинскій сборникъ. Собраніе сочиненій А. С. Пушкина“, изданіе юбилейное подъ редакціей Н. Никольскаго. Изданіе книжнаго магазина „Народная Польза“. (С.-Пб. 1899).

8) „Библіотека дѣтскаго чтенія“. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа. 1) Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ. 2) Изъ жизни А. С. Пушкина. 3) Изъ сочиненій Пушкина. Составили Е. и Д. Тихомировы. М. 1899. Изд. 3-е, 4-е, 5-е, 6-ое, 7-е, 8-е, 9-е, 10-е, 11-е и 12-ое. М. 1899. Ц. 10 коп.

9) „Библіотека дѣтскаго чтенія“. „Избранныя сочиненія Александра Сергѣевича Пушкина, съ біографическимъ очеркомъ, двумя портретами, изображеніемъ памятниковъ Пушкину въ Москвѣ и на могилѣ. въ Святогорскомъ монастырѣ. Для дѣтей школьнаго возраста. Младшій возрастъ. Составила Е. Н. Тихомірова. М. 1899. Ц. 25 к. (Изданія 5-е, 6-е, 7-е, 8-е и 9-е).

10) „Для школъ и народа. А. С. Пушкинъ". Избранныя произведенія, съ разсказомъ о его дѣтскихъ и юношескихъ годахъ. Собр. Е. Поселянинъ. 98 рис. Изданіе книгопродавца А. Д. Ступина. М. 1899.

11) „Въ память столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина" (1799—1899). Краткій біографическій очеркъ и избранныя произведенія поэта. Для учащихся младшаго возраста. Издано по распоряженію попечителя Варшавскаго учебнаго округа. (Варшава, 1899).

12) „Въ память столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина" (1799—1899), біографическій очеркъ и избранныя произведенія поэта. Для учениковъ и учениць старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній. Издано по распоряженію попечителя Варшавскаго учебнаго округа. (Варшава, 1899).

13) „Памяти великаго русскаго поэта. А. С. Пушкина". Изданіе Саратовскаго губернскаго земства. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина, съ критико-біографическимъ очеркомъ, портретами и двумя картинами. Саратовъ, 1899.

14) „Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности". Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Жизнеописаніе и сборникъ стихотвореній. Къ столѣтію со дня рожденія (1799—26. Мая—1899). Харьковъ, 1899.

15) „Сочиненія А. С. Пушкина", изданіе для школъ, для сельскихъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, ред. К. Козьмина. Изданіе 3-е. М. 1899, изд. В. В. Думнова (подъ фирмой насл. бр. Салаевыхъ).

16) „Къ столѣтію рожденія великаго, геніальнаго, незабвеннаго русскаго поэта А. С. Пушкина 26-го мая 1799—26-го мая 1899 г.". До пятидесяти его произведеній для читателей школьнаго возраста съ портретомъ А. С. Пушкина въ дѣтскомъ возрастѣ. В. К—а. (Новоузенскъ, 1899).

17) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина". Отъ Московскаго городского общественнаго управленія учащимся въ III отд. городскихъ начальныхъ училищахъ. (М. 1899).

18) „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина" для дѣтей младшаго возраста. Изданіе журн. „Игрушечка". (С.-Пб. 1899).

Изъ отдѣльныхъ сочиненій Пушкина, изданныхъ для школъ и народа, отмѣтимъ копеечныя московскія изданія гг. Ступина, Сытина, и екатеринославское Розенберга Л. М. (6 книгъ отдѣльно и въ одномъ переплетѣ. Екатеринославъ, 1899), „Народной Школы" (подъ ред. В. С.

Соловьева, 5 кн. повѣстей, 2—сказокъ, 5—поэмъ, 1—разныхъ стихотвореній; съ портретами. С.-Пб. 1899; 1 кн.—„Значеніе А. С. Пушкина; и 1 кн.—„Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ" біографическій очеркъ), М. Ѳ Тихомірова (3 кн.: 1) „Гробовщикъ", 2) „Станціонный смотритель", 3) „Всѣ сказки. Владиміръ, 1899), Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній („Чтенія для народной аудиторіи изъ А. С. Пушкина". С.-Пб. 1899. 7 чтеній) и В. В. Комарова (26 книжекъ).

Кромѣ того, „сказки" Пушкина изданы были Московской думой для учащихся въ городскихъ училищахъ:

1) 26-го мая 1790—26-го мая 1899. „Сказки А. С. Пушкина отъ Московскаго городского общественнаго управленія, учащимся въ 1-мъ отдѣленіи городскихъ начальныхъ училищъ" (М. 1899).

2) „Сказка о царѣ Салтанѣ". (Процессія русскихъ сказокъ).

3) „Избранныя сказки" А. С. Пушкина, изд. комитета Харьковскаго общества грамотности. Харьковъ, 1899.

На инородческихъ языкахъ много разъ переводилась „сказка о рыбакѣ и рыбкѣ".

1) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ на пермяцкомъ языкѣ", изданіе священника І. В. Шестакова, Казань, 1899.

2) „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ А. С. Пушкина въ переводѣ на языкъ сартовъ".

3) „Въ память столѣтія годовщины рожденія великаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина сказка о рыбакѣ и рыбкѣ (съ портретомъ автора), въ калмыцкомъ переводѣ А. Поздѣева, орд. проф. С.-Петербургскаго университета". (С.-Пб. 1899).

4) „Балыкши менен балыкъ Кокында. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ" А. С. Пушкина. Для русско-киргизскихъ школъ. (Казань 1899).

Избранныя стихотворенія Пушкина изданы, между прочимъ, Московской думой: „26-го мая 1799 — 26-го мая 1899. Стихотворенія А. С. Пушкина. Отъ Московскаго городскаго общественнаго управленія учащимся въ II отд. городскихъ начальныхъ училищъ" (М. 1899). Кромѣ того, собраніе стихотвореній встрѣчаемъ мы въ изданіи: „Сборникъ избранныхъ стихотвореній и басенъ, употребляемыхъ въ народныхъ школахъ съ краткою біографіею А. С. Пушкина и другихъ образцовыхъ писателей", составилъ А. Русаневичъ (Екатеринославъ, 1899); „Пушкинъ для ребятокъ", сборникъ избранныхъ стихотвореній съ иллюстрац. художника В. Табурина. Составилъ А. Сальниковъ (С.-Пб. 1899); „А. С. Пушкинъ „Мелкія стихотворенія".

(М. 1899); Н. Канивецкій издалъ собр. стихотвореній А. С. Пушкина, касающихся Кавказа: „Кавказъ въ поэзіи А. С. Пушкина“ (Екатеринодаръ, 1899). „Пушкинская памятка 1799—26-го мая—1899 г. (стихи и сказка „о рыбакѣ и рыбкѣ“). На отдѣльныхъ листкахъ безъ обозначенія мѣста изданія напечатаны были: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный“, „Зимняя дорога“, „Памятникъ“, „Пиръ Петра Великаго“ и „Памятникъ“, „Родословная моего героя“ (М. 1899), „Черкесская пѣсня“, „Хоръ дѣвушекъ“ (Евгеній Онѣгинъ). „Хоръ русалокъ“.

Изъ поэмъ и романовъ Пушкина въ отдѣльныхъ изданіяхъ появились:

1) „Братья-разбойники“, поэма А. С. Пушкина (Казань, 1899).

2) „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Талисманъ“, соч. А. С. Пушкина съ переводомъ на татарскій языкъ крымскаго нарѣчія Османа Акчо-Краклы (С.-Пб. 1899).

3) „Евгеній Онѣгинъ“ (полный романъ) б. о. м. и г.

Кромѣ этихъ изданій собственныхъ твореній поэта, отмѣтимъ изданіе ред. *Историческаго Вѣстника*: „Автографы рукописей А. С. Пушкина. Письмо къ А. И. Тургеневу (1823), стихотворенія: „Я помню чудное мгновеніе“ (1825), „Отрывокъ изъ путешествія въ Арзерумъ“ (1829), съ 14 портретами, видами и снимками“. (С.-Пб. 1899); затѣмъ—рядъ альбомовъ, посвященныхъ юбилею. Изъ нихъ, конечно, первое мѣсто занимаютъ альбомы пушкинскихъ выставокъ петербургской—въ зданіи Императорской Академіи Наукъ (ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго) и—московской въ зданіи Историческаго музея. Изданы оба альбома г. Фишеромъ и представляютъ въ высокой степени цѣнную галлерею портретовъ поэта, его близкихъ и современниковъ, имѣвшихъ къ нему отношеніе. Оба альбома взаимно дополняютъ другъ друга. Никакого интереса не представляютъ пушкинскіе альбомы, изданные редакціей „Нивы“ и В. В. Комаровымъ (С.-Пб. 1899). Оба они исполнены неважно и новизной матеріала похвалиться не могутъ.

Заканчивая этимъ свои „итоги пушкинской юбилейной литературы“, не можемъ мы не сказать еще разъ, что главная сила ея—*численность*, ясно показующая, насколько въ какія-нибудь 20 лѣтъ расширился кругъ цѣнителей нашего поэта, насколько прочно укоренилось въ народное сознаніе пониманіе заслугъ великаго поэта. Возьмемъ ли мы оцѣнку его литературной дѣятельности, или его характеристики—мы неизбѣжно должны будемъ признать за всей этой много-

голосной литературой одно—искреннее и порою страстное желаніе сказать „спасибо“ великому поэту! Не только профессора и педагоги, но и художники, доктора, юристы, естественники, — всѣ своими рѣчами доказали, что *великій „поэтъ“* въ сознаніи русскаго народа сдѣлался *великимъ человѣкомъ*, который дорогъ не однимъ жрецамъ поэзіи, но всему народу русскому! Возьмемъ ли мы „изданія“ его произведеній—мы невольно признаемъ въ нихъ демократическій характеръ нашего праздника,—почти все вниманіе издателей устремлено на то, чтобы дать Пушкина—*народу* и *учащимся*,—значитъ, есть въ этомъ спросъ, значитъ, образъ поэта не умираетъ, не гаснетъ въ памяти народной,—а растетъ, просвѣтляется, захватываетъ все глубже и шире всѣ слои русскаго народа!

Нетрудно, глядя на огромную юбилейную литературу 1899 года, въ которой лишь рѣдко сверкаютъ искры таланта и оригинальности, презрительно сказать, что все это „хламъ“, что праздникъ „не удался“—труднѣе всмотрѣться въ эту литературу, подавляющую своей массой, разобраться въ ней, оцѣнить ея истинное значеніе... Если мы своимъ очеркомъ успѣли нашихъ читателей убѣдить, что эта литература, не смотря на ея недочеты, все-таки не „хламъ“, что она сильна, хотя бы, своимъ *числомъ*, сильна *массовымъ* проявленіемъ любви къ нашему поэту, что поэтому *всѣ*, потрудившіеся на нашемъ праздникѣ въ честь Пушкина, заслуживаютъ нашего искренняго „спасиба“ — мы считаемъ свою задачу выполненною!

Думается намъ, 1899 годъ показалъ, что съ славнаго чела спятъ уже „терновый вѣнокъ“, „увитый лаврами“; взамѣнъ его возложенъ другой вѣнецъ, вѣнецъ, сверкающій сіяньемъ золота! Пусть не всѣ листья, попавшія сюда, высокой пробы, нѣкоторыя даже, несомнѣнно, „золота латуннаго“, но они уже не язвятъ славнаго чела,—они всѣ сверкаютъ яркимъ сіяніемъ, всѣ окружаютъ лучезарнымъ ореоломъ дорогой намъ ликъ. Остается пожелать, чтобъ на слѣдующемъ пушкинскомъ праздникѣ поддѣльное золото въ этомъ вѣнкѣ было замѣнено сплошь настоящимъ, чтобы не было ни одного дикаго голоса въ этомъ чудномъ хорѣ въ честь поэта,—хорѣ, который впервые въ 1880 году воспѣлъ его небольшимъ кружкомъ, а въ наши дни уже тысячами голосовъ!...

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ главѣ I (стр. 15). Объ отношеніи простого народа къ Пушкину см. еще г-жи *Алчевской*. „Что читать народу“ (II, 435—79) и мнѣніе г. *Сибирцева* („Памяти гепія“ — *Кумскій*, Кавказскій сборникъ).

Къ той же главѣ (стр. 28) пропущено нами указаніе на торжественное засѣданіе Педагогическаго общества въ Москвѣ (6-го мая): рѣчи И. П. Казанскаго, „Отношенія Пушкина къ Москвѣ“, В. В. Каллаша, „Поэтическая оцѣнка Пушкина современниками“. проф. А. Н. Веселовскаго, „Пушкинъ, какъ романистъ“, Л. Д. Алферова. „Поэзія Пушкина въ русской школѣ“, В. Е. Ермилова, „Поэтъ-пророкъ“.

Къ стр. 33—не указанъ отчетъ Царскосельской гимназіи (2 рѣчи).

Къ стр. 33 не указана программа чествованія Пушкина въ Новгородъ-Сѣверской мужской гимназіи и Бѣлевскомъ духовномъ училищѣ.

Къ стр. 34. Не указана книга г. *Дядькова*, *А. М.* „Пушкинскія празднества въ Воронежской губ.“ („Памятная Книжка“ Воронежской губ. 1900). Не указано „Объявленіе Портъ-Артурскаго комитета по чествованію памяти А. С. Пушкина“ (лекція *В. А. Мустафина*: „Краткій историческій очеркъ общественнаго и литературнаго значенія А. С. Пушкина и отношеніе къ нему русской критики“ (лекція напечатана въ видѣ книжки), описаніе празднествъ пушкинскихъ въ Портъ-Артурѣ).

Къ главѣ II (стр. 42). Не указанъ очеркъ *М. И. Столярова*, „Старый Дерптъ въ жизни и поэзіи А. С. Пушкина“ (Сб. Уч.-Лит. Общества при Императорскомъ Юридическомъ университетѣ).

Къ той же главѣ (стр. 45) не указана статья И. А. Иванова. „О пребываніи А. С. Пушкина въ Тверской губ.“. (Тверь, 1899). См. *Журналъ Засѣданія Тверской Ученой Архивной Комиссіи* 14-го іюня 1899 г.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ:

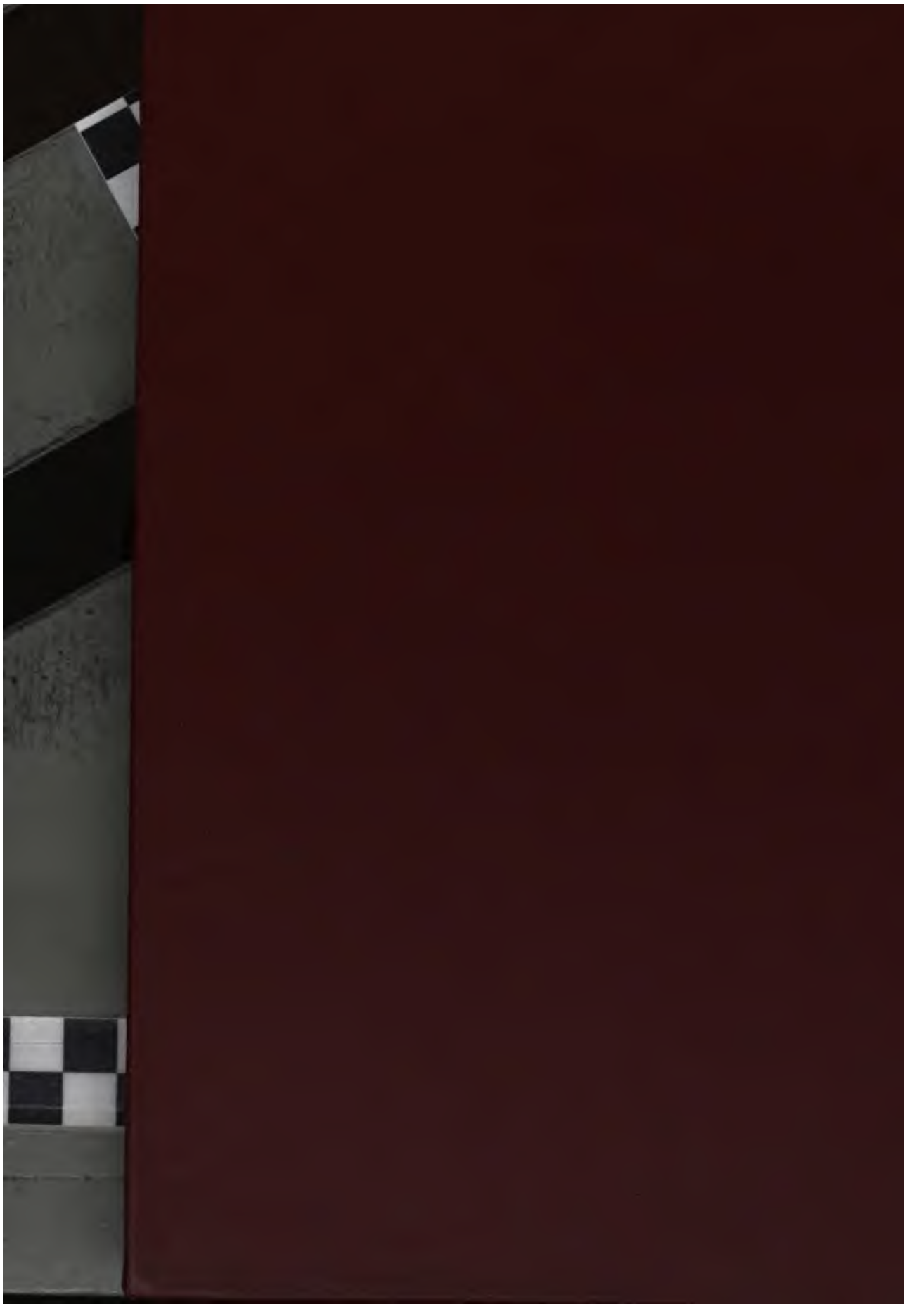
			Напеч.:	*Надо*:
Стр.	97	2 стр. св.	Соловьевой-Несмѣловой	Соловьева-Несмѣлова
„	185	10 „ сн.	Молчановымъ	Молчалинымъ
„	201	6 „ сн.	умѣло	удачно

6086

Z 8718 .S62
Pushkinskaia iubileinaia liter
Stanford University Libraries
3 6105 041 692 877

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
grncirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

JUL 16 2005
JUN 30 2005